

ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ

Николай
Карташов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. Карташов

ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2155

(1955)

Николай Карташов

ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622.78Чуйков3
Ч87

*Автор и издательство выражают благодарность
за помощь в создании книги сотрудникам
Центрального архива Министерства обороны
Российской Федерации, музея-заповедника
«Сталинградская битва», а также
персонально директору муниципального учреждения
«Дом-музей В. И. Чуйкова» В. С. Пономареву
и внуку прославленного маршала Н. В. Чуйкову*

*Издание осуществлено при поддержке Администрации
Волгоградской области*

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-05033-4

© Карташов Н. А., 2023
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2023

Глава 1

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Годы моей юности начались с котомки за спиной. В двенадцать лет я ушел из дому в Питер зарабатывать на кусок хлеба. Прощание с отцовским домом означало для меня расставание с детством. Я вступал в пору самостоятельной трудовой жизни.

В.И. Чуйков

Города и веси, как и люди, имеют свою судьбу. И все в этой судьбе, словно в клубке, плотно переплетено: радости и горести, обретения и потери... Небольшой поселок, прежде село, с красивым названием Серебряные Пруды — не исключение. История этого населенного пункта, расположенного на самом краю Московской области¹, насчитывает несколько веков. На гербе Серебряных Прудов — осетр, серп и бердыш. Они символизируют местную полноводную реку с названием Осётр, сельскохозяйственный район и военное прошлое села, которое известно еще с XVI века.

Как свидетельствуют документы, в 1571 году, когда войско крымского хана Девлет-Гирея разгромило русскую рать под Москвой, а сам город захватчики превратили в пепел, царь Иван Грозный принял решение об укреплении южных границ и реорганизации сторожевой службы. «Для бережения от татарских набегов Московского государства» началось возведение Большой засечной черты от Рязани до Тулы. Она состояла из полос естественных заграждений — рек, лесов, болот, озер и оврагов, которые на опасных направлениях соединялись между собой искусственными сооружениями — лесными завалами, или засеками, рвами,

¹ С середины 1920-х и по 1942 год Серебряные Пруды входили то в состав Тульской губернии/области, то Московской, окончательно они были закреплены за последней уже во время войны — в 1942 году.

частоколами. Этот оборонительный рубеж был «скреплен» служивыми людьми острогами — стенами из больших, вкопанных в землю дубовых бревен, заостренных кверху. По территории нынешнего Серебряно-Прудского района пролегла Почесская и частично Оленковская засеки. Укрепленным засечным пунктом того времени в числе прочих являлись и Серебряные Пруды. Однако в XVII веке границы Московского царства стали постепенно отодвигаться к его южным окраинам и Большую засечную черту, утратившую свое стратегическое значение, сменила Белгородская засечная черта.

В эпоху Ивана Грозного Серебряные Пруды именовали просто Прудами, о чем в писцовой книге города Венева и Веневского уезда Тульской губернии за 1571—1572 годы засвидетельствовано: «Деревня Пруды на Ржавце, а в ней крестьян 3 двора, да 4 двора пустые, пашни в поле доброй земли 25 четьи да дикого поля 15 четьи, леса — дубравы и присадные 5 десятин». Прилагательное «Серебряные» прибавилось гораздо позже.

Существует несколько версий, объясняющих топонимику этого населенного пункта. Одна из них связана с Екатериной II. Краеведы и местные жители рассказывают, что во время своей поездки со светлейшим князем Григорием Потемкиным в Таврию Екатерина II проезжала по здешним местам и обратила внимание на наличие множества водоемов. В свете яркой луны они переливались настоящим серебром. Глядя на эту красоту, императрица радостно воскликнула: «Да ведь они серебряные!» И тут же повелела прибавить к названию «Пруды» слово «Серебряные». По другой версии, в Прудах находился пункт сбора торговых пошлин, которые торговый люд должен был оплачивать серебром, от этого село Пруды и получило эпитет «серебряные».

Но кроме этих, безусловно, интересных легенд, есть документальные источники. В писцовой приправочной книге Рязанского уезда за 1594 год говорится: «За боярином за князем Борисом Конбулатовичем Черкасским, а прежде того было за князем Борисом Серебренным, а после князя Бориса отписано было на государя, село Пруды на реке на Осётре и на речке на Осоту...» Именно на упомянутый документ опираются специалисты, когда возникают вопросы по поводу названия населенного пункта. То есть считают они, от первого вотчинника князя Бориса Васильевича Серебряного и пошло название Серебряные Пруды. И такие

доказательства трудно опровергнуть. Позднее владевших селом род князей Оболенских-Серебряных прославил в своем знаменитом романе «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного» граф Алексей Константинович Толстой.

С той далекой поры Серебряные Пруды ни разу не меняли своего названия. Село, начинавшее жить в XVI веке трудно, дозорно, к концу XIX — началу XX века стало крупным населенным пунктом, в котором проживало чуть более 4 тысяч человек. По числу жителей Серебряные Пруды превышали даже население уездного города Венева. Потомки засечных сторожей, пищальников, желдаков, казаков, пушкарей и прочих служивых людей растили хлеб, занимались плотницким делом, рыболовством, шили обувь... В описании села того периода сказано: «Кроме земледелия, многие занимаются различными ремеслами на сторонах: есть плотники, сапожники, работают на заводах и фабриках». Одновременно Серебряные Пруды были крупным торговым селом, где в основном торговали зерном и скотом. Кроме того, здесь имелись винокуренные заводы, а также железнодорожная станция, через нее в конце XIX века пошли первые поезда.

Само село раскинулось в долине уже названной реки Осётр. Центральная ее часть с прямыми улицами, домами под тесовыми и железными крышами обосновалась на правом берегу. Здесь жил в основном состоятельный слой — купцы, торговцы, мелкие чиновники, прасолы, мастеровые. Тут же, в центре, просторная площадь с магазинами, лавками, торговыми рядами, складами... И, как положено, церковь, куда народ, крестьясь, тянулся по святым праздникам со всей округи.

На левом берегу реки, по крутому косогорью и в низине, находилась другая часть села, прозванная Кайманьевской Вытью. Название это возникло от подати, которую приходилось платить еще в эпоху Ивана Грозного здешним жителям. Левобережная сторона отличалась от правобережной и домами, и достатком населения. Проживали здесь люди крестьянского происхождения скромно и без всяких излишеств. Но не все. Среди двухоконных домов выделялись строения крупные, основательные, что свидетельствовало о крепких, трудолюбивых хозяевах, хотя и из простого сословия.

Именно такой дом — с шестью окнами — был у «силача Ионыча», так звали в селе Ивана Ионовича Чуйкова, отца большого семейства. Прозвище ему дали неслучайно.

Природа одарила его недюжинной силой, широченными плечами и пудовыми кулаками. В молодости, когда парни левобережья и правобережья сходились в кулачных боях стенку на стенку, Чуйков всегда вставал в середину, был вожаком, и никто не мог устоять против его ударов. Наносил он их в «душу» (в голову), либо под «микитки» (под ребра) резко и точно. Вот дословный рассказ Анны Кабановой, родственницы Чуйковых:

«На масленицу кулачные бои, у соседки муж с кулачек притащился, за живот держится — Ванчай, говорит, Ионовский огрел пудовым кулаком своим, надо на печке полежать. А к утру помер. Иван Ионович с одного удара укладывал наповал. С ним старались не выходить напрямую — падали, хватали за валенки, чтобы сковать движения, а лежачего бить нельзя. Так он из этих валенок выпрыгивал и босиком бежал по льду реки Осётр, по мосту — и снова махаться. Страшный в этом отношении человек был».

Под стать своему богатырскому телосложению и дом Иван Ионович поставил немаленький. Как уже сказано, с шестью окнами, крестовый, в котором главными в архитектурном замысле являлись две стены, пересекающие в виде креста. Дом был просторный и теплый, в нем на начало XX века проживали Иван Ионович, его супруга Елизавета Федоровна, в девичестве Карякина, и семеро их разновозрастных детей.

Если говорить о роде Чуйковых, то они испокон веку проживали в Кайманьевской Выти. Сколько поколений их здесь родилось, крестилось, выросло и обрело последний покой на ближайшем погосте — ныне одному Богу известно. В отличие от дворянских семей, где едва ли не в каждой из них до седьмого колена старательно составляли генеалогические древо своего рода, в простом и малограмотном сословии этого никто не делал.

Известно, что Чуйковы всегда были крестьянами, занимались хлебопашеством, плотницким делом... Свое занятие они редко когда меняли, видя свое предназначение исключительно в сельском труде. Продолжал семейную традицию и Иван Ионович, являясь крестьянином со средним достатком. В тот период он трудился по плотницкой части. Что касается его супруги Елизаветы Федоровны, то и она тоже была крестьянских кровей, родом из деревни Широкобоково, трудолюбивая, глубоко верующая женщина. Ее главной обязанностью в те годы было ведение домашнего хозяйства и воспитание детей.

Морозным зимним днем 1900 года, когда стылый ветер по-волчьи завывал над Кайманьевской Вытью и бросал в окна пригоршни колючего снега, семья Чуйковых прибавилась еще на одного человека. В припевы ветра за обледенелыми окнами вплелся крикливый голос младенца — на свет появился будущий маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков.

В метрической книге церкви Николая Чудотворца местный дьяк каллиграфическим почерком старательно вывел: «Января 31¹ 1900 года рожден у крестьянина Ивана сына Иона Чуйкова и жены Елизаветы дочери Федора сын Василий...»

Впоследствии Василий Иванович о своем рождении более подробно написал в автобиографии:

«Родился 12 февраля в семье крестьянина-середняка в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии. Родители: отец Иван Ионович Чуйков; мать Елизавета Федоровна Чуйкова до революции и после до 1932 года — крестьяне-середняки, проживают в селе Серебряные Пруды Серебряно-Прудского района Тульской области. До революции и после были крестьяне-середняки, с 1932 года — колхозники...».

Наш рассказ о прославленном маршале впереди, а пока дополним рассказ о его родителях воспоминаниями их внука Александра Васильевича Чуйкова:

Иван Ионович — вспыльчивый, чистый порох, в гневе доходил до неистовства, но также быстро остывал, успокаивался и зла никогда не помнил. При этом славился огромной физической силой — первый в селе кулачный боец на реке Осётр.

Елизавета Федоровна — другая. Тоже работала от зари до зари. Но характер спокойный и при этом — как камень. Никогда голоса не повышала, а вымолвит слово — кончен разговор. От своего не отступит. Бывало, схлестнется с мужем, тот со второго слова в крик, а она говорит ровно, в глаза глядит — не сторонится. Ионыч орет так, что посуда лопается, а у нее на лице ни одна жилка не дрогнет и голос до шепота падает: «Я сказала — все!». И смирялся Иван Ионович. Руку на жену поднять никогда даже не помышлял — при его-то буйном нраве. Уступал, зная, что жена зря не скажет. [...]

На родине их и поныне называют «лебединая пара» — родились в один год и ушли из жизни с разницей в три ме-

¹ Или 12 февраля по новому стилю.

сяца. Бабушку Елизавету Федоровну все односельчане помнят как непреклонного служителя веры — ведь два храма и приход сохранены только ее усилиями, и это в годы самых тяжких гонений на церковь. Бабушка была мать-героиня: двенадцать человек детей — восемь сыновей и четыре дочери. Это, конечно, по нынешним временам что-то вроде чуда, а раньше таких семей на Руси не так уж и мало было. Но что удивительно — практически все сыновья воевали: в империалистическую, гражданскую, младшие — в Великую Отечественную. Иван Иванович¹ был старше отца на пять лет, имел бронь как директор оборонного завода в Ленинграде, так за него сын Володька² ушел на фронт в 16 лет, закончив летное училище. По тылам никто не сидел, ран у всех хватало, но никто не был убит, не был искалечен. Никто не был репрессирован — это из двенадцати-то человек! А бабушка это так объясняла: «Я вас всех у Бога вымолила!»

В течение многих лет Елизавета Федоровна была старостой Никольского храма, возглавляла в нем приходский совет. В годы гонений на церковь, когда в стране воинствующие безбожники закрывали и рушили храмы, во многом благодаря Елизавете Федоровне церковь в Серебряных Прудах удалось отстоять. Перед войной храм закрыли и в 1930-х годах ограду разобрали. Во время войны здание церкви немцы отвели под конюшню. По свидетельству старожилов, мать будущего маршала ездила в Москву, пробились там на прием к «всесоюзному старосте» М.И. Калинину. После этого храм оставили в покое и богослужения восстановили.

К сказанному остается добавить, что родители Чуйкова прожили трудную, но долгую жизнь. Они умерли в 1958 году: сначала не стало Елизаветы Федоровны, потом Ивана Ионовича. Обоим к тому времени перевалило уже за девяносто...

Детство будущего полководца протекало в домашней обстановке. Первые картины, увиденные им из деревянной люльки, были исключительно бытовые: просторный двор с гуляющими по нему курами и овцами; протяжное мычание коровы; штабеля березовых дров и колония воробьев на них; большая рига с массивными тесовыми воротами, отку-

¹ Иван Иванович Чуйков — брат В.И. Чуйкова, директор завода.

² Владимир Иванович Чуйков (р. 1926) — племянник В.И. Чуйкова, полковник авиации, в августе 1943 г. поступил на военную службу; окончил Яновскую военную школу авиамехаников; участник Великой Отечественной войны. С 1985 г. в отставке.

да струились запахи пшеницы, овса, ржаной соломы... Эти реалистичные полотна дополняли родительские разговоры о семенах, уборке урожая, кормах для скота и громкие голоса его братьев и сестер, их к тому времени в семье было пятеро.

Вообще годы детства Василия мало чем отличались от детства таких же, как он сельских ребят: они рано приобщались к нелегкому крестьянскому труду, быстро выросли. Безусловно, хватало времени на различные забавы и игры, в которых участвовали его братья Петр, Андрей, Иван, Илья, Федор, а также сверстники Егор Минкин, Алексей Губарев, Василий Рыкин...

Василий рос крепким, здоровым, смышленным ребенком. Когда мальчику исполнилось семь лет, родители определили его в церковно-приходскую школу, что находилась неподалеку от дома. В отличниках он не ходил, но учился старательно. Первым наставником мальчика был Н.П. Ефанов. Настоящий народный учитель, щедро сеявший доброе, вечное, вводивший сельских пацанов в мир знаний. Спустя годы Ефанов отзывался о Чуйкове как о пытливом, напористом и добросовестном ученике. В свою очередь маршал никогда не забывал уроки своего учителя. Сохранилась фотография, на которой запечатлена их встреча вскоре после Великой Отечественной войны.

Как уже сказано, крестьянские дети выросли рано. Учеба в школе не являлась для них первостепенным делом. После уроков, как правило, им приходилось заниматься крестьянской работой, которая в деревне не имеет ни конца, ни края. Пришла весна — надо наравне со взрослыми выходить в поле пахать, сеять. Приспело время сенокоса — опять нужно закатывать рукава, брать в руки косу или сгребать в копны сено. Осенью еще больше забот, поскольку урожай требуется собрать в закрома. Зимой вроде можно и отдохнуть, на печи полежать... Однако и в эту пору работы хватает. Тот же снег почистить, дров наколоть, скотину накормить... Всем этим, наравне с родителями и братьями, занимался Василий. Но и школьные уроки старался не пропускать. Как подсолнух тянется к солнцу, так и он стремился к знаниям.

Поэтому не случайно после окончания церковно-приходской школы Василий пошел учиться дальше. В 1912 году в селе открылось высшее начальное училище, туда принимались дети 10—13 лет, окончившие начальную школу. В числе первых учеников этого учебного заведения и стал наш герой.

Уроки начинались с молитвы. Ученики и преподаватели стояли в кротком молчании перед сверкающей позолотой большой иконой Спасителя.

— Преплагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего Святаго, — торжественно звучал в тишине голос ба-тюшки.

После молитвы ученики расходились по классам. Среди предметов, которые Чуйков изучал, основными являлись Закон Божий, русский язык и русская словесность, геометрия, история, география... Были и дополнительные — пение и физические упражнения. В последнем предмете Василий особенно преуспевал.

К моменту окончания училища, а учеба в нем длилась год, Василий заметно подрос и выглядел старше своих лет. Настоящий юноша — коренастый, высокий, с густой шевелюрой черных волос. И разговоры с отцом вел взрослые. По завершению учебы заявил родителю, что решил ехать в Петербург на заработки. Там старшие братья, если что подсобят, поддержат. Отец не стал препятствовать планам сына, сказал только, что если в столице дела не сложатся, то дома его ждут всегда.

«Годы моей юности начались с котомки за спиной, — вспоминал впоследствии Чуйков. — В двенадцать лет я ушел из дому в Питер зарабатывать на кусок хлеба. Прощание с отцовским домом означало для меня расставание с детством. Я вступал в пору самостоятельной трудовой жизни».

Тогда же юноша получил отцовский наказ и пронес его через всю жизнь. Вот это родительское напутствие, которое Чуйков не раз приводил в своих мемуарах и газетных публикациях: «Мал ты, Василий, еще, но потом поймешь. Люди перестали верить друг другу, каждый живет в себе, оттого много бед. А ты постарайся жить по-другому. Не зазнавайся, от беды народной не убегай. Живи по-честному, чтоб не болели глаза, как у некоторых, от потерянной совести. Верь простым людям, и они поймут тебя, поверят тебе, не подведут, не оставят в беде. В них вся сила. За дело народа не жалей себя».

Питер, как испокон веку называют город, возведенный Петром I на берегах Невы, встретил Василия шумом и суетой. Гремящий перестук колес трамваев и конок, с которых на остановках раскатисто рассыпался звон колоколов. Снующие по улицам пролетки, дрожки, кареты, дилижансы... Покрикивание извозчиков. Великое множество разодетого народа на Невском, Литейном... Речь не только родная, русская, но и чужая, иностранная. Несметное количество

магазинов, ресторанов с яркими витринами и вывесками... Столица! И этим все сказано.

Чтобы узнать, как дальше развивались события, обратимся к уникальному документу — стенограмме беседы с В.И. Чуйковым. Она была сделана в январе 1943 года сотрудником Академии наук СССР А.А. Белкиным и нигде раньше не публиковалась. Эта и последующие выдержки будут приводиться в нашем повествовании с сохранением орфографии и стиля. Итак, слово Чуйкову:

Это было в 1912 году. Уехал я в Питер. Там уже были братья. Они все работали. Это были рабочие самого низкого качества — чернорабочие, грузчики, дворники. Я начал в Питере так. Есть там на Бассейной улице Целибеевские бани. Ну, вот, мальчишкой на парадной лестнице я стал работать. Жалованье у меня пять рублей в месяц и харчи. Так существовал около двух лет. Работа с 7 часов утра до 11 вечера.

Дело было перед торжественным днем, перед Пасхой в 1914 году. У нас был управляющий строгий, просто заметил мусор на лестнице парадной, за это решил меня выгнать и все. На коленях умолял его, ведь некуда было идти совершенно. В деревню сунуться нельзя было, потому что семейство было человек 15—16, да еще нахлебник придет. Ну, что же делать-то? Верно, знакомый один нашелся. Он был легковым извозчиком, однофамилец мой — Петр Чуйков.

Он меня устроил. На Невском проспекте были меблированные комнаты «Санремо». Тоже самое — мальчишкой на лестнице, коридорным, как говорят. Черт знает, как получилось: тащил самовар с посудой в номер, видимо, споткнулся и все в дребезги разбил. Уборщица стала ругаться, меня зло взяло, ногой поддал, все полетело, скандал. Так что я не больше трех недель проработал, и меня, раба божьего, опять выставили.

После этого тоже нашлись знакомые, определили меня в гостиницу, так называемый «Московский яр» в Свечном переулке, угол Ямской. Там, как говорится, я насмотрелся всего, кроме хорошего, видел всю пошлость разврата, которая существовала в то время. Откровенно говоря, мне надоело, и крепко надоело работать там, и я решил, во что бы то ни стало уйти, но куда? Физически парень я был взрослый.

Это уже было, если не ошибаюсь, во время войны. Кто в Питере бывал, знает Казанский собор. Против этого собора — торговый дом «Куликовъ и Будаковъ», разносчиков товаров. Проработал я там месяцев шесть, ничего так в общем. А в Питере из нашего села много ребят было. Мы встречались по воскресным дням. «Чего ты служишь, — говорят, — давай на работу». Я думаю: на кой черт действи-

тельно в услужении быть. И опять-таки земляк из наших помог, тоже однофамилец, Иван Чуйков. На Казанской улице была такая шпорная мастерская Савельева. Поступил туда учеником, а через три недели уже сделался мастером, не сложный это процесс. И там я проработал до конца 1916 года...

Трудиться в мастерской именитого мастера медно-бронзового ремесла, поставщика знаменитых на всю Россию шпор с «малиновым звоном» Петра Савельевича Савельева считалось за честь. Предприятие находилось практически в центре столицы на Казанской улице в доме № 14. Тут же располагался и магазин «Офицерские вещи. Магазин шпор и штрипок».

Спрос на эту с первого взгляда мелочь обмундирования всадника был большой. Но и шпор в ассортименте каких только не было — тут тебе и никелевые, и серебряные, и прибивные, и кирасирские, и гусарские, и с репейками, и без репейков, и загнутые кверху, и прямые... Иными словами, бери — не хочу. В.И. Чуйков вспоминал:

Ни одни шпоры в мире, о чем свидетельствовал современник, не могли сравниться с настоящими савельевскими по «благородству» своего звона, а звук шпор в то далекое время был очень красноречив. Так, если вы слышали сзади себя на улице громкое воинственное и вызывающее бряцание, вы, не оглядываясь, могли смело сказать, что за вами идет либо жандарм, либо какая-нибудь штабная крыса из комендантского управления. Если до вас доносился тонкий, задорный, кокетливый или же крикливый перезвон, — вы знали уже, что где-то рядом шествует приехавший в столицу провинциальный ухаре-армеец, гусар-красноштанник. Но если до вашего слуха доносилась мягкая и благородно дзинькающая мелодия, — тонкий, воспитанный гвардейский офицер, искушенный в правилах приличия и хорошего тона, носящий знаменитые савельевские шпоры, приготовленные из какого-то волшебного и, конечно, очень дорогого сплава.

Возвращаясь к годам своей юности, Чуйков вспоминал: «Берешь рогатую, в сиреневой окалине заготовку, напильник с крупной насечкой, вставляешь в губастые тиски... Железо, чугун, сталь. Хочешь совладать с ними — не жалей сил, нажимай вовсю. Вполсилы тут делать нечего — не заработаешь ни копейки».

За смену, длившуюся 10—12 часов, нужно было обработать 3—5 пар шпор. Работа, которую выполнял Василий,

требовала навыков и умения. Но он со своей задачей справлялся. Даже, бывало, обрабатывал до семи пар, что отражалось на его заработке, пусть и небольшом. Но на жизнь, как говорится, хватало.

Между тем Россия уже пребывала в предчувствии бури. Все явственнее, подобно землетрясению, чувствовались глухие подземные толчки революционных событий. Ускоряла их приближение продолжавшаяся уже более двух лет Первая мировая война. Если в августе 1914 года начало Второй Отечественной, как ее стали называть, было встречено народом с огромным энтузиазмом, то к 1917 году патриотическая стихия пошла на спад, всеобщее воодушевление сменилось разочарованием. И на то были веские причины: неудачи на фронтах, тысячи убитых и раненых, перебои с продовольствием... По улицам городов, особенно крупных, бурными волнами катились забастовки, собрания, митинги. Народ, выведенный из терпения тяжелыми условиями жизни, изнурительной кровопролитной войной требовал от царского правительства «хлеба, свободы, мира».

Основные события разворачивались в Петрограде, в их гуще оказался и Василий. Чуть ли не каждый день он видел у Казанского собора несметное скопище народа. Многоголовая толпа, состоявшая из студентов, рабочих, солдат и матросов, бурлила, кипела, негодовала, требовала. Из тысяч людских глоток дружно выплескивались протестующие возгласы: «Долой царя! Долой Романовых! Да здравствует демократическая республика!» Возгласы перемежывались с наскоро сочиненными тут же, в толпе, куплетами:

Не надо нам монархии,
Не надо нам царя.
Бей буржуазию!
Товарищи, ура!

Против манифестантов сплошным частоколом стояла полиция, пытавшаяся остановить этот бурный поток к правительственным учреждениям. Иногда это удавалось, но не всегда.

В других местах Петрограда, в районе Шпалерной улицы и Литейного проспекта, собиравшаяся публика, наоборот, ратовала за то, чтобы возвести на престол сына Николая II Алексея и тем самым сохранить династию, спасти самодержавие. Но сторонники престола были в явном меньшинстве.

В дни Февральской революции и во время отречения императора Николая II Чуйкова в Петрограде из-за болез-

ни не было. А заболел он не на шутку серьезно. Прочитируем его рассказ из названной выше стенограммы:

Была осень 1916 года... Помню, откуда-то возвращался, продрог, промок, заболел. Работал больным месяца два. Потом у меня пошла кровь горлом и носом. Всегда я был физически сильный, но тут что-то со мной случилось, не знаю. Начал просто таять. Вот, конкретно, просыпаюсь ночью, полон рот крови. Отхаркаешься, отплюешься на некоторое время и снова та же картина.

Ходил два раза к доктору. Работать уже не мог. Сестра работала прислужой в Питере. Она написала отцу, как после я узнал, что погибает парень. После этого получил слезное письмо от отца: приезжай... Всю зиму фактически проболел. Февральская революция меня застала в Серебряных Прудах. К весне начал выздоравливать, совсем окреп...

Вскоре Чуйков опять вернулся в столицу. В Петрограде ждали перемен, но они не наступали. За весь период нахождения у власти Временного правительства никаких кардинальных изменений в экономике не произошло. Так, рубль обесценился примерно во столько же раз, во сколько и за предыдущие два с половиной года тяжелой войны. Постоянные перебои в снабжении заводов и фабрик сырьем и материалами провоцировали их закрытия и забастовки. Не смогло справиться правительство и с массовыми самозахватами крестьянами помещичьей земли. Страна оказалась в тупике поражений, голода и анархии.

Вместе с напарниками по шпорной мастерской Василий ходил на митинги, демонстрации, что проходили у Казанского собора. Если еще недавно все единодушно требовали отречения царя, теперь же манифестанты настаивали на отставке Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским.

А после расстрела участников Июльской демонстрации, когда войска Временного правительства применили оружие, в результате чего было много убитых и раненых, Василий окончательно разуверился в правильных действиях новой власти. В Петрограде стало тревожно. По сути, столица находилась на осадном положении. В центре города, на Невском и Литейном проспектах, на Гороховой улице дежурили казачьи разъезды и патрули юнкеров. Днем и ночью были слышны гулкие оружейные выстрелы и трескучие пулеметные очереди. Ходить по некогда спокойным улицам стало опасно. Кроме того, повсюду орудовали преступные элементы и шайки мародеров. Тогда же Чуйков лишился работы. Впоследствии в книге «Закалялась молодость в боях»,

изданной в 1978 году издательством «Молодая гвардия», он напишет: «Наступил сентябрь 1917 года. Спрос на шпоры с “малиновым звоном” прекратился. Мастерская закрылась. Я остался без работы. Рабочий Петроград голодал, цены на продовольствие росли, прилавки магазинов опустели, появились мешочники, спекулянты. Чем все это кончится?»

Окончилось это тем, что Василий, безуспешно помывшись в поисках работы, отправился в Кронштадт. К тому времени в городе-крепости служили на Балтийском флоте два его родных брата — Илья и Петр. Третий брат, Иван, сидел в те дни в тюрьме, ему грозили расстрелом за измену Временному правительству.

Василий знал, что кто-то из двух братьев поможет ему с работой и жильем. Но опередил случай. Когда Василий пришел в казарму к брату Илье, на месте его не оказалось. Тот находился в карауле. Решил подождать, а устал с дороги, лег на его кровать и моментально уснул. Проснулся от толчков в спину. Тут же вскочил с кровати. Перед ним стоял матрос.

— Чуйков, почему ты ушел из караула? — строго спросил он.

— Из какого караула? — растерянно ответил Василий.

И тут до матроса дошло, что он обознался. Незнакомец же представился:

— Я Василий Чуйков, родной брат Ильи.

Разговорились. Матрос назвался членом матросского комитета Кузьминым. В то время матросские (солдатские) комитеты играли большую роль в армии и на флоте. Эти политические организации были созданы в ходе Февральской революции в рамках так называемой «демократизации армии и флота». Временное правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы воинские части под командованием верных присяге командиров и начальников не смогли восстановить законный порядок в Петрограде и вернуть к власти монархию.

Иными словами, нужно было разрушить систему военного управления, разложить армейские ряды. С этой целью в армии и на флоте и был отменен принцип единоначалия, а командование частями, кораблями передали выборным солдатским или матросским комитетам. Любые приказания, распоряжения штабов, командиров должны были в обязательном порядке согласовываться с этими комитетами. Не понравился командир, ответ простой:

— Незаменимых нет. Без тебя обойдемся!

А бывало и по-другому:

— Пошел вон отсюда! В расход его!

Последствия такой «демократизации» оказались трагичными. Только Балтийский флот к 15 марта потерял 120 офицеров, из которых 76 было убито. В Кронштадте, кроме того, было убито 12 офицеров из сухопутных частей. А первой жертвой, как свидетельствуют документы, стал старший офицер линкора «Андрей Первозванный» Г.А. Бубнов, отказавшийся менять Андреевский флаг на революционный красный.

Так что матрос Кузьмин оказался не рядовым матросом, а матросом с немалыми полномочиями. Узнав, что Василий остался без работы, Кузьмин пообещал помочь ему с трудоустройством. И слово свое сдержал. Он предложил Чуйкову остаться в Кронштадте, в учебно-минном отряде. Василий дал согласие. Уже через несколько дней его зачислили в отряд, поставили на довольствие, он получил флотскую форму.

Что касается должности, на которую был назначен Чуйков, то в большинстве публикаций она называется не совсем точно. Одни биографы считают, что Василий был юнгой, другие называют его минером. Между тем в послужном списке личного дела Чуйкова записано: «Доброволец». На этой должности он числился в период с ноября 1917 года по апрель 1918 года. Вполне вероятно, что старшие по возрасту матросы его называли юнгой. Отсюда и пошла кочевать из публикации в публикацию должность Чуйкова. В учебном отряде Чуйков действительно осваивал специальность минера. Правда, на минера он не успел выучиться, поскольку в то время не было учебы. Новая революция, теперь уже Октябрьская, которую Василий, как и его братья, принял всем сердцем, нуждалась в защите.

В ноябре и декабре 1917 года Чуйков неоднократно выезжал с различными поручениями матросского комитета в Петроград. А в январе 1918 года его вместе с братом Ильей отправили на охрану поездов, следующих по маршруту Москва — Саратов. Из этого поволжского города отправлялся хлеб для Центральной России. Практически весь январь и февраль Василий провел на колесах, охраняя вагоны с хлебом.

В один из февральских дней Василий с братом получили тревожное письмо от отца. Родитель писал: «Мироеды, бывшие чиновники, купчишки смущают народ против Советов. Мне мстят за вас. Намедни подожгли ригу. Она сгорела. Семья 15 душ осталась без хлеба. Нужна ваша подмога».

Илья в тот же день взял отпуск. Вместе с ним в Серебряные Пруды поехал и Василий. Встреча с отцом на всю жизнь отложилась в его памяти:

Мы вошли в дом вечером. Отец сидел за столом угрюмый и озабоченный: как прокормить такую ораву едоков, сидящих на скамейках от угла до угла? До нови, до обмолота первого урожая озимой еще далеко.

На той же неделе приехали еще два моих старших брата — Петр и Андрей. Оба женатые, жены и дети кормились у отца. Сообща через комитет бедноты раздобыли несколько мешков семенного зерна. Появился хлеб. Кроме того, в имении графа Шереметева, уехавшего за границу, достали корм для скота.

Когда семейные дела немного уладились, братья разъехались по своим частям. Василий, не числившийся на постоянной службе, временно остался дома. Но лишь на месяц. Уже в апреле 1918 года он был зачислен курсантом на 1-е Московские советские военно-инструкторские курсы Красной армии.

Вновь обратимся к стенограмме беседы с Чуйковым:

Поскольку я был в Прудах, вся молодежь — около меня. Думали, гадали, но недолго. В это время вышел декрет о формировании Красной армии. Собрались. Куда? А поедem в армию. Поехали тогда из Прудов я, Рыкин Василий, Губарев Алексей и Минкин Егор. Приезжаем в Москву. Куда идти — не знаем. Первого попавшегося в шинели спрашиваем, где тут воинская часть. Но попали на хорошего.

— А вы, — спрашивает, — что хотите?

— Хотим устроиться в Красную армию, — говорим.

— Есть у вас справки?

Мы поехали, взяли от своего сельсовета соответствующие справки, что мы политически благонадежны. Он нам рекомендовал тогда пойти в Лефортово.

— Там, — сказал, — организуются как будто курсы красных командиров. Возможно, вас примут.

Комиссаром курсов был Сегаль, как сейчас помню. Закатились туда со своими сундучками, если не служить, то учиться. Он поговорил с нами, и нас тут же зачислили...

Так крестьянский сын сделал свой первый шаг к маршальскому жезлу, который, как известно, лежит в ранце каждого солдата.

Глава 2

ВЫБОР ПУТИ

Если потребуется, останусь человеком с ружьем на всю жизнь — это самая важная должность на земле — защищать трудовой народ. И это мое призвание.

В.И. Чуйков

1-е Московские советские военно-инструкторские курсы Красной армии, курсантом которых стал Чуйков, располагались в Лефортово, в здании бывшего Алексеевского военного училища. Основанное в 1864 году как Московское пехотное юнкерское училище, оно на протяжении полувека готовило юношей к армейской службе. В Российской империи это учебное заведение являлось третьим по престижности после Павловского и Александровского. Теперь по мраморным лестницам, паркетным полам и строевому плацу упраздненного училища вышагивали в новеньком, с иголки обмундировании будущие красные командиры, среди которых выделялся своим высоким ростом и крепким телосложением курсант Василий Чуйков.

Примечательно, что в стенах Алексеевского училища постигали военную науку офицеры, позже занявшие высшие посты как Красной (Б.М. Шапошников, А.Е. Снесарев, М.Д. Бонч-Бруевич, А.М. Василевский), так и в Белой армиях (М.В. Алексеев, Н.Л. Савельев, А.П. Греков, В.Г. Ласточкин, Н.М. Тихменев)... С одними из них Чуйкову доведется служить бок о бок, против других воевать.

Срок обучения на Московских военно-инструкторских курсах, как и в других аналогичных, согласно приказу наркома по военным делам № 104 от 28 января 1918 года, составлял семь месяцев, из которых четыре отводилось на подготовительный курс и три на военный. Программа

обучения была насыщенной. Главная задача курсов заключалась в том, чтобы в короткие сроки подготовить командиров-единоначальников, хорошо знающих военное дело, преданных советской власти, умеющих научить и повести за собой подчиненных. Утро начиналось с неизменной в армии команды дневального:

— Рота, подъем!

А дальше построение, зарядка, умывание и снова в строй. Без строя — ни шагу. В столовую, в учебные классы, на плац, на стрельбище, в поле... Тактика, огневая подготовка, ружейные приемы, политическая подготовка, штыковой бой — все эти предметы приходилось осваивать с полным напряжением.

— Курсант — не солдат. Хочешь стать настоящим командиром — учись, закаляйся, готовь себя к суровым испытаниям, — звучало не раз из уст преподавателей курсов.

Преподавательский корпус состоял в основном из бывших царских офицеров. Это были опытные, знающие свое дело специалисты. Многие из них прошли русско-японскую войну, Первую мировую. В своей книге «Закалялась молодость в боях» Чуйков пишет о днях учебы:

Обучали нас бывшие офицеры царской армии. Учили, надо сказать прилежно.

— Коли штыком! Бей прикладом! Не так. Выпад. Укол! Отбой! Вперед, назад! Прикройся!

Так раз десять-пятнадцать подряд, да еще с перебежками, пока хватает сил держаться на ногах. Вероятно, нам давали чрезмерную перегрузку, муштровали с перебором, может быть, даже намереваясь отбить охоту стать командирами. Но меня это ничуть не угнетало. Наоборот, я хотел, чтобы из меня выжимали все, что есть во мне, и тем самым дали возможность проверить себя до конца — получится ли из меня краском? Ведь предстояли схватки с опытными, вышколенными офицерами и солдатами белой гвардии, с интервентами. Идти в бой без подготовки, без веры в свои силы — значит погибнуть...

Первым памятным для Василия на курсах событием стало принятие им торжественного обещания воина Красной армии. Выражаясь современной лексикой, военной присяги. В различные периоды истории воинская клятва называлась по-разному, но суть ее оставалась и остается одна — обещание защищать родное Отечество, ее народ, не щадя своих сил и самой жизни. У только что созданной

Рабоче-крестьянской Красной армии эта клятва называлась Формулой торжественного обещания. Она была утверждена в апреле 1918 года Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) молодой Советской республики.

Как и подобает в таких случаях, принятие клятвы проходило в праздничной обстановке. В строгих шеренгах застыли будущие командиры. Блестели на солнце штыки, развевались на ветру красные флаги, гремела медь оркестра... Один за другим курсанты выходили из строя, шли к центру плаца и произносили лаконичные слова торжественного обещания.

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и крестьянской армии, — громко чеканил слова Чуйков. — Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения... Я обязуюсь по первому зову Рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской республики.... Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

После месяца учебы Василий принял участие в первом майском военном параде. Это был первый парад частей молодой армии Советов. По Красной площади тогда еще ходили трамваи, их украсили хвойными ветками и красными лентами. Из досок сколотили несколько высоких трибун, поставили грузовики, обтянутые кумачом, — для выступающих. Не было ни микрофонов, ни рупоров, поэтому речи ораторов могли слышать только те, кто находился рядом с трибунами.

Ровно в 11 часов над кремлевскими сводами ярким шаром взвилась сигнальная ракета и по Красной площади начали движение праздничные колонны. Впереди шли войска. Тысячи ног били по брусчатке мерно и четко. В составе сводной колонны Московских военно-инструкторских курсов чеканил шаг Чуйков. Громыхали тачанки. Цокали копыта лошадей, тащившие пушки еще с двуглавыми орлами.

С Красной площади войска направились на Ходынское поле, где проходил военный парад. «На Ходынском поле вся Москва, — писала одна из газет. — Сбежались друзья

и враги. Рабочие кепки пришли смотреть свою защиту, шляпы и котелки — хихикать и злорадствовать. Уцелевшие дипломаты с биноклями через плечо испытуют окружающее: полугодовалое правительство демонстрирует свою армию — забавно!»

На параде Василий впервые увидел руководителя страны Советов — председателя Совета народных комиссаров Владимира Ленина. Он произнес речь, обходил войска, поздравлял красноармейцев, курсантов, командиров с праздником. А спустя два месяца Чуйков встретился с Лениным вновь. Эта встреча на всю жизнь отложилась в его памяти, в своих мемуарах он описал ее в мельчайших подробностях:

2 июля нас срочно вернули с полевых занятий, приказали привести в порядок обмундирование — и в манеж. Там была наша столовая. Когда мы пришли туда, то увидели вместо столов трибуну и полный ряд мобилизованных рабочих и красногвардейцев-добровольцев — тысячи полторы. Все чего-то напряженно ждали.

Внезапно дверь манежа открылась, и к трибуне быстрыми шагами прошел человек среднего роста. И сразу же оттуда, от трибуны покатилась волна дружных аплодисментов. Как бы ударившись о каменные стены, она с еще большей мощью ринулась обратно, и теперь уже со всех сторон зала полетели восторженные возгласы: «Ленин! Ленин!» Они слились в единый, все нарастающий гул.

— Да здравствует товарищ Ленин!

Владимир Ильич быстро взошел на трибуну. Поднял руку, прося тишины. Мне показалось, что он очень торопится, спешит, ему некогда и недосуг пережидать этот шум. Все притихли.

— Товарищи...

Слово прозвучало с такой доверительностью, что казалось, это не начало речи великого вождя, а продолжение лишь прерванной беседы: заботы и думы вслух среди верных, старых друзей. Да, в этом зале были его верные и преданные друзья. И вероятно, в том было его величие, что вот так, одним жестом, одним словом приближал к себе людей и начинал беседу на равных. Он поднимал слушателей до уровня осознания высокой ответственности за судьбы народов Советской страны...

Как я слушал Ленина, что делалось со мной, едва ли можно передать словами. После некоторой политической подготовки на курсах я уже по-другому, более доходчиво воспринимал его слова. Скажу только, что я был весь внимание, весь зрение, никого, кроме Ильича, не видел. Его слова звучали в моих ушах как набатный колокол, зовущий

на подвиг, на самоотверженное дело. От возбуждения стало тесно в груди,хватило дыхание.

Ленин призвал нас, красноармейцев, упорно учиться военному делу, чтобы умело защищать Родину, трудящихся. Защищать от бешеного натиска интервентов и белогвардейцев. Надо быть бдительным, говорил Ильич, ибо мы окружены врагами извне и изнутри...

Под гром аплодисментов и крики «ура!» он быстро сошел с трибуны и зашагал к дверям. Там, на секунду остановившись, повернулся к нам лицом, улыбнулся и помахал рукой.

Курсанты долго не расходились из манежа, взвешивали каждое слово Ильича. Помню, я тогда твердо решил: если потребуется, останусь «человеком с ружьем» на всю жизнь. Это самая важная должность на земле: защищать трудовой народ.

В России после распада Советского Союза мнения о личности Ленина разделились. Одни считают, что Ленин и его соратники, являясь «наймитами» германской разведки, разрушили русскую государственность, свергли самодержавие, убили царя и его семью, развязали кровавую Гражданскую войну, утопили страну в крови, чтобы только удержаться у власти. И после победы установили тоталитарный режим и создали «империю зла» — СССР.

Другая часть общества, которая родилась, жила, училась и трудилась во времена Советского Союза, наоборот, придерживается противоположной точки зрения. Ленин и его соратники для этих людей — создатели социального и мощного государства. Именно они спасли Россию, восстановили ее и ответили на главные вопросы: мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам, нациям — право на самоопределение. Уже первые декреты Советской власти убедили народ в том, за кем ему надо идти. «Декрет о земле» утверждал ликвидацию помещичьего землевладения, национализацию земли... «Декрет о мире» содержал предложение о заключении мира без аннексий и контрибуций... «Декрет о восьмичасовом рабочем дне» устанавливал важнейшую норму в трудовом законодательстве... «Декларация прав народов России» провозглашала равенство и суверенитет народов страны... «Декрет об уничтожении сословий, гражданских, придворных и военных чинов» устанавливал принцип социального равенства... При советской власти граждане получили право на получение бесплатного жилья, образования, медицинско-

го обеспечения... Крестьяне и рабочие становились министрами, маршалами, учителями, врачами...

Из воспоминаний Чуйкова видно, что Ленин для него стал символом строителя новой жизни. Как, впрочем, для большинства рабочих и крестьян, части казачества и офицерства. Идеи добра, справедливости, равенства они приняли всем сердцем. Забегая вперед, спросим читателя: разве тот же Василий Чуйков, человек крестьянских кровей, мог в прежние времена дослужиться до высокого звания? Ответим: в лучшем случае до какого-нибудь унтер-офицера... Тогда как при Советской власти он удостоился звания маршала — главного воинского отличия в стране.

Вот как сам Чуйков ответил на заданный выше вопрос: «Никогда не думал быть профессиональным военным. И если бы был призван в царскую армию, мой высший потолок по званию был бы солдат или матрос, как у моих четырех старших братьев. Но в начале 1918 года я по призыву партии Ленина добровольцем пошел в Красную армию на защиту своего родного Отечества рабочих и крестьян».

Биография Чуйкова, как кто-то справедливо заметил, это история одного из тех людей-самородков, которыми так богат русский народ и которым только Советская власть дала по-настоящему проявить свои недюжинные силы. Маршалами и генералами армии стали другие представители крестьянского сословия — Г.К. Жуков, Р.Я. Малиновский, И.С. Конев, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин, Л.А. Говоров, К.А. Мерецков, П.А. Ротмистров, Н.Ф. Ватутин, С.М. Штеменко... С именем Ленина и верой в светлое будущее взяли они оружие и пошли защищать завоевания нового строя:

Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И как один умрём
В борьбе за это.

Однако вернемся к курсантским будням нашего героя. Они были напряженными. Учеба занимала все время без остатка. На курсах все было интересно, значимо. В основном все занятия проходили в летних лагерях в районе Серебряного Бора. Будущим краскомам очень часто приходилось откладывать в сторону учебники и брать в руки оружие. В один из дней, а точнее 7 июля, курсантов подняли по тревоге и выдали по 60 боевых патронов. На построении комиссар курсов Масленников объявил, что в

Москве левые эсеры совершили контрреволюционный мятеж. Они захватили телеграф, телефонную станцию, другие важнейшие объекты города. Кроме того, убит германский посол граф Вильгельм фон Мирбах, мятежники арестовали часть членов Советского правительства, в том числе председателя ВЧК Феликса Дзержинского. Штаб левых эсеров на тот момент находился в Трехсвятительском переулке, в доме Саввы Морозова. Перед курсантами была поставлена задача во взаимодействии с латышскими стрелками взять штаб и подавить мятеж.

Без промедления отряд курсантов выдвинулся в сторону Москвы. Василий находился в составе первого взвода. Взводу была придана трехдюймовая пушка. Вскоре будущие командиры были на месте. По команде взводного они, прижимаясь к стенам домов, начали короткими перебежками продвигаться по переулку. Неожиданно из его глубины хлестко ударил пулемет. Веер пуль зацепил стены домов, с которых посыпались куски штукатурки. Один из товарищей Чуйкова упал сраженный очередью. Остальные сослуживцы быстро залегли, заклацали затворами, начали стрелять из винтовок.

В это время оглушительно ухнула приданная взводу пушка. Артиллеристы произвели несколько прицельных выстрелов, пулемет захлебнулся. Курсанты устремились вперед. Василий старался не отставать от товарищей. Пальба, взрывы, отрывистые слова ругательств. Со смежных улиц и переулков также продвигались наступающие. Когда курсанты взвода непосредственно подошли к зданию штаба, стрельба прекратилась. Из окон бывшего морозовского особняка всюду валил густой дым. Все стекла в нем были выбиты. Из подъезда гуськом выходили с поднятыми руками участники мятежа. Все они были арестованы.

Это был первый бой в жизни Чуйкова. Сколько их будет в дальнейшем! Но первый бой он и есть первый. Поэтому в памяти остается на всю оставшуюся жизнь. Как шрам на теле. Часто случается, что первый бой оказывается для человека и последним. Для сослуживца Василия он таковым и стал. Был человек — раз, и нет его на белом свете. Когда погибшего хоронили на Всесвятском кладбище, Чуйков как будто заново пережил напряжение того момента, когда под пулеметным огнем шел в атаку. Побывав в реальном бою, он еще больше повзрослел, учеба приобрела для него совершенно иной смысл. И понятно какой. Чтобы остаться живым, надо учиться умению воевать.

В ночь на 31 августа казарму в очередной раз разбудила команда дневального:

— Рота, в ружье!

В считанные минуты курсанты, разобрав в пирамиде винтовки, уже стояли в строю. Взвод, в котором служил Чуйков, распределили по группам. Василия и еще семь курсантов посадили в автомобиль. Старшими в группе были два сотрудника ЧК. Один из них сел рядом с шофером, а второй в кузове с курсантами. Чуйков и его товарищи терялись в догадках: куда они едут в середине ночи и какая задача им будет поставлена? Когда грузовик отъехал от здания курсов, чекист сказал:

— Сегодня было совершено покушение на товарища Ленина. Он остался жив. Сейчас мы едем на явочную квартиру тех, кто причастен к этому преступлению. Наша задача их арестовать.

Проехав по темным и пустынным улицам Москвы, автомобиль продолжил путь по одной из загородных грунтовых дорог. Вскоре он остановился на окраине дачного поселка. Дальше группа, чтобы себя не обнаружить, пошла пешком. Кругом темень, хоть глаз выколи. Осторожно, стараясь не шуметь, подошли к одному из заборов, за которым едва просматривались очертания крыши высокого дома. Расставив курсантов вокруг дачи, чекисты и еще двое курсантов, перелезли через забор и направились к дому. Чуйков стоял за углом забора. Томительно тянулись минуты. В окнах дома зажегся свет, и тут же прогремело несколько выстрелов. Донесся звон разбитых стекол. Через какие-то секунды над забором возник силуэт человека.

— Стой! Стрелять буду! — властно скомандовал Чуйков.

Однако незнакомец никак не отреагировал на его требование, ловко преодолел препятствие. В эти же мгновения Василий выстрелил. В ответ — ни стоны, ни шороха... Громкий выстрел заглушил все звуки. Повисла тишина. «Неужели ушел? — терзался в догадках Чуйков. Но винтовку вновь держал на боевом взводе.

Прошло еще несколько томительных минут. Из-за забора слышались знакомые голоса. Возвращались свои. Кто-то держал в руках карманный фонарь.

— Кто стрелял? — спросил у Чуйкова один из чекистов.

— Я, — ответил Василий.

— Ушел?

— Не могу сказать. Надо проверить.

Пройдя с чекистом вперед несколько метров, они увидели на земле лежащий труп.

— Молодец, не промазал! — похвалил Чуйкова чекист.

Через некоторое время подошла машина, в нее погрузили убитого, а также посадили туда двух арестованных. Их отправили на Лубянку, где находилась ВЧК. Так завершилась эта ночная поездка.

А для Чуйкова вновь продолжились напряженные учебные будни. Формы и методы обучения завтрашних красных командиров были различны: и лекции с конкретными примерами по определенным статьям Боевого устава, и решение тактических задач в ящике с песком, но ключевым звеном оставались практические занятия в поле. Именно там, на суглинистых подмосковных полях, изрытых окопами, траншеями, щелями и стрелковыми ячейками, Чуйков с однокашниками постигал науку наступать и обороняться, ориентироваться на местности, привязываться к ней... Как это ему потом пригодится в реальных боях!

Серьезное внимание уделялось на курсах изучению оружия и отработке навыков стрельбы. Василий, как и большинство его товарищей, с завязанными глазами разбирал и собирал револьвер, винтовку, станковый пулемет «максим», причем укладывался в минимальные по времени сроки. Что касается стрельбы, то Чуйков стрелял отменно из всех видов оружия. Лишнее подтверждение тому — описанный выше его ночной выезд с чекистами, когда он уложил с первого выстрела врага советской власти.

Как и в любой военной школе, на курсах много времени отводилось строевой подготовке. Умение держаться в строю и вне строя, подтянутость и молодцеватость, аккуратность в обмундировании от курсантов требовались безукоризненные. К этим элементам внешнего вида добавлялось их умение в составе взвода или роты исполнять строевую песню.

Свои хоровые таланты Чуйков с сослуживцами нередко демонстрировали москвичам. Обычно это происходило по воскресеньям. Курсанты выходили в увольнение с оркестром. Под «Марсельезу» и «Интернационал» шли из Лефортово по Садовому кольцу, Мясницкой и Тверской улицам. Пройти двадцать километров с винтовками за плечами было не так-то легко, учитывая скудный курсантский паек. Но маршировали будущие краскомы первостатейно и обязательно с песнями. Эти выходы в город преследовали еще одну цель — показать жителям, друзьям и недругам, что у

правительства Ленина есть преданные части, которые в любой момент могут дать достойный отпор любым проискам врагов советской власти.

Между тем в стране становилось все тревожнее и тревожнее. В разных ее уголках — от украинских степей до сибирских лесов — уже повсюду начали полыхать костры Гражданской войны. Кровавое зарево, подобно поднявшейся опаре из квашни, расплзалось с невероятной скоростью. Брат пошел против брата. Сын против отца. Офицеры и солдаты, еще недавно сидевшие рядом в окопах Первой мировой войны и делившие поровну армейский паек, теперь смотрели друг на друга в прорези прицелов трехлинейек. Пулеметы строчили пулями строчки смерти. Тысячи людей летели в братоубийственный котел войны, как поленья в печку. Человеческая кровь лилась полноводной рекой.

В августе на курсы поступил приказ: «Срочно направить курсантов в распоряжение товарища Подвойского на Южный фронт против белых войск...» В тот период войска Южного фронта, которым командовал бывший царский генерал П.П. Сытин, вели тяжелые бои с Донской армией генерала П.Н. Краснова, сдерживая противника на огромном пространстве от Брянска до Кизляра.

Через несколько суток эшелон курсантов Московских военно-инструкторских курсов прибыл в небольшой городок Балашов. Штаб члена Высшего военного совета и председателя Всероссийской коллегии по организации Красной армии Н.И. Подвойского находился в вагоне на одном из запасных путей.

Подвойский сразу же начал прием прибывших курсантов. Он принимал группами — человек по десять. Вскоре Чуйков и такие же, как он, без пяти минут командиры, уже были в его вагоне. Подвойский был одет в солдатскую гимнастерку. Усы и короткая бородка делали этого 38-летнего человека немного старше своих лет. А в умном, пронизательном взгляде читалась строгость и одновременно виделись открытость, доступность и доброжелательность. Подвойский поздоровался с каждым за руку и сразу же поставил задачу — отправиться на укомплектование частей 1-й Особой украинской бригады Р.Ф. Сиверса.

— В бригаде Сиверса, — сказал он, — еще существует выборное начало. Командиров не назначают приказом вышестоящих штабов, а выбирают сами солдаты. Вы прибыли на командирские должности, однако рекомендую входить в свою роль с учетом этого обстоятельства.

О выборности командиров сказал и Сиверс, когда Чуйков и его товарищи прибыли в его бригаду.

— Сам я сторонник единоначалия, но выборность командиров сильно укоренилась в войсках, — с озабоченностью говорил комбриг. — Переломить настроение людей не так-то просто. Предложить самостоятельные должности пока не могу. Поэтому советую пойти помощниками или заместителями командиров. Ближе познакомьтесь с подчиненными, покажите себя в бою, там видно будет...

В тот же день Чуйков был назначен помощником командира стрелковой роты в один из полков бригады. За ним закрепили коновода, пару лошадей, выдали шашку. Василий с детства умел держаться в седле — отец научил. Да и клинком на курсах неплохо овладел.

Костяк бригады Сиверса, бывшего прапорщика царской армии, составляли рабочие и крестьяне. Но особо выделялись в нем своей стойкостью и отвагой донецкие шахтеры. Все они получили боевую закалку в борьбе с немецкими оккупантами и казачьими частями генерала А.М. Каледина. В составе бригады также было немало солдат, прошедших окопы Первой мировой войны, а также жители Балашова и его окрестностей.

Как проявил себя Чуйков в первой своей командирской должности — читаем в его воспоминаниях:

Прибыв в подразделение, которое обороняло село Новый Родничок, я сразу почувствовал, что красноармейцы смотрят на меня с нескрываемым недоверием. Обстрелянные еще в империалистическую войну, они прошли большую школу боев с белогвардейцами, а тут перед ними безусый юнец, и туда же — явился на командирскую должность. Они видели во мне человека, чем-то похожего на бывших офицеров. Посыпались соответствующие вопросы:

— Давно ли получил офицерские ремни?

— Зачем прилепил на грудь инструкторский значок?

— Почему наган в кобуре, а не за поясом?

Оправдываться перед солдатами было бесполезно. Я смолчал.

Бригада занимала широкий фронт, но обороняла отдельные села, не имея сплошного переднего края. Непосредственного соприкосновения с противником не было. Белогвардейцы, особенно казаки, совершали налеты — чаще всего ранним утром. Ударят по заставам, наделают шума и скроются.

Бороться с налетчиками было нелегко. Основу их тактики составляла внезапность. Поэтому необходимо было

сначала ознакомиться с местностью, изучить скрытые подходы к населенным пунктам. Я вставал до рассвета, брал с собой нескольких бойцов, обходил все заставы, караулы, секреты и возвращался к командиру роты с подробным докладом.

...В один из дней, выйдя рано утром к хутору, что находился в двух километрах от села, я заметил белогвардейцев, крадущихся вдоль железнодорожного полотна. У меня тут же мелькнула мысль угостить белых ударом из засады.

Пригнувшись, я побежал на заставу, находящуюся в стороне от железной дороги, а сопровождающего меня бойца послал в село — предупредить командира роты...

Расчет был прост: поднять заставу, вывести ее в хвост белогвардейским налетчикам и, как только они завяжут бой за село, ударить по ним с тыла.

И вот заставка поднята. Объяснив задачу, осторожно, по балке с мелким кустарником веду бойцов к железной дороге. Нас двадцать три. Белогвардейцев раз в шесть больше — сотни полторы. Но меня это не смущает: красновцы рассчитывают нанести внезапный удар по селу с фланга, мы — неожиданный для них, с тыла.

Притаились, ждем... До насыпи шагов двести. Позиция у нас выгодная — пригорок. С него видно все, что делается справа и слева. Белогвардейцы как на ладони...

Послышалась стрельба. Ясно: враги обнаружили себя. Надо повременить еще несколько минут. У них, вероятно, есть тыловое прикрытие. Пусть и оно втягивается в перестрелку. Так и случилось. Вижу, вдоль железной дороги несутся две пароконные повозки с пулеметами. Вот они выскочили на возвышенность, развернулись невдалеке от своей цели и застрочили по селу. Теперь пора вступать в дело и нам.

Вскакиваю во весь рост.

— Взвод, за мной!

Белогвардейские пулеметчики азартно ведут огонь по селу, не замечая, что мы бежим к ним с тыла.

— По пулеметам, взводом... Пли!

Залп двадцати трех винтовок сделал свое дело.

Захватив пулеметы, мы тут же открыли из них огонь по налетчикам. Не выдержав перекрестного огня с фронта и с тыла, красновцы бросились бежать в степь, оставляя на поле боя убитых и раненых. Нам достались богатые трофеи: около ста винтовок, две пароконные повозки, два станковых пулемета «Максим» и 38 пленных.

В тот же час мне стало известно, что командир роты серьезно ранен. Из штаба полка прибежал ко мне связной с приказом о назначении меня командиром роты. «А как

же выборность? Что скажут по этому поводу красноармейцы?» — подумал я, еще не зная, как вести себя в такой обстановке. Однако тут же сами бойцы подсказали мне выход: — Принимай роту и команду.

И каждый теперь обращался ко мне по всем правилам: «Товарищ ротный». Так я стал командиром роты.

С давних пор в военной среде бытует выражение: тот не офицер, кто не командовал ротой. Действительно, не пройдя эту важную ступень в армейской иерархии, признают сами офицеры, трудно потом командовать крупными воинскими формированиями. Рота, особенно отдельная — это, по сути, военная организация, только в миниатюре. И хотя Чуйков короткий период командовал этим тактическим подразделением, он тем не менее получил хорошие уроки управления подчиненными, особенно командирами взводов. Одновременно приобрел опыт индивидуальной работы с людьми и применил на практике знания и навыки, полученные на военных курсах.

В середине осени Чуйкова возвратили в Москву для завершения учебы. В аттестации, с которой он уехал в столицу, было отмечено, что, «несмотря на молодость, курсант Василий Чуйков отлично выдержал экзамен в бою и вполне заслуживает доверия».

Вновь потекли учебные будни. Наряду с военными дисциплинами определенное количество часов отводилось занятиям по политической подготовке. Лекции курсантам читали видные деятели партии и правительства. В частности, Чуйков воочию видел и слышал председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, наркома государственного призрения РСФСР А.М. Коллонтай, наркома юстиции РСФСР Д.И. Курского и др.

Вскоре все, кто побывал на фронте, получили свидетельства об окончании курсов без сдачи экзаменов. В свидетельстве, которое вручили Чуйкову было сказано: «Дано сие Чуйкову Василию в том, что он окончил 1-ые Московские пехотные курсы инструкторов Красной армии, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Перед отъездом красных командиров пригласили в Дом союзов на объединенное заседание ВЦИК. По сути, это был прием, который устроило руководство молодой Республики Советов в честь выпускников первых советских военных школ, курсов, команд. К месту сказать, традиция эта сохраняется и в постсоветской России. Ежегодно

в Кремле проходит торжественный прием в честь лучших выпускников высших военных учебных заведений.

В далеком 1918 году было не до праздничных торжеств. Страна в те дни находилась, в буквальном смысле слова, на осадном положении. Внутри полыхала Гражданская война. А с внешней стороны ее со всех сторон взяли в кольцо интервенты. Еще в декабре 1917 года, вскоре после прихода в России к власти большевиков во главе с Лениным, на англо-французских переговорах в Париже было принято решение о разграничении зон интересов на территориях бывшей Российской империи. Отхватить себе кусок Русской земли, полакомиться ее богатствами оказалось чересчур много желающих, в том числе Великобритания, США, Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Канада, Италия, Польша, Финляндия, Япония... И даже островная Австралия. Уже к середине 1918 года войска этих стран хозяйничали на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Крыму, Архангельске, Мурманске, на Дальнем Востоке...

В сложившихся условиях руководство Советской республики учредило Реввоенсовет Республики (РВСР). В принятом 2 сентября 1918 года постановлении была конкретно определена суть текущего момента:

Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: Советская республика превращается в военный лагерь.

Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет с одним главнокомандующим. Все силы и средства социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников. Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны Рабочая и крестьянская Красная армия раздавит и отбросит империалистических хищников, пожирающих почву Советской республики. Всероссийский ЦИК постановляет настоящее свое решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и

городские советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах. Председателем Революционно-военного совета единогласно назначается т. Троцкий. Главнокомандующим всеми фронтами — т. Вацетис.

О сложности текущего момента говорил в тот осенний день на приеме в Доме союзов вождь молодого советского государства В.И. Ленин. Раскрывая планы Антанты, он разоблачил хищническую деятельность руководства различных стран. Вторая часть его выступления была обращена непосредственно к Василию, другим красным командирам.

— Мы знаем, — сказал он, — что перелом в сознании Красной армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс в новых, пролетарских военных школах... Теперь мы говорим, что армия у нас есть, и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной.

Как вспоминал Чуйков, объединенное заседание ВЦИК еще продолжало свою работу, а он с чемоданом, в новеньком обмундировании, перепоясанный скрипучими ремнями, уже торопился на Казанский вокзал. Ему было вручено предписание срочно отбыть на Восточный фронт, в Казань на формирование 40-го стрелкового полка.

Поезд надолго увозил Чуйкова из Москвы. Гулко стучали на стыках колеса. В темноте мелькали пристанционные пристройки. Уплывали назад тускло светящиеся окна города. Он ехал в самое горнило Гражданской войны, готовый сражаться до последнего вздоха, до последней капли крови за лучшую долю.

Глава 3

В ГОРНИЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мы будто не боялись смерти. Были, конечно, во мне и мальчишество, и задор. Я, например, любил гоняться за беляками в офицерских погонах: «Врешь, гад, не уйдешь!» — и с шашкой наголо вперед, пока не настигнешь. А ведь можно было поразить врага пулей. Но случилось и так, что участие командира в жестоком сражении диктовалось необходимостью. И тут уже не личаство руководило моими действиями, а ясно осознанный долг.

В. И. Чуйков

Восточный фронт, куда был направлен Чуйков, являлся на тот момент главным фронтом Советской республики. Осенью 1918 года его войска перешли в общее наступление, проведя ряд успешных операций против белогвардейцев, в том числе Казанскую, Симбирскую, Сызрань-Самарскую и Ижевско-Воткинскую.

Однако обстановка оставалась сложной. Объявивший себя в ноябре 1918 года Верховным правителем России и главнокомандующим русской армией адмирал А.В. Колчак приступил к планированию наступления на Москву. Колчак провел массовую мобилизацию в Сибири, обеспечил снабжение армии вооружением, продовольствием, обмундированием. Существенную материальную помощь новоявленному правителю России оказали США, Англия, Франция и Япония. Неслучайно в то время о Колчаке появилась ироничная песенка:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.

Готовились к предстоящим сражениям и войска Красной армии.

Чуйков получил назначение в 40-й стрелковый полк, который был создан 16 октября 1918 года в городе Казани

на базе запасного полка из числа призывников Нижегородской и Казанской губерний. Формирование полка проходило в самом городе под руководством губернского военкома Д.Н. Аврова¹. Из шести выпускников 1-х Московских советских военно-инструкторских курсов, прибывших в Казань, только одного Василия оставили в полку. Причем он был назначен на достаточно высокую должность — помощником командира полка по строевой (боевой) части. По сути, одним махом перескочил через ступени заместителя командира батальона, начальника штаба батальона, командира батальона, начальника штаба полка.

Свою роль здесь сыграл тот факт, что он прибыл в полк с безупречной характеристикой, а также во время собеседования, своего рода экзамена, с губернским военным комиссаром Авровым, губернским военным руководителем Чугуновым и командиром полка Ительсоном показал глубокие военные знания. Остальных его товарищей направили в город Чистополь, в запасной батальон дивизии.

Уже на следующий день Чуйков приступил к исполнению своих обязанностей. Но полк — не рота с полутора сотней бойцов, которой он недавно командовал. «Полк, — читаем в книге «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага. Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

В годы Гражданской войны стрелковый полк насчитывал более трех тысяч человек личного состава. Помимо 3—4 стрелковых батальонов, в его состав также входили различные команды, в том числе пулеметная, саперная, связи,

¹ *Дмитрий Николаевич Авров* (1890—1922) — штабс-капитан и член РКП(б), в 1918—1919 гг. казанский губвоенком, председатель Казанского губревкома, начальник гарнизона Казани и комендант Казанского укрепрайона.

минометная, конной разведки, полковая школа, перевязочный отряд... «Хозяйство», как видим, немалое. Во все надо было вникнуть, изучить, освоиться. Справлюсь ли? Хватит ли опыта, знаний? Эти вопросы особенно волновали Чуйкова, о чем он впоследствии вспоминал:

Легко сказать «приступил», но если учесть, что в ту пору мне было всего лишь 18 лет, то станет ясно, каково мне приходилось. Зайдешь в роту или в батальон, а над тобой подсмеиваются, подтрунивают: дескать, нашелся учитель — еще материно молоко на губах не обсохло, или: «Кое-кто еще в утробе свои пальцы сосал, а мы уже в штыковую хаживали». В глаза, конечно, никто такие вещи не высказывал — армия есть армия, в ней отношения людей строятся не по возрастным признакам, а по положению, но я чувствовал, что мне очень не хватает лет, и потому пользовался любым случаем, чтобы утвердить себя перед «стариками». Пожалуется какой-нибудь хитрец: мол, винтовка плохо бьет, тут же ложусь рядом с ним:

— Давай проверим.

Делаю выстрел, второй, третий — только не промазать! К счастью, пули ложатся в черное пятно мишени. И спокойно говорю бойцу:

— Ясно? Когда глаз кривой, не жалуйся на винтовку.

— Глаз у меня прямой, это я так, для проверки, — сознается тот уже без ехидной улыбки.

Так постепенно наш герой «вживался» в должность. Полученные на курсах знаниягодились ему и во время проведения занятий по тактической подготовке. Он перенес занятия из классов непосредственно в поле, где его подчиненные совершали марш-броски, «закапывались» в землю, шли в атаку, сражались с чучелами набитыми соломой, брали высоты... Иными словами, учились суворовской науке побеждать.

Через три месяца две первые маршевые роты полка, по сто пятьдесят человек каждая, были представлены командующему 2-й армией В.И. Шорину¹. Бывший полковник русской армии, кавалер боевых наград, перешедший на сторону советской власти, Шорин являлся строгим и вызы-

¹ *Василий Иванович Шорин* (1870—1938) — с сентября 1918 г. командовал 2-й армией, с мая 1919 г. — Северной группой Восточного фронта, с июля 1919 г. — Особой группой Южного фронта (с сентября — Юго-Восточный фронт), позже Кавказским и Туркестанским фронтами. С 1925 г. в запасе. Репрессирован.

скательным начальником. Вот и сейчас он и члены комиссии придирчиво оценивали боеготовность рот, за подготовку которых отвечал Чуйков.

Сказать, что Василий не волновался, — ничего не сказать. Мандражировали и подчиненные. Стоило только одному из них сбиться с ноги в строю, а другому ошибиться в ружейном приеме — и провал. А кто виноват? В конечном итоге командир, отвечающий за обучение солдата. Однако никакого провала не случилось. Подчиненные Чуйкова, чувствуя ответственность момента, четко и слаженно выполняли все команды. Иными словами, не ударили в грязь лицом, понимали — на них смотрит высокое начальство. Командарм остался доволен уровнем подготовки подразделений, а также настроем людей. Прощаясь, Шорин пожал Чуйкову руку и сказал, что в ближайшее время полк волеется в действующую армию.

Действительно, в конце февраля 1919 года 40-й стрелковый полк был включен в состав 28-й дивизии, чему командиры и красноармейцы были очень рады. Служить в этой дивизии было почетно, уже тогда она имела неофициальное название «Железная». Особенно ее бойцы прославились в боях в Прикамье. Командовал «Железной» 23-летний Владимир Мартинович Азин.

На фронте об Азине ходили легенды. Это был требовательный, волевой, бесстрашный и находчивый командир. Он умел повести за собой людей, что называется, в огонь и воду. Азин ходил с ними в атаки, делил с бойцами поровну радость побед и горечь поражений. Бывало, вспоминали впоследствии его бывшие подчиненные, беляки сыпят шрапнельными снарядами, пули кругом свистят, заставляя бойцов прижиматься к земле, а начдив идет по залегшим цепям и раскидывает красноармейцам папиросы.

Да, лихачества, куража Азину было не занимать. Молодость играла в его жилах. Но и командирский талант был при нем. Азин умел быстро разгадывать замысел противника, знал его слабые и сильные стороны, всегда основательно продумывал и планировал операции.

Чуйков сразу проникся симпатией к начдиву, старался во многом подражать ему. Под началом Азина он прошел хорошую командирскую школу, что помогло ему в будущем. Вот как маршал отзывался о наставнике своей командирской юности: «Революция нас выдвигала! И вот, вспоминая такого выдающегося человека, как Владимир Мартинович Азин, я прямо, товарищи, могу заявить — он

научил меня воевать! Я у него научился, именно — владеть массами, владеть собой, в самых непримиримых условиях выходить из положения — и с победой. Он мой учитель и крестный отец в огневом деле. Я не сомневаюсь, что в Сталинграде, в Берлине, — то, что пришлось мне выдерживать во время Великой Отечественной войны, — в этом колоссальнейшая доля той учебы, которую я получил в то время».

И еще несколько штрихов Чуйкова к портрету Азина: «Это был с военной культурой человек, но типа Чапаева, Киквидзе, который не стеснялся сам пойти в атаку, набить морду, если кто плохо дерется, сделать так, чтобы была победа».

К сожалению, судьба легендарного начдива сложилась трагически. В августе 1919 года дивизию перебросили на Южный фронт. 17 февраля 1920 года он с группой разведчиков выехал на рекогносцировку. В ходе осмотра местности они столкнулись с группой белоказаков. Уходя от погони, Азин отстреливался из револьвера, но при прыжке через небольшой овражек, у коня лопнула подпруга, начдив упал и был взят в плен. Находясь в плену, Азин был подвергнут жестоким пыткам, а затем его казнили. По одной из версий, его привязали к двум коням и разорвали...

Однако вернемся в 40-й полк. Войдя в состав 28-й дивизии 2-й армии Восточного фронта, полк в начале марта по железной дороге был передислоцирован из Казани в район села Вятские Поляны. Батальоны полка разместили в трех крупных населенных пунктах: Нижняя Тойма, Средняя Тойма и Верхняя Тойма.

В эти же дни белые армии Колчака начали «Полет к Волге» — стратегическую операцию, главными целями которой являлись разгром красного Восточного фронта, выход к Волге, соединение с Северным фронтом и дальнейший поход на Москву. Упредив наступление войск Красной армии, колчаковские части в стремительном порыве взяли Оханск, Осу, Бирск, Стерлитамак... 14 марта под натиском белых пала Уфа. Между 2-й и 5-й армиями образовался разрыв в 150 километров. На этот участок белогвардейцы выдвинули полки 8-й Камской дивизии, угрожая Набережным Челнам и Чистополю. Сюда же был переброшен 40-й стрелковый полк, он должен был сократить разрыв между армиями и прикрыть вывоз хлеба из этих городов в центр России. Но самая главная задача для полка состояла в том, чтобы любой ценой удержать названные города.

Боевое крещение 40-й стрелковый полк получил при взятии небольшого городка Мензелинска. Письменный приказ на этот счет поступил от начдива Азина, в нем говорилось: «Топтаться на месте нечего. Приказываю взять Мензелинск. Об исполнении донести. Начдив Азин».

Одновременно с подчиненными Чуйкова в боях за город принимали участие красноармейский отряд Б.В. Контрыма, коммунистический батальон из Набережных Челнов, а также части дивизии.

Мензелинск удерживал 32-й полк 8-й Камской дивизии армии Колчака. Как вспоминал Чуйков, было принято согласованное решение: атаковать противника ночью; 40-й полк с проводниками из роты коммунистического батальона обходит Мензелинск с юга и с рассветом начинает атаку; отряд Контрыма при поддержке мелкокалиберной батареи наносит по городу лобовой удар.

Несмотря на весеннее время года, ночь 26 марта выдалась морозная. К утру температура еще больше понизилась. Противник никак не ожидал, что красные начнут штурм города. И вдруг, как гром, разбудив тишину, по городу ударили орудия. Следом на улицах появилась пехота, которую повел вперед Чуйков. Застигнутые врасплох белогвардейцы бежали, не сумев оказать серьезного сопротивления.

Чуйков тут же с командного пункта, который временно разместили на почте, связался с Набережными Челнами, доложил командиру полка Ительсону о выполнении приказа начдива. Когда разговор был закончен, Чуйкова пригласили к другому телефону.

— Это ты Чуйков? — грубовато спросил мужской голос на другом конце провода.

— Да, я, — спокойно ответил Василий.

— С тобой говорит командир 32-го Камского полка капитан Колышев!

— Здорово, — поприветствовал его Чуйков. — Ты что, с того свету? Как у тебя дела?

— У меня отличные, — стараясь сохранять уверенность, ответил капитан. — А ты и твой комиссар веревку ищите, чтобы вам обоим на ней удавиться.

Чуйков за словом в карман не полез:

— Обязательно найду веревку и буду ее беречь, а при первой же встрече тебя на ней и вздерну.

Из трубки послышался отборный мат. Чуйков тоже не поскупился на крепкие выражения.

Но на этом их разговор не окончился.

— Какой из тебя командир! — не унимался Колышев. — Видел я, каким кавардаком шли в наступление твои боевые порядки. Умора! Со смеху можно лопнуть!

— А я видел, как твой образцовый полк трусов во главе с тобой драпал от нас быстрее зайцев, — язвительно доби-вал своего собеседника Чуйков.

Белогвардейский офицер бросил трубку. Видимо, от злости. Разговор прекратился. Что ж, на войне случались и такие откровенные диалоги. Лютая ненависть выплескива-лась через край и с одной, и с другой стороны.

В боевом приказе № 8536 от 27 марта 1919 года нач-див Азин отметил успех своих подчиненных: «Частями 40-го и 250-го полков вчера после короткого штурма взят обратно Мензелинск. Полки движутся по тракту Мензе-линск — Бирск. Успеху содействовали 39-й и 43-й полки, которые теперь повернуты из-под Мензелинска обратно на восток к Янаулу и Бураеву. Кроме этих полков, в нашу ди-визию прибывает Казанский полк сегодня к вечеру. Теперь приказываю 1-й и 2-й бригадам какой бы ценой ни стоило удержать занимаемый фронт и быть готовыми к отражению зарвавшихся бандитов... Командарм-2 и я шлем низкий по-клон войскам 28-й, героически отражающей врага. Вперед, к новым победам...»

Взятие Мензелинска окрылило Чуйкова и его подчи-ненных. Но впереди их ждали трудные испытания. И не только. Вскоре был ранен и отправлен в госпиталь коман-дир полка. Встал вопрос: кто будет командовать полком? По положению, обязанности командира должен был исполнять его помощник по строевой части, то есть Чуйков.

Однако командарм Шорин, не вникнув в суть дела, принял скоропалительное решение временно назначить на эту должность самого старшего по возрасту в полку офи-цера. Таковым оказался делопроизводитель хозяйственной части полка, бывший штабс-капитан царской армии По-кровский. В полку это вызвало недоумение. Да и сам По-кровский явно не горел желанием быть командиром. Было проведено даже партийное собрание, на котором коммуни-сты единогласно выступили против назначения Покров-ского. Протокол собрания в срочном порядке отправили в политотдел армии. Пока ждали нового командира, Чуйков фактически командовал полком.

Между тем обстановка на фронте с каждым днем услож-нялась. Если полки «Железной» дивизии еще держали обо-рону и наносили внезапные контрудары по противнику, то

на других участках 2-й армии складывалась неблагоприятная обстановка. В частности, из-за предательства начальника 7-й дивизии, бывшего генерал-майора царской армии Г.Ф. Романова, перешедшего с секретными документами на сторону врага, был нанесен удар по левому флангу фронта. Не удержалась на своих позициях 5-я Уральская дивизия и начала отступать.

А вскоре колчаковская разведка преподнесла «сюрприз» и 28-й дивизии. Всем ее правофланговым полкам был отдан приказ якобы из штаба 2-й армии с требованием незамедлительно начать безостановочный отход на запад, не задерживаясь даже на таком рубеже, как река Вятка. 40-му полку было предписано отойти в Елабугу. Выполняя приказ, как потом выяснилось ложный, полк днями и ночами, практически без сна и отдыха, следовал в назначенный пункт. По прибытии в Елабугу полк ждал настоящий приказ начдива Азина, в соответствии с которым полк должен вернуться назад и занять оборону по линии село Тихие Горы — Бондюжский завод и далее по реке Тойма.

Приказ в армии — закон. Умри, но приказ выполни. Тут же была выслана конная разведка на Бондюжский завод, а следом за ней туда направили первый батальон. Наступила очередь выдвигаться основным силам полка. Но случилось непредвиденное: присланный на усиление второй батальон, сформированный из амнистированных дезертиров, категорически отказался выполнять поставленную задачу. Свой отказ бунтовщики мотивировали усталостью, плохим питанием... Они также требовали выдать им новое обмундирование.

Усмирять смутьянов пришлось Чуйкову, поскольку комиссар полка Юрьев в это время лежал больной тифом, а новый командир полка Дудин только был назначен. Это были трудные, трагические часы для девятнадцатилетнего командира. В любую минуту из неуправляемой, галдящей толпы мог прозвучать роковой выстрел. Возвращаясь к тем годам, Чуйков вспоминал:

Два раза собирал батальон, всеми силами старался уговорить идти выполнять боевую задачу, но все мои попытки были напрасными. В третий раз, возмущенный, вскакиваю на коня и несусь туда. По молодости лет и неопытности рассчитываю на этот раз подчинить крикунов строгим приказом.

Врезаюсь в шумящую толпу, и... осечка. Меня зажали.

Вижу, с разных сторон в голову нацелены винтовки и карабины. Зашелкали затворы. Погорячись — и прошьют пулями.

Как быть? Возвращаться в штаб полка, пожалуй, поздно и тактически опрометчиво: мятежники оценят этот шаг по-своему — струсил... Начнут злорадствовать, освищут. Нет, не бывать этому! Понятно, они устали, не хотят идти туда, где опасно, но это не значит, что они вправе игнорировать распоряжения командования полка и дивизии. Почему бойцы других батальонов, такие же усталые и голодные, должны сражаться, а эти сидеть на месте? Кто дал им такую привилегию?

Чувствую, что это понимают многие бойцы взбунтовавшегося батальона, но они попали под влияние эсеровских элементов, которых надо во что бы то ни стало отколоть от этой массы, изолировать. Но как?

И вдруг сам собой на ум приходит дерзкий и отвлекающий вызов бунтовщикам:

— Ну что ж, стреляйте или давайте обедать...

Слезаю с лошади и не спускаю глаз, как мне показалось, с самых главных закоперщиков. Они молча стоят справа и слева от меня.

Позади мой ординарец Петр Якушев. Поворачиваюсь к нему и говорю так, чтобы все слышали:

— Кухни на площадь! Бегом!

Петр все понял с полуслова и стремглав умчался к штабу за кухнями. Бунтовщики примолкли. Разговор об обеде отвлек их на другие раздумья. Произошел какой-то психологический сдвиг. Этим надо было воспользоваться немедленно.

— Что вы стоите? — обращаюсь к бойцам так, будто мы уже договорились обо всем. — Пошли на площадь и там за обедом потолкуем...

Толпа зароптала, задвигалась.

— Голодное брюхо словами не кормят...

— Правильно, — послышалось с разных сторон.

И закоперщики вынуждены были подчиниться желанию бойцов. Они пошли за всеми к площади, куда выдвигались кухни. Когда восставшие окружили кухни, я сумел через ординарца передать командиру коммунистического батальона приказ незаметно окружить площадь, где обедали бунтари, а находившемуся в городе эскадрону 28-го кавполка построиться и быть рядом, наготове.

Возвращаясь на площадь, Петр Якушев как бы между делом предупредил закоперщиков:

— Пулеметы и беспощадный эскадрон нацелены на вас. Первый залп поверх голов, а если не послушаете, всех покосят и порубят.

Ординарец, конечно, немножко преувеличил, но это сыграло свою роль. Бунтовщики поняли, что дело может повернуться круто. Им ничего не оставалось, как приступить к расправе над котелками с кашей, а обо мне они словно забыли.

И мы с ординарцем незаметно ушли.

В руках бойцов вместо винтовок и карабинов оказались ложки и котелки. Именно в этот момент на площадь выскочили конники, а на выходах с нее показались бойцы коммунистического батальона, которые окружили обедающих.

— Сдавайтесь!

И удивительно, бунтовщики подняли руки с ложками и котелками. Смех и грех.

Теперь разоружить их уже не составляло трудности.

Мы отобрали зачинщиков, их набралось 63 человека, которых предали затем суду военного трибунала. Среди них не было ни одного командира взвода или роты. Это говорило о том, что отказ от выполнения приказа и дальнейшие беспорядки в этом батальоне были стихийными, вызванными усталостью, чем воспользовались подстрекатели.

На войне многое переосмысливается и переоценивается. Пройдя сквозь бои, пусть и немногие, Чуйков пришел к выводу, что не они, не раны страшны на войне. Паника, трусость, невыполнение приказов — вот ее главные недуги. Батальон не расформировали, хотя в подобных случаях его ждала именно такая судьба. Уберегло его от этой участи то, что командиры не пошли на поводу зачинщиков бунта. В дальнейшем бойцы батальона искупили свою вину мужеством и героизмом. В одном из боев они взяли в плен роту белогвардейцев во главе со своим командиром, за что удостоились похвалы начальника дивизии Азина. Телефонограмма, присланная начдивом, гласила: «Красным бойцам 40-го полка. Молодцы, ценю за отвагу, бейте так и дальше. Азин».

Несмотря на стойкость многих частей Красной армии, ситуация не улучшалась. Таяли красноармейские ряды, глохли раскаленные стволы пулеметов, иссякали патроны. Были оставлены Мензелинск, Белебей, Бугуруслан, Бугульма, Набережные Челны, Сарапул, Воткинск... В конце апреля армии Колчака, разорвав на части оборону красных, вышли на подступы к Казани, Самаре, Симбирску, заняв значительные территории с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами. Это открывало войскам Колчака прямую дорогу на Первопрестольную.

Отступали взводы, роты, батальоны, полки, дивизии. Нагрянувшая весна расквасила дороги, сделала их непро-

ходимыми. По ним днем и ночью шли, ползли колонны уставших, измученных бойцов. В смолянистой грязи, горючих апрельских ручьях застревали обозы, походные кухни, орудия... Катастрофически не хватало боеприпасов. Во всех частях в приказном порядке была установлена строжайшая экономия патронов. Норма 10 патронов на день и то 9 выстрелов без промаха должны быть.

В течение 400-километрового отхода «Железная» дивизия следовала последняя, нанося ощутимые контрудары по флангам наступающих войск противника. Самым сложным и опасным периодом для «Железной дивизии» был отход за реку Вятку. Этими частями пришлось командовать Чуйкову. В 40-м полку на тот момент насчитывалось около тысячи бойцов, а с соседними, подчиненными частями более двух тысяч. Специально созданного штаба для управления этими войсками не было. Поэтому все легло на плечи Чуйкова. С задачей по отходу и переправе он успешно справился. А самое главное — были сохранены жизни тысяч людей.

Председатель ЦИК М.И. Калинин в телеграмме от 8 мая 1919 года на имя командующего 2-й армией В.И. Шорина писал:

От имени Центрального Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов прошу Вас, товарищ, передать сердечное приветствие и глубокую благодарность доблестной 28-й дивизии, стойко и мужественно защищающей Советскую Россию против темных банд Колчака.

Считаю своим долгом довести до сведения Рабоче-Крестьянского Правительства о героических и самоотверженных боях славной дивизии.

Слава героям — красе и гордости нашего Социалистического Отечества!

Эти слова в полной мере относились к Чуйкову и личному составу полка, которым он командовал. Тогда же Чуйков официально был назначен командиром 40-го стрелкового полка.

А несколькими днями раньше, 4 мая, в жизни молодого командира произошло волнующее событие — коммунисты полка единогласно приняли его в члены Российской коммунистической партии (большевиков). До этого он состоял в группе сочувствующих. Тогда еще не было кандидатов в члены партии. В партию Чуйков вступал с открытым сердцем, полностью разделяя ее программу. Социальное поло-

жение крестьянина-середняка сформировали его взгляды, они полностью соответствовали тому, что провозглашала и осуществляла партия большевиков. Примечательно, что во время партийного собрания произошел такой эпизод. Председательствующий объявил:

— Поступило заявление о приеме в партию от Чуйкова Василия Ивановича...

Чуйков встал, вытянул руки по швам. Кто-то с удивлением произнес:

— А мы давно считали Чуйкова коммунистом...

— Спасибо, — растерянно ответил Чуйков своим боевым товарищам.

Что в Гражданскую войну, что в Великую Отечественную у коммуниста не было иных привилегий, кроме одной — первым идти в бой и последним из него выходить. «Коммунисты, вперед!» — этот лозунг звучал в сабельной атаке и идущей на врага красноармейской цепи... Полученный партийный билет теперь был всегда с Чуйковым: во время жарких боев, окружений, наступлений и отступлений. Красная книжица, которую он стал носить в левом нагрудном кармане гимнастерки, рядом с сердцем всегда ему напоминала о том, что его долг — личным примером, мужеством и отвагой поднимать боевой дух своих подчиненных, вести их на подвиг, вселять уверенность в победе. Через всю жизнь Чуйков высоко пронес звание коммуниста. До конца своих дней маршал очень гордился тем, что вступил в партию в тревожном для страны 1919 году.

В те же майские дни происходили и существенные перемены на фронте. За зиму колчаковские части значительно утратили свою былую мощь. В боях с Красной армией они потеряли много личного состава из числа солдат-добровольцев, а мобилизованные уральские и сибирские крестьяне не желали участвовать в братоубийственной войне. Они просто разбегались или сдавались в плен. В это же время Красная армия, восстановив свой численный перевес на Восточном фронте, а также перегруппировав силы, начала мощное контрнаступление. Главный удар по частям и соединениям Колчака был нанесен еще в конце апреля южной группой войск фронта под командованием талантливого военачальника М.В. Фрунзе — из района Бузулука через Белебей на Уфу. Были отбиты Бугуруслан, Бугульма, Белебей... Левое крыло армий Колчака было разгромлено. Это позволило Северной группе войск, 2-й армии, а в последующем 3-й подготoвиться и перейти в решительное наступление.

Во второй половине мая пришел черед и 28-й дивизии и, в частности, 40-му полку Чуйкова. Накануне наступления начдив Азин издал приказ, в котором он обратился к бойцам дивизии разбить врага, вернуть утраченные во время отступления города и села:

Звездоносцы, боевые орлы 28-й стрелковой дивизии! За год существования нашей дивизии тернист, но славен путь борьбы пройден вами. Не одна лавровая ветвь вплетена вами в победный венец пролетарской Революции, — их много. Славные бои с чехословаками под Казанью, взятие Чистополя, Елабуги, Сарапула, Ижевска — вот те кроваво-красные рубины, которые вкраплены вашими руками в страницы боевой истории дивизии. Победным шествием, сплошным триумфом был для вас минувший год. Но ежедневные бои в тридцатиградусные морозы, тяжелые переходы по глубоким сугробам снега, физическая усталость и численный перевес противника сделали свое пагубное дело, и вы должны были отступать. С болью в сердце вы уходили из мест, купленных ценою крови наших дорогих товарищей; тяжел был путь отступления, но вы с честью вышли из-под ударов наймитов капитала, чтобы здесь, за рекой Вяткой, собраться с силами и вновь обрушиться на заклятого врага Великой Революции. Довольно отступления! Ни шагу назад! Революция призывает нас идти за рубеж Урала! Прочь усталость! Революция не знает отдыха. Наши ряды пополнены свежими бойцами, противнику нанесен первый удар, он дрогнул и, оторопев, шарахнулся назад. Там, впереди, где свирепствует власть монархиста Колчака, раздастся стон наших братьев-бедняков, ждущих избавления от тирании буржуазии, терпеливо ожидающих вашего прихода. Вперед, на Колчака, не медля ни минуты! Вперед, не отставая от своих доблестных соседей. На вас надеется Советская Россия...

Этот приказ Чуйков лично зачитал перед строем полка у развернутого красного знамени, на котором было вышито — «Смерть Колчаку». Бойцы рвались в бой. За время предыдущих схваток с колчаковцами они получили хорошую закалку и приобрели необходимый опыт. И тем не менее в подразделениях полка были проведены тактические занятия. При подготовке к наступательным действиям Чуйков особое внимание уделил разведке, чтобы она стала, как говорится, глазами и ушами командира. По его распоряжению из бывалых солдат, умеющих стрелять без промаха и рубить шашкой без осечки, были сформированы команды пеших и конных разведчиков. В дальнейшем они сыграли важную роль в выполнении поставленных задач.

Все последующие дни и месяцы 40-й полк провел в жарких боях. Обе стороны бились отчаянно. Ничего удивительного в этом не было. Русские сражались с русскими до последнего патрона, до последней капли крови. Красные и белые сходились в атаках, как стаи грызущихся собак. Кололи друг друга штыками, вставляли, падали... Сегодня у одних был штык крепче, завтра — у других. Не было штыков — в ход шли приклады... Все они дрались за одну и ту же страну, счастье, процветание и славу которой понимали по-разному. Вся Россия, корчась от нестерпимой боли, несла возложенный на нее судьбой тяжкий крест. Гнетущее горе было под каждой крышей, и почти в каждой семье — убитый или раненый на этой войне.

Вот как описывает подробности одного из многих братоубийственных боев Чуйков:

Вечером противник перешел в контратаку более значительными силами, чем утром. Было ясно, что он бросил в бой все свои силы, что наступил момент «кто кого». Я сразу же ввел в бой свой резерв — коммунистический батальон, а затем вместе с конными разведчиками помчался вперед.

Какие-либо сложные маневры проводить было некогда, да и не следовало. Просто крикнул:

— За мной! — и навстречу белогвардейцам.

Они прут оголтело. До них остается метров триста. Вижу, впереди идут офицеры и с ними, прямо передо мной, батюшка в рясе, с крестом. Ясно, раз батюшка пошел в атаку, значит, силы противника на исходе. Теперь вопрос «кто кого?» должен решиться в пользу тех, у кого крепче нервы. Оглянувшись назад, я увидел своих бойцов. Они шли уверенно, стройными цепями, как на параде. Без слов поняли: на психическую ответить психической. Сближались молча, без криков «ура!».

В этот момент я почувствовал сильный удар и резкую боль в левой руке. Подо мной рухнула лошадь. Я сразу понял, что лошадь убита, но, отчего так сильно жжет руку, до сознания еще не дошло. Ноги мои застряли в стремянах, левая рука продолжала держать повод. Ко мне подъехал ординарец и соскочил с коня. Я уже успел выпутаться из стремян и, не говоря ни слова, вскочил на его коня. Обжигающей боли в руке как не бывало. Теперь во мне кипела бешеная ненависть.

Вскинув вверх револьвер, я что было силы крикнул:

— Ура!..

Красноармейцы подхватили. Теперь они бежали впе-

ред во весь дух. По полю, нарастая и раскатываясь, гремело грозное «ура-а-а!».

Вражеская цепь разорвалась. Офицеры были или пристрелены, или подняты на штыки...

В этом бою Чуйков был ранен в левую руку. Но в горячке даже не почувствовал ни боли, ни потери крови. К счастью, пуля не задела кость. Его доставили в лазарет, где пролежал там почти трое суток. Однако надо знать характер нашего героя. Уже на третьи сутки, не выдержав постельного режима, Чуйков с перевязанной рукой вернулся в родной полк. По пути доложил о своем возвращении начдиву Азину. Тот обрадовался, крепко обнял Чуйкова, сказал:

— Молодец! И полк твой стал бронированным.

Чтобы современному читателю было понятно, поясним: в Гражданскую войну «бронированными» называли наиболее боеспособные части. Таковым как раз и стал 40-й полк. Это явилось признанием его боевых заслуг в борьбе за советскую власть.

А впереди опять бои, бои... В памяти Чуйкова на всю жизнь отложились тяжелые, кровопролитные схватки с отборными частями генерала В.О. Каппеля. Этот генерал пользовался высоким авторитетом в армии Колчака. В большинстве боев Каппель проявил себя талантливым военачальником. Он добивался успеха не числом, а умением, по-суворовски. Вверенные ему войска всегда совершали грамотные маневры и атаки красных частей с флангов и тыла, что приводило к победам при минимальных потерях. К числу заслуг Каппеля, тогда подполковника, относится взятие его отрядом в августе 1918 года Казани, где были захвачены огромные склады с вооружением, боеприпасами, медикаментами, амуницией. Но главный трофей каппелевцев — золотой запас Российской империи, состоявший из 650 миллионов золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, а также слитков золота, платины, других ценностей.

Воевать с «бессмертниками», как еще называли каппелевцев, было трудно. Но и их били бесстрашные бойцы 40-го полка. Из воспоминаний Чуйкова известно, что драпали «бессмертники» отменно. После одного боя, который был не в их пользу, на дороге остались не только винтовки, цинки с патронами, но и сапоги — босиком ведь легче было убежать. Догнать беляков тогда не удалось.

Чуйков являлся самым молодым командиром полка в

дивизии. А молодости свойственна одержимость, нестандартность мышления. Он старался уходить от отжившей, как считал, тактики позиционной войны, вырабатывал новые приемы боя, используя уже опробованные — обходы, охваты с выходами во фланг и тыл противника.

Неоднократно Чуйков побеждал врага не только при помощи новых способов ведения боя, но благодаря находчивости, смекалке и военной хитрости. Например, при форсировании реки Уфы он решил с ходу начать переправу, несмотря на то, что на противоположном берегу реки находились хорошо укрепленные позиции белых. Чтобы отвлечь внимание противника, Чуйков приказал полковому оркестру играть Интернационал. Услышав музыку, белые покинули свои укрытия, стали наблюдать за тем, что происходит на противоположном берегу. В этот момент по команде Чуйкова раздался дружный залп из всех видов оружия, многие белогвардейцы упали, сраженные красноармейскими пулями и снарядами. Полк успешно преодолел водную преграду и продолжил наступление.

Вообще в тот период полк Чуйкова особенно проявил себя в наступательных боях, нанося фланговые удары по войскам противника. В составе 28-й дивизии он принимал участие в освобождении ряда городов, в том числе Уфы, Екатеринбурга... У Василия Ивановича с этими краями связана одна история минувших лет.

У Чуйкова, по воспоминаниям людей его хорошо знавших, была изумительная память. Он с Гражданской войны помнил имена и фамилии многих своих подчиненных, названия населенных пунктов, где довелось воевать. Зимой 1966 года Чуйков был в командировке в Свердловске¹. На ужине, устроенном председателем Совета депутатов трудящихся А.В. Борисовым, Василий Иванович рассказывал, как он воевал с колчаковцами в южных районах тогдашней Екатеринбургской губернии и назвал несколько населенных пунктов. В названии одного населенного пункта Борисов поправил его, а Чуйков настаивал на своем. Пospорили даже на условную бутылку коньяка. На столе коньяка, других напитков было в достатке. Борисов распорядился привезти топографическую карту этих районов, и ее вскоре доставили. К большому удивлению и смущению председателя облисполкома прав оказался Чуйков. Впрочем, вернемся на Гражданскую войну.

¹ Так назывался город Екатеринбург с 1924 по 1991 г.

Боевые успехи армий Восточного фронта получили высокую оценку советского правительства. 25 июня 1919 года Совет обороны принял постановление:

В последних боях с бандами колчаковцев особое мужество и энергию проявили наша Пятая, Вторая и Туркестанская армии. Разбив неприятеля наголову и развивая энергичное неотступное преследование, эти армии заняли ряд особо важных стратегических пунктов и городов. Во внимание к особо выдающемуся мужеству красноармейцев и командного состава этих армий и в награду за особо ценные заслуги их перед революцией Совет Обороны постановил:

1. Объявить особую благодарность красноармейцам и командному составу Пятой, Второй и Туркестанской армий.

2. Ввиду того, что при неудержимом стремлении вперед части уходили далеко от своих органов снабжения и красноармейцы и командиры вынуждены были приобретать продовольствие за свой счет, — выдать всем частям этих армий, участвовавшим в боях, денежную награду:

а) строевому составу — в размере месячного оклада содержания,

б) нестроевому составу — в размере полумесячного оклада содержания.

Председатель Совета Обороны

В. Ульянов (Ленин).

В июне был получен приказ штаба Восточного фронта, согласно которому 40-й стрелковый полк переименовывался в 43-й и передавался из 28-й в 5-ю стрелковую дивизию. Уходить из 28-й дивизии ни Чуйкову, ни его подчиненным не хотелось. Ведь именно в этой дивизии полк получил боевое крещение, а потом прошагал с ней в боях и походах многие сотни верст. Не хотелось расставаться и с легендарным начальником Азиным, который вместе со своей «Железной» дивизией отправлялся на Южный фронт.

В армии приказы, как известно, не обсуждаются, а выполняются. Вскоре 43-й полк уже успешно воевал в составе новой дивизии. А Чуйкова по количеству личных подвигов и боевых дел можно было с полным основанием отнести к разряду наиболее опытных командиров, о чем красноречиво свидетельствуют строки из донесения, направленного 20 июля в Москву из штаба 5-й армии М.Н. Тухачевского: «В районе Капсакуль колчаковцы собрали большие силы и 19 июля задержали продвижение 5-й дивизии. Тогда в бой вступил лучший в дивизии 43-й полк. Командир полка

В.И. Чуйков, сковав противника с фронта, с конными разведчиками обошел белогвардейцев с юга и нанес им удар с тыла. Противник в панике бежал. 43-й полк захватил 1100 пленных и 12 пулеметов. 43-й полк представляется к награждению Почетным революционным знаменем».

Речь в этом донесении идет о полностью разгромленном 47-м полку 12-й дивизии белогвардейцев. Упомянутый полк был экипирован английской амуницией, вооружен винтовками и пулеметами «Льюиса». Однако устоять под натиском бойцов 43-го полка белые не сумели.

В августе за самоотверженное руководство полком Чуйков был награжден именными золотыми часами швейцарской фирмы «Омега», на оборотной стороне которых была выгравирована надпись: «Честному воину Рабоче-крестьянской Красной армии от ВЦИК».

В армейской среде испокон веку говорят, что настоящий командир тот, кто чувствует, угадывает, понимает быстро меняющуюся обстановку на поле боя и успевает принять меры, превращающие поражение в победу. Однако решительность и умение командира ориентироваться в сложной ситуации далеко не все факторы успеха в бою. К примеру, есть еще солдатская вера в своего командира. В солдатском понимании хороший командир — это и отец солдату, и черту брат. Именно он найдет выход из любого, казалось бы, безвыходного положения, совершит нечто такое, что спасет всех.

Таким командиром и старался быть Чуйков. Неслучайно уже осенью 1919 года он был удостоен высшей награды Советской республики — ордена Красного Знамени. В представлении о награждении его орденом говорилось:

У деревни Багровое¹ 43-й полк весь день вел жаркий бой с двумя частями противника, поддержанными сильным артиллерийским огнем. Колчаковцам удалось окружить и обезоружить один из батальонов... создать угрозу обхода 43-го полка. Тогда командир полка В.И. Чуйков применил искусный маневр. Он выдвинул один батальон для прикрытия фланга, а остальными начал сам быстро обходить противника и вскоре окружил его. Для спасения пленного батальона он во главе конной разведки в количестве 14 человек бросился на казаков, разоруживших советский батальон, застрелил несколько неприятельских солдат и произвел панику в рядах белогвардейцев. Своей храбростью он

¹ Правильно Бугровое.

увлек в наступление весь полк. В результате батальон был освобожден, а противник бежал, оставив 300 пленных, много оружия. За умелое руководство 43-м полком и личную храбрость В.И. Чуйков представляется к ордену Красного Знамени.

Правда, награду Чуйков получит спустя полгода, 30 апреля 1920 года. Но главное, что она его нашла, не затерялась на дорогах войны.

В боях на Восточном фронте Чуйков находился до декабря 1919 года. Для его полка последний серьезный бой закончился как раз у упомянутого выше села Бугровое, что в сорока километрах северо-восточнее города Петропавловска¹. В дальнейшем полк продвигался вперед практически без столкновений с белогвардейцами, последней точкой его назначения стала станция Исилькуль.

Успешно шло наступление и всей 5-й армии. Вскоре ее войска заняли Омск — столицу Колчака, а в Иркутске был пойман и расстрелян сам адмирал. Армия Колчака перестала существовать.

На станции Исилькуль Чуйков получил приказ о передислокации полка на Западный фронт. Вся 5-я дивизия перебрасывалась в новое пекло войны.

Полк Чуйкова раньше других полков дивизии подготовился к долгому пути. Было заготовлено необходимое количество зерна, муки, другого провианта. В первых числах декабря полк с большим санным обозом выступил со станции Исилькуль в сторону Кургана.

Двигались чуйковцы своим ходом, так как Сибирская железная дорога не действовала. Отступая, белые разрушили главные ее звенья — мосты. Шли под завывание колючих ветров по занесенным снегом дорогам. Парные подводы, особенно спаренные пушки, продвигались по снежным полям крайне медленно. Несмотря на это, полк отмерял по сорок, а то и по пятьдесят верст в сутки. В промерзших колоннах шутили:

— Сорок верст прошли — еще охота...

На ночлег останавливались во встречавшихся на пути селах и деревнях. А с раннего утра — опять в дорогу. Прибыв в Курган, полк погрузился в пять эшелонов и снова, теперь уже по железной дороге, продолжил движение на Западный фронт. К сожалению, не обошлось без злостью

¹ Ныне Петропавл — административный центр Северо-Казахстанской области Казахстана.

чений. В Златоусте в эшелонах вспыхнул тиф. Госпитализировать заболевших бойцов было негде, их отказывались принимать. И только в Симбирске¹ удалось устроить в местные больницы несколько десятков человек.

В один из дней и Чуйков почувствовал себя плохо. Резко подскочила температура. Будто сдавленная стальным обручем сильно болела голова. К счастью, это оказался не тиф. Оставаясь в строю, Чуйков перенес болезнь на ногах. Да он и не мог представить себя на больничной койке. Наверняка бы сбежал оттуда на следующий день, а то и раньше. Он не мыслил себя вне полка.

В общей сложности полк находился в пути более месяца, когда эшелоны наконец прибыли на станцию назначения в город Великие Луки. Здесь полк Чуйкова поступил в распоряжение командующего 15-й армией А.И. Корка, бывшего капитана царской армии, участника Первой мировой войны.

Но до фронта было еще далеко. Дело в том, что за время пути полк понес серьезные «потери». Тиф выкосил почти половину личного состава. И слово «полк» в данном контексте можно лишь употребить как обозначение боевой единицы. Поэтому оставшуюся часть полка, до прибытия пополнения, бросили на трудовой фронт. Подчиненные Чуйкова встали за верстаки и станки железнодорожных мастерских, пошли заготавливать дрова для паровозов, занялись восстановлением поврежденных путей, вагонов.

Правда, работать долго не пришлось. Вскоре полк перебросили в район Витебска. Здесь, на белорусской земле, уже вовсю гремели грозы польско-советской войны, которую так не хотела Советская Россия. Еще с осени 1918 года РСФСР неоднократно предлагала польской стороне установить цивилизованные дипломатические отношения, определить общую границу. Однако в Варшаве решили воспользоваться слабостью советской власти и братоубийственной войной, чтобы захватить бывшие западные губернии Российской империи.

Фактически эта война началась в 1917 году, сразу после Октябрьской революции, когда Польша, входившая в состав Российской империи, получила независимость из рук Советской России. Начальник Польского государства Юзеф Пилсудский, бывший офицер австро-венгерской армии, лелеял мечту восстановить Польшу в границах 1772

¹ Ныне Ульяновск.

года. Другими словами, он хотел присоединить к ней Украину, Белоруссию и Литву. В идеале Пилсудский намеревался воссоздать Великую Польшу XVII века «от моря до моря». России в ней отводилась второстепенная роль. Вот выдержка из планов польского диктатора: «Замкнутая в пределах границ времён XVI века, отрезанная от Чёрного и Балтийского морей, лишённая земельных и ископаемых богатств юга и юго-востока Россия могла бы легко перейти в состояние второсортной державы, неспособной серьёзно угрожать новообретённой независимости Польши. Польша же как самое большое и сильное из новых государств могла бы легко обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор».

И еще одно признание руководителя Польши: «Моя мечта — дойти до Москвы и написать на стенах Кремля: “Говорить по-русски запрещено!”».

Слова подкреплялись делами. Полномасштабная война началась 1 января 1919 года, когда поляки захватили Вильно¹. А уже к январю следующего года под лозунгом «Даешь Польшу в границах 1772 года!» они оккупировали всю Галицию и Волынь, многие литовские и белорусские города, включая Минск. На тот момент Польша имела достаточно сильную армию. Только одна Франция, не считая США и Англии, поставила Пилсудскому 1494 орудия, 350 аэропланов, 2800 пулеметов, 327 500 винтовок, сотни миллионов патронов и снарядов. По авиации, бронированной технике Польша превосходила войска Красной армии в разы.

В очередной раз правительство РСФСР заявило польской стороне о готовности возобновить мирные переговоры 28 января 1920 года. Однако Варшава ответила категорическим отказом. Вскоре польские части начали наступление в направлении Мозыря и Речицы.

В последних числах февраля 43-й стрелковый полк занял оборону западнее местечка Улла, расположенного на левом берегу Западной Двины. Эта оборона, по свидетельству Чуйкова, имела своеобразный характер. Основные позиции — как советские, так и польские — проходили по межозерным перешейкам. Между позициями находилась никем не занятая зона шириной 10—15 километров. В этой полосе действовали небольшие отряды партизан, которые охраняли органы советской власти, обеспечивали их работу. Случалось, нейтральную полосу пересекали польские

¹ В настоящее время Вильнюс.

разведчики, но о них партизанские дозоры предупреждали командование полка задолго до того, как они приближались к сторожевым постам и позициям. Это позволяло чуйковцам организовать противнику достойный отпор.

Такого рода «позиционная» малая война длилась вплоть до мая 1920 года. За это время полк пополнился командирами и красноармейцами, которые прибыли из центральных районов страны. Но уже в начале мая поляки перешли в наступление на Украине и через несколько дней захватили мать городов русских — Киев. Обстановка требовала незамедлительных действий, и советское верховное командование силами Западного фронта решило нанести контрудар.

Полку Чуйкова была поставлена задача сосредоточиться в районе деревни Заслоново, на стыке с 6-й стрелковой дивизией справа, с целью захвата города Лепеля. Левее оборудовал позиции соседний, 44-й полк.

По докладам разведки, оборона поляков перед городом Лепель проходила между озерами Боровно, Глыбочица, Полевиж, в 3—5 километрах юго-восточнее города. Позиции противника представляли собой глубокие траншеи, опоясанные в несколько рядов проволочными заграждениями. Кроме того, впереди на взгорках были оборудованы крытые пулеметные гнезда. Они имели хорошие секторы обстрела.

Чуйков, хотя и имел за плечами опыт широкой маневренной войны в Поволжье, на Урале и в Сибири, до этого никогда не сталкивался с таким видом противопехотных заграждений как колючая проволока. На Восточном фронте ничего подобного не было. Именно проволочных заграждений особенно опасался Чуйков. При недостатке в полку артиллерии, а также ограниченном количестве снарядов, нельзя было рассчитывать на то, чтобы силой артогня обеспечить проход в заграждениях на главном направлении удара дивизии.

Поэтому Чуйков начал искать выход из сложившейся ситуации. Причем решение нужно было найти такое, чтобы не допустить потерь личного состава. И оно было найдено. Чуйков задумал взять противника врасплох — атаковать его ранним утром, предварительно проведя 5—10-минутную артподготовку. А «прорубить» проход в заграждениях он решил ручными гранатами системы Новицкого. Эти пятифунтовые фугасные бомбы с подвязанными к ним на крепких метровых шнурах грузиками как нельзя, кстати,

подходили для выполнения задачи. При падении такой гранаты на колючую проволоку шнуры наматывались на нее и взрыв происходил не на земле, а в самой гуще «колючки». В результате образовывался коридор диаметром до трех метров, необходимый для прохода пехоты. Для реализации задуманного Чуйкову удалось заполучить из складских запасов, без малого, почти сотню гранат.

Но планы — еще не конечный результат. Готовясь к наступательным действиям, Чуйков постарался по максимуму использовать возможности разведки. Делать ставку на разведку стало его правилом. Оно было усвоено еще в боях с колчаковцами на Восточном фронте. Неслучайно Чуйков часто любил повторять: «Разведка прежде всего».

Разведчики не подвели. Высланные группы сумели «заглянуть» в глубину обороны противника: изучили укрепления, расположение подразделений, траншеи, опорные пункты, ходы сообщения в тыл. Венцом их работы стал захват двух пленных польских солдат. Пленные оказались словоохотливыми на язык. Они подробно рассказали Чуйкову об укреплениях и силах, обороняющих Лепель, показали на карте места, где оборудованы пулеметные гнезда, наблюдательные пункты... Иными словами, сообщили ценные сведения, которые практически полностью совпали с данными, добытыми разведчиками.

Наступление, как и было задумано, началось рано утром 14 мая. Вперед на этом участке фронта пошли 43-й полк Чуйкова и соседний 44-й. Бойцы, лежавшие в готовности перед проволочными заграждениями, стремительно ринулись на врага. Атакующая цепь, вспоминал Чуйков, неслась на польские позиции, как лавина, сокрушая и ломая все на своем пути. Были слышны взрывы «пятидюймовок», проволочные заграждения противника взлетали на воздух, ружейная и пулеметная стрельба шла по всему фронту.

Поляки явно не ожидали такого быстрого и мощного удара. Первые траншеи бойцами Чуйкова были захвачены вместе с обороняющимися. Перепуганные и растерянные *жолнежи* тут же вскидывали руки вверх. А наступающие устремились дальше. Вскоре при поддержке артиллерии была захвачена вторая линия позиций. Польские солдаты, не выдержав дружного и стремительного натиска чуйковцев, в панике бросились назад, в город. Офицеры, размахивая саблями и выкрикивая матерные слова, пытались остановить своих подчиненных, но их усилия были напрас-

ными. Преследуя по пятам противника, красноармейцы буквально на его плечах ворвались в город.

В самом городе уличные бои продолжались недолго, хотя отдельные дома приходилось брать в штыковых и гранатных схватках. Новогрудский полк поляков, оборонявший город Лепель, был разбит и отброшен за реку Эсса. В дальнейшем 43-й полк Чуйкова с ходу захватил на западном берегу реки большую деревню Стайки, что в нескольких километрах от города.

Соседи из 44-го полка тоже действовали успешно. Переправившись через реку, они во взаимодействии с частями 6-й стрелковой дивизии, овладели несколькими населенными пунктами. В итоге была пробита большая брешь в обороне поляков.

К сожалению, не обошлось без потерь. В бою за Лепель погиб комиссар полка Иван Котылев. На протяжении всей наступательной операции он находился в боевых порядках, личным примером увлекая за собой бойцов. Пуля настигла комиссара тогда, когда противник был уже фактически разгромлен. Поредели и батальоны полка.

На волоске от смерти находился сам Чуйков. Так получилось, что он с несколькими красноармейцами на конях настолько увлеклись атакой, что не заметили, как оторвались от основных сил и выскочили на отступавшую роту поляков. Властная команда Чуйкова: «Бросай оружие!» возымела действие на солдат, но не на офицеров, которых оказалось не меньше семи. Они открыли огонь. Под Чуйковым рухнул конь. Отстреливаясь из двух револьверов, он уложил двух офицеров. Патроны были на исходе. В мозгу пронеслась мысль, что наступила минута расставаться с жизнью. И в этот момент из-за угла улицы буквально вылетели конники его полка. Чуйков был спасен.

Однако ранения избежать не удалось. Когда после спасения Чуйков пересаживался на нового коня, то неожиданно почувствовал ноющую боль в левой ноге, выше колена. И одновременно, вставляя ногу в стремя, ощутил мокроту в сапоге. Как оказалось, это была кровь. В разгаре боя он даже не заметил, что его ранили. Причем ранение было не пулевое, не осколочное, а штыковое. Где, когда и кто его ударил штыком — ответа на эти вопросы Чуйков не нашел.

Безусловно, бесстрашия, храбрости Чуйкову было не занимать. Тем более было на кого равняться. За время пребывания на Восточном фронте под началом легендарного начдива Азина он многое у него перенял. И все-таки зани-

маемая им должность уже обязывала его меньше проявлять лихости. Но победителей, как говорят, не судят.

За умелое командование полком и взятие города Лепеля Чуйков был удостоен второго ордена Красного Знамени. В Грамоте о его награждении сказано:

На основании права, предоставленного приказами Революционного Военного Совета Республики 1918 года за №№ 511 и 2322, Революционный Военный Совет 3-й Армии постановил присудить орден КРАСНОГО ЗНАМЕНИ... командиру 43 стрелкового полка 5 стрелковой дивизии ЧУЙКОВУ за отличия в бою против врагов Социалистического Отечества.

14 мая 1920 года у гор. Лепеля, в лобовом ударе по укрепленным позициям, провел решительную атаку и лично впереди всех руководил боем. После полутора часового боя на улицах города Лепеля обратил противника в бегство, не успевшего сжечь за собой мосты и оставившего большую военную добычу.

Приказ по III-й Армии №512/295.

Был отмечен и полк Чуйкова, ему позднее вручили Революционное Красное знамя. Эта награда была получена как за прежние, так и нынешние заслуги. Полк стал называться 43-й Краснознаменный стрелковый полк. Вот что писала об этом событии красноармейская газета «Красный набат»:

В Н-ской дивизии происходило торжественное вручение Красного знамени Н-скому полку. Красивыми стройными рядами, указывающими на высокую степень товарищеской дисциплины, проходил полк под звуки церемониального марша.

Н-ский полк был лучшим полком знаменитой на востоке Азинской дивизии. Под руководством героя командира т. Чуйкова он вступил в нашу дивизию и сразу же стал впереди всех других. Личным примером, неустрашимой храбростью т. Чуйков завоевал доверие бойцов своего полка, заражая их неустрашимостью и спокойной уверенностью в победе.

Полк стал непобедимым на Восточном фронте, полк постоянно прорывал фронт противника и находился в тылу у неприятеля, содействуя скорейшей победе.

Немало славных страниц вписал полк в свою историю и здесь, на Запфронте. Взятие Лепеля останется в памяти всех.

Во всей жизни полка немало изумительных случаев геройства... Можно с уверенностью сказать, что этот полк будет крепко держать в своих мощных руках заслуженное им Красное знамя.

В 5-томном издании «История Гражданской войны в СССР», выпущенном в Государственном издательстве политической литературы в 1960 году, также нашло отражение взятие Лепеля полком Чуйкова: «В районе Лепеля наступали части 5-й стрелковой дивизии. Ее 43-й стрелковый полк под командованием В.И. Чуйкова атаковал неприятельские позиции на подступах к городу. Удар был настолько неожиданным для противника, что он не смог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления и стал отступать. В боевых цепях наступавших все время находились командир полка Чуйков и комиссар Китаев¹. В ходе этого боя полк забрал в плен более 200 вражеских солдат и офицеров и захватил различное вооружение».

Слава следовала за 43-м полком и его командиром и дальше. В бурном переплете жестоких боев, а они не стихали до самой осени. Чуйков неоднократно проявлял чудеса героизма и отваги. Нередко победы давались не точным расчетом, а дерзостью, натиском без оглядки, риском. Чуйков не щадил ни себя, ни бойцов.

Но на войне как на войне. Бывало всякое. Не раз случилось, когда попавшие в окружение или в плен польские солдаты пытались откупиться деньгами. Без стеснения они протягивали бойцам тугие кошельки, полагая, что это спасет им жизнь. И очень удивлялись тому, что красноармейцы возвращали кошельки назад, строили «взяточников» в колонны и отправляли в тыл.

А в одном из боев подчиненные Чуйкова захватили двадцать чистокровных коней венгерской породы. Одно-го коня-красавца с офицерским седлом Чуйков взял себе. Бойцы за словом в карман не полезли, тут же дали ему кличку — Пилсудский. Конь оказался послушным и резвым на ногу. С ним Чуйков не единожды потом ходил в бой.

Тем не менее нужно отдать должное и противнику. Он сражался упорно. Польские солдаты и офицеры были хорошо экипированы и вооружены. Тогда как части Красной армии в плане снаряжения и вооружения выглядели намного хуже. Не хватало достаточного количества боеприпасов, их подвозили с большими перебоями. Поэтому при-

¹ Правильно Котылев.

ходилось беречь каждый снаряд, каждый патрон. Бить без промаха по врагу был едва ли не единственный выход из создавшегося положения. Плохо было налажено и продовольственное снабжение. Однако, несмотря на трудности, 43-й полк шел вперед. Как двигались дальше на Запад, подобно грозovým тучам, бригады, дивизии, армии, фронты, освобождая от польских панов Украину и Белоруссию.

Армия Пилсудского терпела поражение за поражением. В ходе летнего наступления Красная армия освободила Киев, Минск, Гродно, Вильно и еще множество больших и малых городов, захваченных польскими войсками.

Пилсудский, чувствуя провал своего плана о воссоздании Великой Польши «от моря до моря», обратился за помощью к Верховному совету Антанты. Руководство блока незамедлительно отреагировало на просьбу главы Польши, предъявив 11 июля ультиматум руководству Советской России с требованием приостановить наступление Красной армии, начать переговоры и определить границы на линии Гродно — Брест, примерно соответствующей территории расселения этнических поляков. В случае непринятия этого условия, говорилось в ноте министра иностранных дел Англии маркиза Джорджа Керзона, Антанта оставляет за собой право оказать помощь Польше всеми средствами.

Однако советское правительство 17 июля отвергло ультиматум Антанты, заявив, что если польское правительство хочет мира, пусть оно само обратится с подобным предложением. Польша на этот шаг не пошла, а Красная армия продолжала вести наступательные действия. На устах красноармейцев был один лозунг: «Даешь Варшаву!». Кроме того, в советском руководстве рассчитывали на всеобщее восстание польских рабочих и крестьян, что также способствовало бы свержению режима Пилсудского. Но этого не произошло.

Между тем страны Антанты начали активно помогать Польше — деньгами, оружием, снаряжением. В Варшаву прибыли военные советники. Польская армия, отходя за Буг, а затем Нарев, на северном участке фронта одновременно группировала в районе Люблина свои основные силы для контрудара, о чем командование Красной армии не знало. Вот что пишет в своих мемуарах о происходивших в тот период событиях Чуйков:

При организации наступления Красной армии на втором этапе после форсирования Буга и Нарева Реввоенсоветом и командованием фронтов Красной армии

был допущен ряд серьезных просчетов. Не было учтено, что полки и дивизии понесли значительные потери, тылы далеко отстали от фронта, подвоз продовольствия почти прекратился, люди устали, лошади падали от истощения. Заготовить что-либо из местных ресурсов не удавалось — старый урожай был съеден, а новый еще не созрел. Вместо удара главными силами двух фронтов — Западного и Юго-Западного — на Варшаву Западный фронт повел свои армии севернее Буга и Нарева в обход столицы с севера. Части Юго-Западного фронта шли на Львов. Таким образом, два фронта наступали по расходящимся направлениям. Прямо на Варшаву двигались слабенькая Мозырская группа и 16-я армия, которые не могли противостоять войскам белополяков, сосредоточенным, как оказалось позднее, в районе Люблина. И, наконец, наступление барона Врангеля из Крыма создало реальную угрозу захвата Донбасса, что потребовало также отвлечения войск и боеприпасов...

И далее еще один непредвзятый штрих:

Войска сильно устали, подвоза продовольствия с тыла не было. Завидя картофельное поле, красноармейцы набрасывались на него, и никакими силами невозможно было их согнать и продолжать движение, пока они не наполнят свои котелки картофелем. Управление войсками было нарушено отставанием штабов дивизий. Плохо организованная разведка не могла заранее обнаружить ударную группировку противника (две армии) на реке Веприс.

Пятнадцатого августа польская армия перешла в решительное контрнаступление, в результате которого были окружены войска Западного фронта. Вновь закипели жестокие бои. Забегая вперед, скажем, что в ходе польского наступления, по разным оценкам, погибло более 25 тысяч бойцов и командиров Красной армии, еще 66 тысяч попали в плен. Кроме того, почти 50 тысяч человек (4-я армия, две дивизии 15-й армии и весь 3-й конный корпус) Западного фронта, прижатые к границе Восточной Пруссии, не могли прорваться на восток, перешли в Германию, где и сложили оружие. Позже они были интернированы. «...Нам не хватало сил довести войну до конца, — писал В. И. Ленин. — При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка... и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами».

В течение двух месяцев польские войска захватили в Белоруссии города Белосток, Лиду, Волковыск и Бара-

новичи, а на территории Украины — Ковель, Луцк, Ровно и Тернополь¹. Но дальше развить успех им не удалось. Обе стороны перешли к обороне. 12 октября в Риге было подписано перемирие. А в марте 1921 года был подписан выгодный для Варшавы Рижский мирный договор, в соответствии с которым в состав Польши вошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Они оставались там до сентября 1939 года. Но об этой странице истории еще пойдет речь впереди.

Мы же продолжим рассказ о трагических для Красной армии днях лета и осени 1920 года. Чуйков вместе со своим полком сполна испил всю горечь отступления. За это время он десятки раз побывал под артиллерийскими обстрелами, прошел сквозь ливни пулеметного огня, выстоял в штыковых атаках... А в польском городе Пултуске едва не расстался с жизнью. В очередной раз.

В тот день он вместе с конной разведкой в числе последних отходили к переправе. Неожиданно на одной из окраинных улиц загремели выстрелы. Помчались туда, поскольку там могли находиться бойцы полка. Несясь рысью вместе с ординарцем Петром Соломиным, Чуйков услышал выстрел, и тут же его лошадь тяжело рухнула на землю.

Перелетев через голову коня, он быстро встал на ноги и посмотрел в сторону небольшого кирпичного особняка. Именно оттуда прилетела пуля. Вскоре прогремел новый выстрел. Пуля буквально просвистела над головой. Чуйков увидел в окне второго этажа руку в белой перчатке с блестящим револьвером. Он рванулся к двери, что выходила на улицу, быстро взбежал на второй этаж. В первой комнате никого не оказалось. Ворвавшись в соседнюю, Чуйков на мгновение застыл от неожиданности. Можно сказать, растерялся. У окна стояла молодая женщина с браунингом в правой руке. Резко развернувшись, она почти в упор выстрелила в Чуйкова. К счастью, не попала. Следующего выстрела не последовало.

— Что, патроны закончились? — крикнул Чуйков, направив свой револьвер в сторону женщины.

Бросив на пол оружие, она, сверкнув глазами, полными враждебной ненависти, ответила:

— Да, пан...

Что происходило в комнате дальше — в воспоминаниях Чуйкова об этом нет ни слова. Ныне, через версты времени,

¹ В настоящее время Тернополь.

мы можем лишь выстраивать различные версии. Сам же он эту страничку своей биографии завершил так: «Возвращаясь с трофейным браунингом, я встретил на лестнице спешившего ко мне ординарца Соломина. У дверей на улице стоял начальник конной разведки Гурьянов и с ним трое разведчиков. Я сел на запасного коня и поскакал к переправе...»

Любая война состоит не только из побед. Также в исторических летописях нельзя отыскать непобедимых армий. Израненные, истощенные части Красной армии беспорядочно катились назад. Прикрывая окруженные главные силы бригады, полк Чуйкова отступал от Полтуска. В дальнейшем к чуйковцам присоединился 44-й стрелковый полк. Путь лежал на восток, в полосе, ограниченной с юга железной дорогой Белосток — Варшава и с севера шоссейной магистралью Белосток — Замбрув — Вышкув. Двигаться приходилось вне дорог, в основном по полям, где посевы делились частыми межами, что сильно затрудняло движение как людям, так и лошадям. Из-за малочисленности личного состава, нехватки боеприпасов отступавшие старались не ввязываться в бои с противником.

Между тем положение становилось все сложнее и сложнее. В районе шоссейной дороги Замбрув — Чигово, куда полки вышли в один из августовских дней, Чуйков опять едва не погиб. И причиной стала его бесшабашность. Для выяснения обстановки у шоссе, он направил туда конных разведчиков, а сам стал наблюдать за их действиями с крыши сарая.

В какой-то момент ему показалось, что разведчики очень медленно продвигаются вперед, прячутся за кустами и деревьями, чего-то выжидают. Чуйков не выдержал, крикнув своему ординарцу Петру Соломину: «Подать коня!». Быстро спустился с крыши, вскочил в седло и поскакал к разведчикам. Разгоряченный, Чуйков на какое-то время потерял бдительность, и оказался в стане врага. Вот как он сам рассказывает о том, что происходило дальше:

Проскочив линию разъездов и дозорных, перевалив через бугор, я очутился в двухстах метрах от населенного пункта, через который проходило шоссе. Посреди улицы увидел человека в военной форме, опиравшегося на винтовку. Остановив коня, я крикнул: «Какой части?» — и тут же услышал ответ по-русски: «Подъезжай ближе, тогда скажу». В этом ответе я уловил небольшой польский акцент с ударением на предпоследнем слоге, и понял, что передо

мной противник. Присмотрелся внимательно. За домами и палисадниками скрывались солдаты, кавалеристы, которых выдавало позвякивание удила у лошадей.

С быстротой молнии сознание уловило, что я попался в ловушку.

Надо было действовать, и действовать без промедления.

Будто ничего не замечая, я тут же крикнул в ответ военному:

— Ты что, боишься меня одного? Тогда пошли кавалеристов, которые спрячутся за домами, и мы выясним, кто я и кто вы!

Я надеялся, что, как только он сам или кавалеристы решатся выехать ко мне на переговоры, я поверну своего коня и, надеясь на его резвость, сумею ускользнуть от них. Ведь солдаты побоятся стрелять по мне через своих. Но военный ответил, что он из 47-го полка и кавалеристов посылать не будет.

Теряя надежду, я все же спросил:

— Сорок седьмой полк? Какой бригады?

— Пятнадцатой.

Тут стало ясно: чем дольше я буду говорить, тем лучше солдаты противника в меня прицелятся. То, что передо мной противник, я уже не сомневался. И решил, как говорить, погибать — так с музыкой. Крикнув врагу: «Ты, сволочь, меня не обманешь», — быстро повернул коня, и он молнией понес меня назад.

По мне застрочили пулеметы, раздалась винтовочные залпы.

Трудно сказать, сколько метров мне удалось проскакать невредимым. Я уже начал думать, что и из этого, по существу, безнадежного положения выйду невредимым. И тут почувствовал сильный удар в левую руку выше локтя. В глазах потемнело от боли... Я не хотел верить, что буду убит или захвачен в плен. Конь нес меня во весь опор. Но вдруг я почувствовал, что он дрожит и сбивается с ритма. Если конь ранен, тогда конец. И действительно, он через две-три секунды на полном скаку упал на дорогу. Я, словно циркач, перелетел через его голову и приземлился на обе ноги. Левая моя рука висела как плеть. Схватив правой рукой левую, засунул ее за ремень бинокля. Бежать я не мог и пошел, шатаясь, в сторону наших войск.

Пройдя несколько шагов, понял, что, удирая от противника, я уже перевалил бугор и был вне видимости врага. Томила жажда. Заметив в канавке лужу, зачерпнул фуражкой воды, напился. Тут ко мне подскочил ординарец со своим конем. Кое-как я взобрался на коня и рысью тронулся к своему полку. По дороге я впадал в забытие и, приходя в сознание, старался удержаться в седле.

Окровавленного Чуйкова — в крови были лицо, руки френч, бриджи — бойцы сняли с коня и бережно положили на повозку. Ранение оказалось тяжелым. Разрывная пуля раздробила ему все плечо. Рана была большой, примерно восемь сантиметров длиной и пять шириной, из которой торчали осколки раздробленной плечевой кости. Обезболивающих препаратов тогда и в помине не было. Не оказалось в тот момент рядом даже простого санитаря, не говоря уже о фельдшере или враче. Перевязку сделали сами бойцы.

А дальше — долгий, наполненный нестерпимыми болями, путь по польским тылам. Повозку, на которой Чуйкова везли, трясло так, что он отчетливо слышал, как скрипят осколки кости в раненой руке. Иногда Чуйков впадал в забытие. Потом приходил на какое-то время в себя, а затем опять куда-то надолго проваливался. Неоднократно раненый и контуженный, Чуйков никогда так не чувствовал приближение смерти, как в эти мучительные для него дни.

На коротком привале в очередном населенном пункте было принято решение отправить Чуйкова в Белосток, где располагался полевой госпиталь. Его переложили на другую повозку, подстелили побольше сена. Кроме того, выделили повозочного и двух конных разведчиков для сопровождения. Но вскоре выяснилось, что этот город уже захвачен поляками. Пришлось следовать другим маршрутом — в сторону крепости Осовец, через городок Тыкоцин. Оттуда Чуйкова доставили в город Гонендз в бригадный лазарет. В лазарете ему наконец-то обработали рану, сделали перевязку по всем правилам, наложили на раненую руку шину. На следующий день его привезли в Гродно. Но и на этом дорожная одиссея Чуйкова не окончилась. По железной дороге он прибыл в Витебск, где находился госпиталь. Тамашние хирурги сделали все, чтобы спасти ему руку.

Спустя два месяца, в середине ноября, Чуйков вышел из госпиталя. И хотя рана еще окончательно не зажила, он настоял на досрочной выписке. Чуйкова трудно было удерживать на месте. Такой уж неумный характер был у этого человека. Да и молодость кипела в его крепких и энергичных жилах.

После госпиталя ему полагался отпуск по ранению, от которого он тоже хотел отказаться. Однако вышестоящее командование чуть ли не в приказном порядке отправило его все-таки на побывку домой. Бои к тому времени уже прекратились. Его родной 43-й полк, в котором он побывал перед отъездом, дислоцировался в районе Полоцка. Его

задача состояла в том, чтобы охранять пока еще условные границы между Советской Россией и Польшей.

В первых числах декабря Чуйков уже был в родных сердцу Серебряных Прудах. Село стояло все белое, снег застелил своим покрывалом все стежки-дорожки, нахлобучил шапки и папахи на крыши строений и деревьев. Из печных труб домов к небу тянулись ровные столбы дыма. Заливисто лаяли собаки во дворах.

Почти три года отсутствовал Чуйков в родительском доме. И вот он в кругу близких ему людей. То ли от радости, то от испуга заголосила и упала на лавку мать.

— Успокойся, не плачь! — говорил он, припав к ее теплomu лицу.

Скупое, по-мужски Василий обнял отца, ощутив его жесткую бороду. А сколько было восторга у сестер при виде их Васи! И не просто Васи, а командира Красной армии, на груди которого сверкали два боевых ордена! Из восьми его братьев в отцовском доме никого не было. Шестеро из них находились на службе: трое в армии и трое на флоте. Все они были живы и здоровы. И хотя по возрасту Василий был пятый сын, но по командной должности он стоял их выше.

На следующий день в просторную избу Чуйковых заглянули и соседи. Им тоже хотелось полюбоваться на красного командира, да заодно расспросить о делах на фронтах, о том, как у них будет складываться жизнь при советской власти. Селянам тогда не давали покоя многие вопросы, касающиеся войны, политики военного коммунизма...

В отпуске Чуйков пробыл почти месяц, а в январе 1921 года вернулся в родной полк. До самой весны полк занимался охраной границы, так как на этом участке не было пограничных частей. Но с их прибытием чуйковцев перевели в небольшой городок Велиж, расположенный в восьмидесяти километрах от белорусского Витебска и 120 километрах от русского Смоленска.

Несмотря на то, что в этих краях уже налаживалась мирная жизнь, все равно здесь было беспокойно. Связано это было с тем, что в белорусских лесах развелось немало различных банд. В их состав входили бывшие белогвардейцы, дезертиры и другой люд, недовольный советской властью. Бандиты безжалостно убивали коммунистов и комсомольцев, продотрядовцев, грабили население, нападали на обозы с хлебом, сжигали дома и имущество сочувствовавших Советам... К сожалению, местными силами ликвидировать банды не получалось. Органы власти

были вынуждены обратиться за помощью к командованию Красной армии.

Задачей полка в тот период являлась как раз борьба с бандитизмом. Чуйков был назначен начальником боевого участка № 4 — начальником гарнизона города Велиж. Так называлась его должность. Одновременно он возглавил комиссию по борьбе с бандитизмом Витебского района. В состав участка № 4 входили Городокский, Невельский, Суражский и Велижский уезды Витебской губернии.

Бороться с бандитами было крайне сложно. Совершив кровавую вылазку, они сразу уходили в лесные чащобы. Преимущество бандитов состояло в том, что они хорошо знали местность: большинство из них были уроженцами здешних сел и городов. Однако Чуйков и его подчиненные научились выявлять базы бандитов и уничтожать их. Выручала природная сметка, твердая воля, а также военная хитрость, заставлявшая бандитов делать ошибки. В ликвидации бандитизма большую роль сыграла и амнистия добровольно явившимся с повинной. Как и на фронтах Гражданской войны, Чуйков многократно рисковал жизнью. В каких только переделках он опять не побывал!

В тот день он с шестью своими бойцами возвращался из города Сураж в Велиж. При спуске в овраг Чуйков увидел человека с винтовкой. Одет он был в брезентовый плащ. И явно не являлся красноармейцем. На полном скаку Чуйков рванулся к незнакомцу. Однако в этот момент из глубины оврага раздался залп. Лошадь как подкошенная рухнула на землю. Стреляли бандиты, которые скрывались в кустах. Невероятное везение спасло Чуйкова от верной смерти и на этот раз. Не зря про таких говорят: в рубашке родился. И нелзя с этим не согласиться.

Бывали и курьезные случаи. Об одном из них Чуйков рассказывает в своих мемуарах: «Темной ночью втроем скачем из Сертейской волости в город Велиж после удачной боевой операции. Я впереди, за мной два разведчика. Спускаюсь в лесной овраг. Моя лошадь в темноте спотыкается и падает. Неужели попал в засаду? Если подам голос, могут открыть огонь. Лежу, молчу. Слышу, два моих разведчика проскакали мимо. Начинаю ощупывать вокруг себя. Кроме лошади, нащупываю еще что-то в шерсти. И тут же слышу женский голос: “Батюшка, не задавите мою корову!” Тут я приободрился и спрашиваю: “Кто вы?” Тот же женский голос отвечает: “Да мы ведем в город продавать корову, но она заупрямилась и легла”».

В том же 1921 году с переходом страны на мирные рельсы началось реформирование армии, в рядах которой насчитывалось 5,5 миллиона человек. Иными словами, началось ее сокращение, поскольку состояние экономики в государстве было таково, что на содержание такой армии просто нельзя было найти не только большие, но и достаточные средства. Из-за скудной казны вместо армий создавались стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. В стрелковых дивизиях упразднялись бригады, которые преобразовывались в полки, а полки соответственно в батальоны. Одновременно шла массовая демобилизация. В города и села — к семьям, к плугам, к станкам возвращались тысячи бойцов, отслужившие свой срок или отвоевавшие свое на фронтах Гражданской войны.

Кто должен был остаться в армейских рядах из командирского состава, четко определил приказ Реввоенсовета Республики № 504 от 1 марта 1921 года:

1. В основу оценки соответствия лиц комсостава занимаемым должностям и представления к продвижению... ставить боевые качества и преданность Советской власти. Если аттестуемый начальник в своей настоящей должности был способен управлять своей частью при боевой обстановке революционной войны и при этом проявил себя преданным работником Советской власти, то это вполне определяет как его пригодность к занимаемой должности, так и возможность продвижения на высшую...

2. С особым вниманием относиться к оценке тех начальников, которые выдвинулись на командные должности из красноармейской среды во время революционной войны... они особенно ценны для армии. Если теоретические познания в военном деле этих лиц невелики, то необходимо стремиться поднять их военное образование...

3. Не допускать, чтобы лица комсостава, не имеющие боевого стажа, но опытные в деле обучения войск... получали бы преимущества перед начальниками, проявившими особые способности к управлению войсками в боевой обстановке...

Чуйков в полной мере соответствовал требованиям этого приказа. Он делом доказал свои боевые качества, преданность советской власти и вышел в командиры из красноармейской среды. Таким образом, его ближайшее будущее было предопределено. Чуйкова не только оставили в армии, но предложили поехать учиться в Военную ака-

демию. Он без раздумий согласился, поскольку стремление учиться было огромным.

Осенью 1921 года Чуйков, «как имеющий боевой и революционный стаж», был зачислен слушателем подготовительного отделения Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). С грустью он расставался с однополчанами, с кем ходил в штыковые атаки, делил поровну тяготы и невзгоды фронтовой жизни. Чуйкову было приятно провести свой последний вечер с боевыми друзьями. Даже немного расстроился от добрых слов и пожеланий в свой адрес. На прощание, как водится, были крепкие объятия и рукопожатия. Частица сердца Чуйкова осталась в полку, где прошло его становление как командира полка. Так всегда бывает в жизни любого человека, военного в особенности, когда пройден ее определенный этап. Впереди был новый, по нему Чуйков пошел дальше, к очередным высотам службы.

Глава 4

ПОД ОПЕРАТИВНЫМ ПСЕВДОНИМОМ КАРПОВ

Как и многие мои сверстники, я садился за книгу, чтобы «грызть гранит науки». Чтобы по-настоящему служить Родине, надо было учиться. Этот лозунг предопределил и мой жизненный путь на многие годы. Так закончилась для меня Гражданская война и вместе с нею тревожная молодость.

В.И. Чуйков

Москва встретила Чуйкова осенней прохладой. Резкий ветер гнал по улицам и переулкам рой опавших с деревьев листьев, обрывки газет и мелкого мусора. Громко звенели по рельсам трамваи. На Тверской, в Охотном Ряду бурлило пестрое многолюдье, растекавшееся бурными потоками и небольшими ручьями по конторам, учреждениям, магазинам... Из мелких лавок тянуло ароматами квашеной капусты и соленых огурцов, а трактиры источали аппетитные запахи жаренного мяса.

Обилие еды вызвало у Чуйкова раздражение, поскольку в стране свирепствовала бесхлебица, вызванная страшной засухой. Невольно вспомнился и Западный фронт. Фунт хлеба и приварок из сушеных овощей без рыбы и мяса — вот и весь дневной рацион его бойцов. На «десерт» — черника, которую они собирали на белорусских и польских болотах. В столице, похоже, народ не голодал.

Военная академия РККА располагалась в бывшем Охотничьем клубе на Воздвиженке. Это было первое высшее военно-учебное заведение Советской России, созданное в 1918 году. Тут же, неподалеку от академии, на Знаменке, в Лесном и Ваганьковском переулках, находились общежития для профессорско-преподавательского состава и слушателей.

В соответствии с приказом РВСР № 1968 с 1921 года на Военную академию возлагалась задача подготовки для

Красной армии квалифицированных работников Генерального штаба, способных руководить красными войсками на войне и подготовкой их в мирное время; сплотить армию единством взглядов и политических убеждений; ускорить проведение в РККА единоначалия.

С приподнятым чувством 3 октября — именно в этот день начались занятия — Чуйков перешагнул порог академии. Настроение было праздничное, на лице и в глазах читалась нескрываемая радость. Душевное состояние Чуйкова можно было понять без всяких пояснений: он, простой крестьянский парень из Тульской губернии, слушатель главного военно-учебного заведения страны! Подобные чувства испытывали и его новые товарищи. Но парта — не кавалерийское седло, ручка — не шашка, указка — не штык. Испытание боем Чуйков выдержал с честью, теперь его предстояло выдержать учебой.

Вот что писал о слушателях набора 1921 года помощник начальника академии по политчасти Л.Ф. Печерский: «Съехалось, если я не ошибаюсь, около 700 человек. Здесь были представлены все классы, все школы и все фронты. Подавляющее большинство были коммунисты из рабочих, крестьян и интеллигенции. Первый набор, после ликвидации всех фронтов, собрал массу весьма ценного боевого материала. Но огромная часть не обладала достаточной подготовкой, представляя в то же время огромный боевой опыт... Пусть они мало подготовлены были в общеобразовательном отношении, но они явились в академию с поля гражданской войны. То не были проводившие несколько лет в царской казарме подпоручики, поручики и штабс-капитаны. На руках многих из них еще свежи были следы молота и серпа, который они выпустили только лишь в бурные дни рабоче-крестьянского восстания 17-го года. У многих из них еще не совсем зажили свежие раны, нанесенные им их классовыми врагами на полях Сибири, Украины, Крыма и Кубани».

Правда, внешний вид новоиспеченных «академиков» был далеко не парадным. Складывалось такое впечатление, что они собрались на бал-маскарад. Так разношерстно все были одеты и обуты. Шинели Красной армии с клапанами-застежками соседствовали с шинелями старой армии. Часть слушателей щеголяла в кожаных тужурках и галифе различных цветов. Обувь тоже имела отличия. У одних слушателей были хромовые сапоги, у других — английские ботинки, у третьих — ботинки, но с обмотками. Что касается

головных уборов, то и здесь отсутствовало единообразие. Кто в фуражке, кто в буденовке, кто в папахе...

Ничего удивительного в этом не было. Новая форма в Красной армии, хотя и была введена, но ее катастрофически не хватало. Для того чтобы одеть несколько миллионов человек, требовались огромные ресурсы: и материальные, и технические, и людские. А их в условиях войны, по определению, не могло и быть. Тем не менее обмундирование постепенно поступало в войска. В этом плане Чуйкову повезло. Перед отъездом в Москву он получил новую форму. Она сидела на нем ладно, подчеркивая его стройность, подтянутость и безукоризненную выправку.

Потекли учебные будни. Занятия начинались ежедневно с 10 часов и заканчивались к 17. Академический час длился 40 минут. Питание слушателей было организовано тут же, при академии. По тем временам слушателей кормили просто по-барски. Им выдавали на день два фунта хлеба, несколько золотников сахара, пшеничную кашу и воблу. Также 2—3 раза в неделю они ели мясо, но в основном конину.

Программа обучения была насыщенной. В соответствии с ней Чуйков и его товарищи изучали стратегию, военную философию, тактику всех родов войск и общую тактику, историю военного искусства, историю всемирной войны (1914—1918 годов), военную географию, военное инженерное дело, военную администрацию, военную геодезию (топографию), международное право, историю цивилизации народов, психологию... В обязательном порядке слушатели должны были изучать два иностранных языка, в том числе немецкий, как основной.

Однако трудности встречались на каждом шагу. Бедственное положение страны накладывало свой отпечаток на учебу будущих генералов и маршалов. Слушатель академии тех лет, а впоследствии маршал Советского Союза К.А. Мерецков, в своей книге «На службе народу» так описывает академические будни:

В аудиториях мест не хватало. Поэтому слушатели торопились занять себе на скамье место. Порой в одном углу комнаты чертили рельефы, в другом анализировали схему битвы при Бородино, в третьем изучали факультативно немецкий язык, а в четвертом заседавшая там хозяйственная комиссия решала, стоит ли давать в общежитие слушателю тумбочку. В этих аудиториях мы ежедневно слушали по четыре лекции и проводили еще по два практических за-

нятия. После того как на черном рынке предприимчивый завхоз купил гимназические учебные пособия, дело пошло лучше.

Библиотекой мы располагали немалой. Только пользы от нее было немного. Бывшее достояние Охотничьего клуба, она щедро дарила читателю сведения об отличии пуделей от борзых или о методике ловли рыбы на удочку по способу Аксакова. Когда же появлялись привезенные от букинистов книги по военному делу, их следовало записывать на свое имя как можно скорее, потому что увидеть их снова уже никому не удавалось: большинству слушателей был чужд «буржуазный предрассудок» возвращать книги в библиотеку. Надеяться на одни записи лекций было нельзя. В аудиториях зимой стоял порою такой холод, что даже в варежках записывать было трудно...

Сам Чуйков вспоминал, что в большом дефиците были канцелярские товары. Не хватало карандашей, циркулей, карт, бумаги. Писать приходилось на оберточной бумаге, на обоях или между строчками на страницах старых книг.

Однако тяга к знаниям, возможность получить академическое образование отодвигали на второй план имевшиеся проблемы. Никакие трудности не могли сравниться с окопными условиями, в которых еще недавно пребывал Чуйков и большинство его однокашников. С поразительным трудолюбием, настойчивостью и неутомимостью они осваивали обширную и насыщенную программу. Спустя годы Чуйков сделал такое признание: «Как и многие мои сверстники, я сажился за книгу, чтобы «грызть гранит науки». Чтобы по-настоящему служить Родине, надо было учиться. Этот лозунг предопределил и мой жизненный путь на многие годы. Так закончилась для меня Гражданская война и вместе с нею тревожная молодость».

К слову сказать, в стенах академии в тот период учились или только что ее окончили командиры, чьи имена уже хорошо были известны в Красной армии. Назовем лишь несколько: С.К. Тимошенко, впоследствии нарком обороны СССР, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, П.Е. Дыбенко, впоследствии нарком по морским делам РСФСР, И.В. Тюленев, впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза, В.Д. Соколовский, впоследствии маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В этом же списке и уже упомянутый К.А. Мерецков, впоследствии маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба РККА, Герой Советского Союза. На

момент поступления в академию они уже командовали дивизиями, бригадами, занимали другие высокие должности.

Среди тех, кто сидел с Чуйковым, как говорится за одной партией, также были будущие военачальники: Д.И. Рябышев, впоследствии генерал-лейтенант, командующий Южным фронтом; И.В. Селиванов, впоследствии генерал-лейтенант, командир 30-го стрелкового корпуса; Е.А. Щаденко, впоследствии генерал-полковник, заместитель наркома обороны СССР. Все они, как и Чуйков, отличились в Гражданской войне, были награждены орденами Красного Знамени

Когда Чуйков стал слушателем, академию возглавлял, хотя и короткий срок бывший подпоручик царской армии М.Н. Тухачевский. В годы Гражданской войны он был одним из видных военных деятелей. Достаточно сказать, что Тухачевский командовал 1-й и 5-й армиями на Восточном фронте, затем Закавказским и Западным фронтами. Позднее являлся руководителем групп войск по подавлению кронштадтского мятежа и ликвидации антоновщины. Всесторонне образованный, в том числе в военном отношении, он хорошо разбирался в вопросах стратегии и тактики, умел творчески подойти к любой проблеме. Приняв академию, Тухачевский за короткое время сумел вникнуть в дела многогранной жизни учебного заведения, укрепил постоянные кадры, привлек на преподавательскую работу командиров и комиссаров из войск.

Тухачевский хотел видеть в таких, как Чуйков, не просто хорошо подготовленных командиров, а командиров мыслящих, инициативных. «Вся наша методика обучения, — ставил он задачи преподавателям, — должна быть построена так, чтобы она развивала тактическую активность, смелость, напористость, быстроту действий и мобильность войск... Под этим углом зрения, повторяю, должны строиться все занятия».

Именно такой подход к обучению красных командиров был свойственен замечательным теоретикам и практикам военного дела В.Ф. Новицкому, А.А. Свечину, И.И. Вацетису, Н.Е. Какурину, Ф.В. Костяеву, А.И. Верховскому, А.К. Коленковскому, В.К. Триандафиллову, Д.М. Карбышеву... Их отличали высокая эрудиция, оригинальность мышления и искусство преподавания.

Чуйков с огромным желанием посещал лекции этих преподавателей, поскольку у каждого из них было что взять и чему поучиться. Например, большое влияние как

в теоретическом, так и практическом плане на Чуйкова оказали лекции И.И. Вацетиса и Ф.В. Костяева. Вацетис до революции являлся полковником царской армии, командовал полком, удостоился ряда орденов. Костяев также был выходцем из старой армии, командовал дивизией, дослужился до генерал-майора, за ратную доблесть имел семь боевых наград. Оба этих преподавателя основательно знали военное дело, строили свои лекции на конкретных примерах и фактах, ведь они после службы в царской армии занимали высокие посты и в Красной армии. В частности, Вацетис командовал Восточным фронтом, на котором воевал Чуйков.

На занятиях Вацетиса и Костяева подробно анализировалось все то, что применялось на фронтах Гражданской войны: артиллерийское сопровождение атак, использование пулеметного огня и разведывательных групп, двухэшелонное построение боевого порядка (первый эшелон — конница, второй эшелон — стрелковые соединения), выход командования на поле боя для непосредственного руководства частями и личного наблюдения за ними. По сути, это была новая тактика ведения боевых действий, ее и брали на вооружение «академики».

Большим авторитетом у слушателей пользовались профессор стратегии А.А. Свечин, профессор истории военного искусства В.Ф. Новицкий, преподаватель инженерного дела Д.М. Карбышев. Все они прошли различные ступени военной службы и теперь щедро передавали свой богатый опыт молодому поколению красных командиров. Главный акцент преподаватели делали на том, чтобы их питомцы при решении задач мыслили самостоятельно, избегали шаблона в принятии решений.

Вот что в своих мемуарах от имени слушателей об уроках, наставлениях Карбышева написал выпускник академии, дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза И.Х. Баграмян:

Д. М. Карбышев обладал не только огромнейшим опытом инженерной подготовки войск, но и поразительной эрудицией во всех вопросах военной науки... Лекции он читал с таким знанием дела, так просто и ясно, что самостоятельная работа по его предмету занимала у слушателей наименьшее количество времени.

Интерес к его лекциям исключительно повышался благодаря богатейшему иллюстрационному историческому

материалу, который Дмитрий Михайлович трудолюбиво отыскивал: здесь были и подлинные документы прошедших войн, и диапозитивы, и материалы о последних достижениях инженерной службы иностранных армий, и неисчерпаемый запас исторических примеров. Впервые Дмитрий Михайлович применил для иллюстраций своих лекций и докладов проекционный фонарь.

Очень любили слушатели посещать и консультации Дмитрия Михайловича, во время которых получали все необходимые данные для того, чтобы самостоятельно прийти к правильному решению задачи на предстоящих занятиях. При этом Дмитрий Михайлович отнюдь не натаскивал своих подопечных. Он всегда стремился развить у нас самостоятельность в мышлении, оградить от шаблона, схемы.

Дмитрий Михайлович не жалел времени на работу со слушателями. Он ни разу не сказал, что время истекло, и готов был, казалось, сидеть со слушателями до утра. Когда же запас вопросов иссякал, то он объявлял, где его можно будет найти, если еще возникнут вопросы. Квартира Карбышева находилась рядом с академией, и он просил нас не стесняться и, как он говорил, «топать» прямо к нему домой хоть группой, хоть поодиночке, коль к тому возникнет необходимость.

Теоретические занятия чередовались с занятиями в поле. Группа, в которой учился Чуйков, регулярно выезжала в лагеря, расположенные в районе Ходынского поля, станции Кусково... Здесь слушатели на практике закрепляли знания, полученные в аудиториях академии. В отчете «Как протекал 1921/22 уч. год», опубликованном в 1923 году в сборнике «Военная академия за 5 лет», достаточно подробно изложено, чем занимался Чуйков и его однокашники в летние месяцы. Прочитируем строки из этого документа:

С 1 июня все курсы перешли к летним работам: младший и старший — в район исторической Ходынки, а дополнительный провел корпусную полевую поездку под ст. Кусково, после чего перешел там на практическое ознакомление с огневой ротой.

2-я половина июля пошла на интересную, впервые выполненную экскурсию дополнительного курса в Балтфлот, Кронштадт, Петроградский укрепрайон и на военные заводы Красного Питера.

Полевые занятия двух других курсов в этом году были проведены также совершенно в иных, по сравнению с прошлыми годами, условиях.

Заблаговременно организованные и подготовленные; обеспеченные конским составом и грузовиками, учебными пособиями и пр. средствами они были выполнены с большой пользой для дела. Младший курс провел полуинструментальную, глазомерную, перспективную съемки, маршрут и рекогносцировки, а с 20/VI по 15/VIII — выполнил полевые работы по тактике родов войск (пехота, артиллерия и конница), которые впервые осуществлялись в академии со времени ее существования... Но этим не прекратилась военно-учебная работа личного состава. Многие слушатели отправились в округа для ознакомления с войсками, другие участвовали в маневрах.

Одновременно в тот период в академии были значительно повышены требования к слушателям, их успеваемости, дисциплине, благонадежности. Обусловлено это было тем, что далеко не все из них горели желанием учиться. Доходило до того, что у дверей академии ставили часовых для отлавливания прогульщиков лекций. Кроме, того у некоторых слушателей хромала дисциплина. Была и прослойка, пусть небольшая, не совсем довольная политикой новой власти.

Что касается профессорско-преподавательской среды, то здесь тоже хватало проблем. В основной массе преподаватели, не умаляя их заслуг, являлись представителями старой школы. В своей работе они не использовали, как уже упомянутые выше преподаватели, ни опыт Первой мировой, ни Гражданской войн. Иными словами, отстали от жизни. Тогда как это было крайне важно при обучении нового поколения командиров, которым предстояло участвовать в современных войнах.

В связи с этим руководством страны было принято решение о проведении аттестации как слушателей, так и штатных преподавателей. 8 сентября 1922 года приказом РВСР была создана специальная комиссия, в состав которой были включены видные политические и военные деятели страны А.А. Андреев, А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, Ф.Э. Дзержинский, В.В. Куйбышев. Возглавлял комиссию В.М. Молотов. Перед ней стояла задача сократить личный состав академии, в том числе за счет политически неблагонадежных преподавателей и слушателей, отчислить лиц по причине их слабой общеобразовательной подготовки и т. д.

Н.В. Медведев, обучавшийся вместе с Чуйковым, впоследствии генерал-лейтенант, вспоминал: «...Было проверено 672 слушателя Академии, исключено 366 слу-

шателей — более 50 %. На нашем младшем курсе из 180 слушателей было исключено 73. Причинами исключения из Академии являлись: отсутствие командного опыта, непригодность к штабной работе, беспочвенная самоуверенность в своих знаниях, наличие авантюризма и слабая общеобразовательная подготовка».

Медведев перечислил далеко не все «грехи» своих товарищей. Как свидетельствуют документы, некоторые слушатели подрабатывали на частных предприятиях, а один из слушателей — даже в оперетте. Разумеется, руководство академии и вышестоящее начальство не могли мириться с таким положением дел, и поэтому пошло на принятие строгих мер. В то же время в соответствующем документе, а это был циркуляр РВСР № 405074, были даны разъяснения о целях аттестации и причинах отчисления некоторых слушателей. Примечательно, что отчисленным давался шанс вновь вернуться в альма-матер: «Отчисление, безусловно, не имеет сколько-нибудь дискредитирующего значения, а свидетельствует о том, что данное лицо при имеющемся служебном стаже и полученной общей подготовке не соответствует прохождению курса высшего военно-учебного заведения. В условиях же практической работы откомандирование для многих должно явиться благоприятным моментом, позволяющим пополнить существующие пробелы. Поэтому отчисление не закрывает в будущем большинству откомандированных двери Академии».

Чуйков тоже прошел «чистку», как называют историки проведенную аттестацию. Однако у тех, кто ее проводил, не возникло к нему лишних вопросов. Да и не могло быть, поскольку Чуйков хорошо учился, не допускал нарушений дисциплины. По партийной линии к нему, члену партийного бюро курса, также не было претензий.

Проведенная аттестация благотворно отразилась на политико-моральном состоянии академии, помогла избавиться от людей случайных и недостойных. С учетом новых задач и требований произошли существенные перемены и в учебном процессе. Упор был сделан на изучение военных операций и сражений, проводившихся на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Появились и первые учебники, авторами которых являлись преподаватели академии.

С пользой для дела Чуйков прочитал труды Н.Е. Какурина «Встречный бой» и «Наступательный бой», И.И. Вацетиса «Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г.», В.Ф. Новицкого «Боевые

действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г.», И.И. Вацетиса и Н.П. Сапожникова «Боевые действия дивизии в маневренной войне. Сборник тактических задач», А.А. Свечина «История военного искусства», А.И. Верховского «Общая тактика» и других. Причем учебники еще пахли типографской краской, а ответы, разъяснения на возникшие вопросы можно было получить от авторов сразу, в ходе лекции или семинара.

Теория тесно увязывалась с практикой. Уже в следующем учебном году (1923/24) значительно расширился и круг занятий в поле. Так, впервые с участием преподавателей и слушателей были проведены масштабные учения механизированных рот, танковых групп, кавалерийского эскадрона, показательные артиллерийские стрельбы на Климентьевском полигоне.

Дополним наше повествование воспоминаниями выпускника академии тех лет, а впоследствии министра обороны СССР, маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Р.Я. Малиновского: «Основательно поставленные в академии групповые занятия по тактике на картах и на местности были главной формой изучения прикладной стороны курса тактики. Он охватывал все формы боевых действий в масштабе от батальона до корпуса и все стороны их организации и обеспечения. Большое значение имели также летние подвижные лагеря, где отрабатывались сквозные тактические задачи и проводились военные игры. Преподаватели и слушатели во время этих занятий передвигались в конном строю. Командно-штабные учения и оперативные игры проводились очень поучительно, приближенно к условиям боевой обстановки. Причем руководитель занятий не был связан жестким регламентом методической разработки, что способствовало творческому подходу к делу. Некоторым группам повезло: руководителями у них были заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский и командующий войсками МВО [Московского военного округа] И.П. Уборевич. Это возбуждало большой интерес к занятиям, а главное — способствовало выработке волевых качеств, необходимых командиру».

В один из дней на занятиях в группе Чуйкова побывал заместитель председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам М.В. Фрунзе. Преподаватель тактики доложил ему, представил группу. Фрунзе тепло поздоровался со слушателями, с улыбкой сказал:

— Приехал посмотреть, как постигают науку побеждать будущие советские суворовы и кутузовы...

Ответами слушателей он остался удовлетворен. В ходе занятия Фрунзе также интересовался социально-бытовыми условиями слушателей, ответил на их вопросы.

Действительно, занятия, проводимые опытными преподавателями и военными руководителями, значительно повышали профессиональный уровень слушателей. Кто знает, вышел бы из Чуйкова крупный военачальник, если бы он не получил основательной военно-теоретической подготовки в стенах академии. Особенно она пригодилась позднее, в период командировки в Китай, в ходе освободительного похода Западной Белоруссии, в финской кампании и в сражениях Великой Отечественной войны. Именно здесь теория и практика являлись звеньями одной цепи в решении стоящих задач.

Что касается политических предметов, то их тоже изучали серьезным образом. Слушатели штудировали историю ВКП(б), Конституцию РСФСР, «Азбуку коммунизма», «Капитал» Карла Маркса... Хотя в первые два-три года со дня образования академии невоенным дисциплинам не придавали особого значения. Занятия проходили по субботам, желающих их посещать набиралось немного. Зачетов по этим предметам тоже не принимали. Только с назначением начальником академии М.Н. Тухачевского цикл политических дисциплин сделали обязательным. Было утверждено расписание лекций и практических занятий, в соответствии с которым ежедневно шло обучение слушателей. Читали лекции Чуйкову и его товарищам преподаватели из Социалистической академии, Института красной профессуры, Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова.

Кроме того, «подковывали» слушателей и представители высших эшелонов власти. Чуйкову довелось слушать выступления председателя РВСР Л.Д. Троцкого, начальника Политического управления РВС и РККА СССР А.С. Бубнова, секретаря Исполкома Коминтерна К.Б. Радека, заместителя наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко и других видных деятелей партии и правительства.

Учась в академии, Чуйков нередко наведывался домой, чтобы повидаться с родителями, братьями и сестрами. Благо расстояние от Москвы до Серебряных Прудов было небольшое — всего каких-то 160 километров. Добирался туда он обычно поездом. В тот период в здешних краях еще

орудовали недобитые банды, состоявшие из кулаков, уголовников, дезертиров и других преступных элементов. Они грабили население, убивали представителей советской власти, красных командиров и сотрудников милиции.

В один из приездов Чуйкова случилась трагедия. От бандитской пули погибла его сестра Мария — самая красивая из сестер. Однако пуля предназначалась не только ей, но и Василию. Вот что рассказал автору книги об этой трагедии внук полководца, полковник Николай Владимир Чуйков:

Дедушка приехал на помолвку своей сестры Марии, и прямо во время помолвки ее застрелили. Причем хотели одной пулей убить и его, и ее. Никто не знал, что к ней сватался один из членов банды. На вид они были обычные мирные люди, а оказалось — страшные убийцы, которые перебили очень много людей в Серебряных Прудах и близлежащих окрестностях. Получилось так, что в качестве одного из свадебных подарков жених подарил невесте швейную машинку, на которой сзади была надпись: «Штыревы». А Штыревы — это была убиенная семья на хуторе, которую жестоко убили и бросили в колодезь. И Мария спросила у своего жениха: «Откуда эта машинка?». Тот говорит: «Купили где-то на рынке, ты только Василию ничего не говори». Но она все равно рассказала об этом брату. Видимо, и жених сказал своей семье, что невеста может догадаться о случившемся, и они на семейном совете решили, что надо убить и ее, и Чуйкова. Дед представлял для них опасность — тогда он уже был командиром. Поэтому Чуйкова и Марию специально посадили друг напротив друга, чтобы сразить их одной пулей. Убийца выстрелил из обреза — пуля попала Марии в сердце. Деду повезло: он стал открывать бутылку, нагнулся, чтобы потянуть на себя штопор, и пуля у него по волосам прошла. А сестра погибла. Дед рванул из кобуры свой маузер, вылетел в сени, вскочил на коня и поскакал на другой конец села — туда, где жили родственники этого жениха. Он как разведчик быстро всю ситуацию понял. Нашел их дом и прискакал туда раньше, чем брат жениха — как выяснилось, это он стрелял. В доме была только одна старуха, она показала Чуйкову все награбленные бандитами ценности. В итоге убийц арестовали, некоторых по приговору суда расстреляли. Марию похоронили: в гробу она лежала в белом платье, которое ей сшили для венчания...

В родном селе Чуйков обрел и семейное счастье. В большинстве случаев военные женятся на девушках из тех мест, где учатся или служат. Но он попросил руки и сердца своей

односельчанки Валентины Петровны Павловой. Их знакомство состоялось в начале 1926 года на танцах в клубе. Валентине тогда исполнилось восемнадцать лет, она была хороша собой, с тонкими чертами лица. Прямо-таки настоящая дворянка! Неслучайно Валентина играла в любительских спектаклях благородных дам. Василий тоже был парень видный. Одна форма красного командира с двумя боевыми орденами чего стоила! «Он [Василий] не мог потеряться ни в каком окружении, быстрый, порывистый, не ходил, а летал — так позднее вспоминала о своем женихе Валентина Петровна. — Особенно меня поразили его волосы — как грива у льва. Даже в комнате, где не было ни малейшего сквозняка, казалось, что в его шевелюре бушует ураган...»

Свадьбу сыграли в октябре того же года в просторном родительском доме Чуйковых. Как водится в сельской местности, отметили это событие широко и весело. Играла гармонь, гости пели песни и отплясывали барыню... Но нашлись и завистники. Вскоре после свадьбы на Василия поступил донос в академию, в котором говорилось о том, что он женился якобы на польской княгине. Чуйкову пришлось доказывать, что его жена вовсе не дворянка, а крестьянских кровей. Как и он, из такого же простого сословия.

В 1928 году Валентина, которую Чуйков будет всю жизнь называть дорогой Валечкой, подарит ему дочку Нинель. Всего в семье Чуйковых было трое детей. Дочь Ирина появится на свет незадолго перед Великой Отечественной войной, в 1940 году. Долгожданный сын, о котором всегда мечтал Чуйков, родился через год после Победы советского народа над фашистской Германией. «Вася, это тебе подарок за Сталинград и Берлин», — сказала тогда Чуйкову его супруга. Сына назвали Александром — в честь любимого Чуйковым выдающегося русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Дополним наш рассказ об отношениях Василия Ивановича и Валентины Петровны Чуйковых словами их внука, полковника Николая Владимировича Чуйкова:

Я прожил с дедушкой и бабушкой счастливые 22 года. Дед — внешне суровый, на самом деле был очень добрый и внимательный человек. С большой любовью он относился к своей семье, особенно к жене, которая была музой всей его жизни. С далекого 1926 года он не расставался с ней до конца жизни. Родилась Валентина Петровна в простой

деревенской семье, но была похожа на выпускницу пансиона благородных девиц — умна, интеллигентна, красива, хорошо воспитана, умела правильно держаться, выражать собственные мысли, поддержать разговор, стильно одевалась, а главное — очень любила бабушку и была ему верной женой.

Дедушкин дом был всегда очень хлебосольным. Здесь любили принимать гостей: как известных военных, поэтов, композиторов, певцов, артистов, так и простых солдат — ветеранов его армии. Бабушка великолепно готовила. Освоив восточную и европейскую кухню, она часто не доверяла приготовление многих блюд поварам, а готовила исключительно сама.

Интересное наблюдение о чете Чуйковых оставил и генерал-майор Лев Игнатьевич Корзун, являвшийся долгое время помощником маршала: «Чуйкову нравились красивые и умные женщины, но он был однолюбом. Через всю жизнь пронес любовь к настоящей русской красавице, землячке из Серебряных Прудов, Валентине Петровне. Она и в пожилом возрасте сохранила свою красоту и обаяние. Характер у нее был под стать мужу. Василий Иванович, по определению, не мог быть подкаблучником, но «парадом» в семье все же командовала Валентина Петровна... Чуйков был хорошим семьянином. Он очень заботился и переживал за детей и внуков».

Однако мы забежали вперед. Стремительными атаками летели дни, недели, месяцы... Как-то незаметно пришло время выпускных экзаменов. Чуйков сдал их успешно. «Товарищ В.И. Чуйков, — констатировалось в аттестации, — настойчиво работал над повышением своих знаний. К занятиям готовился добросовестно. Курс обучения усвоил твердо. Активен в общественной жизни. Способный, хороший командир. Отличается быстротой соображений. Теоретическая подготовка недостаточная, что покрывается боевым опытом. Вывод: целесообразно использовать на командирской должности, более подходит к строевой действительности». Начальник академии, а в 1925 году им являлся Р.П. Эйдеман, согласившись с выводом, добавил: «Достоин выдвижения на вышестоящую должность...»

По окончании академии Чуйкову было вручено удостоверение, которое заменяло тогда диплом. В нем говориться:

Удостоверение дано сие Чуйкову Василию Ивановичу в том, что за время пребывания с 1921 по 1925 уч. гг. прослу-

шал полный курс наук, выполнил все практические работы, положенные по учебному академическому плану.

Тов. Чуйков является окончившим Военную академию РККА и получившим высшее военное образование.

Приказ от 4 августа 1925 года за № 498.

В соответствии с приказом наркома по военным и морским делам М.В. Фрунзе все выпускники академии получили новое назначение и убыли к местам своей службы. Кто на Украину, кто в Белоруссию, кто на Кавказ, кто в Среднюю Азию...

Чуйков был оставлен в Москве для продолжения учебы на китайском отделении Восточного факультета родной академии. Оставлен неслучайно. Красная армия тогда остро нуждалась в специалистах для службы на восточных окраинах страны, а также в сопредельных государствах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока. Что за специалисты имелись в виду? В первую очередь — это военные дипломаты (военные атташе), а также военные разведчики.

Чуйков, имея за плечами фронтовой опыт в качестве командира полка, навыки работы с людьми, высшее военное образование, как нельзя лучше подходил для такой работы. Да и моральный облик не вызывал сомнений: «идеологически устойчивый, бдителен, беззаветно предан делу партии Ленина и социалистической Родине». Требовалось немного — освоить китайский и английский языки, а также пройти необходимый курс специальных дисциплин.

Восточный факультет (изначально отделение), на котором стал учиться Чуйков, был создан в 1920 году по личному распоряжению народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВСР Л.Д. Троцкого. Инициаторами его создания выступили бывшие генералы царской армии, авторитетнейшие востоковеды А.А. Давлетшин, Н.И. Раттэль и А.Е. Снесарев. К моменту поступления Чуйкова на факультет состоялось несколько выпусков военных дипломатов, большая часть из которых была направлена для работы в советские миссии за рубежом.

Перспектива оказаться в командировке за границей после окончания названного факультета реально открывалась и перед Чуйковым. Однако чтобы туда попасть, нужно было еще много учиться. Поэтому он, как и раньше, на основном факультете, с огромным желанием взялся осваивать новые предметы. Вместо тактики и стратегии Чуйков теперь изучал новейшую историю Востока, экономику стран Востока

и их правовое устройство, мусульманское право, международное право, консульское право, гражданское право, уголовное право... И еще массу других дисциплин, так необходимых дипломату и разведчику. Наибольшую сложность для него представлял китайский язык. Но, как говорят, не боги горшки обжигают. Чуйков вспоминал: «Учились мы упорно, с огромным воодушевлением. День и ночь зубрили китайские иероглифы, старались овладеть их правильным произношением, кропотливо изучали историю Китая, традиции и обычаи его народа».

На всю жизнь Чуйков запомнил уроки своих наставников. С большой теплотой он, например, всегда отзывался о преподавателе китайского языка Никите Ивановиче Лянь Куне. Этнический китаец, он считал себя и русским человеком. В детстве Лянь Кунь потерял родителей. Мальчика взяла на воспитание Русская духовная миссия, находившаяся в Пекине. Он был крещен, окончил Пекинский университет. В 1917 году юноша приехал в Россию, где на него обратил внимание один из профессоров-востоковедов. Так Лянь Кунь стал преподавателем китайского языка в академии РККА. На этом поприще он подготовил десятки офицеров-китаистов, в числе которых был и Чуйков.

Вообще, учиться на Восточном факультете было интересно. Частыми гостями слушателей были работники Наркомата иностранных дел, недавние выпускники академии, которые уже успели побывать в Китае. Они делились впечатлениями об этой стране, рассказывали о военно-политической обстановке, обычаях и традициях древнего народа. Сами слушатели регулярно посещали столичный Институт востоковедения имени Н.Н. Нариманова, присутствовали на собраниях китайских студентов, где кипели жаркие дискуссии и споры о проблемах китайской революции. К месту сказать, в тот период Китай захлестнули революционные вихри. Миллионы крестьян и рабочих включились в борьбу за свою свободу и независимость. Поэтому Чуйков и его однокурсники считали за честь поехать туда, чтобы помочь китайским товарищам.

Вскоре такая возможность представилась. В середине 1926 года несколько слушателей факультета после года учебы на китайском отделении, в том числе и Чуйков, были направлены в Китай. Это была практика, а, выражаясь языком военных, стажировка. Чуйков ее проходил в качестве дипкурьера, то есть сотрудника, которому было поручено сопровождать дипломатическую почту.

Во все времена эта профессия связана с определенным риском для жизни. Несмотря на то, что дипломатический курьер при исполнении своих обязанностей пользуется неприкосновенностью в стране пребывания, нет никакой гарантии его полной безопасности. В двадцатые, еще далеко не мирные годы, когда во многих странах к Советской России относились с ненавистью, ее дипкурьеры нередко подвергались нападению со стороны различных преступных элементов.

Незадолго до отъезда Чуйкова в Китай было совершено нападение на двух советских дипкурьеров — Теодора Нетте и Иоганна Махмасталя. Они работали в Народном комиссариате иностранных дел и 5 февраля сопровождали почту в поезде, следовавшем через Ригу. В пути им пришлось вступить в схватку с вооруженными бандитами. Нетте погиб, а Махмасталь был тяжело ранен, но отважному дипкурьеру удалось отбить почту. Раненые бандиты скрылись с места преступления. Первыми на помощь коллегам пришли итальянские дипкурьеры, находившиеся в том же поезде. Еще раньше, 11 ноября 1925 года, дипкурьер Коротков, следовавший из Москвы в Пекин, был остановлен на станции Мукден и подвергся личному досмотру. Почта, которую он вез, была вскрыта. Советское полпредство заявило решительный протест китайской стороне в связи с нарушением иммунитета дипломатического курьера.

Так что стажировка Чуйкова не обещала быть легкой, скорее наоборот. Ему предстояло проехать через Харбин, Шэньян, Далянь (Дальний), Тяньцзинь до Пекина и обратно. После семи суток пути на восточном экспрессе Чуйков вместе с напарником, опытным дипкурьером Рожковым пересекли границу с Маньчжурией. Дальше предстояло ехать по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Первое, что бросилось в глаза при пересечении границы, разгуливавшие по платформе русские офицеры. Они были одеты по всей форме, на погонах поблескивали звездочки... Нетрудно было догадаться, что здесь находились офицеры разгромленных войск А.В. Колчака, атаманов Г.М. Семенова и Н.Д. Меркулова. Вполне вероятно, что в недавнем прошлом против кого-то из этих офицеров Чуйкову довелось воевать. Теперь китайские власти привлекали их к охране дороги, выполнению других задач.

Несколько раз Чуйков встречался взглядами со своими соотечественниками. Приветливость в большинстве глаз не читалась. Они смотрели на советских настороженно-враж-

дебно. В то же время в иных взглядах можно было заметить и отчаянную тоску. Похоже, этим офицерам тяжело приходилось на чужбине, и они хотели вернуться на Родину.

В вагоне дипкурьерам также приходилось ловить на себе косые взгляды. Поэтому они были всегда во внимании, не теряли бдительности. Более того, Рожков посоветовал Чуйкову держать наготове пистолет, поскольку от бывших белогвардейцев можно было ожидать все что угодно. Международное право для них — пустой звук. И не только для них. В поезде находились агенты зарубежных разведок.

Первой станцией, где дипкурьерам нужно было выгрузить из чемоданов почту и получить новую, был Харбин. Этот город являлся столицей Маньчжурии и одновременно центром контрабандистской и шпионской деятельности. Здесь, на черном рынке, торговали валютой, оружием, наркотиками и людьми. Если какого-то товара не было в наличии, то его доставляли сюда из любой точки мира. В Харбине, как никаком другом китайском городе, было много русских. Немалая их часть поселилась в городе еще в период строительства КВЖД. Но и в период Гражданской войны в России сюда приехало много русских людей, особенно бывших офицеров.

С одним из них Чуйков столкнулся на улице, когда шел с товарищами из советского консульства. Дорогу им преградил человек лет тридцати пяти в изрядно потертом кителе со следами отпоротых погон на плечах. От него пахло перегаром.

— Подайте, господа, бывшему офицеру! — протягивая руку, жалостливо попросил он милостыню.

Чуйков с сотрудниками консульства сначала хотели пройти мимо, но проситель не отставал, шел буквально по пятам.

— Господа, господа! Вы русские. И я русский! Не дайте умереть с голоду бывшему штабс-капитану.

Чуйков достал из бумажника доллар — сумма для милостыни солидная — и протянул соотечественнику.

— Возьми, господин, — сказал Чуйков.

И уточнил:

— Но мы не господа, у нас принято говорить — товарищи. А подал тебе этот доллар красный комиссар.

Бывший штабс-капитан взял под козырек, показав, что военную выучку не растерял. А затем громко, как и положено военному человеку, отчеканил:

— Тронут, господа! Готов вам служить, выполню любое приказание!

В Харбине Чуйков и Рожков находились пять дней, а затем продолжили путь в Пекин. На станции Чанчунь дипкурьеры сделали пересадку с КВЖД на Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). За окнами вагона замелькали большие и маленькие станции.

В порту Далянь (Дальний), который после русско-японской войны отошел к Японии, Чуйков впервые познакомился с работой японской контрразведки. В отличие от приемов западных разведок, рыцари плаща и кинжала страны восходящего солнца не стеснялись в открытую осуществлять слежку за представителями советского государства. Доходило до смешного. Даже во время их купания в море за ними неотступно следовал японец.

Японские агенты, вспоминал Чуйков, были предельно вежливы и учтивы. Если во время прогулки, к примеру, понадобятся спички прикурить папиросу, они тут как тут. Один из спутников Чуйкова зашел в магазин, купил какую-то безделушку и нарочно уронил ее. Японский агент услужливо поднял вещь и вручил ее хозяину с обворожительной улыбкой, открывающей белоснежные зубы. Они ни в чем не пытались мешать, но и не отходили ни на шаг от Чуйкова и его коллег, провожая до дверей консульства. А у дверей консульства с улыбкой раскланивались и шли на свои наблюдательные посты, ожидая, когда русские вновь выйдут в город.

Из Даляня дипкурьеры проследовали в пункт назначения морем на японском пассажирском пароходе до Тяньцзиня. А оттуда в Пекин благополучно добрались поездом. В столице Китая Чуйков и Рожков долго не задержались. Однако успели познакомиться с городом. Правда, в Пекине было беспокойно. В нем уже назревали революционные события. Но дипкурьеры их не увидели. Сдав почту в посольство, и, загрузив в чемоданы новую, они отправились в обратный путь. Дорога домой была не менее напряженная, но все обошлось без серьезных происшествий. Чуйков со своим первым заданием с честью справился: диппочта была доставлена в Москву.

Вновь продолжились насыщенные учебные будни: лекции, семинары, зачеты экзамены... В июне 1927 года Чуйков завершил учебу на Восточном факультете Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе — так к тому времени стала называться академия. В Свидетельстве, полученном им по-

сле окончания учебного заведения, сказано, что «т. Чуйков Василий Иванович за время пребывания на Восточном факультете Военной академии с 1925 по 1927 уч. гг. прослушал по Дальневосточному разряду с китайским языком полный курс наук и выполнил все практические работы, положенные по учебному академическому плану. В силу указанного т. Чуйков В.И. является окончившим Восточный факультет Военной академии РККА им. М.Ф. Фрунзе в 1927 году и получившем высшее военно-политическое образование по Востоку».

Что касается аттестации на Чуйкова, то в ней было написано: «В политическом отношении подготовлен хорошо, активный партийный работник. Совершенно подготовлен для занятий ответственных должностей по командно-политической и военно-административной линии. Вполне пригоден для военно-политической работы на Востоке (за рубежом)».

Чуйков был назначен в штаб Московского военного округа на должность помощника начальника 1-го (оперативного) отдела. На этой должности, как записано в его послужном списке, он значился вплоть до 1929 года. Однако в реальности Чуйков все это время находился в Китае.

Китай тогда переживал не лучшие времена. В разных концах страны уже имели место вооруженные конфликты между силами Китайской республики и китайскими коммунистами, то есть между Гоминьданом (правящей политической партией Китая) во главе с Чан Кайши и КПК (Коммунистической партией Китая). Еще в апреле 1927 года Чан Кайши, опасаясь возможного захвата власти коммунистами, разорвал связи с КПК. Начались массовые аресты и расправы над коммунистами. В нескольких городах страны были разгромлены коммунистические организации. В частности, гоминдановцы потопили в крови коммунистические выступления в Шанхае. Были казнены 25 активных членов КПК. Впоследствии эти события получили название Шанхайская резня.

Подверглись нападению и советские учреждения, находящиеся в ряде городов. Так, 6 апреля около ста вооруженных китайских полицейских и солдат ворвались в советское полпредство в Пекине. Одновременно были заняты здания дипломатической миссии (за исключением главного) и дома, в которых проживали сотрудники полпредства. Налетчики провели обыск, а также разгромили библиотеку и клуб, подожгли помещения военного атташата, арестовали

сотрудников. Вслед за этим последовал налет на советское консульство и учреждения в Тяньцзине.

Советское руководство не могло равнодушно взирать на преследования китайских коммунистов, представлявших интересы рабочих и крестьян. Поэтому было принято решение направить в Китай советских военных советников в войска, находящиеся под влиянием Коммунистической партии Китая. В списке откомандированных значилась и фамилия Чуйкова.

Это была его вторая поездка в Китай. Но если в первой, как читатель знает, он проходил стажировку, то сейчас ему предстояла самостоятельная работа в качестве военного советника. Кому-то покажется странным, но военных советников не готовила ни одна академия мира. Выпускники академии РККА не являлись исключением. За плечами Чуйкова имелись боевой и командирский опыт, навыки работы с людьми, основательная академическая подготовка. Но этот «багаж» говорил в первую очередь о его возможностях как военачальника, но не о способностях военного советника.

Поэтому осваивать новую должность пришлось на месте. Благо, что рядом находились товарищи, которые уже располагали определенным опытом работы, у них было чему поучиться и что перенять. В разных районах Китая тогда находилось несколько десятков советских военных советников и инструкторов — специалистов в различных областях военного дела. Они выполняли задачи непосредственно в частях, в школах по подготовке офицерского состава и т. д.

Безусловно, их боевой опыт, знания были необходимы на Родине, но руководство страны поставило перед ними задачу представлять за рубежом советское военное искусство, укреплять дружбу с народом, борющимся за свою свободу и независимость. Однако не все было радужно. Во время пребывания Чуйкова в Китае Чан Кайши отказался от присутствия на территории Китая советников из СССР. Политические советники были вынуждены покинуть страну, а сотрудники военной разведки — перейти на нелегальное положение.

Из воспоминаний Чуйкова известно, что в тот период ему довелось побывать в районах Пекина, Тяньцзиня, в провинции Сычуань. Он также исколесил почти весь Северный и Южный Китай. Одной из основных задач, которые ему тогда пришлось решать, являлось информирование Центра по следующим вопросам:

характеристика политической деятельности Нанкинского правительства и его отдельных фракций;

внутренняя и внешняя политика Нанкинского режима; уровень развития промышленности и сельского хозяйства Китая; военный потенциал чанкайшистов;

социальная и политическая характеристика всех оппозиционных правительству Чан Кайши сил;

политика Западных государств в Китае;

военный потенциал ведущих иностранных держав в Китае;

обострившаяся проблема статуса экстерриториальности для иностранцев в Китае.

Задания, которые Чуйкову тогда приходилось выполнять, нередко были связаны с риском для жизни. Его супруга Валентина Петровна хорошо запомнила инструкции, которые он давал, когда отправлялся на задание. Впоследствии Валентина Петровна вспоминала: «Вот тебе часы, документы, спички. Если я к такому-то времени не приду, вот эти бумаги надо сжечь. Если я не пришел, меня уже просто нет на свете. Не ищи и забудь. Спасайся сама. Не надо ходить в наше посольство и консульство. Ты туда просто не дойдешь. Запомни вот этот адрес нашей явочной квартиры. Иди туда. Тебя переправят в Советский Союз. И последнее. Вот браунинг с одним патроном для тебя. Это на крайний случай...»

Однажды произошел такой случай. Валентина услышала шаги мужа на лестнице и решила пошутить. Спряталась за дверь и, подкравшись сзади, закрыла ему ладонями глаза. Дальше она потеряла сознание и, очнувшись, увидела мужа с револьвером в руке и услышала гневный монолог: «Я же разведчик. Для меня тот, кто подкрался сзади — враг. Я стреляю. Это рефлекс. Я же тебя сейчас чуть не убил».

Между тем отношения между СССР и Китаем продолжали осложняться. Яблоком раздора, если можно так выразиться, стала КВЖД. Эту уникальную железную дорогу построили в конце XIX — начале XX века русские инженеры и рабочие. На ее строительство Россия израсходовала 375 миллионов рублей золотом. Она, проходя через Маньчжурию, соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Во время Русско-японской 1904—1905 годов по КВЖД шло снабжение русской армии в Маньчжурии. Дорога и полоса отчуждения вдоль КВЖД принадлежала России, и обслуживались ее подданными. В 1920 году, на фоне Гражданской войны, КВЖД перешла под опеку Китая. Примечательно,

что претензии на дорогу предъявляли США, Япония, Великобритания и Франция, мечтавшие взять под свой контроль перевозки грузов из Европы на Дальний Восток. Как же без них! Однако из этой затеи ничего не вышло.

В 1924 году было установлено совместное советско-китайское управление дорогой. Однако в дальнейшем двусторонние контакты дали трещину, которая становилась с каждым годом все больше и больше. Китайские власти, подстрекаемые Западными странами, встали на путь нарушения договоренностей. В 1929 году противоречия между сторонами вступили в критическую фазу, о чем свидетельствуют документы. Так, в ноте от 31 мая 1929 года заместителем народного комиссара иностранных дел СССР поверенному в делах Китая в СССР было заявлено следующее:

27 мая, в 2 часа дня, в помещение Генерального консульства Союза Советских Социалистических Республик в Харбине внезапно ворвался наряд полиции. Был произведен обыск, который длился около шести часов. В течение всего этого времени Генеральный консул Союза Советских Социалистических Республик г. Мельников и его сотрудники были задержаны и лишены возможности сношения с внешним миром. В отношении вице-консула г. Знаменского было применено физическое насилие. Полиция, несмотря на решительный протест консула, забрала часть консульской переписки и арестовала всех бывших в различных комнатах консульского помещения посетителей числом 39... Китайские полицейские и служащие в китайской полиции русские белогвардейцы открыто собирали деньги и вещи, принадлежащие консульству и сотрудникам... Сопровождавшие обыск прямые бесчинства полицейских — грабеж вещей и денег, физическое насилие по отношению к консульским сотрудникам — являются естественными спутниками подобного произвола и находятся в полном соответствии с характером всего поведения полицейских властей по отношению к Генеральному консульству Союза Советских Социалистических Республик...

Союзное правительство заявляет, что Советский Союз при всех обстоятельствах неизменно стремится к сохранению и поддержанию дружественных отношений с китайским народом. Союзное правительство вынуждено, однако, самым решительным образом предостеречь Нанкинское правительство и его органы от дальнейшего испытания долготерпения правительства Союза Советских Социалистических Республик провокационными действиями и нарушением договоров и соглашений.

Тринадцатого июля заместитель народного комиссара иностранных дел СССР обратился к поверенному в делах Китая в Москве с очередной нотой протеста, в которой одновременно выражалось стремление разрешить конфликт мирным путем.

По сведениям, полученным Правительством СССР, — говорилось в документе, — 10 июля утром китайские власти произвели налет на Китайско-Восточную железную дорогу и захватили телеграф КВЖД по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР, закрыли и опечатали без объяснения причин Торговое представительство СССР, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. Затем дубань дороги¹. Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД т. Емшанову требование передать управление дороги лицу, назначенному дубанем...

Одновременно получены сведения о сосредоточении вдоль советских границ маньчжурских войск, которые приведены в боевую готовность и пододвинуты к самой границе. По сведениям, вместе с маньчжурскими войсками у границ СССР расположены русские белогвардейские отряды, которые маньчжурское командование намерено перебросить на советскую территорию...

Оставаясь верным своей мирной политике, Союзное правительство, несмотря на насильственные и провокационные действия китайских властей, еще раз изъясляет готовность вступить с Китаем в переговоры по всему комплексу вопросов, связанных с КВЖД. Такие переговоры, однако, только при условии немедленного освобождения арестованных граждан СССР и отмены незаконных действий китайских властей.

Однако, вспоминая Чуйков в своих мемуарах, правительство Чан Кайши и связанные с ним китайские милитаристы, особенно маньчжурский диктатор Чжан Сюэлян, не спешили разрядить обстановку. 17 июля Наркоминдел СССР вынужден был отозвать всех советских представителей и сотрудников из Китая и выставить из СССР представителей чанкайшистского правительства. Дальнейшие переговоры советское правительство вело с Чан Кайши через посредников, в частности через германского посла в Москве Герберта фон Дирксена. Предложения СССР носили мирный характер, в каждом обращении Наркомин-

¹ Председатель правления КВЖД.

дела содержались конструктивные предложения о ведении переговоров с целью мирного урегулирования конфликта. Между тем агрессивные круги Китая и те, кто за ними стоял, вели дело к вооруженному конфликту, а миролюбие Советского правительства расценивалось ими как слабость.

В связи с возможными провокациями (не исключались и нападения) группе военных советников, в числе которых был и Чуйков, не разрешили возвращаться на Родину через Маньчжурию. Им пришлось добираться домой через Японию.

Но сначала нужно было выбраться из Китая. Дорога оказалась невыносимо трудной. Если еще вчера китайские чиновники приветливо улыбались Чуйкову, то теперь их словно подменили. Хмурые лица представителей китайской власти с холодными, а нередко ненавидящими глазами, будто не замечали советских граждан. Даже носильщики не торопились их быстро обслужить. Зато те, кому поручено было следить за Чуйковым и его коллегами, не отходили ни на шаг.

В середине августа Чуйков и его товарищи прибыли во Владивосток. Как раз в эти дни в печати было опубликовано постановление ЦИК и СНК Союза ССР, в котором было четко определено: «Прервать дипломатические, консульские, торговые и иные отношения с Китайской республикой». Из Владивостока вчерашние военные советники и специалисты были направлены в Хабаровск, где формировалась Особая Дальневосточная армия (впоследствии Особая Краснознаменная Дальневосточная армия — ОКДВА).

На тот момент обстановка на советско-китайской границе становилась все тревожнее и тревожнее. Чуть ли не ежедневно случались налеты провокационного характера. В течение нескольких месяцев на границе СССР было зарегистрировано 116 обстрелов территории и 82 нападения на нее, во время которых было убито 29 красноармейцев и 27 мирных жителей, ранено 48 красноармейцев и 70 мирных жителей... По городу Маньчжурия маршировали озверелые молодчики из мукденского «Отряда уничтожения СССР». Они распространяли воззвания, в которых говорилось об их желании «уничтожить красное пламя в России»...

Китайцы нагло играли мускулами, причем не без поддержки и влияния западных стран. Находившиеся в Китае иностранные советники уверяли тамошних правителей в том, что малочисленная и слабо вооруженная Красная ар-

мня вряд ли решиться дать отпор китайским войскам. Обстановка накалялась. В любую минуту могли начаться активные боевые действия. Чуйков пишет в своих мемуарах:

Тут было над чем задуматься. Прошло каких-нибудь шесть лет с тех пор, как Чан Кайши, глава специальной миссии революционного гуанчжоуского правительства, побывал в Москве, где он вел переговоры с руководителями нашей страны о военно-политической поддержке китайской революции, а в дальнейшем Чан Кайши принимал с распростертыми объятиями наших советников, отдавая себе отчет в том, что без помощи советских инструкторов гоминьдан не смог бы победить своих многочисленных врагов и создать регулярную армию. Советские военные советники разрабатывали план Северного похода Национально-революционной армии, не покидали частей во время многочисленных сражений против северных милитаристов. Я задавался вопросом: что побудило Чан Кайши начать военные действия против нас?

Политических объяснений искать не приходилось. Ненависть к китайским коммунистам в равной степени обращалась и против нас. Чан Кайши понимал, что Советский Союз помогает и будет помогать КПК в ее справедливой борьбе. Все это так. Могли быть у него и иные противоречия с Советским Союзом. Однако это еще не было основной причиной предпринимать вторжение в пределы северного соседа в обстановке разгоравшейся в Китае гражданской войны. Напрашивался бесспорный вывод: военное выступление Чан Кайши осуществлялось под нажимом империалистических держав, которые были заинтересованы прощупать мощь Красной армии штыками китайцев. Нельзя было исключить и попытку самого Чан Кайши испытать наши силы на Дальнем Востоке. Способна ли наша Дальневосточная армия отразить вторжение, или мы пойдем немедленно на крупные уступки? Не расчистит ли эта «разведка боем» дорогу для более серьезного вторжения, не двинет ли в случае удачи китайских войск свои силы и Япония? Это очень устроило бы Чан Кайши: втянуть Японию в длительную войну на советском Дальнем Востоке и, опираясь на ее поддержку, решить внутренние проблемы борьбы с КПК. Думается, немалую роль в решимости Чан Кайши пойти на вооруженный конфликт с Советской Россией сыграли русские белоэмигранты, которые убеждали Чана в слабости Страны Советов и ее Красной армии.

Действительно, назревали большие события. Для предстоящих военных действий полным ходом шло формирование ОДВА, в командование которой вступил В.К. Блюхер.

Генерал

**Родители
Василия Чуйкова
Иван Ионович
и Елизавета
Федоровна Чуйковы**

**Серебряные Пруды.
Никольский храм,
в котором был крещен
Василий Чуйков**

Матрос-доброволец
учебно-минного отряда
Балтийского флота
Василий Чуйков.
Город Кронштадт.
1917 г.

Федор Иванович
Чуйков, младший брат

Илья Федорович и Петр
Федорович Чуйковы,
старшие братья

Командир 43-го
стрелкового полка
В. И. Чуйков.
Восточный фронт.
1919 г.

Бойцы 43-го
стрелкового полка

Командир 43-го стрелкового полка В. И. Чуйков (слева) и начальник 28-й стрелковой дивизии В. М. Азин (справа). *Восточный фронт. 1919 г.*

Колчаковцы

Командующий
Восточным фронтом
М. В. Фрунзе

Командующий
Западным фронтом
М. Н. Тухачевский

Слушатель Военной
академии РККА
В. И. Чуйков. 1922 г.

В. И. Чуйков с женой
Валентиной Петровной.
Село Серебряные Пруды.
1926 г.

Преподаватель
Военной академии
им. М. В. Фрунзе
Д. М. Карбышев

Преподаватель
Военной академии
им. М. В. Фрунзе
И. И. Вацетис

Д. И. Рябышев,
однокурсник
В. И. Чуйкова

И. В. Селиванов,
однокурсник
В. И. Чуйкова

Военный советник
в Китае В. И. Чуйков. 1929 г.

Командующий Особой Краснозна-
менной Дальневосточной армией
В. К. Блюхер

Командиры Особой Краснознаменной Дальневосточной армии

Начальник
Разведывательного
управления штаба
РККА командарм 2-го
ранга Я. К. Берзин

Командующий
Белорусским военным
округом командарм
1-го ранга
И. П. Уборевич

Командующий Бобруйской
армейской группой комкор
В. И. Чуйков. 1939 г.

Начальник оперативного отдела
Белорусского военного округа
Л. М. Сандалов

Освободительный поход Красной армии в Западную Украину
и Западную Белоруссию. 1939 г.

И. В. Сталин

Начальник
Политуправления
РККА Л. З. Мехлис

Командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 1-го ранга К. А. Мерецков

Командующий Северо-Западным фронтом командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко. 1940 г.

На Советско-финской войне. 1939 г.

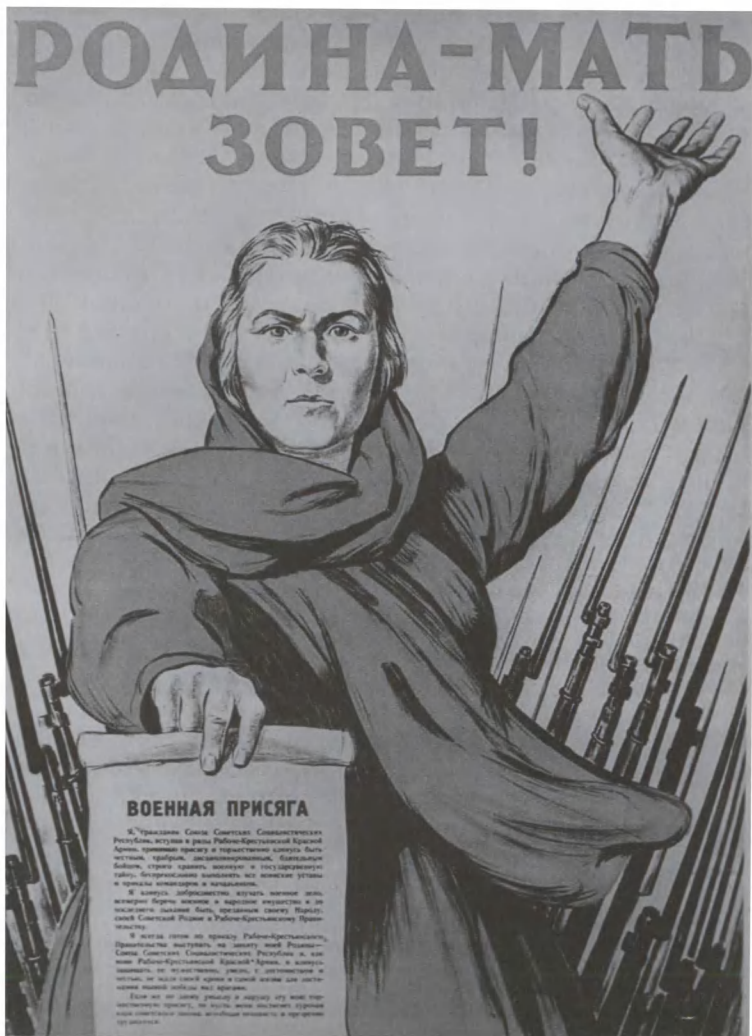

Чан Кайши

Группа советских
военных советников
в Китае.
В. И. Чуйков
в первом ряду
третий слева

Плакат художника И. Тоидзе

Командармом его назначили неслучайно. Василий Константинович прославился в годы Гражданской войны, был награжден тремя орденами Красного Знамени, среди которых орден за № 1. Именно в Дальневосточном краю гремела его слава. Здесь его хорошо знали и уважали. До того, как прибыть в Хабаровск, Блюхер под псевдонимом Галин являлся главным военным советником при национально-революционном правительстве Китая, возглавляемом видным революционером, первым президентом Китайской Народной Республики Сунь Ятсеном. И хотя Чуйков его в Китае не застал, был о нем наслышан как о хорошем дипломате и военном советнике. Также Чуйков и Блюхер знали друг друга по Восточному фронту. Блюхер командовал дивизией, был помощником командующего 3-й армией, а Чуйков, как читатель знает, командовал полком. Знал Чуйкова и начальник штаба формируемой армии А.Я. Лапина.

Встреча с Блюхером была волнующей. Они крепко обнялись, словно давние друзья. Подробно расспросив Чуйкова о его пребывании в Китае, командарм предложил ему должность начальника 4-го (разведывательного) отдела штаба армии. Василий Иванович дал согласие. Одновременно он был включен в состав группы Блюхера для особых поручений и докладов по обстановке в войсках Гоминьдана.

Однако с этого же дня Чуйков для всех стал Карповым — именно такой оперативный псевдоним он получил еще будучи слушателем Восточного факультета Военной академии РККА. Конспирация, видимо, в той обстановке и на такой должности была не лишней. Но чтобы не запутывать читателя фамилиями, герой нашего повествования будет по-прежнему называться Чуйковым. Фамилия Карпов будет упомянута лишь в нескольких местах.

Чуйков без раскачки, приступил к исполнению обязанностей. От него требовалось оперативно наладить сбор и анализ данных о противнике, его планах, вооружении, личном составе и т. д. Что вскоре и было сделано. К ноябрю разведотдел армии собрал исчерпывающие данные о противнике, на основании которых разрабатывался план будущей операции.

Главным звеном вооруженных сил Китая являлись бригады и корпуса государственной обороны. Они были укомплектованы по полному штату, вооружены современным стрелковым оружием. Каждая бригада состояла из трех пехотных полков, саперного батальона, артиллерийского

дивизиона и роты связи. Эти части содержались на государственных средства и находились в непосредственном подчинении Чан Кайши. По сути, это были регулярные войска. В них была установлена строгая воинская дисциплина, все офицеры имели военное образование. Численность одной бригады, которой командовал, как правило, генерал доходила до 12 тысяч человек.

В состав китайских вооруженных сил также входили войска провинциальной обороны. Они тоже имели в своем составе бригады. Однако эти части содержались на средства губернаторов провинций. В основном их использовали в карательных операциях по подавлению крестьянских восстаний, в массовых облавах против коммунистов. Опыта участия в крупных сражениях они не имели, поскольку выполняли сугубо полицейские функции: расстреливали рабочие демонстрации, охраняли склады и военные объекты. Тем не менее части провинциальной обороны представляли серьезную угрозу для любого противника.

Командование ОДВА было обеспечено и подробными сведениями о дислокации китайских войск. Они были получены и во многом благодаря подчиненным Чуйкова, отлаженной работе агентуры. Так, город Маньчжурия, превращенный в важный опорный пункт, обороняла 9-я бригада генерала Ляна, город Чжалайнор тоже был превращен в опорный пункт, его обороняла 17-я бригада. Вдоль границы по реке Аргунь были дислоцированы пограничные войска, усиленные бригадами провинциальных войск. В частности, одна из таких бригад охраняла железнодорожные станции между Чжалайнором и Хайларом.

Но наиболее мощная группировка противника сосредоточивалась в Хайларе, туда выдвигался корпус генерала Ху Юйкуня в составе трех бригад. В район городов Мишань и Мулин выдвигались две кавалерийские бригады. К границам советского Приамурья также подтягивались крупные силы. Однако не все китайские части смогли прибыть в места сосредоточения. Зброшенные перед наступлением в тыл противника диверсионные группы, которыми руководил специально прибывший из Москвы сотрудник военной разведки Христофор Интович Салнын, нарушили логистику переброски китайских войск и боеприпасов по КВЖД в район конфликта.

Проснулись и бывшие белогвардейцы — семеновцы, дутовцы, калмыковцы... Они бредили идеей взять реванш за Гражданскую войну. В целом китайская сторона распо-

лагала почти трехсоттысячной армией, а также белогвардейскими формированиями в семьдесят тысяч человек. Вся эта армада, как уже сказано, была сосредоточена на важнейших стратегических направлениях: в районах станций Маньчжурия, Чжайланор, Хайлар, Цицикар; на благовещенской линии — в устье реки Сунгари (Лахасусу, Фугдин) и в Приморье.

Руководство СССР не хотело войны, неоднократно заявляло, что конфликт с Китаем нужно решать исключительно мирным путем. Командирам и бойцам ОДВА давались строжайшие указания не поддаваться на провокации. Вот строки из приказа В.К. Блюхера, обращенные к личному составу армии:

Враждебные действия противной стороны нельзя рассматривать иначе, как сознательную провокацию. По-видимому, они [китайцы] замышляют нечто большее, чем творимое на КВЖД и налеты на границу... Я призываю всех к величайшей бдительности. Еще раз заявляю, что наше правительство в данном конфликте придерживается неизменной политики мира и принимает все зависящие от него меры к разрешению его мирным путем.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допуская впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков.

Однако не всегда это получалось. «Наши войска, — пишет Чуйков в своих мемуарах, — ведя оборону своей территории, были вынуждены наносить короткие контрудары по группировкам китайцев, сосредоточенным вдоль границы. Одновременно мы старались не дать козырь империалистической пропаганде, которая постаралась изобразить дело так, будто Советский Союз стремится к каким-то захватам в Китае. Так, короткие и эффективные удары были нанесены по городу Фуюань в устье реки Сунгари, впадающей в Амур, откуда китайские войска обстреливали наши пароходы; затем по городу Фуцзинь, где была сосредоточена китайская речная флотилия. С ее помощью отряды диверсантов высаживались на наш берег. Был нанесен удар и по городу Саньчакоу. Однако эти уроки не отрезвили чанкайшистов».

На первоначальном этапе советское командование склонялось к варианту глубокого захода в тыл всей китайской группировки, чтобы расчленяющим ударом прорвать

оборону в Хайларе, разгромить там главные силы и с тыла обрушиться на остальные опорные пункты, в частности на Чжалайнор и Маньчжурию. Замысел операции такого рода при удачном осуществлении сулил быстрый и успех советским войскам. Однако от него пришлось отказаться. Части, находившиеся в этом районе, для этого не располагали достаточными силами и средствами.

В распоряжении советского командования находились всего три стрелковые дивизии — 21, 35, 36-я, которые к тому же были не полностью укомплектованы. Также имелись одна кавалерийская бригада и бурят-монгольский кавдивизион. С такими силами было рискованно заходить в глубокий тыл китайской группировки. Могли при этом встретиться и особые трудности. В районе Трехречья, к северу от Хайлара, располагались белогвардейские казачьи поселения. В белоказачьей среде было много людей, совершившие тяжчайшие преступления против советской власти, для них приход советских войск был смерти подобен. Они могли влиться в состав китайских войск и угрожать тылу советских частей и коммуникациям.

Советское командование решило уменьшить глубину удара, обходом с севера и востока разгромить укрепленный гарнизон Чжалайнора и затем окружить гарнизон на станции Маньчжурия, покончив с этими крупными войсковыми соединениями противника. Проще говоря, было решено громить противника по частям, создавая превосходство поочередно против каждого гарнизона. Уже перед самым выступлением советские части были усилены танковой ротой, оснащенной машинами МС-1. Предстояло в ходе боев впервые в Дальневосточной армии наладить взаимодействие стрелковых частей с танковыми подразделениями.

Окончательный план операции выглядел следующим образом. 21-я дивизия (комдив П.И. Ашахманов) с бурят-монгольским кавдивизионом должна была сковать и блокировать гарнизон в городе Маньчжурия с севера, запада и юга.

36-я стрелковая дивизия (комдив Е.В. Баранович) с танковой ротой наносила удар с севера между Маньчжурией и Чжалайнором, перерезая тактическую и оперативную связь между 9-й и 17-й бригадами и направляя главный удар на Чжалайнор с запада, одновременно блокируя 9-ю маньчжурскую бригаду с востока.

35-я стрелковая дивизия (комдив П.С. Иванов) наносила главный удар с севера на юг, на Чжалайнор, силами

батальона захватывала высоту 101, что в 3—5 км восточнее Чжалайнора, тем самым отрезая путь отступления из Чжалайнора на Хайлар.

5-я Кубанская кавбригада (комбриг К.К. Рокоссовский) получила задачу — ударом через высоту 101 выйти на южную окраину Чжалайнора и с юга атаковать поселок и железнодорожную станцию.

Сухопутные войска должны были поддержать авиационная эскадрилья и разведывательный авиационный отряд.

В период подготовки к операции Чуйков постоянно находился рядом с Блюхером. Вместе они прибыли из Хабаровска на станцию Даурия. Оттуда — в село Абагайтуй, что находилось в километре от границы по реке Аргунь. В этом селе был размещен штаб ОДВА. Чуйков ежедневно готовил для командующего донесения и доклады, касающиеся разведывательной деятельности, выполнял различные поручения.

Боевые действия со стороны советских войск стали осуществляться в середине ноября. О том, что заставило их начать, обратимся к одному из сообщений Российского телеграфного агентства (РОСТА). В сообщении тех дней говорилось:

С первых чисел ноября сего года китайские войска, расположенные в районе ст. Маньчжурия и города Шивэйсян (восточнее Нерчинского завода, на р. Аргунь), начали систематически обстреливать артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем наши пограничные части и мирных жителей, проживающих вдоль китайской границы по р. Аргунь. В результате этих обстрелов жители станиц Олочинской и Абагайтуйевской принуждены были прекратить молотьбу хлеба и эвакуироваться. Среди жителей этих станиц есть убитые и раненые. Однако китайские войска этим не ограничились. Начиная с 13 ноября с. г. китайское командование усиленно переправляет на нашу территорию белогвардейские отряды, сформированные ими в районе Трехречья, и группирует свои силы на самой границе Маньчжурии. Захваченные нами белогвардейцы показывают, что они получили задачу разрушать наши тылы... В ночь с 16 на 17 ноября китайские войска значительными силами при поддержке артиллерии подготовились к наступлению на станицу Абагайтуйевскую и разъезд № 86. Одновременно начиная с 15 ноября китайское командование усиленно перебрасывает свои войска на ст. Пограничная и Мишаньфу для нападения на наше Приморье.

Однако далеко не все факты происходящего на советско-китайской границе нашли отражение в сообщении РОСТА. В частности, ничего не было сказано о жестокости китайских военнослужащих. Тогда как они изощренно издевались над захваченными в плен красноармейцами. Солдаты вырезали им языки, в глаза и уши забивали ружейные патроны, заживо сжигали. И это тоже являлось причиной того, чтобы СССР принял решительные меры в отношении зарвавшегося соседа. Иными словами, нужно было с помощью оружия заставить правителя Китая Чан Кайши уважать договорные обязательства, принятые китайской стороной.

Наступление советских войск началось на рассвете 17 ноября. После массовой артиллерийской подготовки, а также при поддержке авиации части и соединения ОДВА, вскрыв китайскую оборону, устремились вперед. И хотя погода не особо благоприятствовала наступающим — сильный мороз пробирал до костей, резкий, порывистый ветер буквально валил с ног бойцов — ничто не могло остановить атаковую лаву.

Особенно успешно развивалось наступление на тех участках, где советские войска применили танки МС-1. И хотя их было немного, но для китайцев появление бронированных машин явилось полной неожиданностью.

Во время танковой атаки Чуйков находился на наблюдательном пункте рядом с Блюхером. В бинокли было хорошо видно, как китайские солдаты и офицеры, завидев танки, высунулись почти по пояс из окопов. Казалось, что пройдет еще несколько минут, и они в панике побегут с поля боя. Однако этого не случилось. Боевая техника их настолько загипнотизировала, что они не могли прийти в себя. Вскоре китайцы стали сдаваться в плен.

К концу первого дня наступательной операции советские войска полностью завершили окружение двух гоминьдановских бригад численностью около 20 тысяч человек. На очереди был разгром гарнизонов в городах Чжалайноре и Маньчжурии. Вечером Блюхер собрал своих ближайших помощников на совещание и объявил, что им принято решение продолжить наступление с рассветом. План операции оставался прежним. Необходимо было прорвать оборону противника в нескольких местах, используя имеющуюся артиллерию и танки. Оборона китайцев при таких прорывах на отдельных участках фронта должна потерять устойчивость. Кроме того, командарм передал инициативу

командирам дивизий, оставив за ними право выбора, на каких участках осуществлять прорыв обороны.

Сразу после совещания его участники разъехались по войскам. Чуйков был направлен в 5-ю Кубанскую кавалерийскую бригаду, которой тогда командовал будущий прославленный маршал К.К. Рокоссовский. Передав приказ Блюхера Рокоссовскому, Чуйков остался в бригаде до утра. А утром, 18 ноября, он лично наблюдал за тем, как кавалеристы бригады бесстрашно штурмовали китайские позиции.

Успех советских войск обозначился на всех участках фронта. Несмотря на отчаянное сопротивление китайцев, 18 ноября был взят город Чжалайнор. Красноармейцы обнаружили на улицах этого города следы панического бегства — брошенные в огромном количестве винтовки, пушки, боеприпасы и различное имущество. Спустя два дня, 20 ноября, был окружен город Маньчжурия, его гарнизон капитулировал через несколько часов.

В течение нескольких дней китайцы потеряли более 2000 человек убитыми, около 9 тысяч были взяты в плен. Среди тех, кто оказался в плену, был и командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжу-цзян. Чуйков принимал непосредственное участие в пленении генерала. Как это происходило — обратимся к воспоминаниям Чуйкова:

В ночь с 18 на 19 ноября наши войска, разгромившие чжалайнорскую 17-ю бригаду, оставили в поселке Чжалайнор 35-ю стрелковую дивизию и повернули на запад, против маньчжурской бригады под командованием генерала Ляна.

Удар с востока наносился силами 36-й дивизии, с юга — 5-й Кубанской кавалерийской бригадой. Теперь весь гарнизон ст. Маньчжурия был в кольце наших войск. Перед нами стояла задача разгромить или пленить эту группировку противника.

Генерал Лян, по-видимому убедившись в безвыходности своего положения, решил ранним утром прорываться на Чжалайнор и далее на Хайлар. Поэтому с раннего утра завязались жестокие бои между нашими войсками, наступающими с востока от Чжалайнора на ст. Маньчжурия, и китайскими войсками, прорывающимися на восток.

Вдоль железной дороги в плотных боевых порядках пробивался целый полк китайцев численностью более двух тысяч штыков. С нашей стороны на его пути стоял заслон — бурят-монгольский кавдивизион. Этот дивизион, имея перед собой в 8—10 раз превосходящие силы, был вы-

нужден, маневрируя, отходить на восток навстречу нашим частям, подходившим из Чжалайнора и развертывавшимся в боевой порядок. Удачным маневром дивизион вышел во фланг прорывавшимся китайцам, немедленно развернулся в боевой порядок и пошел в атаку в конном строю.

В это время мы, командиры армейского командного пункта во главе с В.К. Блюхером, опередив наступающие от Чжалайнора войска, подъехали к району атаки. Мы могли лично наблюдать, как бойцы и командиры бурят-монгольского кавдивизиона, умело владея шашками, врубались в боевые порядки противника, наводя на него ужас и панику. С юго-востока от Чжалайнора к ст. Маньчжурия подходила 5-я Кубанская бригада, тесня противника к городу.

Наша авиация начала бомбить войска противника, готовившие прорыв и отступление. Некоторые бомбы легли недалеко от наших машин, что заставило нас опознавательными знаками показать летчикам, что мы свои.

По всему пространству вокруг ст. Маньчжурия шел бой. Все попытки китайских командиров найти слабое место для прорыва и отступления встречались атаками и контратаками наших войск.

В это время начальник связи армии С. Гулин, входивший в оперативную группу командования, доложил В.К. Блюхеру, что на разъезд Отпор¹ прибыла группа китайских офицеров вместе с работниками японского консульства на ст. Маньчжурия для переговоров о капитуляции гарнизона и просила связаться с уполномоченным советского командования. Это было неожиданно для всех нас, в том числе и для В.К. Блюхера. Он тут же решил послать меня для ведения этих переговоров, вернее, для предъявления ультиматума о сдаче всего гарнизона. На автомобиле по бездорожью я быстро проскочил расстояние около 25 км близ ст. Маньчжурия на наш разъезд Отпор, где в маленьком пограничном домике встретился с представителями китайского командования и японского консульства. Я тут же изложил им требования советского командования:

- 1) сложить оружие там, где оно находится;
- 2) не допускать никаких насилий и грабежа;
- 3) всем пленным солдатам собраться в казармах на восточной окраине ст. Маньчжурия, офицерам — в отдельной казарме.

Китайские представители безоговорочно приняли наши условия капитуляции. Я спросил их, где сейчас находится командир бригады генерал Лян. Японец, сопровождавший китайских представителей, заявил, что генерал Лян находится в японском консульстве. Китайские и япон-

¹ Ныне станция Забайкальск.

ские делегаты пригласили меня выехать вместе с ними для встречи с генералом Ляном.

Связавшись с В.К. Блюхером, я доложил ему о результатах переговоров. Он тут же приказал мне выехать на ст. Маньчжурия, проследить там за поведением китайцев и, главное, не выпускать из виду командира бригады генерала Ляна.

Вслед за автомашиной под японским флагом, в которой ехали китайцы и японцы, я с переводчиком и двумя красноармейцами выехал в г. Маньчжурия. При подъезде к Маньчжурии было видно, как китайские солдаты и офицеры со всех сторон стекались к городу, а за ними двигались наши боевые порядки, не ведя огня.

Когда же мы въехали в центр города, перед нами открылась ужасная картина грабежа. Двери и окна магазинов и торговых заведений высаживались прикладами, толпы мародеров старались проникнуть внутрь, из дверей и окон выскакивали солдаты, нагруженные всем, что попало в руки. Многие на военное обмундирование натягивали штатскую одежду, другие сбрасывали с себя военную и одевали штатскую. Трудно передать ту картину, которая творилась в городе Маньчжурия 20 ноября 1929 года. Когда-то покоренные города отдавались на разграбление завоевателям. Мы же видели, как город грабили не завоеватели, а оборонявшие его войска.

Не доезжая до японского консульства, наша машина попала в затор, ее движению мешали брошенные винтовки, гранаты и снаряды. Дальше ехать было рискованно. Мы вышли из машины и пошли пешком в японское консульство. Немного не дойдя до консульства, мы увидели автомашину, на которой с другого конца города подъехал командир нашего корпуса Степан Вострецов. Его войска ворвались в город. Увидев меня, он остановил машину и спросил:

— Где генерал Лян?

Я пояснил, что ожидаю его увидеть в японском консульстве.

— Ты знаешь его в лицо?

— Знаю!

Вострецов вышел из машины и пригласил меня сопровождать его в консульство.

Генерал Лян со старшими офицерами бригады встретили нас в приемной консульства. Я его сразу узнал и указал на него Вострецову.

Вострецов объявил генералу и офицерам, что с этой минуты они являются военнопленными Красной Армии. Генерал Лян и офицеры сдали личное оружие. Никаких условий сдачи в плен они не оговаривали. Этой акцией фак-

тически закончились военные действия, вошедшие в историю как конфликт па КВЖД.

Наше командование не ставило задачи осуществить полное окружение китайских войск. Некоторая часть китайских солдат вырвалась со ст. Маньчжурия и Чжалайнора. Они встретили на пути подходивший к месту боев корпус генерала Ху Юйкуня. Встреча произошла в районе ст. Циганор. Она произвела самое неожиданное воздействие. Вид китайских солдат, паника, посеянная ими, обратили в бегство подходившее свежее пополнение.

Так завершился советско-китайский конфликт, тлевший и время от времени вспыхивающий в течение ряда лет. Китайские правители получили поучительный урок от Красной армии. Всему миру было показано, что границы Советского Союза лучше не трогать, они неприкосновенны. Одновременно это явилось предостережением тем, кто их попытается нарушить. К сожалению, китайский урок не учел еще один сосед СССР — Япония. О нем Красной армии пришлось напомнить в 1939 году в боях у озера Хасан и на Халхин-Голе. Но это уже другая история.

В конце ноября в районе станции Даурия состоялись торжественные похороны бойцов и командиров ОДВА, героически погибших при защите советских рубежей. Красная армия понесла минимальные потери в сравнении с вооруженными силами Китая — около 280 убитых. Командарм Блюхер обратился к красноармейцам и командирам с небольшой речью:

— В эти торжественно-траурные минуты, отдавая последние воинские почести товарищам, погибшим за дело революции, каждый из нас помнит, что здесь лежат лучшие бойцы за дело рабочего класса, лучшие представители армии рабочих и крестьян Советского Союза...

Смерть должна вызвать у нас не слезы. Она должна влить в каждого из нас больше энергии и решительности закончить дело социалистического переустройства, закончить дело социалистической революции... На могиле лучших бойцов за наше дело мы должны оставить память нашего глубокого к ним уважения. Над этой могилой мы должны склонить Красное знамя с черной каймой в знак нашей скорби.

К траурному знамени, установленному на братской могиле, Блюхер прикрепил орден Красного Знамени. В холодной забайкальской тишине раскатисто прогремели залпы прощального салюта.

Боевые успехи ОДВА были высоко оценены в СССР. Сама армия за доблестные действия по защите Родины была награждена орденом Красного Знамени и стала теперь именоваться Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА). Ордена Красного Знамени удостоились свыше 500 командиров и красноармейцев. Не остались незамеченными и заслуги Чуйкова. Ему была объявлена благодарность и вручено наградное оружие — серебряная шашка.

Газета «Правда» в те дни писала о прославившей себя армии: «Особая Дальневосточная армия всеми своими действиями демонстрировала твердую неизменную политику мира, проводимую нами. Имея возможность уничтожить своего противника, ОДВА с величайшей сдержанностью отвечала на удары провокаций, не выходя из рамок необходимой самообороны. Когда же выяснилось, что эти налеты и нападения являются подготовкой к серьезным наступательным операциям против СССР, наша армия нанесла молниеносный ответный удар, который заставил противника в панике бросить свои опорные противосоветские базы».

В декабре в Хабаровске китайская и советская стороны подписали протокол об урегулировании конфликта на КВЖД. Согласно этому документу на КВЖД был восстановлен статус-кво в соответствии с Пекинским и Мукденским договорами. Китайские власти обязались разоружить белогвардейские отряды в Маньчжурии и освободить арестованных советских граждан. Соглашение предусматривало незамедлительное восстановление консульств СССР в Маньчжурии и консульств Китая на советском Дальнем Востоке, а также возобновление деятельности советских хозяйственных организаций, существовавших в Маньчжурии до конфликта, и китайских коммерческих организаций в СССР.

Находившиеся на китайской территории советские части к концу декабря того же года возвратились на Родину. После короткого отдыха жизнь бойцов и командиров вошла в привычное довоенное русло: занятия, караулы, полевые выезды, стрельбы... Но у Чуйкова легких будней не предвиделось.

Еще в первый день пребывания наших войск в городе Маньчжурия Чуйков обратил внимание на чрезмерно активную деятельность сотрудников японской военной миссии. Они старались под разными предлогами проникать в

советские части и даже штабы, подбирали брошенные листовки, газеты, пытались затевать разговоры с красноармейцами и командирами. Даже поезд управления армии, стоявший на станции Маньчжурия, находился под пристальным наблюдением японцев.

Однако подчиненные Чуйкова тоже не дремали. Они сумели перехватить донесения японских агентов и доклад начальника военной миссии Кавамото, адресованные своему руководству. В одном из донесений сообщалось, что «Красная армия начала наступление... 20.11. занята ст. Маньчжурия... китайские командиры бежали в японское консульство, потом сдались Красной армии. Город был занят Красной армией. Баррикад не было. Красная армия наблюдала за порядком в городе. В армии воинская дисциплина очень строгая и хорошая». Далее в документе отмечались маневренность советских частей в бою, хорошее обмундирование и снаряжение, четкость в строю, безупречное отношение к мирному населению и к военнопленным. Проведенная операция оценивалась японцами как отличная.

Завидную активность японские дипломаты проявляли и в других вопросах. Доходило до курьезных случаев. Как вспоминал Чуйков, в ходе боев в городе Маньчжурия осколком шального снаряда убило японку из публичного дома. На следующий день после капитуляции китайских войск японская сторона предъявила советскому командованию иск на сумму в 22 500 японских иен. В иске было подсчитано, сколько лет могла прожить эта японка, сколько клиентов она могла бы обслужить за эти годы, какой она могла принести доход содержателю публичного дома, а стало быть, и Японии. Без всякого стеснения этот иск был предъявлен к исполнению. Но советское командование его отвергло.

В должности начальника Разведывательного отдела ОКДВА Чуйков находился до осени 1932 года. О его работе в этом качестве свидетельствует аттестация, хранящаяся в личном деле: «Имеет большой опыт разведывательной работы, пользуется большим авторитетом, политически хорошо грамотнее, активный член ВКП(б). С работой во время 1929 г. справился, боевой стаж большой и качественно-прекрасный. Знание общевойсковой тактики в масштабе полка... Вывод: должности вполне соответствует. При переводе в строй может быть единоначальником».

Задачи, которые Чуйкову в тот период пришлось ре-

шать, были связаны с противостоянием советской военной разведки с аналогичными структурами стран-соседей. В первую очередь Японии и Китая.

Например, Япония не скрывала своих намерений захвата территорий в Приморье и Сибири. С этой целью она продолжала открыто поддерживать антисоветские, в том числе белогвардейские, силы в Китае, широко использовала их не только для военных приготовлений к нападению на СССР, но и в шпионско-диверсионных акциях. Благодаря серии оперативных мероприятий, проведенных подчиненными Чуйкова, деятельность ряда наиболее опасных белоэмигрантских организаций в Дальневосточном регионе была нейтрализована.

Когда в 1931 году Япония без объявления войны вторглась в Маньчжурию и начала ее оккупацию, возникла необходимость получения достоверных сведений о группировке японских войск как в самой Маньчжурии, так и в Корее. Добыть данные о численности, вооружении и дислокации японских частей для Разведывательного отдела Чуйкова не составило большого труда. Сеть тактической агентурной разведки, которая была создана в Маньчжурии и Корее сразу после конфликта на КВЖД, обеспечила полноценной информацией командование ОКДВА. Разведдонесения, подписанные Карповым (Чуйковым), регулярно ложились на стол командарма В.К. Блюхера. В свою очередь тот информировал Москву о складывающейся военно-политической обстановке.

Одной из важных задач для Чуйкова и его подчиненных оставалась работа по Китаю. Как и раньше, они добывали через свою агентуру сведения о военно-политической обстановке в стране и провинциях, собирали информацию о военном потенциале, приобретали необходимые связи в различных слоях китайского общества и т. д. Особенно укрепилась там агентурная сеть после все тех же событий на КВЖД. В плен попало много китайских солдат и офицеров. После урегулирования конфликта они были возвращены в Маньчжурию. Но перед отправкой с частью из них провели вербовочные мероприятия сотрудники военной разведки. Причем источники, выражаясь языком разведчиков, были в основном приобретены на идеологической основе. Как бы сегодня не относились к советскому прошлому, но именно социалистические идеи привели китайских солдат и офицеров к сотрудничеству с военной разведкой Красной армии.

Деятельность любой разведки окутана ореолом романтической таинственности. В книгах и кинофильмах разведчики, как правило, изображены смелыми и самоотверженными людьми, которые не останавливаются ни перед какими чрезвычайными обстоятельствами. Они виртуозно уходят от слежки, филигранно вступают в контакты с агентами, умело путают следы и выполняют самые сложные задания...

Но таковыми бойцы невидимого фронта являются и в реальной жизни. Чуйков — не исключение. Когда он писал мемуары, то скромно умолчал о себе как о разведчике. Хотя ему было, о чем поведать. Скорее, не наступило тогда еще время рассказывать о прежней работе. Да и сейчас документы спецслужб, в том числе Главного разведывательного управления (ГРУ) — правопреемницы Разведупра хранятся за семью печатями. И наверное, это правильно.

Главное предназначение разведки — раскрывать не свои, а чужие тайны. Николай Владимирович Чуйков, полковник, внук нашего героя, будучи мальчишкой попросил его однажды вспомнить что-нибудь интересное из разведывательного прошлого. Ответ деда был примерно такой: «У разведчиков не принято делиться информацией, если в данный конкретный момент в этом нет необходимости. Даже с близкими людьми».

В декабре 1932 года Чуйков также под фамилией Карпов убыл к новому месту службы в Москву — он был назначен командиром — военным комиссаром Курсов усовершенствования начальствующего состава по разведке (КУНС) при Разведывательном управлении Штаба РККА.

В тот период Разведывательное управление возглавлял опытный разведчик Ян Карлович Берзин. В интересах конспирации эту структуру называли иногда так: «Управление, которым руководит старый большевик т. Берзин». А для близких людей он был Старик — так его окрестили за раннюю седину, которая у него появилась после того, как он мальчишкой попал в руки казаков и просидел в камере смертников две недели. Еще в начале 20-х годов Берзин побывал нелегально за рубежом — в Германии, Чехословакии, Польше, Англии. Так что это был настоящий профессионал, хорошо разбирающийся в вопросах разведывательной деятельности.

Когда Берзин в 1924 году возглавил эту структуру, она получила новый этап своего развития. Фактически при нем в течение десяти лет была создана эффективная си-

стема военной разведки, в том числе агентурная разведка. Разведупр, как орган военной разведки, решал следующие задачи:

«а) руководство работой всей агентурной разведки, осуществляемой как непосредственно управлением, так и разведывательными отделами округов (армий) и флотов;

б) систематизация и обработка поступающих разведывательных материалов и выпуск необходимых справочников и пособий по изучению иностранных армий;

в) обеспечение Штаба РККА, Политического управления РККА и других управлений Народного комиссариата обороны, а также штабов округов, войсковых соединений и частей информационными материалами о вооруженных силах, военно-политическом и военно-экономическом состоянии иностранных государств;

г) подготовка кадров разведчиков;

д) разработка и постановка задач разведывательным органам округов (армий) и флотов».

Из воспоминаний людей, хорошо знавших Берзина, известно, что он первостепенное внимание уделял кадрам, их подбору и расстановке. Во главу угла Берзин ставил патриотизм сотрудника, преданность Родине и партии, его политическую идейность. Лучшие кадры он тщательно отбирал из героев революции, из когорты бойцов и командиров, прошедших горнило Гражданской войны и военных конфликтов. Ему требовались люди действия, незаурядные, умеющие самостоятельно мыслить, принимать решения. Он ценил в сотруднике силу воли, твердость характера, неподкупность, готовность к самопожертвованию, а также незаменимые для разведчика качества — наблюдательность, умение анализировать, оценивать и прогнозировать.

— Разведку надо уметь поставить, — говорил Берзин, — иначе ее можно сравнить с биноклем, которым не умеешь пользоваться, — смотришь и видишь сплошной туман. Только при резком фокусе и точном наблюдении можно разобраться в организации и боевом составе противника, в характере его действий, его планах и намерениях.

Достаточно сказать, что сотрудниками Разведупра в тот период являлись Рихард Зорге, Лев Маневич, Илья Старинов и многие другие известные впоследствии разведчики и специалисты. По свидетельству помощника Чуйкова генерал-майора Л.И. Корзуна, Василий Иванович нередко вспоминал о своих коллегах по разведке.

Когда он спросил у маршала, знал ли он о Зорге, тот ответил: «Разумеется, знал и неплохо... Хороший аналитик, он максимально использовал свое знакомство и даже дружбу с германским послом в Токио. А о том, что японцы не начнут войну против нас, мы знали и из других, более надежных источников».

Требованиям, которые предъявлял к кадрам Берзин, в полной мере соответствовал и Чуйков. Поэтому его назначение на должность руководителя КУНС было вполне закономерным. Курсы были годичными и были предназначены, как говорилось в положении о курсах, для подготовки «начальников разведывательных органов штабов округов, корпусов и дивизий и их помощников, а также преподавание лицам командного состава РККА специальных знаний по агентурной и активной разведке и по контрразведке».

Чуйков с огромным желанием включился в новую для него работу. Разведчик-практик, он немало сделал для совершенствования учебного процесса. В числе основных тем, которые изучались слушателями на занятиях, являлись организация и ведение разведки в ходе ведения боевых действий, изучение способов добывания разведданных, их анализ, подготовка разведывательных донесений, сводок, справок... Большое внимание уделялось методам и приемам разведывательной работы, способам получения материалов политического, военного, научно-технического характера, использование так называемого «человеческого фактора», применение технических средств и т. д.

Вообще для Чуйкова должность начальника КУНС была, можно сказать, промежуточной. Руководство Разведупра, в первую очередь Берзин, при назначении Чуйкова исходили из того, чтобы в его лице укрепить аппарат энергичным руководителем и профессиональным разведчиком и одновременно дать ему возможность пройти очередную ступень служебной лестницы. Действительно, в силу молодого возраста нашего героя многое у него было еще впереди.

Однако служба Чуйкова в военной разведке неожиданно прервалась. 15 апреля 1935 года секретным приказом наркома обороны СССР за № 0531 Берзин был освобожден от руководства Разведупром и зачислен в распоряжение наркома. В тот же день новым начальником Разведывательного управления РККА в должности заместителя началь-

ника Автобронетанкового управления Штаба РККА был назначен С.П. Урицкий.

Причиной освобождения Берзина от должности стал крупный провал военной разведки в Копенгагене. Датской полицией были задержаны четыре высокопоставленных сотрудника аппарата Разведупра. Одновременно были арестованы девять граждан Дании, сотрудничавшие с советской военной разведкой.

Сразу же после увольнения Берзина (он был назначен через некоторое время заместителем командующего ОКДВА) в Разведупре началась большая чистка, в результате которой значительное количество сотрудников были вынуждены расстаться с разведкой. Новый начальник Разведупра С.П. Урицкий докладывал заместителю наркома обороны СССР Я.Б. Гамарнику, куратору Разведупра: «Во исполнение указаний мною полученных был произведен пересмотр личного состава Разведывательного Управления и всех его периферийных органов. Одновременно с помощью Управления по Начсоставу были приняты меры по укомплектованию разведывательных органов. Суммарно вся проделанная работа выражается в 406 чел. уволенных за 1935 г. из Разведупра... Я нуждаюсь в помощи для того, чтобы обеспечить всю эту ответственную работу по подбору кадров в разведку. Нужно привести в порядок учет, личные дела, вести систематическое изучение людей, производить оформление всех передвижений...»

В числе указанных в донесении 406 человек оказался и Чуйков. Примечательно, его имя даже фигурировало в докладе наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды Политбюро ЦК ВКП(б) о провалах военной разведки. Чуйкову ставилось в вину, что он, как руководитель КУНС, не обеспечил «надлежащим образом подготовку кадров разведчиков».

На тот момент Чуйкову исполнилось 35 лет, из которых половину он отдал службе в армии. Уходить из нее — дело для офицера, прямо скажем, далеко не радостное. Скорее, даже тяжелое. Это подтвердит любой человек носивший военную форму, выбравший однажды своей судьбой служение Родине и отдавший ей лучшие годы жизни.

К счастью, Чуйкова оставили в строю. Из военной разведки его откомандировали в распоряжение начальника Управления по начальствующему составу Наркомата обороны СССР. Оттуда он был направлен на Курсы усовершенствования технического состава при Военной акаде-

мии механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина (АКТУС). На курсах готовили офицеров командно-штабного профиля и инженеров-механиков с высшим военным и военно-специальным образованием для танковых войск.

Учебные занятия на курсах были организованы достаточно хорошо. Опытные преподаватели стремились помочь своим слушателям глубоко усвоить излагаемые темы, детально ознакомить их с образцами новой техники и вооружения, которое в это время начало поступать в части Красной армии. Серьезное внимание уделялось и занятиям в поле. Слушатели выезжали на полигон, чтобы получить навыки вождения боевых машин.

Учился Чуйков старательно, о чем красноречиво свидетельствует его аттестационная характеристика: «Способный, толковый слушатель, ударник учебы, отлично дисциплинирован, тактику мех. частей освоил отлично. Боевые машины, технические свойства, правила эксплуатации и ремонта машин усвоил отлично, другие предметы освоил отлично. Вывод: достоин выдвижения на должность командира мех. бригады. По штабной линии может быть нач. штаба корпуса».

Отучившись полгода, Чуйков был назначен командиром 4-й отдельной механизированной бригады Белорусского военного округа. И вполне обоснованно. Предыдущие аттестации это подтверждают. «Как строевой командир может быть использован командиром стрелковой дивизии» — такой вывод вышестоящего начальника содержится в его аттестации 1934 года. А чуть раньше, в 1932 году, Чуйкова также рекомендовали использовать в качестве командира стрелковой дивизии или мотомеханизированной бригады. Новое назначение состоялось в декабре 1936 года. К тому времени Чуйкову было присвоено воинское звание полковник.

Прежде персональных воинских званий для кадрового состава армии и флота вообще не существовало. Военнослужащие командного состава обозначались по должностному положению: командир роты, командир полка. К примеру, командир Н-ского стрелкового полка краском такой-то. Звания ввели постановлением ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 года. В соответствии с этим документом был установлен ряд воинских званий, в том числе старшина, лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник... Знакам различия определили место

на петлицах. Сержантский и старшинский состав носил треугольники, младшие офицеры имели кубики, старшие — прямоугольники. В армейской среде кубики тут же окрестили «кубарями», а прямоугольники — «шпалами». В петлицах Чуйкова блестели три латунных «шпалы» в малиновой эмали.

...В конце декабря пассажирский поезд Москва — Смоленск, басовито покрикивая в метельной ночи, увозил Чуйкова к новому месту службы. На малый или большой срок было расставание с Москвой — Чуйков не знал. Как и не ведал о том, как сложится его командирская судьба, которую ему предстояло, по сути, начинать с чистого листа.

Глава 5

КОМАНДИРСКОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Кто думает о прошлом, тот имеет в виду и будущее. Кто думает о будущем, тот не имеет права забывать прошлое.

В.И. Чуйков

Человек в погонах место службы не выбирает. Куда приказывает Родина ехать — туда он и держит путь. Так велит присяга и обязывает профессия. При этом офицер, как правило, задает вышестоящему начальнику лишь один вопрос: «Когда выезжать?» Еще недавно Чуйков служил на восточных рубежах страны, теперь армейская судьба привела его на запад, в Белоруссию.

Командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга И.П. Уборевич, которому полковник Чуйков представился по случаю прибытия, встретил его сдержанно. На то была причина: командующий был несколько удивлен тем, что командовать механизированной бригадой ему прислали не танкиста, не артиллериста, а вчерашнего начальника разведшколы. И хотя Уборевич не стал устраивать Чуйкову строгий экзамен, но вопросов задавал много.

Однако вчерашний разведчик не ударил в грязь лицом. На все вопросы отвечал четко и уверенно. Опыт командования полком, разведывательным отделом крупнейшей на тот момент армии СССР, академическое военное образование, недавние курсы при Военной академии механизации и моторизации являлись лишним доказательством того, что Чуйков справится с любой задачей.

Беседой с Чуйковым Уборевич остался доволен. Расставаясь, командующий пожелал ему как можно скорее освоить обязанности комбрига, всячески повышать свой

профессиональный уровень, внедрять в боевую подготовку личного состава все последние достижения военной науки и практики. И это не было казенным пожеланием. На тот момент Уборевич считался одним из самых крупных военачальников Красной армии. Он в совершенстве освоил оперативно-тактическое искусство, хорошо знал войска, тщательно занимался боевой подготовкой, четко ставил задачи, умел смотреть вперед и воспитывать кадры. В войсках Уборевич появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый приезд командующего обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой.

Все это импонировало Чуйкову. Он сразу с головой окунулся в работу. 4-я отдельная механизированная бригада дислоцировалась в живописном местечке Киселевичи, что в 7 километрах от Бобруйска. По боевому составу она была меньше дивизии, однако представляла сложный организм. В бригаде было три отдельных танковых батальона, отдельный учебный танковый батальон, отдельный разведывательный батальон и отдельный батальон боевого обеспечения. На вооружении бригады имелись легкие отечественные танки Т-26 и быстроходные легкие танки БТ, легкие химические (огнеметные) танки ХТ-26, малые плавающие танки (танкетки) Т-27, бронеавтомобили, легковые автомобили ГАЗ-А и ГАЗ-М-1, полковые орудия, зенитные пулеметы. Кроме того, за личным составом было закреплено табельное оружие, в том числе револьверы, пистолеты, винтовки Мосина и автоматические винтовки Мосина.

До Чуйкова бригадой командовал полковник Д.Г. Павлов. Тот самый Павлов, который войдет в историю как герой гражданской войны в Испании, Советского-японского конфликта на Халхин-Голе, Советско-финляндской войны. Еще перед Великой Отечественной войной он был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени.

К сожалению, блестящая карьера Павлова, ставшего генералом армии, закончится трагически. В тяжелые июньские дни 1941 года Западный фронт, которым он будет командовать, дрогнет перед мощным натиском гитлеровских войск и потерпит сокрушительное поражение в районе Белостока. Это была страшная катастрофа для Красной армии. По приказу Сталина Павлова арестуют и обвинят в том, что в период начала боевых действий германских войск против Советского Союза он проявил трусость, нераспорядительность, допу-

стил развал управления войсками, сдачу оружия противнику и самовольное оставление боевых позиций частями Красной армии, тем самым дезорганизовал оборону страны и дал возможность врагу прорвать фронт Красной армии. В дальнейшем по приговору суда Павлова расстреляют.

Но все это будет впереди. Пока же Чуйков знал о Павлове только то, что группа добровольцев-танкистов под его командованием отправилась воевать в Испанию. Надо сказать, бригада, в командование которой Чуйков вступил, была боеспособной, на маневрах 1936 года личный состав показал хорошее знание техники и высокую боевую выучку. Так что Чуйкову нужно было не только удержать достигнутое предшественником, но и по возможности добиться новых успехов.

Время, когда Чуйков командовал бригадой, было временем серьезных реформ в Красной армии. В 1934 году был упразднен Наркомвоенмор и РВС СССР, являвшийся коллегияльным органом. Вместо него создали Наркомат обороны СССР, где нарком стал его полноправным руководителем. В результате в армию было возвращено единоначалие. Штаб Красной армии был преобразован в Генеральный штаб. Как уже сказано, были введены персональные воинские звания от рядового и до маршала. Военно-воздушные силы и противовоздушная оборона были выделены в самостоятельные виды вооруженных сил. Появился и новый род войск — воздушно-десантные войска. Ушел в прошлое территориальный принцип комплектования частей и соединений, армия переходила на кадровую систему. Одновременно происходило перевооружение войск. В войска поступали новые танки, артиллерийские орудия, самолеты...

Механизированная бригада Чуйкова на тот момент имела самые современные танки, бронеавтомобили, стрелковое оружие. Их освоение, обучение молодого пополнения военнослужащих требовали всего времени командира бригады. Поэтому жизнь Чуйкова в те месяцы была сплошная круговерть. Вот лишь несколько месяцев 1937 года из повседневных будней командира 4-й механизированной бригады, проследить за которыми дают нам возможность выписки из исторического формуляра бригады.

В январе войска 4-й отд. мех. бригады в военном городке, располагавшегося на окраине городка Киселевичи, занимались по плану боевой и политической подготовки зимнего периода обучения. Занятия организовывали командир

бригады полковник Василий Иванович Чуйков и начальник штаба бригады майор Николай Алексеевич Бердников.

В феврале войска 4-й отд. мех. бригады в военном городке занимались по плану боевой и политической подготовки зимнего периода обучения. Занятия организовывали командир бригады полковник Василий Иванович Чуйков и начальник штаба бригады майор Николай Алексеевич Бердников.

В марте войска 4-й отд. мех. бригады в военном городке занимались по плану боевой и политической подготовки зимнего периода обучения. Занятия организовывали командир бригады полковник Василий Иванович Чуйков и начальник штаба бригады майор Николай Алексеевич Бердников.

В апреле соединения и воинские части Бобруйского гарнизона принимали участие в общегарнизонных учениях. На учениях проверялась новая организация войск, отрабатывались задачи боевого применения техники и оружия различных родов войск, их взаимодействие, личный состав овладевал способами ведения боевых действий, повышал закалку и выносливость. 4-я отд. мех. бригада участвовала в завершающих зимний период обучения учениях Бобруйского гарнизона...

1 июня начался летний период обучения. Войска 4-й отд. мех. бригады убыли в летние лагеря, где занимались по плану боевой и политической подготовки летнего периода обучения. Занятия организовывали командир бригады полковник Василий Иванович Чуйков и начальник штаба бригады майор Николай Алексеевич Бердников.

В июле-августе войска 4-й отд. мех. бригады находились в летних лагерях, где занимались по плану боевой и политической подготовки летнего периода обучения. Занятия организовывали командир бригады полковник Василий Иванович Чуйков и начальник штаба бригады майор Николай Алексеевич Бердников.

Как видим, все было подчинено боевой учебе. Командира бригады отличали хорошее знание военного дела, ясность ума, твердость и решительность. Он не боялся брать ответственность на себя. Требовательный к себе, Чуйков не давал послаблений командирам батальонов и рот, обязывал их проводить занятия с подчиненным личным составом в условиях, максимально приближенных к боевым. Командир, по его убеждению, должен оставаться командиром до конца, настойчивым, принципиальным и решительно до конца проводить свою линию, направленную на укрепление боеготовности части.

Огромная работа командира бригады дала свои положительные результаты. По итогам зимнего периода обучения бригада получила оценку «хорошо». Проверяющие отметили высокую выучку бойцов и командиров, особенно при проведении боевых стрельб и вождении танков в различных условиях местности. Последующие дни и месяцы напряженной боевой учебы сулили новые успехи бригаде, и они были достигнуты в ходе осенних маневров войск Белорусского военного округа.

Белорусские маневры, как их еще принято называть, были самыми крупными в предвоенный период и проводились с учетом новейшей теории. По некоторым данным, в них было задействовано 150 тысяч человек, более 1 тысячи танков, 800 с лишним орудий, около 700 самолетов, примерно 7 тысяч автомоторов... Во время учений отрабатывались оборонительные и наступательные действия войск с форсированием крупных водных преград, проверялось взаимодействие механизированных, кавалерийских, стрелковых частей, а также авиации и десантных подразделений. Для проведения маневров было выбрано междуречье Березины и Днепра в окрестностях Жлобина и Рогачева.

Бригада Чуйкова «воевала» на стороне «красных», наступавших от Бобруйска к Днепру против оборонявшихся западнее Рогачева и Жлобина «синих». Руководство действиями «красных» впервые осуществляло командование армии, а не штаб руководства непосредственно, как это было прежде. Наступление «красных» осуществлялось при поддержке артиллерии и авиации. Стрелковым корпусам были приданы танковые и механизированные бригады, одной из которых как раз командовал Чуйков. По достижении «красными» рубежа Жлобин — Рогачев с целью развития прорыва в «сражение» была введена подвижная группа в составе двух корпусов — танкового и кавалерийского. В целом маневры прошли успешно, они продемонстрировали впервые разработанной штабами теории глубокой операции и заставили командиров всех степеней серьезно задуматься, как надо и как не надо действовать в реальной боевой обстановке. Иными словами, на войне.

Однако на фоне напряженных учебных будней происходили события, которые сильно омрачали окружающую жизнь. По стране в тот год подобно девятому валу прокатились жестокие репрессии. Ее кровавые волны буквально захлестнули Красную армию. Прославленные полководцы,

военачальники, командиры разных рангов и званий вдруг, как говорили тогда, оказались «врагами народа».

Первыми под жернова репрессий попали командующие ряда военных округов, а также другие военачальники. При этом об этом Чуйков узнал не из газет, а из первых уст руководителей страны и руководства вооруженных сил на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР, куда он был приглашен в последних числах мая 1937 года. Членами этого совещательного органа, созданного в ноябре 1934 года постановлением ЦИК и СНК СССР, являлись наиболее авторитетные военачальники Красной армии и Военно-морского флота: нарком обороны К.Е. Ворошилов, его 1-й заместитель Я.Б. Гамарник, 2-й заместитель М.Н. Тухачевский, а также начальники главных управлений наркомата обороны, руководители военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, ряд других работников центрального и окружного звена.

Заседание Военного совета при наркомате СССР проходило в период с 1 по 4 июня. Прибывшие на заседание, как свидетельствуют документы, были собраны в секретариате наркома, где их ознакомили со списком уже арестованных военачальников. Чуйкова и других участников этот список привел в состояние шока. В нем фигурировали фамилии М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, В.К. Путны, И.И. Гарькавого и некоторых других военачальников. Ошеломляющее впечатление на всех произвела страшная новость о самоубийстве 1-го заместителя Ворошилова Я.Б. Гамарника. Он, не дожидаясь ареста, застрелился за день до начала заседания Военного совета.

В голове Чуйкова не укладывалось, что все эти люди являются заговорщиками и предателями. Большинство из них он хорошо знал. Под началом Тухачевского ему довелось воевать на Восточном и Западном фронтах. С Уборевичем судьба свела его в Белорусском военном округе. Прирожденный командир, воспитатель войск, он служил для Чуйкова примером для подражания. Эйдеман был начальником Военной академии РККА в период, когда Чуйков там учился...

Трагизм происходящего состоял еще и в том, что некоторых членов Военного совета и приглашенных арестовывали по пути в Москву или сразу по их прибытии в столицу. Так, комкора М.В. Сангурского сняли прямо с поезда и

арестовали на железнодорожной станции в городе Кирове. Комкор Е.И. Ковтюх — знаменитый герой романа Александра Серафимовича «Железный поток» (там он выведен под фамилией Кожух) — хотя и добрался до Москвы, но на заседание Военного совета его не допустили. Оказалось, кто-то из арестованных врагов народа дал на Ковтюха показания. К слову сказать, Чуйков ехал с ним в одном поезде. Ковтюх являлся армейским инспектором штаба Белорусского военного округа и посещал его бригаду. Комкора арестовали, впоследствии он был расстрелян.

Еще один штрих. Заседание Военного совета при Наркомате обороны СССР проходило не в Доме Красной армии, как это было раньше, а в Свердловском зале Кремля (бывший Екатерининский). Обстановка в зале была гнетущая. Вожди партии И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, В.М. Молотов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, находившиеся в президиуме, явно были в плохом настроении. Их лица были хмурыми и потухшими. Сталин, сидевший рядом с Ворошиловым, выглядел несколько постаревшим, но в отличие от своих соратников имел достаточно уверенный вид.

Атмосферу, царившую в зале, очень точно впоследствии передал бывший начальник Военной электротехнической академии РККА дивизионный инженер К.Е. Полищук: «Он [Сталин] с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица, и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос обычно глуховатый, стал совсем хриплым...» И далее: «В течение двух дней заседаний наблюдались прямо дьявольские происшествия: из зала заседаний наяву исчезал то один, то другой военачальники. Обнаруживалось это обычно после перерывов в заседании. До перерыва рядом с вами сидел кто-нибудь из командиров, а после перерыва вы его уже не могли обнаружить в зале... Все, как кролики, смотрели на Сталина и Ежова, все наэлектризованно следили за движениями Ежова и его помощников, толпившихся у входа, все следили за перешептываниями Ежова со Сталиным, все думали: “Пронеси, Господи!”. Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания».

Присутствующих в зале буквально напал сразили слова Ворошилова, которые он произнес, открывая заседание: «Товарищи, органами Наркомвнудела раскрыта

в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная, контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии... Как могло случиться, что мы, работники РККА, проморгали у себя такое огромное количество врагов? Вот вчера, вы знаете, застрелился мой первый заместитель. Почему он застрелился, он не сказал. Его отстранили от должности за тесную и чрезмерно близкую связь с группой Якира... Он, получив приказ, тут же не задумываясь, застрелился. Что это значит? Это наводит, у нас нет пока данных, но это наводит на очень печальные размышления».

После доклада Ворошилова, как это принято, начались прения. Поразили тогда Чуйкова выступления отдельных военачальников, которые начали каяться в том, что они, долго работая рядом с врагами, не сумели их вовремя разоблачить, признавались в своей политической слепоте. В частности, командующий войсками Приволжского военного округа командарм 2-го ранга П. Е. Дыбенко заявил, что никогда не доверял Тухачевскому и еще в 20-е годы боролся за его смещение с руководящих постов в РККА «Я тогда называл Тухачевского сволочью. Лично ему в глаза говорил», — заявил Дыбенко.

Сослуживец Чуйкова по Белорусскому военному округу комдив Е.И. Горячев гневно набросился на бывшего командующего войсками округа И.П. Уборевича: «Товарищ Сталин, я заявляю и вам, товарищ народный комиссар, что командный состав органически не мог выносить Уборевича он его просто ненавидел». Сталин насмешливо переспросил «Все ли его ненавидели?» Горячев, не стыдясь явной лжи, ответил: «Только единицы могли ему сочувствовать». Его слова опровергли выкрики из зала: «Это не так. В рот ему смотрели».

Однако не все согласились с теми выступавшими, которые пытались обвинить своих товарищей и сослуживцев. К примеру, маршалы В.К. Блюхер, А.И. Егоров, другие военачальники выступили в защиту Гамарника и Уборевича. Чуйков тоже записался выступить в прениях. Но до него очередь не дошла. Хотел ли он защитить добрые имена тех, кого он знал, или, наоборот, собирался заклеймить их позором — на эти вопросы автор повествования не нашел ответа.

Тринадцатого июня 1937 года газета «Правда» опубликовала приказ наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова

за номером № 96, а также официальное сообщение. «Вчера, 12 июня, — говорилось в сообщении, — приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу: Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путну В.К.». «Для достижения своей предательской цели, — подчеркивалось в приказе, — фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств: они готовили убийства руководителей партии и правительства».

Для Чуйкова эта публикация уже была, как говорится, новостью вчерашнего дня. Новые сообщения не заставили себя долго ждать. Каток репрессий безжалостно покатился по Вооруженным силам, под который вскоре попали начальник Генерального штаба А.И. Егоров, командующий Северо-Кавказским военным округом Н.Д. Каширин, командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий ОКДВА В.К. Блюхер...

Дополним наш рассказ о том страшном времени строками из мемуаров «Воспоминания и размышления» маршала Советского Союза Г. К. Жукова. В разгар репрессий он являлся командиром 3-го кавалерийского корпуса, который дислоцировался на территории Белоруссии:

В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял. Люди стали бояться друг друга, избегали встречи и разговоров, а если нужно было — старались говорить в присутствии третьих лиц — свидетелей. Страх породил небывалую по размерам клеветническую эпидемию. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха оказаться человеком, подозреваемым в нелояльности. И эта тяжелая обстановка продолжала накаляться.

Большинство людей от мала до велика не понимало, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты. И не только члены партии, но и беспартийные люди с недоумением и внутренним страхом смотрели на все выше поднимающуюся волну арестов, и, конечно, никто не мог открыто высказать свое недоумение, свое неверие в то, что арестовывают действительных врагов народа и что арестованные действительно занимались какой-либо антисоветской деятельностью или состояли в контрреволюционной организации. Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на

то, что его не заберут этой ночью в тюрьму по какому-нибудь клеветническому доносу.

По существующему закону и по здравому смыслу органы должны были бы вначале разобраться в виновности того или иного лица, на которого поступила анонимка, сфабрикованная ложь или клеветническое показание арестованного, вырванное под тяжестью телесных пыток, применяемых следственным аппаратом по особо важным делам органов государственной безопасности. Но в то тяжелое время существовал другой порядок — вначале арест, а потом разбирательство дела. И я не знаю случая, чтобы невиновных людей тут же отпускали обратно домой. Нет, их держали долгие годы в тюрьмах, зачастую без дальнейшего ведения дел, как говорится, без суда и следствия.

По подсчетам известного историка генерал-лейтенанта А.И. Тодорского, из пяти маршалов были расстреляны трое, из пяти командармов 1-го ранга — трое, из десяти командармов 2-го ранга — все, из 57 комкоров — 50, из 186 комдивов — 154, из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов — все, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 64 дивизионных комиссаров — 58, из 456 полковников — 401.

Белорусский Особый военный округ впоследствии окрестили «Голгофой Красной армии». Здесь арестовали и отдали под суд всех без исключения командиров корпусов. После них, словно по эстафете, репрессии перешли в дивизионное и полковое звено. Один за другим покидали его командиры, чьи служебные пути когда-либо пересекались с «предателями дела революции», «иностранными шпионами», «подлыми заговорщиками»...

В многочисленных историко-документальных изданиях достаточно подробно описан этот страшный для страны период и, в частности, для ее армии и флота. Важно то, что на самом высоком государственном уровне дана оценка политике тогдашнего руководства страны во главе с И.В. Сталиным, в результате которой был нанесен невосполнимый ущерб Вооруженным силам, обороноспособности государства. Всего в Красной армии в 1937—1938 годах было репрессировано 36 761 человек¹.

За этими цифрами стояли конкретные люди, многих из которых Чуйков, как уже сказано, хорошо знал. Из воспоминаний помощника Чуйкова генерал-майора Л.И. Корзуна известно, что Чуйков был убежден в невинности Блю-

¹ Суверинов О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 300.

хера, Уборевича, Г.Д. Гая, Берзина и тяжело переживал их трагическую судьбу. Блюхера, Азина, Гая он считал лучшими начдивами Гражданской войны. Об Уборевиче Чуйков говорил, что «такого мастера организации боевой и оперативной подготовки, особенно военных игр на картах, учений и маневров, как он, в нашей армии не было ни до Великой Отечественной войны, ни после нее».

Особенно уважительно Чуйков отзывался о Яне Карловиче Берзине, талантливом руководителе военной разведки. Расправа над ним болью отозвалась в его сердце. В 60-е годы еще была жива секретарь Берзина. Чуйков бережно и даже нежно относился к этой женщине, они часто общались. Маршал помогал ей в решении бытовых проблем.

Не обошли стороной репрессии преподавателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в которой он еще недавно овладевал военной наукой и навыками разведывательной работы. В 1937—1938 годах были арестованы и оклеветаны видные военные ученые, создатели фундаментальных трудов А.И. Верховский, А.А. Свечин, И.И. Вацетис, Н.Е. Какурин... Горькая участь постигла и однокурсников Чуйкова, в том числе военных разведчиков и дипломатов В.М. Воронкова, П.А. Панова, Н.С. Строчука, И.Д. Филатова, Э.К. Эсбаха...

Террор, как считают некоторые историки, был главным орудием Сталина, а НКВД — исполнителем этого страшного террора. Чуйков, по воспоминаниям уже упомянутого генерал-майора Корзуна, крайне негативно относился к тому, что произошло в 1937—1938 годах. Уничтожение кадрового потенциала вооруженных сил отрицательно сказалось на подготовке к отражению фашистской агрессии, а затем на начальном этапе Великой Отечественной войны. Чуйков считал Сталина главным виновником страшных военных катастроф лета 1941-го и лета 1942 года. В то же время Василий Иванович весьма высоко оценивал роль и заслуги Сталина, который, по его мнению, полностью соответствовал должности Верховного главнокомандующего в достижении победы над фашистской Германией. Но об этом еще пойдет речь в нашем повествовании.

В роковые 30-е годы Чуйков тоже мог попасть в жаркий котел репрессий. В Белорусском военном округе в тот период дислоцировалось от 12 до 15 танковых и механизированных бригад. К 1939 году из всех комбригов уцелели только двое — Чуйков и С.М. Кривошеев, будущий генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза.

По утрам, приезжая на службу в свои бригады, они созванивались друг с другом и, узнав, что целы, говорили: «Ну, тогда еще повоюем».

Сейчас, через версты времени, весьма сложно ответить на вопрос, почему же Чуйков не попал в этот жаркий котел репрессий? Хотя по многим косвенным и не косвенным признакам он вполне мог в нем оказаться. Как известно, в холодные камеры и подвалы НКВД люди часто попадали только за то, что встречались с тем или иным человеком, объявленным врагом народа. Таких встреч, не говоря уже о годах совместной учебы или службы со многими «шпионами», «презренными слугами фашизма» и изменниками Родины, у Чуйкова, как уже сказано выше, было с избытком.

По свидетельству самого Чуйкова, ему просто тогда повезло. Как повезло в лихую годину Гражданской войны. Ведь сколько раз, о чем читатель знает из предыдущих глав, его жизнь висела на волоске! Кроме того, за время Гражданской войны он четыре раза был ранен: в руку в районе Елабуги (д. Мурзиха) в мае 1919 года; в ногу в районе завода Уфалей (д. Муслимово) в июле 1919 года; в ногу в районе Лепеля в мае 1920 года; в плечо в районе Острова в сентябре 1920 года, а также дважды контужен: в районе Челябинска (д. Карауловка) в июле 1919 года; в районе д. Кромовичи в июне 1920 года. Но ни красновская шашка, ни каппелевский штык, ни польская пуля не смогли его отправить на тот свет. И во время репрессий к нему, словно приставили личного ангела-хранителя. Так в армии остался талантливейший военачальник, сыгравший не единожды главные роли в сражениях Великой Отечественной войны. Поэтому неслучайно многие не выбитые из боевого строя командиры и комиссары регулярно получали новые назначения и быстро двигались по ступеням служебной лестницы. Чуйков не являлся исключением.

В апреле 1938 года он, перешагнув через ступень командира дивизии, был сразу назначен командиром 5-го стрелкового корпуса. На этой должности Чуйков сменил комдива Ф.А. Ершакова, его перевели заместителем командующего Харьковским военным округом.

Корпус, который принял Чуйков, являлся высшим тактическим соединением, способным самостоятельно решать конкретные стратегические задачи. В состав корпуса, штаб которого находился в Бобруйске, на тот момент входили 13-я, 86-я, 113-я стрелковые дивизии и другие части.

Каждая дивизия состояла из танковых, артиллерийских, мотострелковых полков и различных подразделений.

Управление такой машиной в любой обстановке требует от командира и умения, и знаний, и огромной воли. Но трудности Чуйкова никогда не пугали. Как и на предыдущей должности, он, не теряя времени, приступил к исполнению новых, еще более ответственных обязанностей. 23 июля 1938-го приказом наркома обороны СССР за № 01235 ему было присвоено воинское звание комдив, что соответствовало генеральскому званию.

Однако уже летом в его служебной карьере вновь произошли перемены. 26 августа 1938 года на основании приказа № 0151 наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова Белорусский округ получил новое название, он стал Белорусским Особым военным округом. Во исполнение этого приказа в составе округа были сформированы две армейские группы — Витебская на базе управления 4-го стрелкового корпуса и Бобруйская на базе управления 5-го стрелкового корпуса. Бобруйскую армейскую группу возглавил Чуйков.

По своей штатной структуре это была, по сути, армия. В состав объединения были включены все части, учреждения и заведения, расположенные на территории Гомельской, Могилевской и Полесской областей, а также гарнизоны в Пуховичах и Слуцке Минской области. Уже к 1 сентября было завершено формирование управления армейской группы.

Рабочий день Чуйкова в те предвоенные годы длился по 12—15 часов, практически без выходных. Неделями, месяцами он не вылезал из поездок по ближним и дальним гарнизонам. Главной задачей таких поездок было помочь упорядочить учебный процесс, наладить учебно-материальную базу, провести инструкторские занятия с командирами. Чуйков мог неожиданно поднять по боевой тревоге полк, устроить в какой-либо части внезапную проверку несения гарнизонной и караульной служб, без предупреждения приехать на полигон и своими глазами увидеть, как проходит вождение танков или артиллерийские стрельбы... После этого делались соответствующие выводы в отношении командиров и начальников: или грудь в крестах, или голова в кустах.

Чуйкову, человеку крутого нрава, требовательности и взыскательности было не занимать. Подтверждение этому находим в характеристике, данной ему партийным бюро штаба Бобруйской армейской группы:

Тов. Чуйков В.И. в парторганизации штаба Бобруйской Арм. Группы с сентября 1938 г.

За период пребывания в парторганизации штаба тов. Чуйков показал себя идеологически выдержанным, морально устойчивым.

Отклонений и шатаний от генеральной линии партии как в практической, так и в идейно-теоретической работе не было.

Предан партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и социалистической Родине. За боевые заслуги, в период гражданской войны, награжден двумя орденами Красного Знамени.

Политически развит хорошо. Чуткий, отзывчивый товарищ. Активно участвует в партийно-политической жизни парторганизации. Задания парторганизации выполняет аккуратно. Авторитетен. Требователен. Энергичен. С масса-ми связан. Над своим политическим ростом работает. Тайным голосованием в мае месяце 1938 г. избран членом бюро Бобруйского райкома ВКП/б/.

Партвзыскания не имеет.

Секретарь партбюро Мистенев,
Зам. нач. политотдела батальонный комиссар
Слюсаренко.

На особом контроле Василий Иванович держал строительство оборонительных укреплений. Много было сделать в районе Бобруйска и Слуцка. Направление это являлось чрезвычайно важным в случае боевых действий и в то же время наиболее слабым. Железобетонных укреплений со специальными гарнизонами здесь не имелось. Участок железной дороги Осиповичи — Слуцк, а также недавно построенный отрезок Слуцк — Тимковичи были однокольными с очень низкой пропускной способностью. Много здесь нужно было менять, и поэтому принимались меры к строительству надежной обороны.

Лишь в редкие часы отдыха Чуйков мог побродить с ружьем по полесским болотцам или посидеть с удочкой где-нибудь в тихой заводи Березины... Неуемная страсть к охоте у Василия Ивановича не угасала всю жизнь. К этому увлечению он приобщил и свою супругу Валентину Петровну.

Между тем в мире уже пахло порохом, все хорошо понимали: большая война, словно грозовая туча, неумолимо движется к странам и континентам. Не надо было быть пророком, чтобы не знать очевидного: реальным противником Советского Союза станет гитлеровская Германия, уже начавшая по-хозяйски прибирать к своим рукам близлежащие страны и приближаться к советским границам.

Первой жертвой Германии стала Австрия. В марте 1938 года туда вошли немецкие войска. Указом Гитлера эту страну определили провинцией рейха. Примечательно: западные страны постарались закрыть глаза на исчезновение независимого государства и признали аннексию Австрии законной. Следующей страной, которая попала в капкан Германии, оказалась Чехословакия. Причем и по сей день историки не могут найти ответа на вопрос, как могла без всякого сопротивления капитулировать страна, обладавшая мощным военным потенциалом. На тот момент Чехословакия располагала 45 дивизиями, под ружьём находилось 2 миллиона человек. Тогда как Германия имела всего на две дивизии больше — 47, из которых предусматривалось задействовать только 39. Следом за Чехословакией вермахт благополучно оккупировал Клайпедскую область Литвы, превратив последнюю в базу для вторжения в Польшу.

Позднее маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» написал: «Мы были готовы помочь Чехословакии. Авиация и танки находились в боевой готовности. В районах, прилегающих к западной границе СССР, сосредоточилось до 40 дивизий».

Чехословацкое правительство, возглавляемое Эдуардом Бенешем, знало о том, что Советский Союз готов был прийти на помощь Чехословакии, однако отказалось от этой помощи, выбрав позорную капитуляцию. Вот что далее пишет Жуков:

Такой оборот дела, который не раз предсказывал Советский Союз, поставил перед Англией и Францией вопрос: а вдруг Гитлер, которого они подталкивали на восток, повернет на запад? Правительства этих стран начали новый тур переговоров, встреч, совещаний с целью припугнуть Гитлера возможностью военного союза с СССР. Требуя от Советского Союза помощи в случае агрессии со стороны Германии, главы правительств этих государств, Даладье и Чемберлен, вместе с тем не хотели брать на себя какие-либо серьезные обязательства. Переговоры зашли в тупик, в том числе и переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР. Одним словом, если говорить о Европе — там господствовали нажим Гитлера и пассивность Англии и Франции. Многочисленные меры и предложения СССР, направленные на создание эффективной системы коллективной безопасности, не находили поддержки среди лидеров капиталистических государств. Впрочем, это было естественно. Вся сложность, противоречивость и трагич-

ность ситуации порождалась желанием правящих кругов Англии и Франции столкнуть лбами Германию и СССР. Пока бомбы не разорвались в их собственном доме, классовые интересы давних союзников в борьбе против первого социалистического государства приводили к одному — они пятились перед Гитлером. Даладье и Чемберлену казалось, что им удастся все и вся перехитрить, вовремя увернуться от уже нацеленной и готовой к действиям германской фашистской военной машины, да еще подтолкнуть ее в последний момент на Советский Союз.

Как видим, Жуков подробно и объективно описал складывающуюся в тот период обстановку. 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу и развязала Вторую мировую войну. Она началась. Состоявшие с Польшей в договорных отношениях Англия и Франция должны были оказать своей союзнице военную помощь. Но это не произошло: никакой реальной помощи Польша не получила.

Из рассекреченных ныне документов известно, что Сталин еще в августе был проинформирован разведкой о возможности таких действий со стороны Германии. Сложившаяся обстановка, прежде всего позиция Великобритании и Франции, пытавшихся направить устремления агрессора на Восток, рассматривавших режим Гитлера как основной противовес коммунизму, вынудили руководство Советского Союза пойти на сближение с Германией. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский Договор о ненападении, более известный как пакт Молотова — Риббентропа.

Страны обязались «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Одновременно был подписан и секретный дополнительный протокол. В нем определялось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут проходить по линии рек Наревы, Вислы, Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

Здесь уместно сказать, что уже многие годы не стихают споры относительно упомянутых договора и секретного дополнительного протокола. Некоторые историки, но в

основном политики, преподносят тайны тогдашней советской дипломатии несведущему обывателю едва ли не как преступления. Поэтому вновь хочется обратиться к воспоминаниям Г.К. Жукова. Он пишет: «Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, нет никаких оснований утверждать, что И.В. Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовать созданию единого антисоветского фронта. Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И.В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении».

Немецкие войска стремительно наступали сразу с трех направлений. По своей численности части вермахта намного превосходили польскую армию (по пехоте в 1,5 раза, по артиллерии в 2,8 раза, по танкам в 5,3 раза). Руководство Великобритании, Франции, а тем более Советского Союза нисколько не сомневались в том, что Польша потерпит поражение.

Однако руководители СССР не до конца были уверены в соблюдении Германией ранее достигнутых договоренностей. Не исключалось, что немецкие войска, разгромив поляков, могут и дальше продолжить свою победную поступь на восток. В этой, стремительно меняющейся обстановке, когда на счету был едва ли не каждый день, а то и час, от советского руководства требовалось принятие безотлагательных мер по защите своей границы. И они оперативно стали приниматься.

Для командующего Бобруйской армейской группой комдива Чуйкова и его подчиненных эти дни и недели были, пожалуй, самыми горячими. Из штаба округа по каналам телеграфной и телефонной связи непрерывно шли приказы, распоряжения, указания... Одна из первых шифротелеграмм предписывала задержать увольнение в запас отслуживших срочную службу рядовому, сержантскому и старшинскому составу. Были также отменены отпуска командному составу. Все части, соединения, вся система связи приводились в боевую готовность.

Одновременно в соответствии с директивой наркома обороны К.Е. Ворошилова о проведении «Больших учеб-

ных сборов» шел призыв на учебные сборы военнообязанных запаса. По сути, это была демобилизация. Работу предстояло провести колоссальную: поставить в строй тысячи бойцов и командиров, сотни единиц транспорта, расконсервировать комплекты боеприпасов и вооружения, развернуть тыловые части, медсанбаты, хлебозаводы, склады ГСМ...

Пребывающих «запасников» размещали в казармах, одевали в военную форму, выдавали оружие, проводили с ними занятия... Тем не менее демобилизация проходила со скрипом. Как докладывали Чуйкову, в отделениях, расчетах, экипажах не хватало младших командиров. Не все, кому были направлены повестки, прибыли в пункты сбора. Объяснялось это тем, что в сельской местности шла уборка урожая, и многие военнослужащие запаса были в ней задействованы. Некоторых демобилизованных даже пришлось приводить к Военной присяге, поскольку они ее до этого не принимали. Были трудности и с обеспечением сформированных подразделений радиостанциями, биноклями, фонариками и т. д. Между тем многие вопросы удалось решить.

На тот момент в состав Бобруйской армейской группы входили 31-й батальон охраны, 8-я, 55-я, 143-я стрелковые дивизии, 29-я и 32-я танковые бригады, два батальона связи, армейские части. К окончанию мобилизации в состав группы была включена 122-я стрелковая дивизия. Вообще, в те дни «хозяйство» Чуйкова можно было сравнить с муравейником, в котором все было подчинено одному: части и соединения должны доукомплектоваться до полной штатной численности и иметь все необходимое для успешного выполнения поставленных задач.

Одиннадцатого сентября были образованы два фронта — Белорусский и Украинский, что свидетельствовало о скором начале боевых действий. Однако ни назначенные командующими фронтами командарм 2-го ранга М.П. Ковалев и командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко, ни нижестоящие командующие армейскими группами, в том числе Чуйков не знали, что в силу вступают статьи секретного протокола к германско-советскому пакту о ненападении. В соответствии с ними Польша делилась на две сферы влияния: западная часть — Германии, восточная — СССР. Но военным было ясно, что планируется вступление войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. И они, как люди служивые, будут готовы выполнить любой приказ.

Между тем события развивались стремительно. По данным разведки, германские моторизованные и танковые соединения, поддерживаемые авиацией, успешно продвигались вперед к Варшаве, а затем в направлении Западной Украины и Белоруссии. Правительство Польши бежало из столицы, государство на глазах распадалось. Польские части, оставшиеся без управления, были деморализованы и практически все разгромлены.

Четырнадцатого сентября Военный совет Белорусского особого военного округа получил приказ из Москвы за № 16633. В нем была поставлена задача к исходу 16 сентября скрытно сосредоточить и быть готовым к решительно наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие польские войска. В приказе были определены задачи и армейской группе Чуйкова:

Народный комиссар обороны Союза ССР

Сов. Секретно

Особой важности

Лично

Экз. № 2

Военному совету Белорусского особого военного округа
14 сентября 1939 г.

№ 16633

Приказываю:

1. К исходу «16» сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника:

а) Полоцкая группа — командующий группой — командующий Витебской армейской группой комкор тов. Кузнецов, в составе 50-й и 5-й стр. дивизий, 27-й стр. дивизии, 24-й кав. дивизии, 25-й и 22-й танк[овых] бригад 205-го и 207-го корп[усных] артполков сосредоточить в двух группах:

1) в районе Ореховно, Ветрино

2) в районе Березино, Лепель.

Задача — отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы действовать в общем направлении на ст. Свенцяны и к исходу 17 сентября выйти на фронт Шарковшизна, Дуниловичи, Куренец; к исходу 18 сентября овладеть районом Свенцяны, Михалишки. Впредь до выдвижения резервов армии обеспечивать свой правый фланг. В дальнейшем иметь в виду овладение Вильно.

б) Минская группа — командующий группой — командир 3-го кав. корпуса комдив тов. Черевиченко, в составе 2-й и 100-й стр. дивизий, 7-й и 36-й кав. дивизий, 6-й

танк[овой] бригады, 73-го и 152-го корп[усных] арtpолков в районе Изяславль, Городок.

Задача — мощным ударом прорвать фронт противника и наступать в направлении на Ошмяны, Лида и к исходу 17 сентября выйти на фронт Молодечно, Воложин, к исходу 18 сентября овладеть районом Ошмяны, Ивье. В дальнейшем иметь в виду оказать содействие Полоцкой группе в овладении г. Вильно, а остальными силами наступать на г. Гродно.

в) Дзержинская группа — командующий группой — командующий КалВО комкор тов. Болдин, в составе 13-й и 4-й стр. дивизий, 6-й, 4-й и 11-й кав. дивизий, 15-го танк[ового] корпуса, 130-го и 156-го корп[усных] арtpолков в районе Кайданов, Узда, ст. Фаниполь.

Задача — мощным ударом по войскам противника разгромить их и решительно наступать в направлении на Новогрудок, Волковыск и к исходу 17 сентября выйти на фронт Делятичи, Турец; к исходу 18 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь. В дальнейшем иметь в виду наступление на Волковыск с заслоном против г. Барановичи.

г) Слуцкая группа — командующий группой — командующий Бобруйской армейской группой комдив тов. Чуйков, в составе 8-й стр. дивизии, 29-й и 32-й танк[овых] бригад в районе Грозов, Тимковичи, Греск.

Задача — действовать в направлении на г. Барановичи и к исходу 17 сентября выйти на фронт Снов, Жиличи.

2. Действия групп должны быть быстры и решительны, поэтому они не должны ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу.

3. Разграничительная линия с войсками Киевского особого военного округа — устье р. Словечна, Домбровица, Влодава, Коцк и далее по р. Вепрш до ее устья все для Белорусского особого военного округа исключительно.

4. Граница наших действий по глубине устанавливается — м. Дрисса и далее граница с Латвией, Литвой и Восточной Пруссией до р. Писса, р. Писса до впадения ее в р. Нарев, левый берег р. Нарев от устья р. Писса до впадения ее в р. Буг, правый берег р. Буг от впадения р. Нарев до ее устья, правый берег р. Висла от устья р. Буг до устья р. Вепрш.

5. Войскам групп решительное наступление с переходом государственной границы начать на рассвете 17 сентября.

6. Авиационные части округа рассосредоточить на оперативные аэродромы в полной боевой готовности. По действиям авиации задачи ставятся командованием округа.

7. Сосредоточение групп прикрыть сильной истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Наступление вести под прикрытием истребителей во взаимодействии с бомбардировочной, штурмовой авиацией. Избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника.

8. Организовать бесперебойное снабжение групп БОВО всеми видами довольствия, не допуская никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах.

9. Получение директивы подтвердить и план действий представить нарочным к утру «17» сентября.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза (К. Ворошилов)

Начальник Генерального штаба РККА — командарм I ранга (Б. Шапошников).

В 5 часов 40 минут 17 сентября войска округа получили приказ перейти советско-польскую границу и, вступив на территорию Западной Белоруссии, в походных порядках начали быстро выдвигаться на указанные им рубежи. Армейская группа Чуйкова двигалась от Слуцка на Брест. Погода благоприятствовала успешному продвижению войск по грунтовым дорогам. Осень стояла теплая, без привычных для этого времени года дождей.

В этот же день польскому послу в Москве Вацлаву Гржибовскому заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин вручил ноту правительства СССР следующего содержания:

Господин посол!

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью. Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Доклады, которые получал Чуйков в режиме реального времени по каналам связи от командиров соединений и бригад, были обнадеживающими. Польские регулярные части практически не оказывали никакого сопротивления. Что же касается мирного населения, то жители сел и городов очень радушно и горячо встречали советские войска. Население выходило на улицы с цветами и корзинами фруктов. Бойцов и командиров обнимали, целовали, а крепким рукопожатиям не было конца. Простой народ восторженно чествовал освободителей от польских панов.

Как и предполагало советское руководство, германская сторона все-таки не выполнила ранее достигнутые договоренности. Демаркационная линия на Брестском направлении была нарушена войсками немецкой группы армий «Север», во главе которой стоял генерал Федор фон Бок. XIX моторизованный корпус 4-й армии под командованием генерала Гейнца Гудериана переправился через Буг, захватил значительный район вокруг Бреста и стал двигаться на восток от этого города.

Когда Чуйкову доложили об этом, он тут же приказал командиру авангардной танковой бригады комбригу С.М. Кривошееву немедленно занять Брест и заставить немецкие войска отойти за Буг. В Бресте состоялась встреча Кривошеева с Гудерианом. В ней принимал участие и работник Наркомата иностранных дел. Советская сторона потребовала от германского командования незамедлительно отвести немецкие части за демаркационную линию, а подготовленное для вывоза из Бреста в Германию военное и гражданское имущество оставить на месте. Надо сказать,

это требование было принято, вооруженного столкновения, которое ожидали западные доброжелатели в лице Великобритании и Франции, не случилось.

На протяжении всего Освободительного похода в Западную Белоруссию — такое название получила эта военная кампания — Чуйков не знал ни сна, ни отдыха. Принятие решений, выезды в части и соединения, встречи с людьми... По большому счету это было его боевое крещение в качестве командующего армией.

Примечательно, в боевых порядках Бобруйской армейской группы Чуйкова находились бойцы и командиры, имена которых впоследствии станут известны всей стране. Один из них будущий Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов. Во время освободительного похода в Западную Белоруссию будущий командующий Воздушно-десантными войсками, он же «десантный батя» командовал стрелковым батальоном в 8-й стрелковой дивизии им. Ф.Э. Дзержинского и достойно проявил себя, о чем свидетельствуют строки из сохранившейся на него характеристики: «Коммунист товарищ Маргелов бесстрашно ходил в разведку, неоднократно вступал в бой с небольшими группами и целыми бандами врага». Вот как он сам рассказывал о себе в одном из интервью:

— Василий Филиппович, — обратился ко мне комдив. — Ни о том, какой в Ляховичах гарнизон, ни об обороне поляков сведений нет. Дерзости тебе не занимать. Бери броневики, отделение автоматчиков. Но только, прошу, не лезь на рожон и действуй аккуратно. Город мы должны взять малой кровью. Задача ясна?

— Так точно! — ответил я...

...Получив «добро», мы двинулись в путь. Спустя некоторое время увидели скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров — взорванную танкетку. Остановились, огляделись. Мост через речушку был свободен. Пролетев его на бешеной скорости, выехали на окраину. На улицах — ни единой души... Спустя некоторое время броневики подскочили к ратуше. Я с автоматчиками направился к входу в здание, условившись с водителем о том, чтобы минут через десять он дал из пулемета очередь в воздух. Возле входной двери стояли два полусонных полицейских, которые, завидев нас и броневики со звездой на башне, стали изумленно протирать глаза. Сообразив, что это не сон, они бросили оружие и пустились наутек.

На третьем этаже путь нам преградили два польских жандарма, но направленные дула автоматов поумерили их

пыл. Я понимал польский и уяснил, что сейчас у бургомистра идет совет, решавший, как и чем предстоит оборонять городок. Связав на всякий случай перепуганных до смерти жандармов, мы ворвались в большую комнату.

— Шановне панове! Руки вверх! — громко скомандовал я. — Вы арестованы! Сопротивление бесполезно. Наши войска уже заняли все подходы к городу. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и распорядиться о сдаче частям Красной армии.

И тут, в подтверждение моих слов, прогремела длинная пулеметная очередь. Эффект ее был впечатляющим. Трясущимися руками командир польских жолнежей взял телефонную трубку и слово в слово повторил в нее мой ультиматум. Мы вывели из ратуши городского голову, начальника полиции, полковника, дав еще для острастки вверх несколько очередей, отправились в обратный путь.

Однако задачу, которую Чуйков поставил капитану Маргелову, — добыть у немцев новейший противогаз, к сожалению, он не смог выполнить. Но главное, что хоть остался жив. Историю с противогазом подробно описал в книге «Маргелов» писатель Б.А. Костин:

Командующий армии В. И. Чуйков, понимая, что другого случая добыть у немцев новейший противогаз может и не представиться, распорядился «изыскать способ его обретения». Прямо скажем, задача была не из легких, и комдив поручил выполнить ее Маргелову. Повод для визита к немцам имелся — демаркационная линия была прочерчена, и оставалось лишь поставить подписи на карте.

Разговор с комдивом проходил с глазу на глаз:

— Вся ответственность на тебе, капитан. Удачи. Но если попадешься немцам, рассчитывай только на себя.

Подписание документов прошло без сучка и задоринки. А затем красных офицеров пригласили за стол. Немцы были щедры: водка и вино лились рекой. Произносились тосты за Гитлера, за Сталина... Между тем Маргелов незаметно присмотрел, что в стоящий на отшибе походный сортир периодически наведываются солдаты. Когда застолье было в апогее, капитан притворился захмелевшим и вышел из-за стола. Случай шел к нему в руки — возле будки, переминаясь с ноги на ногу, стоял немец с противогазной сумкой на боку. Удар ножом. Второй удар — тому, кто отправлял естественные надобности. Трупы — в отхожую яму, а противогаз — в машину.

Стакан водки — под аплодисменты немцев и одобрительные взгляды своих. Дело было сделано. Офицеры уже помышляли о наградах, когда на обратном пути произошло

непредвиденное: едва легковушка въехала на небольшой мосток, раздался взрыв. Очнулся Маргелов уже в воде, по которой ходили бензиновые и кровавые пятна. Невдалеке дымился искореженный автомобиль с погибшими красками и водителем. Из переносицы текла кровь, неимоверно саднило левую щеку. И тут по воде запрыгали фонтанчики. Нападавшие хотели добить тех, кто остался в живых. Маргелов уложил наземь одного, другого всадника. И тут подошли немцы. Пулеметные и автоматные очереди рассеяли бандитов, а капитана заботливые «союзники» отвезли в госпиталь, где ему благополучно сделали операцию. Шрам на щеке так и остался отметиной на всю жизнь.

Возвращение оказалось неприятным и тревожным. Когда немцы доставили Маргелова своим, вопросы особистов сыпались один за другим: «Почему один остался живой? Почему немцы оперировали тебя, капитан?» И так целых трое суток, пока все обстоятельства этого злосчастного дня не были окончательно выяснены.

...В конце сентября в Москве был подписан советско-германский Договор о дружбе и границе. В основу этого документа было положено предложение советского правительства об установлении западной границы СССР по «так называемой “линии Керзона”, предлагавшейся еще в 1919 году Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей».

В результате Освободительного похода Красной армии к Советскому Союзу отошла территория общей площадью свыше 190 тысяч квадратных километров с населением более 12 миллионов человек. Была восстановлена западная граница СССР, которая отодвинулась на 250—300 километров. Это значительно укрепило безопасность советского государства. Гитлеровская Германия была лишена возможности использовать Западную Украину и Западную Белоруссию в качестве плацдарма для нападения на СССР. Дэвид Ллойд Джордж, в прошлом британский премьер-министр, осенью 1939 года писал польскому послу в Лондоне Эдварду Рачиньскому о том, что СССР занял «территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии».

Произошедшие события вызвали небывалый подъем среди местного населения. В октябре 1939 года при высо-

кой политической активности избирателей прошли всеобщие и свободные выборы в Народное собрание Западной Белоруссии. А в последних числах месяца в Белостоке состоялось заседание избранного Народного собрания, в ходе которого было принято четыре основополагающих документа: «Обращение с просьбой о принятии Западной Белоруссии в состав СССР», «Об установлении советской власти», «О конфискации помещичьих земель», «О национализации крупной промышленности и банков».

Уже 2 ноября 1939 года Верховный совет СССР в своем постановлении удовлетворил просьбу Народного собрания о включении Западной Белоруссии в состав СССР и воссоединении ее с Белорусской ССР. 14 ноября внеочередная III сессия Верховного совета БССР постановила принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и разработать комплекс мер по ускоренной советизации Западной Белоруссии. В тот же день Белорусский фронт был преобразован в Белорусский Особый военный округ со штабом в Минске.

Так завершился Освободительный поход Красной армии 1939 года. По оценкам политиков, историков, военных, этот поход стал блестящей миротворческой операцией, которая не только коренным образом изменила тогдашнюю политическую карту Европы в пользу Советского Союза, но и придала современные очертания нынешней Республике Беларусь. Белоруссия вновь обрела свои родовые корни. Огромный вклад в восстановление этой исторической справедливости внесла и армия, которой командовал Чуйков. Вот что он написал впоследствии в своих воспоминаниях:

...1 сентября 1939 года началось вторжение немецких войск в Польшу. Я — солдат и привык говорить правду без обиняков и дипломатических смягчений. Англия и Франция не собирались воевать с Гитлером и, объявив войну, выжидали, а не сойдутся ли в вооруженном конфликте немецкие войска и Красная армия. В этой обстановке о безопасности границ нашей страны могло позаботиться только Советское правительство. Нашим войскам был отдан приказ войти на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, чтобы спасти от фашистской оккупации белорусский и украинский народы. Если бы Франция и Англия, точнее, их правящие круги пошли на соглашение с Советским Союзом против агрессора, то и в сентябре 1939 года время еще не было бы упущено. Но нас не просили о

помощи, она была нежелательной для западных держав. После вторжения гитлеровских войск в Польшу война стучалась и в наши двери.

Между тем время ставило новые задачи. Как всегда, второстепенных дел для Чуйкова, которому 4 ноября приказом наркома обороны присвоили очередное воинское звание комкор, не было. Они касались передислокации частей и соединений, разработки планов прикрытия государственной границы. На повестку дня встали вопросы оборудования стрельбищ, учебных полей, создания предполья, строительства укрепрайонов. Нужно было также обобщить полученный в ходе кампании опыт, извлечь уроки и устранить выявленные недостатки, провести занятия и учения по отработке задач управления войсками в сложных условиях современного боя. Среди других, решаемых задач, требовалось уволить в запас резервистов, а вместо них принять новое пополнение.

Эти вопросы находились в центре внимания как командования округа, так и армейского звена. Все понимали, что иллюзий относительно хода дальнейших событий не надо строить — реальный противник уже находится совсем рядом, за пограничными столбами.

— На прежней границе, — заявил на одном из совещаний начальник штаба округа комкор М.А. Пуркаев, — мы имели мощные укрепленные районы, да и непосредственным противником тогда была лишь Польша, которая в одиночку напасть на нас не решилась бы, а в случае ее сговора с Германией установить выход немецких войск к нашей границе не представило бы труда. Тогда у нас было бы время на отмобилизацию и развертывание. Теперь же мы стоим лицом к лицу с Германией, которая может скрытно сосредоточить свои войска для нападения. При этом нельзя забывать, что немцы захватили в Варшаве документы Генерального штаба польской армии: расположение всех военных объектов в Западной Белоруссии им хорошо известно. И еще одно важное соображение: на территории Западной Белоруссии есть люди, враждебно настроенные к советской власти. Немецкое командование постарается широко использовать их в разведывательных и диверсионных целях.

Чуйкову, как никому другому, была понятна эта озабоченность. Каждодневно он находился в войсках, своими глазами видел, что нужно было сделать в первую очередь.

Особенно много сложностей было связано с перемещением вверенных ему войск в только что освобожденные районы. Казарменный фонд представлял собой жалкий вид и был ничтожно мал. Железнодорожная сеть оставалась на уровне Первой мировой войны. Железнодорожная колея была здесь уже, что создавало дополнительные трудности для стратегически важных перевозок. Недоставало и шоссейных дорог, идущих с востока на запад.

Тем не менее, несмотря на трудности, по приказу Чуйкова были развернуты масштабные работы в районах дислокации вверенных ему частей и соединений. Приводились в порядок старые казармы, учебные классы, столовые, конюшни, склады, оборудовались стрельбища, полигоны. Для войск, не обеспеченных казарменными помещениями, строились землянки. Чуйков непосредственно сам определял места для строительства будущих укрепрайонов. В некоторых приграничных районах силами дивизий начали возводить полевые оборонительные сооружения.

Однако построить в короткие сроки оборону даже полевого типа на фронте в 50—75 километров своими силами было невозможно. Для этого требовались месяцы труда, а также помощь местных властей. Тем более не за горами была зима. Уже в конце ноября ударили крепкие морозы, выпал снег, и оборонительные работы в ряде мест пришлось приостановить. Благо, что хоть успели подготовить сносные зимние «квартиры» для личного состава.

А тут вдобавок ко всем нерешенным проблемам грянула Советско-финская война, в Финляндии больше известная как Талвисота (*Talvisota*) — Зимняя война. Но об этом наш рассказ в следующей главе.

Глава 6

ТЯЖЕЛАЯ ВОЙНА

Я считаю, что мы своих бойцов и командиров не учим в мирное время тяжелым условиям войны. Когда мы инспектировали части, мы больше всего обращали внимание на клубы, на столовые, где чище миски, где больше официанток, где больше отдыха...

В.И. Чуйков

Советско-финская война началась в последний день ноября 1939 года. Поводом для начала боевых действий стал инцидент, произошедший 26 ноября недалеко от приграничной деревни Майнила. Советские войска, расположенные в километре от этого населенного пункта, были неожиданно обстреляны с финской стороны артиллерийским огнем. Всего финнами было произведено семь орудийных выстрелов. В результате были убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант. Спустя два дня был разорван пакт о ненападении между Советским Союзом и Финляндией.

Однако этот инцидент не явился главной причиной войны между двумя странами. Причина была намного глубже и серьезней, а именно — в создании военно-политического союза Германии и Финляндии. На такое тесное сближение советское руководство, по определению, не могло не отреагировать, поскольку граница между Финляндией и Советским Союзом проходила всего лишь в 32 километрах от Ленинграда. В случае внезапного нападения на СССР, а немцы известные стратеги и тактики по проведению внезапных наступательных операций, боевая техника вермахта уже через несколько часов вполне могла оказаться на Невском проспекте Северной столицы.

Не на безопасном расстоянии находился и Кронштадт —

военно-морская база Балтийского флота. Здесь расстояние до советской границы составляло еще меньше — 22 километра, то есть в пределах дальности стрельбы. Финский залив тоже создавал немало трудностей для советской стороны. Полуостров Ханко, Аландские и разбросанные в заливе острова находились в руках финнов и тем самым запирали Балтийский флот в восточной его части. Иными словами, при надобности корабли и подводные лодки флота были весьма ограничены в своих возможностях при выполнении боевых задач. Никак не был защищен и единственный на севере незамерзающий порт Советского Союза Мурманск, так как прикрывающие его полуострова Рыбачий и Средний частично принадлежали Финляндии. На тот момент Советский Союз, можно сказать, ощущал себя в положении «осажденной крепости».

Поэтому границу надо было отодвигать, и как можно скорее и как можно дальше. Руководство Советского Союза рассматривало два пути решения проблемы обеспечения обороны северо-западного направления: путь переговоров, то есть дипломатический, и военный, но вынужденный. Однако долгие переговоры не увенчались успехом. Финская сторона категорически отказалась от обмена части Карелии на Карельский перешеек и территории близ Ленинграда. В ответ советская делегация резко заявила, что «теперь будет предоставлено слово солдатам».

Как уже сказано, советские войска перешли финскую границу 30 ноября. Боевые действия развернулись более чем на 1500-километровом фронте. Изначально переброски большого количества войск из состава других военных округов для участия в этой войне не планировалось. Высшее командование РККА уверяло Сталина и Политбюро, что войска Ленинградского военного округа сами справятся с возложенными на них задачами. Назывались даже сроки завершения этой наступательной операции — от нескольких дней до трех недель. Основывался такой оптимизм на успешно проведенный Красной армией Освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию с 17 по 25 сентября и с минимальными при этом потерями (996 человек убитыми и 2383 человека ранеными от общего числа участников похода в 466 516 человек).

Но далеко не все военачальники разделяли подобный оптимизм. Один из них начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников. Однако предложенный им план проведения прикрытия границы

при возникновении конфликта, а также запланированные для этого силы и средства, не нашли поддержки у Сталина.

Впоследствии маршал Советского Союза А.М. Василевский в беседе с писателем Константином Симоновым вспоминал:

Сталин за этот план поднял Шапошникова на смех. Было сказано, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости. После этого Сталин обратился к командующему Ленинградским военным округом командарму 1-го ранга К.А. Мерецкову и спросил его: «Что, вам в сам деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам все это нужно?»

Мерецков ответил:

— Товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. Помощь нужна, но, возможно, что не в таких размерах, какие были названы.

После этого Сталин принял решение: «Поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами».

Что произошло дальше — известно из многих рассекреченных документов, в том числе мемуаров участников Советско-финской войны. Ленинградский фронт, которым командовал командарм 2-го ранга К.А. Мерецков, начал боевые действия без серьезной подготовки, недостаточными силами и средствами. Брошенные на прорыв линии Маннергейма войска встретили упорное сопротивление финнов. Неоднократные попытки прорубить финскую оборону успешных результатов не принесли. На поверку оказалось, что советские войска не были подготовлены к ведению боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности, снежной зимы и сильных морозов. Также выявились серьезные просчеты в планировании военной операции, в организации управления войсками, их оперативном и тактическом взаимодействии.

За месяц тяжелых боев, неся огромные потери, наступающие части и соединения смогли пройти лишь зону заграждений и только подойти к линии Маннергейма. Чуть лучше складывалась обстановка на других участках фронта — в Карелии и под Мурманском, но и там победы советских войск достигались ценой больших потерь. Бессмысленное наступление также было приостановлено.

Из-за огромных потерь командование Красной армии было вынуждено подбрасывать подкрепления из других военных округов, в том числе и из Белорусского Особого военного округа. Из его состава были направлены в район боевых действий управления 3 стрелковых и 1 кавалерийского корпусов, 10 стрелковых и 3 кавалерийских дивизий, 1 авиадесантная и 1 танковая бригады. В войска развернувшегося против Финляндии Ленинградского фронта изъявили желание поехать и некоторые военачальники.

Одним из первых, подав рапорт, туда отправился Чуйков. Во второй половине декабря он был назначен командующим 9-й армией. Его предшественник комкор М.П. Духанов был снят с должности 22 декабря и направлен в распоряжение Главного управления кадров Наркома обороны.

С первого дня войны 9-я армия находилась на острие боевых действий на Кандалакшском и Ребольском направлениях. В ее состав входили Особый стрелковый корпус, 47-й стрелковый корпус, 122-я и 44-я стрелковые дивизии. Согласно оперативной директиве наркома обороны армия должна была прорвать оборону противника и выйти к Ботническому проливу, «перерезав» Финляндию в самом узком месте страны в районе Оулу. Выполнение этой задачи позволяло изолировать Северную Финляндию от остальной территории, лишить ее железнодорожной коммуникации со Швецией. Кроме того, под угрозу ставилась и автомобильная дорога Ваза — Умео, проложенная по льду Ботнического залива.

Между тем сил для крупномасштабного наступления на 400-километровом у армии было недостаточно. Мало того, что она до конца не была укомплектована, у нее не хватало штатного вооружения, а также зимней одежды, снаряжения, лыж. В то же время Ставка постоянно торопила 9-ю армию, настаивая на движении вперед, требовала продвигаться по 18, а то и по 25 километров в сутки. Но как двигаться вперед, если на пути перед наступающими частями — рвы и экскарпы, надолбы и долговременные огневые точки... Большие проблемы создавали финские маневренные подразделения, которые внезапно атаковали советские части и также внезапно скрывались в густых и родных для них лесах. Предшественнику Чуйкова — комкору Духанову, несмотря на постоянные «разносы» сверху, ускорить темп наступления не удалось. Финская армия оказалась крепким орешком. Верховное командование теперь возлагало надежды на нового командарма.

Однако и Чуйкову выполнять поставленные задачи было крайне тяжело. Войска армии были разбросаны по громадной территории. Некоторые части, изрядно потрепанные предыдущими боями и лишениями, находились фактически в котлах, поскольку оголили свои фланги и не защитили тылы. Не радовали и погодные условия. Стояли лютые морозы. В отдельные дни температура доходила до 40 градусов. Тогда как в отдельных подразделениях красноармейцы были еще одеты в шинели и обуты в брезентовые сапоги. Из-за преступной халатности и нерасторопности тыловых служб телогрейки, валенки, рукавицы, так необходимые бойцам, не были доставлены в район боевых действий. В целом ситуация была сложная, если не сказать, критическая.

Но надо знать Чуйкова. Буквально с первых минут пребывания в армии он энергично взялся выполнять возложенные на него обязанности, о чем красноречиво свидетельствует приказ, направленный в части и соединения. Этот документ заслуживает того, чтобы привести его почти в полном объеме:

В операциях мы имели много случаев, когда вследствие идиотской беспечности, неумения и нежелания организовать бой как следует и этот бой обеспечить всеми видами снабжения, мы понесли значительные напрасные потери. Нужно всем знать и помнить, что война и бой это не маневры, где оплошность наказывается разбором. В бою за оплошность командира и политработника льется кровь сынов нашей Родины.

Военный совет армии категорически приказывает:

1. Покончить с идиотской беспечностью, организовать бой согласно приказам и уставам народного комиссара обороны, вести всегда непрерывную разведку и охранение, в бою искать фланг противника и бить во фланг и тыл, отдыхающих бойцов обеспечить питанием и теплом.

2. Поставить бойцов и станковые пулеметы на лыжи, тем самым создать возможность маневра на флангах и в тыл противника. Таким образом уничтожать противника, а не выдавливать и отгонять.

3. Пехота со станковыми пулеметами должна двигаться вне дороги по обеим сторонам леса, но имея зрительную связь с дорогой. Артиллерия, танки, обозы двигаются по дороге под прикрытием пехоты и с головы и хвоста. Этим каре достигнуть постоянной боевой готовности, прочесывания леса у дорог, быстрого развертывания в боевой порядок и воздействия на фланги и тылы противника, безопасности движения бойцов и матчасти.

4. Заставить всех бойцов и командиров использовать лопату, топор, кирку и пилу. При остановках на ночлег, в особенности при длительных остановках, немедленно создавать фортификационные сооружения типа блокгаузов с круговой обороной и засеками, использовать жилые и нежилые помещения, приспособляя их к обороне, тем самым экономить силы бойцов и создавать резервы для маневра.

5. Облегчить нашего бойца от ненужных для боя вещей, обеспечить перевозку этих вещей транспортом, тем самым создать для бойцов легкость движения и маневра. Командирам и комиссарам полков лично проверить обозы и транспорта и все ненужное для боевых действий сложить на складах при гарнизонах, охраняющих коммуникации. Пути подвоза обязательно оборудовать, охранять и оборонять, для чего:

а) командирам соединений и частей на путях подвоза от бывшей госграницы на запад через каждые 7—8 км сделать разъезды на дорогах и площадки для съезда обозов, автомашин и войск.

б) через каждые 5—6 км вдоль дороги в 200—300 м в лесу построить легкие деревянные блокгаузы с покрытием от ручных гранат и ружейных пуль. Блокгауз должен одновременно служить и размещением гарнизона на роту или взвод и базой для них. В таких блокгаузах должны быть размещены пулеметы, 45-мм орудия и устроены бойницы для круговой обороны. Лес перед блокгаузами должен быть расчищен на 200—300 метров, устроены засеки, завалы, оплетенные проволокой. В гарнизонах этих блокгаузов должны быть лыжники;

в) только таким обеспечением тыловых дорог мы сделаем свободным движение на них и создадим базы для действий лыжников в промежутках между ними.

Первые недели на войне были для Чуйкова особенно трудными. О тех горьких днях он никогда не любил вспоминать. Слишком много ошибок ему пришлось исправлять, а в некоторых ситуациях даже не было возможности что-то изменить. Аналогично было и с решениями, порой очень непростыми, их требовалось принимать незамедлительно, поскольку от этого зависели жизни людей.

На тот момент положение всех дивизий 9-й армии было крайне тяжелым. Первой в окружении оказалась 163-я стрелковая дивизия комбрига А.И. Зеленцова. Она нанесла удар из района Ухты¹ на важный транспортный узел Суомуссалми. На начальном этапе наступления дивизия,

¹ Ныне Калевала.

несмотря на сложный рельеф местности, продвинулась вглубь финской территории на 50 километров. Но высшее руководство требовало «всемерно форсировать продвижение наших войск». Овладев Суомуссалми, дивизия в результате оказалась рассечена финскими войсками и попала в окружение. Это произошло 11 декабря.

На помощь дивизии Зеленцова была направлена 44-я Киевская Краснознаменная им. Н.А. Щорса стрелковая дивизия под командованием комбрига А.И. Виноградова. 20 декабря передовые отряды дивизии, усиленной бронетанковой бригадой, вступили на Раатскую дорогу со стороны СССР и стали продвигаться в направлении Суомуссалми. Колонна, состоявшая из более чем 15 тысяч человек, свыше 40 танков, 120 полевых орудий, сотни грузовиков и 4500 лошадей, растянулась на 20 с лишним километров.

Через два дня эта огромная колонна была остановлена мощным заслоном финнов в 12 километрах от Суомуссалми. Затем их мобильные отряды лыжников, действуя с флангов, расчленили двигавшиеся войска на 6 частей и постепенно стали перемалывать попавшие в котлы полки и батальоны дивизии. Коммуникации были нарушены. Снег, метели и характер местности не позволяли частям дивизии использовать в полной мере боевую технику. Не имевшие зимнего обмундирования красноармейцы страдали от сильных морозов. Оказавшись в котлах, подразделения дивизии лишились подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия... Кроме того, не было возможности эвакуировать в тыл раненых, обмороженных.

Только 122-я дивизия из всей 9-й армии, прибывшая из Бреста Белорусского Особого военного округа, сумела выдержать испытание в тяжелейших боях. Она передислоцировалась в район Кандалакши накануне войны, и уже 30 ноября вступила в боевые действия. В дальнейшем, располагая неплохим вооружением и обученным личным составом, успешно продвигалась вперед. К слову сказать, лыжным батальоном в 596-м стрелковом полку командовал уже упоминавшийся в нашем повествовании будущий командующий ВДВ, легендарный Василий Маргелов. В декабре и в последующие месяцы соединение, которым командовал комбриг П.С. Шевченко, прочно удерживалось на занятых рубежах.

Вот в таком виде, можно сказать, была 9-я армия, оставленная Чуйкову его предшественником. Но и винить комкора Духанова, кстати, опытного военачальника,

было нельзя. До назначения на должность командарма-9 Духанов являлся заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа. Однако указания сверху вынуждали его бросать в бой плохо экипированные и слабо обученные войска. Да и многие командиры, начальники штабов этих частей и соединений были подготовлены не на должном уровне. Они не знали обстановки, не умели организовать управление вверенными частями, а некоторые из них в ходе боевых действий проявили даже трусость, оставив своих подчиненных.

Сохранилась стенограмма разговора командира 44-й стрелковой дивизии комбрига А.И. Виноградова и начальника штаба этой дивизии полковника О.И. Волкова с командующим 9-й армией комкором В.И. Чуйковым и начальником штаба этой армии комдивом А.Д. Соколовым в 1 час ночи 26 декабря 1939 года. Из разговора видно, что командир дивизии и начальник штаба даже не владеют обстановкой, которая сложилась на их участке фронта. Вот запись этого разговора:

Начальник штаба 44 сд [стрелковой дивизии] Волков:
1/25 сп [1-й батальон 25-го стрелкового полка], который ушел в обход... он достиг к 16 часам этого пункта, позже часов в 20.00 он доложил командиру 305 сп [305-й стрелковый полк], что обходится противником и начал отход на юг... ему приказал организовать круговую оборону удерживать в достигнутом районе, другой же батальон к 18 часам сосредоточился на юго-восточном берегу того же озера. Я понял, что Вы спрашиваете об этом.

Начальник штаба 9-й армии комдив Соколов:

— Думает ли Виноградов, что эти части найдут фланг противника, и он выполнит задачу ту, как он решил.

Волков:

— Его решения еще нет, будет ли от Вас завтра какое указание или приказ?

Соколов:

— Вы как начальник штаба совершенно не знаете о решении своего командира, который передал в боевом донесении в 21.00. Там точно сказано его решение, Вашего командира, а Вы говорите, что он решения не принял. Вы что, со своим командиром не в ладах что ли?

Волков:

— Нет, не в этом дело, мы с ним говорили и делали наметки в 19 часов, после чего я был занят другими вопросами, а он дал решение, о котором, правильно, я еще не осведомлен и по которому я собирался к нему идти.

Соколов:

— Тогда позовите комдива.

Волков:

— Командир отдыхает, а я позову начальника 1-го отдела, которому он передал решение.

Командующий 9-й армией комкор Чуйков:

— Говорит комкор Чуйков. Немедленно позвать командира.

Волков:

— Есть позвать командира. Прошу подождать несколько минут, сейчас он будет.

Командир 44-й сд комбриг Виноградов:

— У аппарата командир Чуйков:

— Говорит Чуйков. Мне Ваш начштаба не смог доложить Ваше решение, хотя я от Вас его получил. Доложите, Вы серьезно решили завтра атаковать? И все ли у вас готово? Потому что, судя по Вашему Начштаба, я сомневаюсь в подготовке. Виноградов:

— Я решил 3/305 сп [3-й батальон 305-го стрелкового полка]...

Чуйков:

— Не надо называть мне нумерацию, я спрашиваю, готовы ли Вы, потому что Ваш начштаба не готов.

Виноградов:

— Батальон в 16.00 прибыл к 26 километру в р-н действий и с рассвета будет готов к наступлению, остальные батальоны находятся в своих исходных положениях, так же готовы к наступлению. Не имею кроме ПА 305 сп артиллерии, подход которой крайне необходим.

Чуйков:

— Так Вы принимаете решение серьезно и рассчитываете на успех, потому что эти два дня говорят о другом.

Виноградов:

— Считаю, что обходом двух батальонов из-за правого фланга при достаточном количестве авиации, которая произведет бомбежку непосредственно переднего края противника, можем рассчитывать на успех.

Чуйков:

— Скажите, Вы лично знаете, где находится передний край противника перед обходящими батальонами? Уверен, что Вы не знаете, а требуете от авиации, чтобы она уложила бомбы по переднему краю. Это к тому, еще авиация не в каждую погоду может летать. Я спрашиваю, рассчитываете ли Вы своими силами серьезно подготовиться, серьезно атаковать и достигнуть серьезных успехов? Я спрашиваю потому, что Ваш штаб ничего не знает о Вашем решении отсюда и Ваша подготовка.

Виноградов:

— При данной насыщенности артиллерией без Вашей помощи на сокрушительный успех не рассчитываю.

Чуйков:

— Тогда крепко закрепиться на достигнутых рубежах, вести разведку вправо и влево и готовиться к серьезным действиям. Приказ получите дополнительно. Все.

Виноградов:

— Очень будет хорошо, если получится подтянуть свою артиллерию.

К сожалению, положение 44-й дивизии ухудшалось с каждым часом. Как свидетельствуют документы, в результате ударов, которые нанесли финские войска с 30 декабря 1939 года по 4 января 1940 года, дивизия была разрублена на шесть частей. Каждая из них, по сути, сражалась в одиночку. Ни комбриг Виноградов, ни его штаб не сумели разгадать замысел финнов и организовать им отпор. Усугубили и без того сложную ситуацию действия финской разведки, узнавшей о планах советского командования. 27 декабря разведка захватила ряд приказов по 44-й дивизии, что позволило противнику подготовиться к отражению атак. Спустя несколько дней финны сами перешли к активным боевым действиям. Кроме того, в самый ответственный момент один из батальонов дивизии, бойцы которого не получали пищи четверо суток, самовольно оставил фронт. В результате обнажился левый фланг дивизии, чем и тут же воспользовались финны.

Все попытки полков дивизии вырваться из окружения начиная со 2 по 4 января оказались безуспешными. Для продолжения боевых действий у дивизии не осталось ни боеприпасов, ни фуража для лошадей, ни продовольствия. Командование соединения в лице командира комдива Виноградова и начальника штаба полковника Волкова потеряли управление войсками. Находясь в такой ситуации, они 4 января обратились к Чуйкову за помощью. Командарм и сам понимал, что только резервы могут спасти дивизию от катастрофы. Но в его распоряжении имелись лишь один стрелковый батальон, гаубичный артиллерийский полк и 5 рот, сформированных из только что прибывшего пополнения. И тем не менее эти последние резервы Чуйков направил на выручку дивизии. Однако прорвать такими малыми силами кольцо не удалось.

Чуйков хорошо понимал, что дивизию любыми путями нужно спасать. О сложившейся ситуации он подробно доложил в боевом донесении наркомку обороны и попросил его об отводе дивизии:

Главкому — Маршалу Советского Союза тов. Ворошилову
Боевое донесение № 092/оп Штарм-9 Ухта 04.01.1940 21.00

1. положение двух стрелковых полков и одного артиллерийского полка 44 сд продолжает оставаться очень тяжелым. Завалы на 23 километре до сих пор остаются у противника и подвоз питания нарушен с утра 02.01.1940

2. Вчерашняя обманная информация начштаба 44 сд Волкова, которая раскрылась только сегодня в три часа, еще больше ухудшила положение. Он 17.00 03.01.1940 донес, что завалы ликвидированы, части соединились, продовольствие и боеприпасы подвозятся, все это оказалось ложным.

3. Командир 44 сд сегодня доносит: продфуража нет, боеприпасов осталось в один день, решил биться в тылу и освободить дорогу.

4. Сегодня подбросили самолетами немного галет, рекомендуем пускать в пищу коней и приказал в обход завала проложить новую дорогу с севера.

5. 9 рота 305 сп находилась 7 км южнее 19 км Важенваарской дороги, 3 и 4 января вела тяжелый бой с противником, сейчас связи с ней нет. Высланная на помощь 7 рота с танком в 2,5 км к югу от 19 км ведет бой с отрядом финнов, пробиться вперед не может, танк подбит.

6. авиаразведкой установлена вновь проложенная дорога от Хюрюнсальми к озеру что юго-восточнее Суомуссалми 15 км, по-видимому соединяется с дорогой, идущей от Кухмониemi на север. По этой дороге двигаются груженные автомашины и по-видимому подвозятся свежие силы во фланг и тыл 44 сд.

7. около 2 батальонов 25 сп с танками, артиллерией под руководством комбрига Виноградова с запада, около батальона с броневиками с востока. 3 и 4 января не могли очистить завалы и пробиться друг к другу навстречу. Резервов больше нет.

8. Считаю положение 44 сд очень тяжелым и если к 4.00 05.01.1940 очистить дорогу не удастся и давление противника с юга на стык дорог у 19 км усилится — прошу разрешения части 44 сд отвести на новый оборонительный рубеж восточнее 19 км.

Командующий 9 армией комкор Чуйков
Член Военного Совета 9 Армии майор Фурт.

Но Ставка эту просьбу отклонила, что еще больше расширило масштабы трагедии. Более того, Чуйков получил секретную «ответку» — «приказание Генерального штаба командующему 9-й армией о мерах по выводу 44-й стрелковой дивизии из окружения», подписанном начальником

Генерального штаба командармом 1-го ранга Б.М. Шапониковым:

№ 0965, 6 января 1940 г. 22 ч 45 мин.

Ставка указывает, что Виноградов ведет себя позорно. Материальную часть противнику не оставлять. За оставление материальной части 44 сд, имея в своем распоряжении резервный батальон, будете отвечать Вы лично, тов. Чуйков. Ставка требует от Вас, тов. Чуйков, взять управление крепко в свои руки и организовать вывод 44 сд с материальной частью, ибо потеря ее означает, что противник использует ее против вас же. Проявите волю и решительность, тов. Чуйков, по оказанию помощи 44 сд. Виноградову дайте немедленные и в самом решительном тоне указания обороняться до последнего человека, но ни одного тяжелого орудия, даже ни одного пулемета не оставлять противнику. Продовольствие ему подбросьте...

Ставка все-таки дала «добро» на отвод войск. Комдив Виноградов, получив приказ от Чуйкова, дал команду дивизии отступать. Одна из разрозненных групп бойцов ушла на север, через озеро Кианта, но большинство отходивших красноармейцев в пути замерзло. Остальные группы двинулись на восток, где были встречены мощными заслонами противника. Еще часть остатков дивизии отошла к границе. Кроме того, после завершения боевых действий, финские военнослужащие отлавливали оставшихся в живых, большей частью раненых и обмороженных, красноармейцев.

Потери 44-й стрелковой дивизии оказались тяжелыми. Из почти 14 тысяч бойцов и командиров погибло и пропало без вести от 4 тысяч (по советским данным) до 9 тысяч (по последним финским данным) военнослужащих. Потери материальной части составили: 37 76-мм пушек, 16 122-мм гаубиц, 25 45-мм пушек, 37 танков Т-26 и Т-38, 150 автомашин, 280 станковых и ручных пулеметов.

Какие горькие чувства были в голове Чуйкова, можно только догадываться. Вины с себя он не снимал, хотя на нем этой вины как раз и не было. Неделя прошла, как Чуйков принял армию. Даже не успел еще толком осмотреться на новом месте. Вся каша заварилась без него еще три с лишним недели назад. Приказы на позорное наступление не он отдавал, какой может быть с него спрос? И тем не менее гнетущие мысли скребли и выворачивали наизнанку душу. В первую очередь жалко было тысяч бойцов и командиров,

которые навсегда остались лежать в снегах и непроглядных лесах чужой страны. Ведь могли их вывести из окружения... Могли...

Спустя несколько месяцев, в апреле, на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии Сталин вспомнит о трагедии дивизий 9-й армии. И не только 163-й и 44-й дивизий. Между Сталиным и Чуйковым состоится долгий диалог. Вождь не раз упрекнет командарма за его упущения. Вот лишь некоторые эпизоды их диалога:

СТАЛИН. У вас сколько было частей против противника?

ЧУЙКОВ. В момент окружения было 8 рот, 2 батальона и полк НКВД. Потом вся 54-я горнострелковая дивизия и 163-я стрелковая дивизия плюс полк НКВД, всего 4 полка.

СТАЛИН. А лыжные батальоны?

ЧУЙКОВ. Их прибыло 5 батальонов.

СТАЛИН. Вот сосчитайте, у вас в 3 раза больше получается.

ЧУЙКОВ. Правильно, тов. Сталин, но противник к этому времени создал такие укрепления, которые 6-дюймовой артиллерией еле брали.

СТАЛИН. Не верю.

ЧУЙКОВ. Это подтверждали работники политуправления армии, работники штаба армии, которые своими глазами видели и проверяли эти укрепления.

СТАЛИН. В районе 7-й армии бетоноартиллерийские сооружения 6-дюймовая разбила. У вас ДОТов перед собой не было? У вас много было камня, земли, могли быть в этих местах граниты, было около трех дивизий, окружена была лишь одна дивизия, а сюда телеграммы шлете — партии Ленина — Сталина, герои сидят, окружены, требуют хлеба. Кормить людей нужно. Снаружи еще дивизия, затем около 1 тыс. человек пограничников — старых солдат, полк, затем четыре или больше батальонов. Батальон — это 800 человек?

ЧУЙКОВ. 750 человек.

СТАЛИН. Лыжные батальоны, артиллерия, а у противника меньше артиллерии, у нас больше артиллерии, а они пренебрегают артиллерией.

ЧУЙКОВ. Артиллерия была использована.

СТАЛИН. Была использована и все-таки ничего не добились, посылались телеграммы — партии Ленина — Сталина, сидели, кормили дармоедов. Как у вас, еще героев нет?

ЧУЙКОВ. Никак нет.

СТАЛИН. Каждый, попавший в окружение, считается героем.

ЧУЙКОВ. Пробиться не удалось.

СТАЛИН. Пробиваться не хотели.

Но все это будет впереди. Пока же разбирались в причинах разгрома 44-й стрелковой дивизии. Всю вину за поражение военное руководство возложило на командира дивизии комбрига А.И. Виноградова, начальника политотдела полкового комиссара И.Т. Пахоменко и начальника штаба полковника О.И. Волкова.

«Главным обвинителем» командования 44-й дивизии выступил заместитель наркома обороны — начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис, присланный на Ленинградский фронт в качестве представителя высшего военного командования. Имя Мехлиса стало нарицательным в армейской среде, поскольку он являлся одним из организаторов массовых репрессий командного и политического состава Красной армии. За глаза Мехлиса называли «оком Сталина», «инквизитором Красной армии», а его аппарат «клеткой с бешеными псами». Надменный, уверенный в собственной непогрешимости, он видел происходящее либо в белом, либо в чёрном цвете. Пользуясь доверием Сталина, Мехлис устраивал разносы командирам и политработникам, чинил над ними несправедливые судилища, сообщал вождю обо всем, на что следовало обратить внимание, обо всем, что могло вызывать недоверие к тому или иному человеку. Иными словами, всегда находил виновных и невиновных.

Бывший начальник Генерального штаба генерал армии С.М. Штеменко в своих мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» вспоминал об участии Мехлиса в Советско-финской войне: «Надо прямо сказать, что в то время наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях Финского театра. Леса и озера, бездорожье и снега были для них серьезным препятствием. Очень тяжело пришлось, в частности, 44-й стрелковой дивизии, которая прибыла с Украины и сразу же под Суомуссалми попала в окружение. Командовал этой дивизией А.И. Виноградов. Для расследования обстоятельств дела и оказания помощи окруженным по указанию И. В. Сталина в 9-ю армию был послан Л. З. Мехлис. Донесения его часто проходили через мои руки и всегда оставляли в душе горький осадок: они были черны как ночь. Пользуясь предоставленными

ему правами, Мехлис снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой. Для комдива Виноградова он потребовал расстрела за потерю управления дивизией. Позже мне не раз приходилось встречаться с Мехлисом, и тут я окончательно убедился, что человек этот всегда был склонен к самым крайним мерам».

Действительно, находясь в 9-й армии Чуйкова, Мехлис никому не давал покоя, использовал различные рычаги, которые заставили бы отступавших бойцов и командиров прийти в себя, поверить в собственные силы, воевать героически. Кроме того, он постоянно вмешивался в управления войсками, слал в Москву шифротелеграммы как объективного, так и обвинительного характера. Вот лишь одна из них:

№ 3/13, 10 января 1940 г.

1. По донесению члена Военсовета Фурта, посланного в 44 сд, по предварительным данным, дивизия оставила противнику: 76-мм пушек — 20, гаубиц 122-мм — 16, 76-мм — 17, 45-мм пушек — 25; полк НКВД потерял одну разбитую пушку. Всего потеряно пушек — 79.

2. Материальная часть танкбата оставлена противнику. Т-26 оставлено — 15, Т-38 — 22, всего танков — 37. Оставлено станковых пулеметов — 130, ручных пулеметов — 150, 82-мм минометов — 6, автомашин — до 150, радиостанции полков, батальонов и рот — все; весь обоз полков, кроме обоза второго разряда, который остался на месте. Тоже и с конским составом артиллерии и обозов, хотя значительная его часть перебита.

Прибывший личный состав на 40 процентов не имеет винтовок.

3. От 44 сд осталось: гап, который находился в Ванженваре; батальон 305-го полка, находившийся в 163 сд и спешно переброшенный в Ванженвар для ее прикрытия; медсанбат, выведенный из окружения ротой пополнения, переброшенный из Ухты; обозы второго разряда полков и дивизионные тылы. В каждом полку собралось сейчас до тысячи человек.

4. Раненых и обмороженных поступило за 8 и 9 января 1057 человек, из них большинство обмороженных, и притом легко. При отходе раненых не вывозили, и поэтому допускаю, что значительная часть раненых попала в плен.

5. Начштаба 44 сд Волков в самый ответственный момент донес, что последний завал ликвидирован, и тем ввел в заблуждение штарм. От него нельзя добиться ни одного правдивого слова о положении в полках, и я предложил

Чуйкову временно послать начальником штаба майора Соколова из штаба.

Когда вызываешь Волкова к проводу или телефону, связь пропадает обязательно. Волкова хочу арестовать. Командование дивизией предложил временно возложить на члена Военсовета Фурта, окончившего Военную академию им. М.В. Фрунзе и знающего военное дело. Виноградова хочу арестовать, как труса, погубившего дивизию...

Как следует из этой телеграммы, судьба Виноградова, Пахоменко и Волкова была предрешена. Вскоре их арестовали, допросы лично проводил Мехлис. Расследование обстоятельств трагедии и суд были скорыми. Уже 19 января 1940 года вышел приказ Главного военного совета, в нем, в частности, говорилось:

В боях 6—7 января на фронте 9-й армии в районе восточнее Суомуссалми 44-я стрелковая дивизия, несмотря на свое техническое и численное превосходство, не оказала должного сопротивления противнику, позорно оставила на поле боя большую часть ручного оружия, ручные и станковые пулеметы, артиллерию, танки и в беспорядке отошла к границе. Основными причинами столь постыдного для 44-й стрелковой дивизии поражения, были:

1. Трусость и позорно-предательское поведение командования дивизии в лице командира дивизии комбрига Виноградова, начальника политотдела дивизии полкового комиссара Пахоменко и начштаба дивизии полковника Волкова, которые вместо проявления командирской воли и энергии в руководстве частями и упорства в обороне, вместо того, чтобы принять меры к выводу частей, оружия и материальной части, подло бросили дивизию в самый ответственный период боя и первыми ушли в тыл, спасая свою шкуру.

2. Растерянность старшего и среднего начсостава частей дивизии, которые, забыв о долге командира перед Родиной и Армией, выпустили из рук управление своими частями и подразделениями и не организовали правильного отхода частей, не пытались спасти оружие, артиллерию, танки.

3. Отсутствие воинской дисциплины, слабая военная выучка и низкое воспитание бойцов, благодаря чему дивизия в своей массе, забыв свой долг перед Родиной, нарушила военную присягу, бросила на поле боя даже свое личное оружие — винтовки, ручные пулеметы — и отходила в панике, совершенно беззащитная.

Основные виновники этого позора понесли заслуженную кару советского закона. Военный трибунал 11 и 12 ян-

варя рассмотрел дело Виноградова, Пахоменко и Волкова, признавших себя виновными в подлом шкурничестве, и приговорил их к расстрелу.

11 января в Москву за подписями Чуйкова и Мехлиса ушла шифровка об исполнении решения военного трибунала:

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ**

т. ШАПОШНИКОВУ (для Ставки)

Докладываем: суд над бывшим командиром 44 сд **ВИНОГРАДОВЫМ**, начальником штаба **ВОЛКОВЫМ** и начполитотдела **ПАХОМЕНКО** состоялся 11 января в **ВАЖЕНВАРА** под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Обвиняемые признали себя виновными в совершенных преступлениях. Речи прокурора и общественного обвинителя были одобрены всеми присутствующими. Суд тянулся пятьдесят минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно публично взводом красноармейцев. После приведения приговора в исполнение состоялось совещание начсостава, на котором намечена дальнейшая разъяснительная работа. Выявление всех предателей и трусов продолжается. В 44 сд работает комиссия Военсовета, на обязанности которой лежит детальное расследование всех причин и обстоятельств поражения 44 сд.

11 января ЧУЙКОВ, МЕХЛИС.

Война — страшная штука. Чуйков смолodu на нее не смотрелся в Гражданскую войну на Южном, Восточном и Западном фронтах. И никогда не питал иллюзий по поводу того, что она может быть легкой. Война с Финляндией это показала — быстро справиться с финской армией не получилось. К концу декабря стало ясно, что попытки дальнейшего наступления ни к чему не приведут.

Тогда же Главный военный совет РККА принял решение приостановить наступление и тщательно подготовиться к прорыву оборонительной линии противника. Была произведена перегруппировка войск. Для штурма линии Маннергейма был создан новый фронт — Северо-Западный, его возглавил опытный военачальник командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко. Именно благодаря ему удалось в кратчайшие сроки подготовить эффективное и мощное наступление на Карельском перешейке.

В течение всего января и начала февраля шло значительное усиление войск. В приграничных районах была проведена большая работа по налаживанию путей сообщения для бесперебойного снабжения действующей армии. По решению нового командующего были сформированы стрелково-пулеметные бригады, лыжные батальоны, аэросанные и конно-санные санитарные роты. Во всех частях создали штурмовые отряды, а в подразделениях группы. Значительно были усилены артиллерийские и авиационные части. Общая численность личного состава была доведена до 760 тысяч человек. Также немало было сделано и для тылового обеспечения армии. В войска поступили печки-временки, походные домики. Бойцы и командиры получили теплое белье, валенки, полушубки, варежки, маскхалаты, телогрейки, шапки-ушанки, каски.

Главный упор перед возобновлением наступления Тимошенко сделал на тщательную подготовку войск. По его приказу в ближнем тылу были оборудованы полевые макеты укреплений, похожие на линию Маннергейма. Весь январь пехотинцы и саперы, артиллеристы и танкисты учились преодолевать заминированные участки местности, заграждения, отрабатывали способы борьбы с оборонительными сооружениями...

Северо-Западный фронт перешел в решительное наступление 11 февраля 1940 года, и уже к 1 марта считавшаяся неприступной оборонительная линия Маннергейма была прорвана мощным натиском советских войск и начала буквально «рассыпаться». Ключевую роль в разгроме финских войск сыграли 7-я и 13-я армии, которыми непосредственно руководил Тимошенко. 9-я армия Чуйкова, находившаяся по-прежнему в подчинении Ставки, также внесла свой вклад в достижение победы. Дальнейшее сопротивление финнов стало бессмысленным.

Правительство Финляндии обратилось к СССР с предложением начать мирные переговоры. А уже 12 марта был заключен договор практически на тех же условиях, которые предлагали советские дипломаты еще до начала боевых действий. В частности, только от Ленинграда граница была отодвинута на 150 километров.

Тогда же, в марте, Чуйков вернулся в Белорусский Особый военный округ, получив назначение командующим 4-й армии, сформированной на базе Бобруйской армейской группы.

Итоги Советско-финской войны стали предметом се-

рьежного обсуждения на пленуме ЦК ВКП(б), который состоялся в марте 1940 года. Как было отмечено в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), «война с Финляндией в 1939—1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В Красной армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учёта самолетов и танков, не оказалось зимней одежды для войск. Войска не имели продовольственных концентратов. Вскрывалась запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и другое. Всё это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам».

В соответствии с решениями пленума с 14 по 17 апреля того же года в Кремле состоялось расширенное заседание Главного военного совета РККА. В его работе приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены Военных советов, командующие армиями, начальники штабов округов и армий. На заседание были приглашены командиры корпусов и дивизий, участвовавших в советско-финской войне, руководители высших военно-учебных заведений. В ходе дискуссий были выявлены крупные упущения в управлении, оперативной и боевой подготовке войск, их комплектовании, в военном строительстве.

На вечернем заседании 15 апреля был проведен и тщательный разбор действий 9-й армии. Сначала с коротким докладом выступил Чуйков. Не скрывая, он доложил о том, как складывалась обстановка для частей и соединений на 450 километровом фронте, а затем непосредственно о ходе их боевых действий. После его выступления вопросы в основном задавал Сталин, причем очень дотошно вникал в каждую мелочь. Скажем, как воевали лыжные батальоны, почему дали противнику себя окружить 163-я и 44-я дивизии, чем занимались штабы, куда смотрела разведка и т. д. Не обошлось и без упреков, о которых уже шла речь выше в нашем повествовании.

Чуйков, зная, что Сталин не любит обмана, неискренности, отвечал, прямо, несколько не скрывая промахи, упущения своей армии. Одновременно он вносил предложения о том, как улучшить положение дел, перестроить принципы организации боевой подготовки войск и штабов:

Я считаю, товарищ Сталин, что мы своих бойцов и командиров не учим в мирное время тяжелым условиям войны. Когда мы инспектировали части, мы больше всего обращали внимание на клубы, на столовые, где чище миски, где больше официанток, где больше отдыха. Но никто не проверял, умеют ли бойцы в поле приготовить обед, умеют ли они в котелке сварить пищу, как с режимом питья в походе...

Приказ народного комиссара обороны о том, чтобы 30 процентов занятий были ночными, мы не выполняли ни в какой степени. Ночные занятия проводили на рассвете, или вечером, а потом, после таких ночных занятий, давали бойцу сутки отдыхать, и тем самым мы не закаляли бойца для трудных условий войны.

В отношении наших штабов. Они у нас, товарищи, подготовлены работать по-мирному, когда события идут нормально, без злой воли противника. Достаточно было на фронте вмешаться этой злой воле, вмешаться противнику, и наши штабы терялись. Надо учить штабы работать и разбираться в сложной боевой обстановке. Это заставляет нас обратить внимание на подготовку наших штабов, исходя из того опыта, который мы получили, чтобы лучше подготовить и научить наши штабы к предстоящим боям.

То, о чем говорили Чуйков, другие военачальники на заседании Главного военного совета, было учтено в приказе № 120 от 16 мая наркома обороны СССР «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 г.». Приказ обязывал резко повысить тактическую подготовку войск, проводить ее в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение, умело маневрировать на разнообразной местности, преодолевая искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапные нападения противника. В основу подготовки подразделения, части и соединения, отмечалось в этом руководящем документе, необходимо положить приобретение прочных навыков взаимодействия как внутри подразделения и части, так и с другими родами войск, и особенно с артиллерией, танками и авиацией. Продолжать совершенствование огневой подготовки бойцов и командного состава, особенно в стрельбе из ручного пулемета и личного оружия.

В Белорусском Особом военном округе боевая учеба практически не прекращалась, поскольку округ являлся приграничным. Между тем Советско-финская война на

многое заставила взглянуть по-новому. Теперь, с учетом ее опыта и начавшейся Второй мировой войны, она стала проводиться по принципу «делать всё так, как на войне». Командирам всех степеней и штабам была поставлена задача учить войска действиям в сложных условиях боя, сопряженным с длительным физическим напряжением. Рекомендовалось 30% учебного времени по тактической подготовке использовать для проведения занятий ночью. Максимально уплотнили учебный день. В пехоте он составлял 12 часов, в механизированных частях — 10, в артиллерии и кавалерии — 9. В выходные дни в обязательном порядке для учебных целей отводилось еще 2 часа.

Начиная с марта, как только Чуйков принял 4-ю армию, в частях и соединениях в разы повысилась интенсивность боевой учебы. Стрелковые части обучались умению наступать за огнем вала артиллерии, атаковать при поддержке танков и авиации. На каждом тактическом занятии уделялось большое внимание подготовке бойцов к ведению борьбы с танками противника. Артиллеристы и танкисты, осваивая новую технику, учились совместным действиям с пехотой. Связисты отработывали способы обеспечения надежной связи в различных видах боя. Саперы осваивали инженерные средства, их боевое применение, тренировались в переправе войск через водные преграды. По оперативно-тактической подготовке отработывалась организация и ведение наступательных операций и боев с прорывом укрепленных полос, форсированием водных преград и преодолением полос заграждения.

«Проводимые генералом В.И. Чуйковым тактические учения отличались новизной, поиском своих решений, — вспоминал впоследствии Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск в отставке М.Г. Вайнруб. — Однажды я участвовал со своим подразделением в тактических учениях с боевой стрельбой. Чуйков требовал от наступающих вплотную прижиматься к огневому валу и врываться в окопы противника, не давая ему прийти в себя после артобстрела. Тогда это было новинкой, не у всех вызвавшей одобрение. Но как пришлась к месту такая тактика в Сталинграде».

Как и раньше, Чуйков постоянно находился в войсках. Его «эмку» можно было видеть в ближних и дальних гарнизонах — Слуцке, Барановичах, Бресте, Бобруйске, Березе-Картузской, Пинске, Волчине... Сам городок штаба армии, в котором жил начальствующий состав с семьями, распола-

гался рядом с Варшавским шоссе, в нескольких километрах от Кобрина.

— Живем в глуши, рядом с медведями, — шутил Чуйков, когда в армию приезжали проверяющие из штаба округа, наркомата обороны, и он им показывал территорию городка.

Напряженные боевые будни сменялись буднями трудовыми. Части и соединения армии продолжали обустраиваться в местах новой дислокации. Помещений для личного состава по-прежнему не хватало. Например, бойцов 42-й стрелковой дивизии пришлось размещать в бывшем концентрационном лагере, где польские власти содержали политических заключенных. Правда, перед тем как туда вселить красноармейцев, помещения отремонтировали, что они ничем не отличались от обычных казарм.

Тесновато было и в Брестской крепости. Здесь размещались окружной госпиталь, две стрелковые дивизии — 6-я и 55-я. Бойцы этих соединений спали на многоярусных нарах. Поэтому Чуйков неоднократно ставил вопрос перед командованием округа о выводе из крепости окружного госпиталя и хотя бы одной дивизии. Диктовалось это не только тесненными условиями, но и другими, более важными обстоятельствами. В случае войны согласно окружному плану на оборону крепости предназначались стрелковый батальон и артиллерийский дивизион. Остальные же части должны были быстро покинуть крепость и занять позиции вдоль границы в полосе армии. Однако пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. На вывод войск и учреждений требовалось от 3 до 4 часов, что в условиях боевых действий было просто недопустимо.

К сожалению, решить эту проблему Чуйкову удалось частично. Из крепости была передислоцирована в Слуцк лишь 55-я стрелковая дивизия. Но это были полумеры. В первый же день войны с Германией воинские части, включая госпиталь, попали в смертельную ловушку. Судьба многотысячного гарнизона Брестской крепости, как известно, оказалась трагической.

Еще одной заботой командарма были укрепрайоны. Государственная граница, хотя и была отодвинута на запад на сотни километров, но теперь это была советско-германская граница, и на ней стояла вооруженная до зубов сильная немецкая армия. То, что Германия рано или поздно нападет на Советский Союз, у Чуйкова не было никаких сомнений. Еще в период Освободительного похода в Западную Бело-

руссию Василий Иванович не раз встречался с генералами и офицерами вермахта. При встречах они с подобострастием вытягивались перед ним. Эта показная немецкая вежливость наводила его на мысли о том, что с этими офицерами и генералами ему, возможно, придется воевать.

Поэтому Чуйков был озабочен тем, чтобы вдоль новой границы были построены надежные оборонительные рубежи. Пока их было крайне мало. А те, что остались еще от Первой мировой войны и от поляков, не отвечали условиям современной войны. Но, как говорят, на безрыбье и рак рыба. Их обновляли, совершенствовали, одновременно вводились доты, полевые оборонительные позиции... В работах принимали участие окружное строительное управление, специальные части, отдельный инженерный полк, саперные батальоны. Помогало и местное население, которое привлекалось к работам по вольному найму. Особенно широким фронтом шли работы по созданию Брестского укрепрайона. Комплекс его сооружений простирался главным образом на северо-запад от города по восточному берегу реки Буг. В дальнейшем соединения и части армии в случае тревоги должны были занять эти позиции и стойко их удерживать.

Весной в жизни Чуйкова произошло два знаменательных события. Так, в апреле он был награжден орденом Красной Звезды. Этой награды он удостоился, как было сказано в Указе Президиума Верховного совета СССР, «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленную при этом доблесть и мужество».

А в июне в соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной Армии» от 7 мая 1940 года ему, в числе других военачальников, «имевших большие знания и опыт и показавших на деле преданность социалистической Родине», было присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

Газета «Красная звезда» в своей передовой статье «Генералы Красной Армии» писала: «Высшему командиру вручены жизни тысяч и тысяч бойцов. Он руководит боем и знает, как лучше применить имеющиеся силы и средства. Он отвечает за исход боя, за решительный разгром врага. Огромная масса людей, весь мощный организм современной войны должен неукоснительно повиноваться воле полновластного командира, гибко и четко выполнять его приказы и решения».

В аттестации, в которой комкор Чуйков представлялся к этому новому для Красной армии воинскому званию, командованием округа в лице командующего войсками комкора Ф.И. Кузнецова и члена Военного совета дивизионного комиссара П.Е. Смокачева ему была дана следующая характеристика:

Партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан. Марксистско-ленинская подготовка достаточная.

Природу современного боя знает твердо. Оперативная подготовка в масштабе понимания основ современной армейской операции — удовлетворительная. Энергичный, волевой, настойчивый командир.

Должности командующего войсками армии — соответствует.

Достоин присвоения звания «ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ».

15 мая 1940 года

г. Минск.

Для Чуйкова это были очень счастливые минуты. Радость и гордость переполняли душу. Он, человек крестьянских кровей, стал генералом! Золотистые звезды, которые засверкали у него в петлицах, нарукавные знаки обязывали новоиспеченного генерала служить еще лучше, делом оправдывать это высокое звание. В том, что так и будет, сомневаться не приходилось.

С конца лета в округе началась череда полевых командно-штабных занятий и войсковых учений. В их основу был положен опыт Советско-финской войны. В 4-й армии Чуйкова тактические занятия по теме «Наступление стрелкового полка» состоялись на артиллерийском полигоне под Брестом. На них присутствовал нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Начались они с артиллерийской подготовки. Под прикрытием артиллерии к проволочным заграждениям и минным полям (мины были поставлены учебные) ползком подобрался саперы и стали проделывать проходы. Затем настала очередь танков и пехоты. В боевом порыве они устремились вперед...

Маршал Тимошенко остался доволен результатами этого учения.

— Надо учить войска действовать, как на войне, и только тому, что будет нужно во время войны, — несколько раз подчеркнул он, подводя его итоги.

К концу осени состоялась окружная игра на местности. На этот раз игрой руководил прибывший из Москвы

заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Как вспоминал впоследствии генерал-полковник Л.М. Сандалов, на тот момент полковник, начальник штаба 4-й армии, Ватутин провел игру блестяще, создав условия, очень близкие к тем, в каких менее чем через год началась действительная война. Проходила она следующим образом.

«Противник» сосредоточил на границе силы, значительно превосходившие войска Западного военного округа, и перешел в наступление. Приграничные армии, прикрывая сосредоточение и развертывание главных сил, с тяжелыми боями отходили от рубежа к рубежу к прежней государственной границе. Затем с подходом резервов из глубины страны после упорных оборонительных боев на тыловом рубеже было осуществлено контрнаступление, и «противника» изгнали с советской территории.

Эта оперативно-стратегическая игра являлась, пожалуй, единственной, когда командный состав Красной армии учили руководить войсками в обороне и даже предпринимать отступление с целью создания благоприятных условий для контрнаступления.

...В командирских делах и заботах летели дни, недели. Армия Чуйкова пребывала в привычном ритме, какой обычно свойственен военным организациям такого рода. На тот момент зенитчики проходили окружные сборы на полигоне недалеко от Минска. Артиллеристы в порядке очереди выводились для стрельб на полигон в районе Бреста. Для связистов, где они оттачивали свое мастерство, местом сбора являлся Кобрин. По планам боевой и политической подготовки шли занятия у пехотинцев и танкистов.

В 20-х числах ноября в кабинете Чуйкова раздался телефонный звонок из Москвы. Из приемной наркома обороны сообщили, что его срочно вызывает нарком маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Поначалу Василий Иванович, как он впоследствии вспоминал, в этом вызове ничего особенного не усмотрел. Нарком часто встречался с командующими армиями, чтобы иметь подробную информацию из первых уст о состоянии дел в войсках и округе. Поэтому Чуйков почти был уверен, что именно с этим связан звонок из столицы. Тем более что его 4-я армия находилась на передних рубежах с вероятным противником. Доложить напрямую наркому, а не через третьи руки, о том, как армия решает поставленные задачи и что мешает их вы-

полнять, такая возможность, согласитесь, предоставляется не каждый день и не каждому командарму.

Военному человеку собраться, что надеть портупею... Первым же поездом, взяв с собой необходимые документы, Чуйков убыл в Москву. Глядя в окно покачивающегося вагона, мимо которого проносились частоколы вековых сосен, Василий Иванович мысленно прикидывал, на каких первоочередных вопросах ему следует заострить внимание во время своего доклада наркому обороны. Однако он никак не мог предположить, что эта поездка вновь круто повернет его, и без того, извилистую судьбу...

Глава 7

МИССИЯ В КИТАЕ

В конце 1940 г. по поручению партии и правительства я поехал в Китай военным атташе и главным военным советником при главнокомандующем китайской армией (Чан Кайши).

В это время китайская армия вела тяжелую войну против агрессии Японии... Мне довелось участвовать в организации обороны городов и провинций, оставшихся под управлением центрального правительства Китая, отражать наступательные операции японцев, а также наносить ответные удары по японским войскам, которые стремились захватить города и провинции Китая и склонить центральное правительство к капитуляции.

В.И. Чуйков

В строгом с колоннами здании Наркомата обороны на углу Гоголевского бульвара Чуйков бывал не раз. По разным служебным делам он посещал кабинеты начальников управлений и отделов ведомства. Однако к наркому шел не без волнения. С чем все-таки связан его срочный вызов к Тимошенко? Ответ на этот вопрос опять не давал ему покоя.

В приемной наркома Чуйков долго не засиделся. Через каких-то пятнадцать минут он уже находился в его просторном кабинете. Как того требует устав, доложил наркому о своем прибытии. Тимошенко поднялся из-за стола и с добродушной улыбкой вышел навстречу гостю.

Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко был выходцем из легендарной когорты командиров, возвращенных в сабельных атаках еще в годы Гражданской войны. Военную службу он начал еще в Первую мировую войну, на которой за храбрость был награжден тремя Георгиевскими крестами. На фронтах Гражданской войны Тимошенко прошел боевой путь от командира взвода до командира кавалерийской дивизии. К его царским

наградам добавились три ордена Красного Знамени и почетное революционное оружие. В дальнейшем занимал высокие армейские должности, в том числе командовал корпусами, был заместителем командующего войсками ряда военных округов, а затем последовательно командовал войсками Северо-Кавказского, Харьковского и Киевского Особого военных округов.

Без всякого преувеличения, это был компетентный военачальник и военный теоретик. Советско-финская война стала для Тимошенко звездным часом. Войска под его командованием, как уже сказано, заставили финскую армию капитулировать. После окончания боевых действий Сталин назначил Тимошенко наркомом обороны СССР. С его приходом на этот пост армия во всех своих звеньях сразу ощутила волевою и сильную руку, что было крайне необходимо в свете грядущей войны. Несмотря на занимаемые им столь высокие посты, Семен Константинович был прост, доступен, общителен. Неслучайно поэтому его уважали и любили в войсках от рядового солдата до командующего войсками округа.

Вот и сейчас маршал очень приветливо встретил Чуйкова, усадил за стол. Беседа потекла за чашкой чая. Между тем разговор пошел не о том, какие учения и сборы на данный момент проходят в 4-й армии и сколько дотов построили в районе Бреста и Барановичей... Впрочем, обратимся к воспоминаниям Чуйкова:

Нарком объявил мне, что в Центральном Комитете партии и у него лично сложилось мнение, что мне надо ехать в Китай. Многие детали этого разговора у меня не удержались в памяти, но главное я запомнил.

Нарком прямо сказал мне, что правительство не верит в надежность пакта о ненападении с Германией, что Гитлер, по всем данным, готовится к восточному походу. В правительстве и в Наркомате обороны отдают себе отчет, что Германия выступит против нас не в одиночку. Тогда уже, осенью 1940 года, Семен Константинович почти целиком обрисовал состав гитлеровского военного блока: Германия, Италия, Румыния, Финляндия.

— Относительно этих стран сомнений нет! — продолжал он. — Нас волнует возможная позиция Турции, и совершенно особый интерес вызывает Япония. Дальний Восток — нелегкий орешек, сразу и с наскака его не разгрызешь. Нам и без того приходится держать там мощный заслон против возможного выступления Японии... В случае

войны на два фронта большие трудности возникнут из-за растянутости коммуникаций... Япония — это главный вопрос в связи с угрозой нападения Германии...

Далее нарком подробно обрисовал Чуйкову обстановку, сложившуюся на фронтах Японо-китайской войны. Нападая на Китай, японские милитаристы рассчитывали на скорый успех, однако их войска завязли в Китае, и незаметно было, чтобы там наметился решительный перелом в их пользу. Нарком привел данные о численности японской армии в Китае по годам. Так, если в 1937 году там действовало 26 японских дивизий общей численностью 832 тысячи человек, то к осени 1940 года количество соединений достигло уже 35 с численностью 1 миллион 120 тысяч человек. Эскалация японской агрессии в Китае была налицо. Однако увеличение армии не принесло японцам ощутимых результатов. Это было известно и из печати тех дней.

— Можно предполагать, — сказал нарком, — что японские милитаристы приложат все силы, чтобы либо добиться в 1941 году победы над Чан Кайши и гоминьданом, либо свернуть свои военные действия и перейти к мирным переговорам... Им нужно освободить руки к тому часу, когда Гитлер двинет войска против нас, то есть быть во всеоружии к большой войне для решения своих проблем на востоке. Наша задача — помочь Китаю отразить японскую агрессию... Не думаю, что войска Чан Кайши могут одержать решительную победу, но затяжная война принесет в конечном счете победу китайскому народу, а не японским милитаристам... Мы можем рассматривать 1941 год как кризисный в этой войне. Или китайский народ устоит и отразит все попытки японских войск полностью овладеть положением, либо после крупных поражений Чан Кайши может склониться к кабальным условиям мирного договора, которые попытаются навязать ему японские агрессоры... Ваша задача — разобраться в обстановке в стане Чан Кайши, взвесить его реальные силы и на правах его главного военного советника активизировать действия китайской армии...

Тимошенко на минуту прервал свой монолог, потом добавил:

— Мы уже оказывали и будем оказывать военную помощь Чан Кайши. Надо ее активно использовать против японцев.

После этих слов нарком вновь вернулся к вопросу о назначении Чуйкова. Он сказал, что сначала его планируется

направить военным атташе при нашем посольстве. А потом, когда Чуйков войдет в курс дела, последует назначение его главой советской военной миссии, то есть главным военным советником при главнокомандующем китайской армией Чан Кайши.

Безусловно, Чуйков не мог считать предложенную ему должность случайностью. Перед тем как его вызвать в Москву, судя по всему, Тимошенко хорошо изучил личное дело Чуйкова, проконсультировался с кем надо о его учебе на Восточном факультете, предыдущих командировках в Китай... Повлияло на выбор его кандидатуры и то, что Василий Иванович прошел практически все ступени служебной лестницы — от командира роты до командующего армией. Для военного атташе, а тем более для военного советника вооруженных сил страны, наличие такой «проходки», да еще с боевым опытом, имело первостепенное значение.

— На данный момент лучшей кандидатуры, кроме вас, для назначения на эту должность мы не видим, — сказал, обращаясь к Чуйкову, Тимошенко. — Полагаю, что вы согласитесь ее занять. Товарищ Сталин о вас знает, он в курсе вашей кандидатуры.

Если бы даже Чуйков попросил у наркома время подумать, то все равно бы дал согласие. Василий Иванович хорошо понимал, что руководство страны рассчитывает именно на него, на то, что только он может выполнить поставленные перед ним задачи. Поэтому Чуйков не стал тянуть с ответом, сразу сказал о своем решении:

— Спасибо за доверие, товарищ маршал Советского Союза. Я согласен.

— Ну, вот и хорошо, — добродушно произнес Тимошенко, и продолжил разговор.

Вновь обратимся к воспоминаниям Чуйкова:

От наркома во время этой беседы я узнал, что Советское правительство оказывает Китаю большую помощь вооружением. Однако не всегда это оружие применялось с должным умением. Часты случаи, когда советское оружие резервировалось в тылу. Нередко в неудачных для китайцев боях японские войска забирали это оружие в качестве трофеев.

В мою задачу входила не только помощь китайскому командованию в управлении войсками, мне предстояло научить их применять современное оружие в свете новейших тактических требований. Мало того, в мою задачу как воен-

ного атташе и главного военного советника входило сдерживание воинственных устремлений Чан Кайши против коммунистических армий и партизанских районов, которые контролировались китайскими коммунистами, иными словами, удерживать Чан Кайши от войны междоусобной, чтобы он мобилизовал все силы нации на отпор агрессору. Нарком мне объяснил, что и командование китайской Красной армией тоже склонно обратить оружие против Чан Кайши, не принимая при этом в расчет опасность, которой оно подвергло бы весь китайский народ и его революционные завоевания. На главного военного советника возлагалась задача согласовывать действия китайской Красной армии и войск Чан Кайши против японских захватчиков, несмотря на разногласия между ними.

Зная натуру китайских милитаристов и Чан Кайши, я понимал, что координация действий войск Чан Кайши и китайских коммунистов являлась самой сложной и деликатной задачей.

Обстоятельно рассказав о предстоящих задачах, Тимошенко в конце беседы сказал:

— А теперь поедем в Кремль к товарищу Сталину.

— Как к товарищу Сталину? Так сразу? — недоуменно спросил Чуйков.

— А что тянуть, — бросил фразу нарком.

Для Чуйкова это стало полной неожиданностью, поскольку он никак не предполагал, что с ним будет беседовать руководитель страны. Думал, что вопрос о его назначении решится на уровне Наркомата обороны.

Вскоре машина доставила военачальников в Кремль. Длинными коридорами они пришли в приемную Сталина. Его личный секретарь А. Н. Поскребышев тут же доложил о прибытии гостей.

В глубине просторного кабинета со сводчатым потолком и стенами, обшитыми панелями из светлого дуба, Чуйков увидел невысокого, коренастого человека в полувойennem костюме и сапогах. Это была его первая близкая встреча со Сталиным. До этого он видел вождя только на трибунах и в президиумах совещаний. Теперь их разделяли каких-то несколько шагов. В своих воспоминаниях Василий Иванович подробно описал свою встречу со Сталиным:

Мы поздоровались, и он сразу, не теряя ни минуты, спросил меня:

— Как будем считать? Согласны на поездку в знакомую вам страну?

— Я согласен поехать, куда прикажете!

— Не так уже сразу! Надо и подумать, куда дается приказ ехать...

— Надо подумать и подготовиться, — продолжал он, — вы были в Китае в двадцатых годах... Тогда была одна обстановка, сегодня сороковые годы, теперь обстановка другая. Тогда во главе Гоминьдана стоял доктор Сунь Ятсен. Это был человек высокой нравственной чистоты, и он был безраздельно предан интересам своего народа. Тогда мы только налаживали с ним связь и, несмотря на свои трудности, всем возможным безвозмездно помогали китайской революции. Ныне правители Китая не те. И Гоминьдан не тот, что при Сунь Ятсене, и Чан Кайши в сравнении с Сунь Ятсеном все равно, что котенок в сравнении с тигром. Выросла и новая сила в Китае — коммунистическая партия... На стороне Чан Кайши вся мелкая буржуазия, некоторые крупные капиталисты, не связанные своими интересами с японским капиталом, феодалы и крестьянская масса. За коммунистами идет прежде всего китайский рабочий класс... Вы были в Китае и должны знать, что Китай — крестьянская страна, а не пролетарская. Рабочий класс Китая значительно уступает в своей численности и даже организованности китайскому крестьянству. Китайское крестьянство веками подвергалось нечеловеческому угнетению. Китайский крестьянин — забитый и измученный человек. Он робок в сравнении с рабочим человеком, но в больших массах он готов на большие подвиги, об этом говорит история. Китайская компартия также опирается на беднейших, забитых и неграмотных крестьян. КПК недооценивает растущий рабочий класс, а это не может не наложить свой отпечаток на ее идеологию, на ее лозунги, на ее понимание политических задач в революции. В китайской компартии довольно значительны националистические устремления. В ее рядах недостаточно развито чувство интернациональной солидарности. Вместо того чтобы на этом этапе объединиться в единый фронт против японского агрессора, Чан Кайши и Мао Цзэдун не забыли старые разногласия. С той и другой стороны идет борьба за влияние и за власть. Мао боится Чан Кайши, а Чан Кайши боится Мао.

Сталин говорил медленно, как бы вдумываясь в каждую свою фразу. Каждое слово он произносил четко, а в конце фразы делал паузу, как бы приглашая этим возражать, если у меня или у Тимошенко возникли бы какие-либо сомнения. Вопросы, конечно, рождались. И главный вопрос, почему я еду к Чан Кайши, а не в китайскую Красную армию. Но для вопросов время еще не настало в этой беседе. Сталин угадывал многие вопросы и до того, как их мне предстояло задать, отвечал на них. Он закурил трубку и продолжал:

— Казалось бы, китайские коммунисты нам ближе, чем Чан Кайши. Казалось бы, им и должна быть оказана главная помощь... Но эта помощь выглядела бы как экспорт революции в страну, с которой мы связаны дипломатическими отношениями. КПК и рабочий класс еще слабы, чтобы быть руководителем в борьбе против агрессора. Потребуется время, сколько — сказать трудно, чтобы завоевать на свою сторону массы. Кроме того, империалистические державы едва ли допустят замену Чан Кайши китайской коммунистической партией. С правительством Чан Кайши заключены соответствующие договоры. Вы ознакомитесь со всеми этими документами, будете действовать в стро-гом с ними согласии. Главное — это объединить все силы Китая на отпор агрессору... Позиции коммунистов Китая еще непрочно внутри страны. Чан Кайши легко может объединиться против коммунистов с японцами, коммунисты с японцами объединиться не могут. Чан Кайши получает помощь от США и Англии. Мао Цзэдун никогда не будет поддержан этими державами, пока не изменит коммунистическому движению. Обстановка в Европе, гитлеровские победы говорят о том, что помощь Чан Кайши со стороны Англии и США, возможно, будет постепенно нарастать. Это внушает надежды, что с нашей помощью и помощью английских и американских союзников Чан Кайши сможет если не отразить, то надолго затянуть японскую агрессию.

На протяжении беседы Сталин несколько раз вставал, выходил из-за стола, останавливался около нас с Тимошенко, продолжая развивать свою мысль.

— Не надо думать, — говорил он, — что после поражения Франции западные соглашатели уйдут со сцены. И сейчас, даже в такой трудный момент для английского народа, между Берлином и Лондоном снуют умиротворители агрессора. Они каждую минуту готовы пойти на новые уступки, лишь бы агрессор повернул свое оружие против Советского Союза. У некоторых китайских коммунистов от легких побед Гитлера в Европе и японцев над войсками Чан Кайши закружилась голова. Им кажется, что, если японцы разобьют Чан Кайши, тогда коммунисты Китая смогут овладеть положением в стране и изгнать японских агрессоров. Они очень ошибаются. Чан Кайши, как только почувствует опасность потерять власть или в случае отказа ему в нашей помощи и помощи западных держав, тут же найдет пути соглашения с японскими милитаристами по примеру Ван Цзинвэя. Тогда они общими усилиями обрушатся на китайских коммунистов, и китайская Красная армия будет поставлена в безвыходное положение...

— Ваша задача, товарищ Чуйков, — продолжал Сталин, — не только помочь Чан Кайши и его генералам с

умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками. При уверенности в победе Чан Кайши не пойдет на соглашение с агрессором, ибо он боится потерять поддержку американцев и англичан и свои капиталы, вложенные в их банки... Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну...

По завершению своего монолога Сталин попросил Чуйкова не разглашать содержания беседы. Хотя Чуйков и без этого понимал, что такое военная и государственная тайна. Сталинское предупреждение для него было лишь дополнительным знаком, что ему оказывается очень высокое доверие, которое нужно оправдать с честью.

Встреча со Сталиным произвела на Чуйкова глубокое впечатление. Вечером, приехав в гостиницу ЦДКА, он долго не мог уснуть. Неоднократно поворачивался с боку на бок, мысленно прокручивал в памяти детали большого и обстоятельного разговора. И также мысленно видел перед собой Сталина, слышал его приглушенный голос с кавказским акцентом: «Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну».

В Москве Чуйков задержался почти на три недели. За это время он успел съездить на несколько дней в Белоруссию, где передал дела новому командующему. Забрал оттуда семью, состоявшую уже из четырех человек. Летом в семье Чуйковых родилась вторая дочь Ирина.

Оставшиеся дни Василий Иванович целиком посвятил подготовке к поездке. Для этого он побывал в различных управлениях и наркоматах, повстречался со сведущими людьми, изучил массу документов, касающихся военно-политической и экономической обстановки в Китае к концу 1940 года. В частности, Наркомат иностранных дел предоставил ему возможность ознакомиться со всеми материалами, которые были положены в основу политики СССР с Китаем. В своих мемуарах Чуйков пишет:

Перебирая документы, источники, вспоминая все, что видел в Китае, с чем сталкивался, я должен был признать, что мало, очень мало знаю эту страну. Впрочем, я уже знал по опыту, какую огромную роль в жизни этого народа играли многовековые традиции. Старый уклад давил на все слои населения. Китайский народ только просыпался от многовекового сна.

Я понимал, насколько противоречива и сложна политическая ситуация в Китае. Гоминьлан, правящая партия страны, представлял собой конгломерат враждующих и вместе с тем уживающихся друг с другом военно-политических группировок. Рядом с Гоминьданом — компартия Китая, опирающаяся в борьбе с реакцией на собственные вооруженные силы. Чан Кайши был вынужден пойти на единый фронт с КПК для борьбы с внешним врагом. Меня, конечно, интересовал конкретный вопрос, насколько этот союз был эффективен в плане отражения японской агрессии. В трудной борьбе компартия вырабатывала свою программу, свою тактику и стратегию. Не мудрено, что это могло породить массу ошибок, к партии могли примазаться случайные люди и повести ее по пути, который вел в сторону от марксизма. Тогда эти опасения еще не связывались с конкретными именами, хотя я знал, что история коммунистического движения в Китае изобиловала борьбой групп и группировок.

Я снова и снова думал о предстоящей работе. Ведь ехал я к человеку (я имею в виду Чан Кайши), которому ни в чем нельзя было доверять. Ехал с задачей помогать ему вести военные действия с агрессором, который напал на его родину. Казалось, чего же проще! Но мы знали, что Чан Кайши ведет войну с Японией, находясь в едином фронте с коммунистами, которых считает своими главными врагами. Ехал к маклеру, к торговому меняле, который при соответствующем стечении обстоятельств не задумываясь предал бы агрессору родину и свой народ. Ехал, учить его патриотизму? Нет, ехал помочь китайскому народу выбросить с его земли иноземных захватчиков.

Скажут: вот, дескать, благодетель. Разве не в интересах Советского Союза было вести войну с Японией руками китайцев? Это приходилось мне слышать и в те годы, и позже. Но против Советского Союза Япония так и не выступила даже в самые трудные для нас годы войны, а Китай топила в крови. С этим очевидным и неоспоримым фактом нельзя не считаться тем, кто в какой-то мере хочет быть объективным.

Наряду с изучением документов, Чуйков знакомился с сотрудниками, которые должны были ехать вместе с ним в Китай. Группа, состоящая в основном из военных специ-

алистов, насчитывала 15 человек. К сожалению, никто из них хорошо не знал страну и не владел китайским языком. Параллельно в Китай отправлялась значительная партия различной военной техники, в том числе 150 самолетов-истребителей, 100 скоростных бомбардировщиков, около 300 орудий, 500 автомашин с соответствующим оборудованием и запасными частями.

В 20-х числах декабря Чуйков вместе с другими военными советниками и специалистами выехал поездом из Москвы в столицу Казахстана Алма-Ату. Дорога заняла пять суток. Оттуда, совершив на гражданском самолете воздушный перелет, группа благополучно приземлились в Ланьчжоу, столице провинции Ганьсу. На аэродроме советских военных встретил командующий 8-м районом¹ генерал Чжу Шаолян. В честь гостей был даже выстроен почетный караул, что свидетельствовало о высоком статусе военной миссии, прибывшей из Москвы. С этих торжественных минут, можно сказать, началась дипломатическая деятельность Чуйкова в Китае. Основным местом его пребывания стал город Чунцин, который выполнял в тот период роль столицы Китайской республики. Здесь находились все правительственные учреждения.

Работать Василию Ивановичу пришлось в довольно непростых условиях, поскольку обстановка в Китае в тот период была достаточно сложной. Страна вела тяжелую войну с Японией, что подрывало ее людские и экономические ресурсы. Так, к концу 1940 года японцы захватили практически все торгово-промышленные центры на побережье, основную сеть железных дорог и основные водные коммуникации. Они оккупировали около 22 процентов территории страны, на которых проживало 42,5 процента населения. Иными словами, из общей численности населения Китая в 470 миллионов человек на территории «свободного» Китая оставалось 270 миллионов человек.

Одновременно в стране не утихали распри между различными политическими силами. Что десять лет назад, когда Чуйков находился в Китае, что сейчас, сохранялось противостояние двух партий — Гоминьдана Чан Кайши и КПК во главе с Чжоу Эньлаем. Дело доходило до серьезных военных столкновений, поскольку обе партии имели свои армии. Например, в начале 1941 года отношения

¹ Военный район Китая равнялся по аналогии советскому фронту, а в тылу — военному округу.

между Гоминьданом и КПК настолько обострились, что войска Чан Кайши напали на части Новой 4-й армии КПК. В результате боестолкновения часть войск этой армии была разгромлена.

Однако сейчас мы не станем распутывать клубок противоречий между гоминьдановцами и коммунистами. Тем более что с правительством Чан Кайши Советский Союз связывали договорные обязательства, а симпатии были с китайскими коммунистами. Для нас важно проследить работу Чуйкова на поприще дипломата и главного военного советника. Она, как уже сказано, началась с почетного караула по случаю его прибытия на китайскую землю.

Вскоре у Чуйкова состоялась первая встреча с верховным правителем Китая Чан Кайши. И хотя она носила протокольный характер, Чуйков смог сложить для себя некоторые впечатления о нем. Это был человек невысокого роста, одетый в повседневную военную форму с генеральскими отличиями в петлицах. Не упустил Чуйков из поля своего зрения его хитрый взгляд из узких темных глаз, а также резко выступающие протезы зубов. Тогда же Василий Иванович для себя отметил, что поведение Чан Кайши напоминает ему повадки хищника. И не ошибся. Позднее он узнал от самих китайцев, что их руководитель кладет под подушку челюсти тигра. Возможно, для него они служили талисманом. А талисман, как известно, это предмет, наделенный религиозной или магической силой, предназначенный для защиты, исцеления или причинения вреда людям, для которых он создан.

Вот с этим человеком, в недалеком прошлом биржевым маклером, свела Чуйкова судьба на долгие месяцы. На первых порах их встречи были нечастыми, носили протокольный характер, так как Василий Иванович являлся военным атташе советского посольства, а не главным военным советником при главнокомандующем китайской армией.

За время долгого отсутствия Чуйкова в Китае здесь многое изменилось. Не вся информация, которой он подпитался в Москве, совпадала с реальным положением дел, особенно на фронте. В процессе работы эти пробелы были восполнены. Знакомясь с обстановкой, Чуйков отметил неплохую работу китайской разведки, которая предоставила ему данные о численности японских войск в Китае. В 1937 году Япония держала тут 26 соединений общей численностью свыше 800 тысяч человек; в 1938 году — 30 дивизий (976 тысяч человек), в 1939 году — 35 дивизий (1 100 000 че-

ловек), а в 1940 году японская армия возросла до 1 120 000 человек. Кроме того, на стороне Японии воевали еще 300 тысяч китайцев. В целом агрессор имел полуторамиллионную группировку на китайском театре военных действий.

Что касается вооруженных сил Китая, то по численности они почти в два раза превосходили японские войска. Благодаря этому удавалось сдерживать хорошо вооруженные и обученные японские войска. Так, в 1941 году под командованием Чан Кайши находилось около 290 пехотных и 14 кавалерийских дивизий, 22 артиллерийских полка, 6 минометных дивизионов и подразделения других родов войск. Общая численность армии составляла 3 миллиона 856 тысяч человек солдат. Однако этим цифрам нельзя было доверять. Некоторые китайские армии и дивизии существовали только по названию.

Как вспоминал Чуйков, получить в Генеральном штабе Чан Кайши точные данные о численности китайских войск оказалось не так-то просто. Секретные данные? Недоверие к советским военным советникам? Нет, совсем нет! Оказывается, этих точных сведений просто не было в китайском Генштабе. Каждый генерал по старому обычаю старался нажиться, рассматривая свою должность прежде всего как синекуру. А как нажиться? Простейший способ: представлять наверх завышенные списки солдат. Довольствие, получаемое на «мертвые души», шло в карман генералу. А вслед за ним и все мелкие командиры прибегали к такому же способу. Если уж не осмелятся поставить в список подразделения несуществующих солдат, сумеют скрыть убитого или выбывшего, на него идет жалование, отпускается довольствие. Все это — в карман офицера, а цифра общей численности армии становится расплывчатой и неуловимой. Позже, когда Чуйкову приходилось планировать операции против японцев, он всегда делал скидку на эти «мертвые души». Изменить порочную систему обмана, надувательства советским военным советникам не представлялось возможным.

Пышным цветом в китайской армии процветали коррупция и казнокрадство. Некоторые командиры частей умудрялись зарабатывать даже на похоронах солдат. Так, на захоронение умершего или убитого солдата отпускалась соответствующая сумма, например, на покупку гроба — около 10 долларов. Командиры придумали такой способ: хоронить умерших не сразу, а группами, когда наберется 10—15 покойников. Командир получал деньги на 10—15 гробов,

но расходовал только на один. Этот гроб изготавливался с откидным дном. В братскую могилу каждый труп подносили поодиночке, открывали дно гроба, труп падал в могилу. Пустой гроб возвращался за следующим покойником, и только последний покойник вместе с гробом сверху укладывался в могилу.

Многие вещи, происходившие в китайской армии, Чуйкова удивляли, но с ними приходилось мириться, закрывать на них глаза, так как это была все-таки чужая армия. Тем не менее Чуйков и другие военные советники по-настоящему хотели помочь китайскому командованию бить японцев. Так, чтобы китайский фронт дамкловым мечом висел над японской армией, не давая ей сосредоточиться у советских границ.

— Коммунист — и вдруг советник при буржуазном правителе! Вроде бы парадокс, — рассказывал спустя годы Василий Иванович на одной из встреч со слушателями Военной академии им. М.Ф. Фрунзе, — но это только внешне. Помочь китайской армии в борьбе с японскими агрессорами, предотвратить их нападение на СССР с востока — вот в чем была глубинная суть моей миссии.

По роду своей деятельности Чуйкову в первую очередь приходилось заниматься военными вопросами. Человек, у которого за плечами была на счету не одна война, практически сразу выявил сильные и слабые стороны китайской армии.

Для ведения полномасштабных наступательных действий против японцев китайская армия была плохо обучена. Острой проблемой было ее снабжение оружием и боеприпасами. В самом Китае производилось только легкое вооружение. Производство орудий, самолетов и бронетехники отсутствовало. Такое вооружение поступало только из-за границы, в частности из Советского Союза. В китайском генералитете не было взаимодействия. Каждый военачальник стремился сохранить свои войска, без которых он не имел бы высокого авторитета. Были случаи, когда по донесениям одна из китайских дивизий якобы вела боевые действия, а в реальности она в них даже не участвовала, то есть донесения были ложными.

Китайская армия могла проводить частные наступательные операции, да и то после тщательной подготовки. Ей вполне по силам было разгромить изолированные японские гарнизоны до дивизии включительно. Также китайская армия была способна активно обороняться, используя выгоды пересеченной местности.

Вступив вскоре в должность главного военного советника Чан Кайши, Чуйков получил более широкие полномочия для своей деятельности. При этом ни он, ни его помощники не имели каких-либо намерений вмешиваться во внутренние дела Китая. Официальная резиденция Чуйкова находилась рядом с кабинетами военного министра, начальника разведки и начальника оперативного управления китайского Генерального штаба.

В интересах дела Василий Иванович постарался сразу выстроить с ними нормальные отношения. Налаживались они и с Чан Кайши — человеком сложным, противоречивым. Одним из первых шагов по установлению рабочих контактов с правителем Китая стало приглашение его на торжественный прием в советское посольство по случаю 23-й годовщины Красной армии. Чан Кайши впервые посетил советское посольство в день праздника, что особенно старались подчеркнуть все должностные лица китайского правительства, присутствовавшие на приеме. Это тоже было хорошим знаком для дальнейшего укрепления советско-китайского сотрудничества.

Между тем на фоне, казалось бы, неплохих отношений с китайской стороной, работать Чуйкову и группе его советников было далеко не просто. В первую очередь нашим военным советникам приходилось проявлять осторожность во взаимоотношениях с китайскими руководителями, учитывать особую чувствительность этих людей к церемониям (обычаям), к чинопочитанию, их нетерпимость к критике, даже самой мягкой и разумной. Что касалось конкретной работы, то, к примеру, советским советникам не всегда удавалось получить от китайских коллег объективную информацию о положении на фронте. Хотя она была очень важна. Как давать советы, рекомендации по ведению боевых действий, если ты не владеешь обстановкой и не имеешь данных ни о противнике, ни о вооруженных силах, к которым ты приставлен...

Под разными предлогами советникам отказывали во встречах с командованием частей и соединений. Были случаи, когда вместо запрашиваемых данных Чуйков получал откровенную дезинформацию. Он также знал, что в его кабинете и кабинетах сотрудников была установлена подслушивающая техника. Также соответствующие китайские службы пытались подсылать в аппарат главного военного советника агентов контрразведки. Кроме того, за Чуйковым велось негласное наружное наблюдение. Для опытного

разведчика, каким являлся Чуйков, не составляло большого труда выявить работу сотрудников китайской разведки и обезопасить себя от их дальнейших действий.

Нередко дело доходило до неприятных инцидентов, когда советским военным советникам приходилось поступаться дипломатической деликатностью. Один из таких инцидентов случился после учения неподалеку от Чунцина, где советские военные советники показали, как использовать местность и инженерные сооружения, чтобы оборона была надежной и устойчивой. Учение всем понравилось. После его завершения министр обороны Китая Хэ Инцинъ пригласил всех на обед в военное училище.

При входе в городок военного училища был выстроен почетный караул. Чуйков сразу обратил внимание, что курсанты вооружены советскими модернизированными винтовками. Начальник училища заявил, что они считают эти винтовки лучшими из всех винтовок мира. Когда Чуйков вместе с министром обороны вошел в зал, то увидел под крышей гирлянды флагов почти всех государств мира, кроме советских и японских.

У Чуйкова увиденное вызвало недоумение, если не сказать хуже. Внутри у него все клокотало. По определению, он не мог не отреагировать на такое неуважение к стране, которая, как никакая другая, помогала китайскому народу в отражении японской агрессии. Достаточно сказать, что в период с 1937 года по 1941 год СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий, 14 тысяч пулеметов и много другой техники и военных материалов. Когда Хэ Инцинъ после разбора учения и выражения благодарности советским советникам и СССР за помощь Китаю в борьбе с японцами пригласил всех к столу, Чуйков взял ответное слово, в котором заявил буквально следующее:

— Я очень польщен вашей оценкой, господин военный министр, и благодарю за приглашение к столу, так богато обставленному всевозможными яствами, но, как советский генерал, считаю неудобным сидеть в зале под флагами всех иностранных государств, кроме флага моей страны.

Выступление Чуйкова произвело эффект разорвавшейся бомбы. Министр обороны готов был разорвать на части начальника училища. Тот сразу же бросился искать советский флаг. Однако нигде его не нашел, о чем доложил министру обороны. Хэ Инцинъ, видя, что Чуйков к столу не подходит, а, наоборот, собрался уходить, распорядился снять все гирлянды с флагами и вынести их из зала.

Об этом инциденте узнали американцы, англичане и сам Чан Кайши. Через несколько дней Чуйков и его ближайшие помощники были приглашены на чашку чаю в его загородную резиденцию. На приеме присутствовали министр обороны, генералы. Гоминьдановцы явно стремились замять инцидент, свести его к недоразумению и случайности. Надо отдать должное Чуйкову и его помощникам. Они старались в свою очередь не подавать виду, что чем-то были недовольны. Неприятный инцидент был исчерпан.

Несмотря на объективные трудности, на попытки китайских властей осложнить работу советнического аппарата, группе Чуйкова удалось получить достаточно много важной информации из разных источников, в том числе из доверенных. Именно она легла на стол руководству страны. В частности, в апреле 1941 года анализ военно-политической и экономической ситуации, сложившейся на тот момент в Китае, позволил сделать следующий вывод: Чан Кайши не намерен в ближайшее время обострять борьбу со своими противниками — коммунистами, рискуя лишиться военной помощи из СССР и опасаясь братоубийственной гражданской войны, а следовательно, сохранится единый фронт борьбы китайцев против японской агрессии.

Советское руководство также интересовали дальнейшие планы Японии. В случае войны Германии с Советским Союзом, какие шаги предпримет эта страна, выступит ли она против СССР? В тот период в Москву по многим каналам стекалась информация и по этому вопросу. Поступала она и от Чуйкова. В частности, Василий Иванович сообщал в Центр о переброске японской авиации и флота в районы Южных морей и Юго-Восточной Азии. В ходе встреч с американскими, английскими, французскими военными дипломатами удалось выяснить, что Япония, хотя и имеет планы захвата советского Дальнего Востока, однако на данном этапе ее интересы сфокусированы в Тихоокеанском регионе, ее противником в войне могут стать США.

Суммируя все данные, Чуйков сделал окончательный вывод — в ближайшее время Япония не нападет на Советский Союз, что и было доложено в Москву. Конечно, риск в его прогнозе присутствовал. Но в итоге чуйковский прогноз оказался точным. Как известно, война Японии и США началась с мощного удара японской авиации по американской военно-морской базе Перл-Харбор. Случилось это 7 декабря 1941 года. Японские летчики совершили два

авианалета, участниками которого стали более 360 самолетов. Результат атаки был настолько сокрушителен, что вывел из строя значительную часть американского флота и стал национальной трагедией. На Советский Союз Япония так и не решилась напасть.

С весны 1941 года в руководящих кругах Китая также начали усиливаться слухи, что немцы вот-вот нападут на Советский Союз. Один из руководителей китайской разведки сообщил Чуйкову, что, по его данным, Германия заканчивает приготовления к нападению на СССР — это нападение должно произойти в июне или, самое позднее, в июле. Безусловно, такого рода информация немедленно направлялась в Москву. Другое дело, как к ней там относились. Ведь до последнего дня Сталин не хотел верить подобным сообщениям, считая, что Германия не объявит войну Советскому Союзу.

Между тем 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. В числе первых встретили врага бойцы 4-й армии, которой еще полгода назад командовал Чуйков. Особенно героически сражался гарнизон Брестской крепости, проявивший небывалое мужество и жертвенность. Что чувствовал тогда сам Василий Иванович — читаем в его мемуарах:

Мне было тяжело в те дни в Китае, сердцем я находился дома, со своими товарищами, которые отстаивали Родину, но задачу свою я еще не выполнил. Известие, полученное в далеком Чунцине, о нападении гитлеровской Германии на нашу страну не явилось неожиданным для нас. О возможности такого нападения в ближайшие месяцы мы сами информировали Москву. Однако начавшаяся война тяжело отразилась на всех нас. Условия и обстановка, в которых мы продолжали работать, намного усложнились. Наши первые неудачи на Западном фронте вызвали радость у тех, кто всегда относился недоброжелательно к нашему присутствию в Китае. Несмотря на выражение сочувствия СССР, подвергнутому агрессии германского фашизма, в официальной прессе и заявлениях ответственных правительственных деятелей, многие из китайских руководителей в частных беседах откровенно злорадствовали.

С момента нападения на Советский Союз гитлеровской Германии мы все почувствовали особо возросшую ответственность за точность информации, передаваемой в Москву, о положении на Дальнем Востоке. Непроверенные, тем более ошибочные информационные данные исключались, но не так просто было получить интересные

нас сведения и ручаться за их точность. Ведь Япония, где разрабатывались планы дальнейшей агрессии, находилась от нас за сотни и сотни километров. А между тем нам требовалось точно знать, чтобы предупредить Центр, куда же японцы бросят свои крупные ударные силы флота и авиации, которые у них находились наготове, а также армейские соединения, не пущенные в ход в Китае.

Второй фронт на востоке мог возникнуть для нас в то критическое время, когда на западе мы несли тяжелые потери и отступали. Теперь, когда многие документы преданы гласности, известно, что 24 июня 1941 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп советовал японскому послу в Берлине Осима «не упускать из виду русский вопрос и использовать этот год для того, чтобы энергично атаковать противника и совместными действиями окончательно вывести его из войны.

Сообщения с Родины, к сожалению, не обнадеживали. Китайские газеты писали о тяжелых боях, которые вела Красная армия с немецкими полчищами. Больно было читать о том, что советские войска оставили Киев, Смоленск... Враг подошел к Ленинграду, рвался к Москве. В этой сложной обстановке Чуйков и его помощники не теряли бодрости духа, верили в неминуемую победу над фашистским зверем.

Свою задачу они видели в том, чтобы активизировать военные действия китайской армии. Это должно было показать в первую очередь самим китайцам, что их армия окрепла, что японцы, которые увязли в Китае, не так уж сильны, что они уже не в состоянии в сложившейся обстановке успешно проводить крупные наступательные операции. Ранее по рекомендации советских советников китайцы добились хороших результатов в подготовке оборонительных укреплений, и все попытки японцев где-либо прорвать оборону китайцев на широком фронте и захватить новые районы успехом не увенчались. Их частные наступательные операции закончились провалом.

В середине лета аппарат главного военного советника Чуйкова предложил китайскому командованию провести наступательную операцию на центральном участке фронта, в районе Ичана. План Ичанской наступательной операции был разработан аппаратом советников еще в марте—апреле, а затем дорабатывался оперативным управлением совместно с советниками Генштаба и с привлечением всех начальников родов войск. Чан Кайши утвердил план операции, и вскоре она была успешно проведена. Был осво-

божден важный сельскохозяйственный район, японцы понесли серьезные потери.

Осенью удалось провести еще ряд спланированных апаратом Чуйкова операций и нанести агрессору чувствительные поражения. Самая значительная из них — Чаншанская. В этом районе японцы планировали нанести серьезный удар по китайским войскам. С японской стороны в наступлении принимали участие четыре пехотные дивизии, две отдельные бригады, части механизированного полка, артиллерийская бригада, горный артиллерийский полк и авиачасти — всего около 102 тысяч человек. С китайской стороны участвовало десять армий (около 270 тысяч человек). Японцы ввели в бой 1690 пулеметов, 415 орудий, 80 танков, 40 бронеавтомашин, около 200 самолетов, китайцы — 4700 пулеметов, 19 самолетов.

В случае успеха японцы могли захватить всю юго-восточную часть страны и создать угрозу окружения армий сразу трех районов. Крупных дополнительных сил для парирования удара японцев у Чан Кайши не было. Кроме того, он боялся, что некоторые его генералы со своими войсками переметнутся на сторону противника. В разработке плана по нанесению ответного удара важная роль принадлежала советским советникам. В основном он сводился к нанесению сильного флангового удара с востока на запад по главной группировке японцев. Кроме того, было начато наступление войсками района, которое стало важным фактором полного провала наступления японцев на Чанша.

Разработанный план удался на все сто процентов. Устремившись главными силами к Чанша, японцы не ожидали столь смелого маневра на флангах своей армии. В результате завязавшегося сражения японцы понесли большие потери. Только в районе города китайцы насчитали потом около 10 тысяч трупов солдат противника. Одновременно с атаками японских войск на Чанша начались контратаки китайцев по тылам и флангу главной группировки. Таким образом, Чаншаская операция окончилась полным провалом для японцев. Задачи, поставленные японским командованием, оказались невыполненными.

Победа под Чанша, вспоминал Чуйков, укрепила престиж китайских войск как среди китайского народа. Да и сами японцы не ожидали такого упорного сопротивления и столь согласованных действий гоминьдановской армии.

После завершения операции Чуйков и его помощники отошли в сторону, как будто их и не было. Чан Кайши на

радостях пригласил всех начальников военных миссий и на своем личном самолете полетел с ними в Чанша показывать район боев и груды японских трупов перед стенами города и в горных проходах. Он любезно пригласил и Чуйкова, но тот под видом недомогания отказался. Чуйков также приказал своим советникам не присутствовать на этом «параде», чтобы все лавры победы достались самому Чан Кайши и его генералам.

Остаться в тени было правильным решением Чуйкова. Советники, по определению, не должны были выпячивать свою роль в успехах чужой армии. Наоборот, они всячески должны были подчеркивать, что победа одержана китайскими генералами. Что и было сделано.

В своей книге «Миссия в Китае», вышедшей в 1981 году в «Военном издательстве», Чуйков достаточно подробно описал годы своего пребывания в этой стране. В ней содержится много интересных эпизодов, наблюдений и размышлений, некоторые из них были приведены в нашем повествовании. В последней главе «Я уезжаю сражаться за Родину» он написал:

Я все более приходил к убеждению, что основную задачу, возложенную на меня при направлении в Китай, выполнил. Аппарат военных советников и военного атташе правильно информировал наш Наркомат обороны о положении в Китае и о тех событиях, которые происходили вокруг него. При нашей советнической помощи китайские войска в 1941 г. отбили атаки японцев на всех фронтах. Если гоминьдановские войска сами мало проводили наступательных операций, то это происходило главным образом из-за разногласий и вражды между руководством Гоминьдана и КПК.

После начала войны на Тихом океане американцы начали оказывать Чан Кайши военную помощь, проявил сильную заинтересованность в активизации китайского фронта. Одновременно все более четко начала проявляться ориентация гоминьдановского руководства во главе с Чан Кайши на Соединенные Штаты.

Я считал, что в такой обстановке мне как главному военному советнику делать в Китае нечего. Конкурировать своими советами с генералом Стилуэллом¹ было нецеле-

¹ *Джозеф Уоррен Стилуэлл* (1883—1946) — начальник штаба генералиссимуса Чан Кайши, командующий Китайско-Индийско-Бирманским театром военных действий, отвечавший за поставки в Китай по системе ленд-лиз.

сообразно и даже вредно. Вмешиваться или давать советы Чан Кайши или генеральному штабу китайской армии, как помогать американцам и англичанам в борьбе с японцами, я не мог, и это не имело смысла, потому что к моим советам стали бы относиться с осторожностью. Оставаться в Китае в роли военного атташе также было нецелесообразно, потому что моя ответственность как главного военного советника не была бы снята, по крайней мере в кругах китайских военных. Отвечать перед китайской общественностью за те поражения, которые понесли лучшие китайские войска в Бирме, выполняя приказы американцев и англичан, я не желал. Я хотел вернуться на Родину и влиться в борьбу моего народа с гитлеровским нашествием.

В донесениях в Центр я намеками ставил вопрос, что мы, советские военные советники в Китае, лишены возможности проявить свою активность. Наконец я получил короткую телеграмму, которой меня отзывали в Москву для доклада. Из нее я понял, что в Китай больше не вернусь.

Прощальных банкетов было много. Я был окружен вниманием, любезностями, пожеланиями скорого возвращения, меня наградили высшим китайским генеральским орденом второй степени...

Этимися словами Чуйков как бы подвел итог своей двухлетней работы в Китае. Его миссия была завершена. С противоречивыми чувствами он возвращался на Родину. И тем не менее эта страна навсегда осталась в его сердце.

По свидетельству генерал-майора в отставке Л.И. Корзуна, Чуйков часто вспоминал Китай, его народ. «Все три командировки в Китай, — пишет в своих воспоминаниях Корзун, — Василий Иванович выполнял не только разведывательную, но еще и дипломатическую работу. Он хорошо узнал и полюбил китайский народ. Поэтому очень тяжело переживал, когда этот народ стали превращать в противника, а затем во врага. Когда наметилось желание возобновить дружеские отношения, за его подписью была опубликована, если память мне не изменяет, в “Известиях”, большая статья об истории дружеских отношений двух великих народов, о необходимости сохранять и развивать эту дружбу. Позже, когда на очередной съезд КПСС прилетел без приглашения Чжоу Эньлай, встречать его на аэродром послали Чуйкова. По его словам, Чжоу Эньлай вышел из самолета с довольно пасмурным лицом, но, увидев Чуйкова, заулыбался. Они обнялись и расцеловались, вспомнили кое-что из давней дружбы».

...Во второй половине февраля Чуйков уже был в столице Казахстана Алма-Ате, куда прилетел на самолете с группой других военных советников. Оттуда поездом через несколько дней выехал в Москву. По дороге в столицу Чуйков чуть ли не на каждой станции видел, что страна живет по жесткому графику войны. На это указывали многие признаки: стоявшая на железнодорожных платформах боевая техника, готовая к отправке; теплушки с солдатами в новеньком обмундировании; плакаты на зданиях вокзалов с грозными призывами раздавить фашистскую гадину; группы людей с узлами и чемоданами на перронах — явно беженцы... И еще лица людей. В основном это были лица женщин. Усталые, серьезные, заплаканные...

К таким картинам Чуйкову было не привыкать. Страна, из которой он только что вернулся, находилась в аналогичном же положении. Но то была другая страна и чужая боль... Своя же нестерпимо давила и ныла в душе. Поэтому все мысли Чуйкова были о фронте. «Я рвался на фронт, чтобы поскорее начать сражаться с нашим главным врагом — фашистской Германией», — напишет он, вспоминая то трудное для страны время.

Глава 8

«ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ!»

Более 50 лет я прослужил в Советской армии, сражался за Родину и на сибирской земле, на Украине, и в Белоруссии, и в центре страны. Но есть в огромной России город, которому отдано мое сердце. Жизнь моя оказалась неразрывно связанной с городом на Волге, который вошел в историю как Сталинград.

В.И. Чуйков

В первых числах марта Чуйков прибыл в Москву. Шумная и суетливая столица, из которой он уезжал два с лишним года назад, встретила его непривычным молчанием. Людей было не по-московски мало. В сыром весеннем небе висели аэростаты воздушного заграждения. На улицах и перекрестках щетинились надолбы и ежи. В некоторых местах виднелись воронки от немецких авиабомб. На крышах зданий торчали зенитки, крупнокалиберные пулеметы и звукоулавливатели. Столица жила по законам военного времени, хотя фронт от ее стен после разгрома вермахта под Москвой ушел вперед на 100—250 километров.

В кабинетах Наркомата обороны, где Чуйков держал отчет о своей работе в Китае, он в конце своих докладов не забывал сказать, что дальнейшую службу хочет продолжить в действующей армии. При этом обязательно сообщал о двух ранее поданных им рапортах на имя наркома обороны с просьбой направить его на фронт.

В своей книге «От Сталинграда до Берлина», изданной «Военным издательством» в 1980 году, Чуйков вспоминал: «То был не просто порыв, напоминающий краскомовскую молодость начала гражданской войны. Нет. Мне уже исполнилось 42 года, за плечами был опыт командования войсковыми соединениями, а во время военного конфликта между СССР и Финляндией командовал армией, и мне было присвоено звание генерал-лейтенанта. Поэтому я

страстно хотел как можно скорее принять непосредственное участие в борьбе с фашистскими захватчиками и, если представится возможность, внести свой вклад в дело победы над гитлеровской армией...»

Вскоре очередной, третий по счету, рапорт Чуйкова был удовлетворен. В мае его назначили заместителем командующего 1-й резервной армией, которая дислоцировалась недалеко от Тулы, а также частично в Рязанской области. Чтобы современному читателю было понятно, о какой структуре вооруженных сил идет речь, скажем о ней в двух словах. Резервная армия — это объединение, предназначенное для создания резервных соединений и частей, обучения личного состава, а также для привлечения к выполнению внезапно возникающих оперативных задач.

Командующий еще не был назначен, поэтому все его обязанности легли на плечи Чуйкова. Вникать в дела армии Василий Иванович начал с поездок в части и соединения. Заслушивая доклады командиров соединений и отдельных частей, Чуйков получал исходные данные для работы, из которых складывал общую картину о состоянии армии, ее слабых и сильных сторонах, командном составе. В течение нескольких месяцев начиная с мая и вплоть до июля войска армии плотно занимались боевой подготовкой. В основном занятия проходили на полигонах и стрельбищах.

На основании директивы Ставки Верховного главнокомандования от 10 июля 1942 года 1-я резервная армия была переименована в 64-ю армию. В ее состав вошли 18, 29, 112, 131, 214 и 229-я стрелковые дивизии, 66-я и 154-я морские стрелковые, 137-я и 40-я танковые бригады, полки курсантов Житомирского, Краснодарского, 1-го и 3-го Орджоникидзевских военных училищ, а также ряд артиллерийских и других частей.

В те июльские дни на южном крыле советско-германского фронта сложилась крайне тяжелая обстановка: Красная армия понесла серьезные поражения. В мае—июне потерпели поражение войска Крымского фронта, в результате чего Крым оказался в руках врага. Далее последовали неудачи Юго-Западного фронта под Харьковом, сдача Донбасса, выдвижение противника к Воронежу... Гитлеровцы снова овладели стратегической инициативой.

По приказу Гитлера немецкие войска начали наступление на южном участке советско-германского фронта с целью выхода к нефтяным районам Кавказа и плодородным землям Нижнего Поволжья и Дона. Грязным половодьем

немецкие танковые и моторизованные корпуса хлынули в междуречье Дона и Волги. Для наступления на Сталинград из состава армий группы «Б» была выделена 6-я армия генерала Фридриха Паулюса, состоявшая из 17 дивизий, поддерживаемых 1200 самолетами.

Двенадцатого июля 64-я армия была включена во вновь образованный Сталинградский фронт и в соответствии с директивой Ставки получила задачу передислоцироваться в район Дона. Быстро погрузившись в эшелоны, армия направилась в места сосредоточения.

Передислокация такой армады проходила в непростых условиях. В пути части и соединения неоднократно попадали под бомбежки немецких бомбардировщиков — авиация врага господствовала в воздухе. Тем не менее часть войск прибыла на Сталинградское направление. 17 июля Чуйков получил директиву командующего Сталинградским фронтом: «64-й армии в составе 229, 214, 29 и 112-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад в ночь на 19 июля выйти на фронт Суровикино, Нижне-Солоновский, Пешерский, Суворовский, Потемкинская, Верхне-Курмоярская. На этом рубеже закрепиться и жесткой обороной не допустить прорыва противника на Сталинград. Передовые отряды по одному полку с артиллерией от каждой дивизии иметь на рубеже реки Цимла...»

Однако задача, поставленная командующим, была явно невыполнимой, так как дивизии и армейские части еще только выгружались из эшелонов и направлялись на запад, к Дону. Но если колонны некоторых дивизий уже подходили к Дону, то тыловые части армии вместе с имуществом, боеприпасами и продовольствием вообще находились в районе Тулы и ждали погрузки в железнодорожные вагоны.

Как вспоминал Чуйков, войска армии нужно было не только собрать после выгрузки из эшелонов, но и переправить через Дон, преодолев пешим маршем 120—150 километров. Линия передовых отрядов на реке Цимла также была впереди основного рубежа обороны армии, в 40—50 километрах. Доложив в штаб фронта о невозможности выполнить директиву в установленный срок, Чуйков попросил передвинуть дату занятия армией оборонительного рубежа на 23 июля. Но штаб обозначил крайний срок 21 июля.

Рубеж обороны, который начала занимать 64-я армия, был выбран крайне неудачно. Это подтвердила и рекогнос-

цировка. Кругом лежала выжженная бескрайняя степь, не было элементарных условий для маскировки, а о выгодных позициях для огневых средств и говорить не приходилось. Войска армии были у немецкой авиации как на ладони. Разведывательные самолеты противника постоянно кружили над советскими позициями. Вести с ними борьбу было некому, поскольку в армии отсутствовала зенитная артиллерия.

В сложившейся на тот момент обстановке Чуйкову вряд ли можно было позавидовать. Однако он не терял выдержки и хладнокровия, цепко держал нити управления войсками. Василий Иванович дено и ночью находился в частях, которые, что называется, с марша вгрызались в землю. Большое беспокойство у Чуйкова вызывало то обстоятельство, что каждая его дивизия должна была держать оборону на участках фронта протяженностью в десятки километров. Он хорошо понимал, что устоять им против танковых соединений вермахта будет крайне тяжело.

Вечером 19 июля в штаб армии, который размещался в хуторе Ильмень-Чирский, прибыл генерал-майор В.Н. Гордов. Это был генерал, который не терпел возражений со стороны подчиненных. Но покомандовал он армией всего лишь два дня. Его срочно вызвали в Москву, откуда Гордов вскоре вернулся уже генерал-лейтенантом и командующим Сталинградским фронтом. Забегая вперед, скажем, что и во главе фронта он находился недолго, всего 19 дней. В августе 1942 года за ряд ошибок, которые привели к прорыву противником внешнего оборонительного обвода Сталинграда, Гордов был освобожден от должности¹. Ошибку Гордов допустил и за два дня своего командования армией. Он оставил армию без второго эшелона и без резерва, приказав поставить 122-ю стрелковую дивизию не на стык 62-й и 64-й армий, а растянуть на внешнем сталинградском оборонительном рубеже. Было выведено на другие рубежи еще несколько частей.

25 июля южная группировка войск 6-й германской армии генерала танковых войск Фридриха Паулюса начала наступление на полосу обороны 64-й армии. Противник силами своих LI армейского и XXIV танкового корпусов стремился прорваться к переправам через реку Чир. Враг

¹ *Василий Николаевич Гордов* (1896—1951) — генерал-полковник, позже командовал 33-й и 3-й гвардейской армией, а в 1947 г. арестован, в 1950 г. приговорен к смертной казни.

атаковал превосходящими силами 229-ю стрелковую дивизию, нанося здесь главный удар по обороне 64-й армии.

Накануне боев Чуйков чуть не погиб, когда осматривал с воздуха позиции своей армии. В районе населенного пункта Сурувикино самолет У-2, на котором он летел, был атакован немецким Ju.88. «Юнкерс» около десяти раз делал заходы на фактически безоружный самолет, ведя огонь из пушек и пулеметов. Только благодаря мастерству летчика удавалось уходить от фашистского стервятника. Совершить посадку в голой степи было нельзя — самолет сразу бы стал неподвижной мишенью. Летчик У-2, ориентируясь по солнцу, стремился на восток, выискивая хоть какой-нибудь хуторок или перелесок, чтобы скрыться от преследования. После очередной атаки самолет с Чуйковым, опустившись до минимальной высоты, ударился о землю и разломился пополам. Летчика и Чуйкова выбросило из кабин, но, к счастью, они отделались только сильными ушибами. Вскоре их подобрал в степи и вывез на машине из опасной зоны офицер из Оперативного отдела штаба соседней 62-й армии.

На всех участках обороны 64-й армии развернулись ожесточенные бои. Бывший начальник политотдела армии полковник М.П. Смольянов, вспоминая события того дня, писал, что это был «самый тяжелый момент нашей первой операции на правом берегу Дона, когда вся громада авиации и танков навалилась».

Инициатива была в руках противника, который основательно подготовился к наступлению. Однако дивизии, бригады и полки 64-й армии стойко отбивали атаки танков и пехоты гитлеровцев. Подлинный героизм проявил личный состав 229-й стрелковой дивизии, которая занимала рубежи обороны около 15 километров по фронту и имела всего лишь пять батальонов; остальные четыре батальона были еще на подходе. Сначала противник повел наступление силами одной пехотной дивизии с танками на центр 229-й дивизии — на позиции 783-й полк. Несмотря на численное превосходство, бойцам и командирам полка удалось отразить немецкие атаки. Было подбито 9 танков и уничтожено до 600 гитлеровцев.

Командный пункт Чуйкова находился в непосредственной близости от места напряженных боев. День 25 июля стал для него днем боевого крещения на Сталинградском фронте.

На следующее утро бои возобновились с новой силой. После артиллерийской подготовки и авиационного налета

та немцы бросили в бой танки и пехоту. Со своего наблюдательного пункта Чуйков насчитал свыше 80 вражеских танков, двигавшихся под прикрытием артиллерии и минометов на позиции 783-го полка. Врезавшись в боевые порядки, немецкие танки напоролись на наши тяжелые танки КВ, которые сумели отразить атаку.

Бесстрашно сражалась с наступавшим противником 66-я морская стрелковая бригада, которая с марша заняла оборону северо-западнее Нижне-Чирской. Как отмечал впоследствии в своих воспоминаниях Чуйков, «вместо танков на обеспечение стыка 214-й и 229-й дивизий пришлось поставить батальоны морских пехотинцев 66-й бригады с их артиллерийским дивизионом, которые вскоре были атакованы с воздуха, а затем и немецкими танками. Моряки залегли и начали отбивать вражеские атаки». У моряков и артиллеристов нервы оказались крепче, чем у немецких танкистов. Потеряв 12 подбитых и сожженных танков, противник откатился назад.

Отличилась в тяжелых оборонительных боях 26 июля 154-я морская стрелковая бригада, которая уничтожила большое количество солдат и офицеров 71-й немецкой дивизии. Также серьезный отпор врагу нанесла 214-я стрелковая дивизия.

Однако обстановка с каждым часом становилась все драматичней. На ряде участков немцам удалось прорвать советскую оборону. Под натиском превосходящих сил противника войска 64-й армии были вынуждены отходить за Дон. Немецкая авиация непрерывно бомбила отходившие части, наносила бомбовые удары по скоплениям людей у переправ и на переправах. Причем самолеты заходили волнами по 25—30 штук. Отбомбившись, накатывалась следующая волна самолетов с черно-белыми крестами. В результате бомбардировок железнодорожный мост через Дон у станции Нижне-Чирской был разбит, что еще больше усложнило отход войск.

Нет ничего труднее на войне, чем терять боевых товарищей. Горечь утраты ощутил Чуйков, когда ему сообщили о том, что во время бомбежки переправы погибли начальник артиллерии армии генерал-майор Я.И. Броуд, начальник оперативного отдела подполковник Т.М. Сидорин, начальник инженерной службы армии полковник И.В. Бурилов, другие офицеры штаба армии. Были серьезные потери среди рядового и сержантского состава. Война не щадила никого. И это только за три дня боев!

Впоследствии в книге «От Сталинграда до Берлина» Чуйков дал объяснения происходившим событиям: «Успех противника во многом объяснялся тем, что он начал наступление, когда войска нашей армии еще не были собраны в полки и дивизии. Если бы мы имели хотя бы двое-трое суток для организации обороны, собрали бы полки, батальоны и дивизионы, закопались в землю, наладили огневое взаимодействие и связь, подтянули боеприпасы и организовали нормальное снабжение — противнику не удалось бы так легко прорвать оборону... 64-я армия формировалась заново, как резервная. Очень многие ее бойцы и командиры впервые участвовали в бою. В донских степях они приняли боевое крещение. Они познали тяжесть и горечь отступления, но они не дрогнули, первые неудачи не подорвали у них веру в свои силы. Они отступали, но отступали с боями, сдерживая натиск врага, о силе которого они порой не имели представления. Нельзя требовать невозможного. Превосходство противника было велико, остановить его наступление теми силами, которыми тогда располагала 64-я армия, было трудно. Но бойцы и командиры 64-й задержали наступление, сорвали намерение гитлеровского командования окружить и уничтожить наши силы на правом берегу Дона».

Чуйков требовательно и жестко руководил войсками. К вечеру 27 июля в результате принятых мер образовавшийся прорыв был ликвидирован на всем фронте 64-й армии. Враг хотя и прорвал первую полосу обороны армии, но дальше развить наступление не сумел. Его остановили на реках Чир и Дон. Опасность прорыва противника из района Нижне-Чирской с ходу на Сталинград миновала. Немцы также не смогли сразу прорваться с юга к переправам у города Калач.

Маршал Советского Союза А.И. Еременко, а в дни Сталинградской битвы командовавший сначала войсками Юго-Восточного фронта, а затем Сталинградского, в книге «Сталинград» так написал о действиях подчиненных Чуйкова: «25—26 июля враг повел наступление и против 64-й армии. Противник потеснил ее войска, которые отошли на рубеж Суровикино, Рычковский, но дальше враг продвинуться не смог. Стойкость и активность личного состава армии стабилизировали здесь фронт. Несмотря на то что оборонительные бои в силу сложившихся обстоятельств нам пришлось вести в очень тяжелых условиях, немецко-фашистское командование не смогло осуществить взаимо-

действия между своими северной и южной группировками, а значит, и окружить наши войска, оборонявшиеся на западном берегу Дона. Переправиться через Дон в это время враг не смог. Первая попытка врага взять Сталинград с ходу кончилась провалом. Вражеское наступление свелось к фронтальным действиям. Основные силы 6-й немецкой армии были вынуждены втянуться в затяжные бои на правом берегу Дона и до подхода свежих сил перейти к обороне. Однако положение советских войск, оборонявшихся в излучине Дона, оставалось сложным».

Первые три дня боев позволили Чуйкову сделать следующие выводы о действиях противника, его вооружении и тактике:

артиллерийские и минометные налеты немцев велись разрозненно и не в глубину, а только по переднему краю, широкого маневра огнем в ходе боя не отмечалось;

немецкие танки не шли в атаку без пехоты и без поддержки авиации;

немецкая пехота сильна своим автоматическим огнем, но быстрого движения на поле боя и решительной атаки не было;

наступая, немецкие пехотинцы не жалели патронов, но стреляли часто попусту;

передний край гитлеровцев, в особенности ночью, был прекрасно виден, он обозначался трассирующими пулями и ракетами всех цветов, что свидетельствовало о их боязни темноты или русских;

маневр войск противника хорошо прослеживался по автомобильным колоннам, двигавшимся по степи с зажженными фарами;

наиболее четко работала в бою авиация противника, связь и взаимодействие авиации с наземными войсками у противника отработаны, фашистским летчикам знакома тактика своих и наших наземных войск.

Такой подробный анализ действий войск противника Чуйкову был крайне необходим. Ему нужно было хорошо знать, как гитлеровские генералы организуют бой, уяснить сильные стороны врага, нащупать слабые, чтобы использовать, как говорят, его ахиллесову пяту. Чуйков так формулировал свою первейшую обязанность как командующего: «Наблюдать врага, изучать его сильные и слабые стороны, знать его повадки — значит драться с ним с открытыми глазами, ловить его промахи и не подставлять свои слабые места под опасный удар».

Новый командующий генерал-майор Михаил Степанович Шумилов прибыл в 64-ю армию 28 июля. За плечами Шумилова была богатая армейская биография. Офицером он участвовал в Первой мировой войне, потом воевал на фронтах Гражданской войны, был военным советником при командующем группой армий Центрально-Южной зоны в Испании. С первых дней Великой Отечественной войны Шумилов командовал 11-м стрелковым корпусом в Прибалтике, затем был назначен заместителем командующего 55-й армией, защищавшей Ленинград. На Сталинградский фронт он прибыл с должности заместителя командующего 21-й армией Юго-Западного фронта. Так что это был генерал не только с боевой биографией, но и с опытом командования крупными войсковыми объединениями.

Между Шумиловым и Чуйковым с первых дней установились хорошие как служебные, так и товарищеские отношения. К тому же их пути пересекались в Белорусском Особом военном округе, где Чуйков, как известно, командовал Бобруйской армейской группой, а Шумилов являлся командиром 11-го стрелкового корпуса. Оба участвовали в Освободительном походе в Западную Белоруссию.

Впоследствии бывший командующий 64-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник М.С. Шумилов так отзывался о Чуйкове:

Да, 64-я армия отходила, когда я вступил в командование ею. Но Василий Иванович Чуйков вряд ли был повинен в этом. Он предпринимал сверхчеловеческие усилия, чтобы остановить врага. Но в его распоряжении имелось слишком мало сил и средств. Когда фашисты, прорвав оборону 51-й армии, надели на наш левый фланг, положение стало критическим. По приказу командующего фронтом мы отвели войска, заняли выгодный естественный рубеж обороны.

В спешном порядке из отошедших частей 51-й армии и резервных частей 64-й армии была создана оперативная группа войск. Возглавил ее генерал-лейтенант Чуйков. В дальнейшем Василий подчинял себе все «отбившиеся» от своих соединений полки, батальоны и организовывал с ними подвижную оборону.

В дальнейшем, будучи моим заместителем, Василий Иванович тоже не раз показывал свои незаурядные организаторские способности. Умел быстро ориентироваться в критической обстановке. В штабе не засиживался.

Всегда тянуло его поближе к переднему краю. Однажды около десяти часов не давал о себе знать.

Как выяснилось впоследствии, Чуйков за это время успел побывать на нескольких участках фронта. В одном месте помог растерявшимся было артиллеристам отразить атаку вражеских танков, в другом — остановил отступавшее подразделение, которое осталось без командиров. Повернул цепь назад, приказал окопаться на выгодном рубеже.

День прибытия генерала Шумилова в 64-ю армию совпал с подписанием приказа народного комиссара обороны И.В. Сталина № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший сразу в войсках название как приказ «Ни шагу назад!». Жесткий, категоричный тон приказа точно описывал положение дел на фронте:

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа.

Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них прогибают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке, этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 мил-

лионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам, они напрягают последние силы; выдержать их удар сейчас, в ближайšie несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу...

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции, нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины. Таков приказ нашей Родины...

В этом суровом документе, хотя и не назывались конкретные имена и фамилии, но и без этого было ясно, что он адресован каждому солдату, офицеру и генералу. Чуйков, постоянно находясь в те дни в боевых порядках дивизий, не уставал говорить бойцам и командирам:

— Отступить нам некуда, позади Сталинград, Волга...

Между тем обстановка с каждым днем усложнялась. Усилившая состав южной группы войск Паулюса 4-я-танковая армия генерал-полковника Германа Гота, прорвав оборону соседней 51-армии, создала угрозу 64-й

армии. В результате левый фланг армии и всего Сталинградского фронта охватывался с юга.

В сложившейся ситуации генерал Шумилов принял решение сформировать отдельную оперативную группу, которую поручил возглавить Чуйкову. 2 августа Чуйков выехал на южный участок фронта с задачей прикрыть левый фланг армии. На месте ему пришлось собирать сильно уставшие и изрядно поредевшие дивизии полковников И.И. Людникова и Д.И. Куропатенко. Обе эти дивизии были неполного состава и входили в состав 51-й армии. Атакованные в районе станицы Цимлянской и села Ремонтное, они понесли серьезные потери и, оставшись без связи, решили отходить на север, к Сталинграду. С ними начали отход два гвардейских минометных полка во главе с заместителем командующего артиллерией армии генерал-майором В.П. Дмитриевым.

Подчинив себе эти дивизии, минометные полки, Чуйков продолжил собирать отходившие войска. Вскоре к его оперативной группе были присоединены 154-я морская стрелковая бригада полковника А.М. Смирнова, 255-й отдельный кавалерийский полк, несколько других полуразбитых частей и подразделений.

Также в подчинение Чуйкова перешла 208-ю стрелковая дивизия полковника К.М. Воскобойникова, прибывшая из Сибири. К сожалению, это соединение, еще до вступления в боевые действия понесло серьезные потери. 3 августа 4 эшелона дивизии, выгрузившись на станции Котельниково, были внезапно атакованы авиацией и танками противника. В результате было много погибших и раненых. Но беда не ходит одна. На станции Чилеково еще несколько эшелонов 208-й дивизии попали под бомбовый удар, теперь уже своей авиации. На войне случалось и такое. Уцелевшие подразделения дивизии влились в состав сколачиваемой группы Чуйкова. Через несколько дней в распоряжение Чуйкова поступили 66-я бригада морской пехоты и Сталинградский укрепленный район.

Собранные Чуйковым вместе при отступлении перечисленные выше части и подразделения стали вполне боеспособной единицей, которая с его легкой руки получила название Южная группа войск. Как свидетельствуют документы, воспоминания участников тех событий, формирование Чуйкова проявило себя с наилучшей стороны. Войска не потеряли боевого духа: наступали без страха, встречали врага без паники, защищали позиции стойко.

Вот один из примеров. Когда вечером 5 августа немецко-румынским частям удалось на небольшом участке переправиться через реку Аксай и частично вклиниться в боевые порядки Южной группы, Чуйков решил сорвать их дальнейшее наступление. Исходя из опыта, пусть пока и небольшого, приобретенного в первых боях, Чуйков пришел к выводу, что ночью немцы не будут атаковать — не в их это правилах. Зато в течение ночи они постараются навести переправы для тяжелой техники и с утра начнут наступление. «Гитлеровцы наверняка будут действовать по шаблону — сначала авиация, затем артиллерия, потом пехота, а за ней танки, — размышлял Чуйков. — Другого порядка в наступлении через водную преграду, даже не очень широкую, они не знают».

Идея Чуйкова была проста: на рассвете нанести артиллерийский удар по скоплению противника на исходных позициях, затем дружной контратакой отбросить его пехоту за реку Аксай.

Как Чуйков и предполагал, и это подтвердили разведчики и наблюдатели, с наступлением темноты немцы стали готовиться к предстоящему дню: машины двигались с зажженными фарами, нисколько не боясь советской авиации; танки не трогались — они ждали, когда для них наведут переправы. Также разведчики обнаружили перед линией обороны скопление пехоты, артиллерии и обозов, особенно в балках. Чуйкову было ясно, что противник рассчитывает пустить в ход бронированный кулак, когда его авиация повиснет над позициями советских войск, когда артиллерия подавит их огневые точки, пехота двинется вперед. В общем, как всегда, обычным порядком противник рассчитывал добиться успеха.

План действий Чуйков передал командирам дивизий Людникову и Куропатенко. Они поняли своего командира без лишних слов, и сразу приступили к подготовке атаки. Расчет на внезапность полностью оправдался. На рассвете артиллерия открыла огонь по скоплениям противника. Чуйков, находясь на высоте 147, видел, как из балок и укрытий начала разбегаться вражеская пехота, за ней тронулись обозы и артиллерия. Таким образом, удалось почти без потерь сорвать наступление, которое противник готовился начать 6 августа. В ходе боя противник понес существенные потери убитыми, ранеными и пленными. Были захвачены много орудий, винтовок и пулеметов.

Аналогичная ситуация повторялась несколько раз. Южная группа не только отчаянно оборонялась, но и крепко была врага. Причем без танков, без авиационного и зенитного прикрытия, без противотанковых средств... 17 августа Чуйков получил приказ на отход своей группы. Отход был совершен ночью, войска прибыли на новый оборонительный рубеж без потерь.

В период тяжелых шестидневных боев Южная группа Чуйкова выполнила важную оперативную задачу. Притянув к себе несколько дивизий 4-й немецкой танковой армии, она серьезно ослабила ударную группировку врага, наступавшую на основной рубеж обороны. Чуйков вспоминал:

Стойкая оборона Южной группы давала мне право думать, что мои первые самостоятельные решения по организации обороны на Аксае оправдали надежды командования — врага можно не только задерживать на определенных рубежах, но и вынуждать пятиться с большими потерями. Для этого необходимо верить в способности своих войск, в способности бойцов и командиров, не робеть перед опасностью и, верно оценивая обстановку, быть непреклонным в деле выполнения поставленной перед тобой задачи.

Я также понимал, что меня ждут новые, более суровые испытания, ибо обстановка на фронте складывалась весьма трудная и тревожная — гитлеровцы, имея превосходство в танках и авиации, рвутся к Волге, к Сталинграду, не считаясь с потерями. Я готов был к любым испытаниям...

Остановить врага не удалось, он вырвался на дороги, ведущие к Волге. Но мы сорвали сроки его наступления, замедлили его продвижение. С каждым днем возрастала стойкость наших бойцов и командиров. Мы отступали. Но на каждом рубеже обороны противник встречал ожесточенное сопротивление... А мы, отступая, учились бить врага. Я вправе говорить о 62-й и 64-й армиях. В этих армиях зарождался массовый героизм Сталинграда.

Именно в те жаркие дни совершили подвиг шестнадцать гвардейцев, которыми командовал комсомолец гвардии младший лейтенант Василий Кочетков. Стрелковому взводу Кочеткова было приказано занять позицию на высоте 180,9 и удерживать ее до подхода подкрепления. Понимая, что им предстоит выдержать тяжелый бой, воины дали друг другу слово не отступать ни на шаг. Сначала их четыре раза атаковал небольшой отряд немецкой пехоты, но безуспешно. Тогда гитлеровцы бросили против гвардейцев роту автоматчиков. И эту атаку они отбили.

Бой продолжился на следующий день. Утром на позицию гвардейцев двинулись 12 фашистских танков. А у них не было даже ни одного противотанкового ружья. Только автоматы и гранаты. К тому же многие были ранены. Тяжелое ранение получил и Кочетков. Перевязав друг другу раны, солдаты ждали приближения вражеских машин...

Когда танки приблизились совсем близко, один из гвардейцев бросился со связкой гранат под гусеницы передней машины. Танк вспыхнул. По примеру товарища навстречу танкам поднялись другие бойцы. Вскоре на поле боя уже пылали яркими факелами четыре подбитых фашистских танка. Нервы гитлеровских танкистов дрогнули. Шесть машин повернули назад. Однако два бронированных чудовища с крестами на башнях продолжали упрямо ползти вперед. Но и они были подбиты.

Из шестнадцати героев-гвардейцев в живых остались только двое: гвардии красноармейцы Николай Бурдин и Геннадий Унжаков. Когда к рубежу, обороняемому героями-гвардейцами, подошло подкрепление, все увидели на склоне высоты шесть остовов сгоревших немецких танков и десятки трупов гитлеровцев. За этот подвиг Николай Бурдин и Геннадий Унжаков удостоились ордена Красного Знамени, остальные гвардейцы были награждены посмертно орденами Ленина и Красного Знамени, в том числе орденом Ленина гвардии младший лейтенант Василий Кочетков. О бесстрашных воинах-гвардейцах, повторивших подвиг 28 героев-панфиловцев, вскоре знал весь фронт. Им была посвящена специальная листовка:

На танки бросились герои-кочетковцы.
Покрылась пламенем фашистская броня...
И, как панфиловцы, погибли комсомольцы.
Гордись орлами, русская земля!

Каждый день жестокие бои на Сталинградском направлении рождали новых героев. Все — от солдата до генерала — старались выстоять в кровавой схватке с ненавистным врагом. Генерал-лейтенант в отставке И.А. Ласкин, а в период Сталинградской битвы генерал-майор, начальник штаба 64-й армии в своей книге «У Волги и на Кубани» написал о Чуйкове такие строки:

В эти тяжелые дни генералы М.С. Шумилов и В.И. Чуйков особенно хорошо показали себя в руководстве войсками. Мне вспоминается такой случай... В.И. Чуйков выехал

на передовые позиции в район [села] Абганерово. На одном из участков он заметил наших отходящих бойцов, которые оказались, как выяснилось, без руководства. Генерал остановил солдат и быстро организовал оборону.

Вскоре на этом участке обозначилось наступление еще более крупных сил противника, чем раньше, и Василий Иванович решил непосредственно руководить боем. Обычно, когда он прибывал в часть, тут же его адъютант или он сам звонил в штаб армии и сообщал, где находится. Но в этот день не было ни одного звонка. Приближался вечер. Все руководство армии собралось на командном пункте, а генерала Чуйкова не было. Мы обзвонили все штабы дивизий, но никто толком ничего не мог сказать. Все были всерьез обеспокоены. Тогда член Военного совета армии К.К. Абрамов направил на передовую комиссара штаба армии старшего батальонного комиссара Б.И. Мутовина и политработника старшего батальонного комиссара Валиковского с задачей во что бы то ни стало найти Чуйкова.

Мутовин потом рассказывал, что, пока они через офицеров и бойцов искали В. И. Чуйкова, стало совсем темно. Жаркий бой затих, но совсем близко взлетали сигнальные и осветительные ракеты. Значит, линия фронта рядом. Наконец солдаты указали место, где стоял «виллис» Чуйкова. Василий Иванович спал на разостланной у машины шинели, а адъютант и водитель дремали в кабине. Когда Мутовин разбудил их, Чуйков по взлету ракет мгновенно понял, что они находятся неподалеку от линии фронта, и строго сказал адъютанту:

— Я разрешил немного отдохнуть себе и водителю, а вам поручил смотреть за полем боя. А вы тоже спать? Похоже, что вы, товарищ адъютант, из тех, которые охраняли штаб Чапаева, да потеряли чувство ответственности, уснули и этим погубили народного героя... Обидно было бы из-за вашей безответственности попасть в лапы немцев. Правильно я говорю?

Адъютант стоял как вкопанный и не проронил ни одного слова. Стоял молча и водитель машины: тоже вроде бы чувствовал себя виноватым.

Потом, обращаясь к Мутовину, Чуйков сказал:

— Спасибо, что своевременно появились тут. Четверо суток, знаете, не спал. Измучился. Прилег на шинель, чтобы немного передохнуть, да вдруг задремал...

Нужно сказать, что Василию Ивановичу ежедневно приходилось выезжать на самые опасные участки, и его хорошо знали в войсках. Известно, что каждый человек имеет свою особую натуру, свой особый нрав, свой характер, свой образ мыслей и действий. Наиболее полно личность человека проявляется в трудной, опасной обстановке. А генерал

В. И. Чуйков уже не раз бывал в таких ситуациях, и все отмечали его боевые достоинства... Он очень многое сделал для достижения устойчивой обороны 64-й армии с первых же дней ее прихода на фронт. Помощь Василия Ивановича командирам соединений и частей в организации боевых действий войск по отражению многочисленных ударов врага в это тяжелое время мы все видели и высоко ценили. [...]

Противник сильно обстреливал и бомбил с воздуха наши позиции. Чуйков наблюдал за полем боя. Вместе с ним в неглубокой траншее находились и некоторые офицеры штаба. На наблюдательный пункт посыпались бомбы. Но ни один офицер не ушел в находившееся рядом укрытие, потому что не уходил Василий Иванович. Взрывной волной сбило с ног полковника Н. М. Журавлева, который был всего метрах в пяти от Чуйкова, слегка засыпало землей полковника А. Н. Янчинского и других, а генерал будто ничего этого не замечал и спокойно продолжал стоять в окопчике.

Когда бомбежка кончилась, Б. И. Мутовин, не обращаясь ни к кому конкретно, заметил:

— Во время налета надо бы уходить в укрытие.

В. И. Чуйков, услышав эту фразу, сказал резко:

— Если старший начальник от каждой бомбы будет бегать по укрытиям и терять наблюдение, то он не заметит, как над его головой начнут ходить танки. И что за авторитет будет иметь такой начальник у подчиненных, как он сможет требовать от войск удержания позиции при бомбежках?

Действительно, Чуйков никогда не кланялся пулям. Смелость и решительность была отличительной чертой его характера. А еще он всегда был рядом с солдатом — главным тружеником войны. Бойцы верили Чуйкову и он верил им. Вроде бы не по чину командарму идти в роты и батальоны, его дело, как говорится, рисовать на картах стрелы направлений ударов, управлять войсками из штаба или находиться на командном пункте. Ан нет: Василий Иванович был траншейным генералом и, если можно так выразиться, генералом поля боя. Чуйков еще с Гражданской войны знал, «что когда побеседуешь с бойцами в окопе, разделишь с ними и горе, и радость, перекуришь, разберешься вместе в обстановке, посоветуешь, как надо действовать, то у бойцов обязательно появится уверенность: “Раз генерал был здесь, значит, надо держаться!” И боец уже не отступит без приказа, будет драться с врагом до последней возможности».

Когда в начале 2000-х годов Академия военных наук Российской Федерации составила рейтинг 20 военачальни-

ков, командовавших армиями в годы Великой Отечественной войны и ставших наиболее уважаемыми во фронтовой среде, то первой в списке этого рейтинга стояла фамилия Чуйкова. Это исследование, в котором принимали участие известные маршалы, генералы армии и военные историки, явилось лишним подтверждением того, каким непререкаемым авторитетом Чуйков пользовался в войсках. Следующие места в рейтинге заняли генералы армии П.И. Батов, А.П. Белобородов, маршалы Советского Союза А.А. Гречко, Н.И. Крылов, К.С. Москаленко... В рейтинг также вошли генерал-полковники И.И. Людников, В.Я. Колпакчи, М.С. Шумилов, с кем Чуйкова свела судьба под Сталинградом. Однако вновь вернемся к фронтовым будням нашего героя.

В 20-х числах августа сражение на Сталинградском направлении приобрело еще более жестокий накал, перекинувшись к востоку. Силы двух советских фронтов Сталинградского и Юго-Восточного были рассечены до самой Волги. Войска 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота прямиком были нацелены на Сталинград. На тот момент враг в разы превосходил советские войска. Так, по орудиям и минометам — в 2,2 раза, по танкам — в 4 раза и по самолетам в 2 раза.

Гитлер отдал приказ взять Сталинград к 25 августа. Он был буквально одержим этим промышленным центром на берегу Волги, по которой и вдоль которой пролегали важные транспортные артерии, соединявшие центр России с южными регионами СССР, в том числе Кавказом и Закавказьем. Перед войной в городе насчитывалось почти полмиллиона жителей. Здесь было более сотни промышленных предприятий, в том числе Сталинградский тракторный завод, «Баррикады», сталелитейный завод «Красный Октябрь», судостроительный завод.

По замыслу немецких стратегов захват Сталинграда позволил бы Германии перерезать важные для Советского Союза водные и наземные транспортные коммуникации, надежно прикрыть левый фланг своих войск и создать серьезные затруднения со снабжением Красной армии. Захват Сталинграда должен был подорвать у народов СССР веру в Сталина и, наоборот, стал бы идеологической победой Германии, воодушевив солдат и население рейха на новые успехи в борьбе с Советским Союзом.

Поэтому он требовал овладеть Сталинградом любой ценой. Генералы вермахта старались изо всех сил. Отпо-

лированные танковые траки утюжили прокаленные летним зноем бурые приволжские степи. Командиры танков в черных распахнутых куртках, открыв люки, уже взирали на длинную шеренгу зданий древнего города, протянувшегося вдоль Волги на десятки километров. В цейсовские бинокли были видны трубы предприятий, жилые кварталы.

Бои принимали все более ожесточенный характер. Чем ближе немцы подходили к городу, тем напряженнее становились схватки, тем бесстрашнее сражались его защитники. 23 августа несколько пехотных, моторизованных и танковая дивизии немцев из состава 6-й армии Паулюса вышли к Волге. Но расширить прорыв на северной окраине города им не удалось. Поселки Рынок, Спартановка, Орловка, где была организована оборона, стали для врага неприступной преградой. На юге, на участке 64-й армии, фашистам вообще не дали прорваться к Волге. Наиболее слабой оказалась оборона 62-й армии. Здесь на участке Вертячий — Песковатка противнику удалось прорвать линию обороны и выйти севернее поселка Рынок. В образовавшийся коридор хлынули немецкие танки...

В этот же день гитлеровцы, чтобы посеять среди жителей и защитников Сталинграда панику и страх, нанесли по городу варварский бомбовый удар. Во второй половине дня сотни самолетов обрушили на него свой смертоносный груз. Всего, как подсчитали военные историки, летчики люфтваффе совершили две тысячи самолето-вылетов. Страшно во время этой бомбежки было то, что из бомболоков «Хейнкелей» He.111 и «Юнкерсов» Ju.88 на город летели не только фугасные бомбы, но и так называемые бомбовые кассеты, из которых вылетали тысячи листочков фольги, обмазанных фосфоров. При соприкосновении с воздухом эти листочки вспыхивали, а при попадании на какие-либо предметы, начинали пылать сине-белым пламенем и достигали такой высокой температуры, что погасить их было невозможно ни водой, ни песком.

Весь город напоминал гигантский костер. Горели военные объекты, жилые дома, баки нефтехранилищ на берегу Волги, пароходы на рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров... Неистовый огонь заживо пожирал людей. Ночью полыхающее зарево было видно за 150—200 километров. В огне была и Волга от пролившихся туда нефтепродуктов. В результате бомбардировки было разрушено более 80 процентов зданий и сооружений города. Горе и смерть пришли в десятки тысяч семей сталинградцев.

Гнев и ярость мести переполняли сердца защитников Сталинграда. К ним в те трудные дни со страниц газеты «Красная звезда» обратился писатель Илья Эренбург. Обращение заканчивалось следующими словами: «Не считайте дни, не считайте версты — считайте только убитых вами врагов. Убей немца — вот молитва твоей матери. Убей немца — вот крик русской земли. Не раздумывай, да не дрогнет твоя рука. Убивай!»

Размышляя после войны об этом периоде Сталинградской битвы, Чуйков дал такую оценку: «Мы знали решение Ставки Верховного главнокомандования, лично Сталина, что за город будем сражаться всеми силами. Мы понимали, что судьба и результат кампании всего 1942 года решается здесь, на Волге. Сталинград в 1942 году оказался, как Москва в 1941 году, таким объектом, в котором сошлись главные стратегические, политические, экономические и престижные цели и задачи всей войны. Накал боев на Волге дошел до такой степени, что осенью 1942 года весь мир замер. Все зависело от того, удержат ли советские войска Сталинграда».

В свою очередь немецкие генералы громогласно заявляли:

— Мы должны разгрызть этот орех, чего бы это нам не стоило...

Между тем разгрызть орех почему-то не получалось. На всех участках фронта боевые действия, отличавшиеся с обеих сторон большой степенью ожесточенности, не прекращались ни на один день. Неимоверное упорство и непоколебимый дух русских поражали немцев. Они бросали все новые и новые силы, несли огромные потери, но больших успехов добиться не удавалось.

Вот что писал об этих боях адъютант штаба 6-й армии Паулюса полковник Вильгельм Адам: «Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира XIV танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество... Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели».

В эти же августовские дни в районе Малых Россошек, западнее Сталинграда, отличились 33 бойца 1379-го стрелкового полка 62-й армии во главе с заместителем политрука комсомольцем Леонидом Ковалевым. В неравном бою они остановили целую армаду немецких танков. Не пушками, не противотанковыми ружьями, а гранатами, бутылками с зажигательной смесью. В некоторой степени подвиг, совершенный ими, можно сравнить с подвигом 28 панфиловцев под Москвой. Оказавшись в полном окружении, бойцы не дрогнули против 70 фашистских танков. В течение нескольких часов они сожгли 27 танков и уничтожили 153 гитлеровца. Причем все отважные воины остались живы. За этот подвиг 7 человек были удостоены ордена Ленина, 12 — ордена Красного Знамени, 7 — медали «За отвагу», 6 — медали «За боевые заслуги». Сегодня в Волгограде есть улица 33 Героев.

Таких примеров мужества и героизма защитников Сталинграда было огромное множество. Счет шел на сотни. Все это происходило на глазах у Чуйкова. Его, как всегда, можно было встретить только там, где бился пульс его армии. Обстановка заставляла его действовать твердо, решительно. Василий Иванович не терпел расхлябанности, трусости, в любой момент мог отстранить от должности офицера за допущенные им промахи. Ведь за ошибки на войне часто приходилось платить человеческими жизнями.

Из рассказа бывшего начальника разведывательного отдела 64-й армии полковника в отставке И.М. Рыжова:

С Василием Ивановичем Чуйковым нас свела военная судьба в самом начале Сталинградской битвы. Тогда он занимал должность заместителя командующего 64-й армией и исполнял обязанности командарма. Обстановка на сталинградском направлении складывалась напряженнейшая.

Фашисты глубоко охватили оба фланга 62-й армии и вклинились в оборонительные позиции нашей 64-й. Создалась угроза прорыва противника на Сталинград с юго-запада. Генерал-лейтенант Чуйков сутками не смыкал глаз, появлялся на самых тяжелых участках боев, железной рукой наводил порядок и организованность в войсках.

Чего греха таить, некоторые не только бойцы, но и командиры в сложной обстановке того времени растерялись. Заходит как-то Василий Иванович к нам в разведотдел. Просит доложить данные о противнике, а начальник отдела оперирует устаревшими сведениями. Такое случилось уже не впервые. Чуйков вскипел, тут же отстранил не

оправдавшего доверия офицера от руководства. Приказал мне принять дела отдела.

К вечеру я добыл нужную информацию, оформил карту и не без робости переступил порог комнаты Василия Ивановича. Выслушал меня Чуйков, что-то прикинул в уме, вызвал своего шофера.

— Заправь баки горючим. Нам с Рыжовым большая поездка предстоит.

Так и екнуло у меня под ложечкой. Но командарм не проверять меня ехал. Просто обстановка подсказала, что следует отправляться на передний край. Там и впервые увидел, как говорится, в деле генерал-лейтенанта Чуйкова. На моих глазах он помогал командирам управлять частями, организовывая смелые контратаки, несколько раз сам брался за оружие.

На обратном пути Василий Иванович Чуйков как бы между прочим заметил:

— А ты, Рыжов, не робкого десятка. Орден Красной Звезды за что получил?

— За бои на Халхин-Голе. Тоже в разведке был.

— Тогда понятно. Руководи нашим разведотделом. Чаше проверяй и перепроверяй информацию о противнике. Ведь каждая ошибка большой крови стоит...

Несколько раз Чуйков оказывался на волоске от смерти. Вот уж судьба у человека! В тот сентябрьский день он находился на командном пункте 64-й армии. Обстановка была беспокойная. Противник вел непрерывные обстрелы, в небе висели его самолеты. Поэтому работа шла в небольшом блиндаже. Здесь была связь, отсюда шло управление войсками. То, что произошло дальше, Василий Иванович описал так:

Вдруг наш блиндаж будто подбросило вверх. Раздался оглушительный взрыв. Я не помню, как мы с Абрамовым¹ очутились на земле, а столы и табуретки оказались перевернутыми. Над нами было небо, затянутое пылью; летели комья земли и камни, кругом раздавались крики и стоны.

Когда пыль несколько рассеялась, мы увидели в 6—8 метрах от нашего блиндажа огромную воронку диаметром метров 12—15. Вокруг лежало несколько изуродованных трупов, валялись перевернутые автомашины, выведенная из строя радиостанция; проводная связь тоже оказалась нарушенной.

¹ *Константин Кирикович Абрамов* (1906—1952) — генерал-майор (1942), член Военного совета 64-й армии.

В другой раз при переезде на запасной командный пункт Чуйков попал под бомбежку немецких самолетов. Один из «Юнкерсов», отколовшись от основной группы, на бреющем полете начал охотиться за машиной Чуйкова. Похоже, немецкие летчики получали от этого удовольствие. Из пулемета они не стреляли, видимо, из-за того, что закончились патроны. Однако охота у асов Геринга не удалась. Увидев первую оторвавшуюся от самолета бомбу, Чуйков приказал водителю повернуть резко направо. «Виллис» на полном ходу круто развернулся градусов на девяносто. Пока бомба летела до земли, машина успела отъехать на безопасное расстояние. Всего немецкие летчики сбросили около двенадцати небольших бомб. Чуйков, водитель и адъютант остались целы и невредимы. Спас их не слепой случай, а выдержка и расчет.

Все эти месяцы гитлеровская авиация хозяйничала в небе. Она методично бомбила и обстреливала позиции советских войск, совершала налеты на железнодорожные станции, где шла разгрузка резервов, а также на направляющиеся к фронту маршевые колонны. В иные дни враг совершал до 3000 самолето-вылетов, сбрасывая сотни тонн смертоносного металла.

Целями фашистских летчиков также были многочисленные колонны беженцев. Нескончаемым потоком они тянулись по степным дорогам: женщины, дети, старики... За собой люди тащили тачки, повозки, коляски с домашним скарбом. Вместе с ними, поднимая облака пыли, шли гурты скота. Люди торопились к переправам через Волгу. По определению, немецкие летчики не могли спутать беженцев с колонной войск. Однако они сознательно творили свое кровавое дело, убивая мирных граждан.

В сентябре положение советских войск серьезно ухудшилось. Враг с диким упорством продвигался вперед, этому во многом способствовало его многократное превосходство в живой силе и технике. Наиболее значительным оно было в полосе 62-й армии: в живой силе — в 1,8 раза, в танках — почти вчетверо, в крупнокалиберной артиллерии — в 6 раз. Некоторые соединения в 64-й и 62-й армиях, имели в своем составе всего по 500—1000 человек, а в десяти танковых бригадах оставалось 146 танков. К сожалению, предпринятые в помощь защитникам города по приказу Ставки удары с северо-восточного направления армий Сталинградского фронта не достигли желаемого результата. Введенные в бой прямо с многокилометровых маршей

войска продвинуться или сбить противника с позиций и прорваться на юг, к городу, так и не смогли.

Двенадцатого сентября заместитель Верховного главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков и представитель Государственного комитета обороны Г.М. Маленков послали следующий документ в Ставку.

Москва, тов. Сталину.

...2. Начатое наступление 1, 24 и 66-й армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво. В проводимом наступлении, как об этом мы Вам доносили, участвуют все наличные силы и средства.

Соединение со сталинградцами не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском и авиационном отношении. Наша 1-я гв. армия, начавшая наступление первой, не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка ПТО и ПВО.

Обстановка под Сталинградом заставила нас ввести в дело 24-ю и 66-ю армии 5.9, не ожидая их полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Стрелковые дивизии вступали в бой прямо с пятидесятикилометрового марша.

Такое вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был взят противником.

3. Никаких других и неизвестных Ставке задач мы перед собой не ставим...

Именно 12 сентября, как пишет в своих воспоминаниях Чуйков, войска 62-й и 64-й армий под давлением превосходящих сил противника, несмотря на героическое сопротивление, вынуждены были отойти на рубеж, проходивший в 2—10 километрах от городских окраин. К этому времени противник в районе Купоросное вышел к Волге и изолировал 62-ю армию от остальных войск фронта. На 62-ю армию была возложена задача оборонять центральную часть Сталинграда и заводские районы. Ее фронт обороны проходил от правого берега Волги у поселка Рынок, через Орловку, восточнее Городища и Разгуляевки, опытная станция, железнодорожная станция Садовая, Купоросная. Максимальное расстояние от берега Волги у Орловки около 10 километров. С 13 сентября начались бои непосредственно за город.

За день до этого Чуйкова вызвали к командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику А.И. Еременко, которому в тот момент подчинялись войска и Сталинградского фронта. Он сразу был принят командующим и членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым. Чуйкову объявили, что его назначают командующим 62-й армией. Для Василия Ивановича это стало неожиданностью. Впрочем, обратимся к воспоминаниям Хрущева, будущего руководителя Советского Союза: «К этому времени у меня сложилось уже очень хорошее впечатление о Чуйкове. Мы позвонили Сталину. Он спросил: “Кого же вы рекомендуете назначить на 62-ю армию, которая будет непосредственно в городе?”. Говорю: “Василия Ивановича Чуйкова”. Его почему-то всегда называли по имени и отчеству, что было в рядах армии редко. Не знаю, почему так повелось. Сталин спрашивает: “А не пропьет он армию?”. Отвечаю: “Товарищ Сталин, я никогда не слышал, что он пьяница и может как-то пропить армию. Не знаю, откуда у вас такие сведения о Чуйкове. Чуйков себя очень хорошо показал как командующий отрядом, который он сам организовал. Думаю, что он и впредь будет хорошим организатором и хорошим командующим 62-й армией”. Сталин: “Хорошо, назначайте. Утвердим его”».

Так Чуйков стал командующим 62-й армией. Правда, приказ о его назначении датирован другим числом — 9 сентября. Видимо, Сталин сразу после разговора с Хрущевым дал команду включить фамилию Чуйкова в приказ. Теперь что касается слов вождя: «А не пропьет он армию?» Безусловно, Сталин был хорошо осведомлен о том, что из себя представляет тот или иной военачальник. Он знал их сильные и слабые стороны. Такого рода информацию Сталин получал от людей из своего окружения. Кто из них «настучал», что Чуйков выпивает, сейчас трудно сказать. Возможно, тот же Мехлис. Действительно, Василий Иванович выпивал, как и всякий русский человек. Но пьяницей никогда не был, о чем впоследствии свидетельствовали его ближайшие помощники. И здесь Хрущеву нужно отдать должное, что в разговоре со Сталиным он, по сути, защитил Чуйкова и поспособствовал его назначению командующим 62-й армией.

В то же время Хрущев не преминул бросить и камень в огород своего выдвиженца: «Чуйков был элегантно одет. Необычно, не так, как другие наши генералы одевались во время войны. Ходил со стеклом в руке. Производил впечат-

ление человека с претензией. Создалось не особенно-то приятное впечатление».

Что же это за элегантный вид был у Чуйкова? Автор повествования просмотрел десятки фотографий Чуйкова того периода. На большинстве из них Василий Иванович одет как раз в форму, которую носили наши генералы. Лишь на одной штабной фотограф запечатлел его в плаще. Человек гражданский, Хрушев не знал, что генералу по нормам вещевого довольствия полагался плащ. Как полагалась, к примеру, папаха. Так что Чуйков несколько не нарушил правила ношения формы одежды, которая ему, стройному и подтянутому, в отличие от низкорослого и полноватого Хрушева, всегда была к лицу. Что касается стека, то ходить с ним Василию Ивановичу, было просто удобнее, поскольку беспокоила старая рана на ноге, и трость служила дополнительной опорой.

Хрущеву также приписывают слова о том, что якобы генерал Чуйков воевал в белых перчатках. В действительности никаких белых перчаток не было и в помине, а были бинты. Дело в том, что у Василия Ивановича от нечеловеческого нервного напряжения руки и ноги покрывались кровотокающей экземой. Зуд не давал покоя, и медсестры ему каждый вечер промывали марганцовкой руки и ноги, делали перевязки бинтами. Этим воспалительным незаразным заболеванием кожи Чуйков страдал еще с Гражданской войны. Бывало, он неделями не надевал сапог. Ему приходилось носить сандалии с брюками навыпуск. Такое не совсем обычное обмундирование Чуйкова вызвало однажды взрыв негодования у комиссара дивизии.

— Что же это ты, голубчик, умудрился явиться в штаб дивизии как Петрушка с ярмарки? — набросился он на Чуйкова.

Чуйков, кроме словесного объяснения, был вынужден предъявить вещественные доказательства: он снял сандалии и показал комиссару бинты. Однако вернемся в штаб фронта.

Во время встречи с Еременко и Хрушевым Чуйков получил от них первые задачи. Суть их заключалась в следующем. Немцы любой ценой решили взять город. Отдать им Сталинград невозможно, отступать дальше нельзя и некуда. Командарм 62-й армии генерал А.И. Лопатин не сумел удержать дальние оборонительные рубежи на подступах к Сталинграду и считает, что и теперь армии не удастся отстоять город.

— А что вы думаете, товарищ Чуйков? — спросил Еременко.

Чуйков предвидел, что подобный вопрос ему обязательно зададут, поэтому с ответом не задержался:

— Город мы отдать врагу не можем, он нам, всему советскому народу, очень дорог... Будут приняты все меры, чтобы город не сдать. Сейчас ничего еще не прошу, но, изучив обстановку в городе, я обращусь к Военному совету с просьбой о помощи и прошу тогда мне помочь. Я приму все меры к удержанию города и клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там погибнем.

Вечером 12 сентября Чуйков на пароме переправился на правый берег Волги, где находился штаб 62-й армии. С ним было несколько его ближайших помощников. Первое, что бросилось Василию Ивановичу в глаза, это разрушенные здания, остовы печных труб от сгоревших домов. И ни одного листочка на обгорелых деревьях... Создавалось впечатление, что это был мертвый город. Однако город жил, сражался...

Командный пункт располагался на Мамаевом кургане или, выражаясь военной лексикой, на высоте 102,0. Поднимаясь туда пешком по одной из троп, Василий Иванович не мог и предположить, что Мамаев курган станет главным звеном в общей системе обороны Сталинградского фронта, что здесь, на маленьком клочке земли, не останется ни одного живого места, не взрытого снарядами и бомбами.

На командном пункте Чуйкова встретили начальник штаба армии генерал-майор Н.И. Крылов и член Военного совета дивизионный комиссар К.А. Гуров, которые доложили ему сложившуюся на тот момент обстановку. К слову сказать, оба этих военачальника сыграли огромную роль в организации боевых действий 62-й армии.

Особенно хорошие отношения у Чуйкова сложились с Н.И. Крыловым, будущим дважды Героем Советского Союза, маршалом Советского Союза, главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. «Назначение В.И. Чуйкова командармом, а Н. И. Крылова — начальником штаба... полностью себя оправдало, — написал об их отношениях маршал Советского Союза А.М. Василевский. — Сработались они отлично. Причём возглавляемый Крыловым штаб внёс чрезвычайно много нового в практику боевого управления войсками, сражавшимися в сложнейшей, часто совершенно необычной обстановке».

Сама же Чуйков о Крылове отзывался так: «С Николаем

Ивановичем Крыловым мы были неразлучны весь период боёв в Сталинграде, — вспоминал Чуйков. — Он был начальником штаба армии и моим первым заместителем. За весь этот период мы хорошо узнали друг друга, и в оценке событий в самой сложной обстановке у нас не было расхождений. Николай Иванович умел подхватывать решения и так четко проводить их в жизнь, что подчиненные командиры и штабы в разговорах с ним всегда чувствовали решение Военного Совета. Я особенно уважал и ценил боевой опыт Николая Ивановича, полученный им в период обороны Одессы и Севастополя. Его знание противника, даже отдельных видных генералов, его опыт организации обороны в городе были неоценимы в боях за Сталинград».

В первые часы пребывания на КП Чуйков сразу проявил свой командирский характер. Впрочем, в этом ничего не было удивительного. Строгость, жесткость Василию Ивановичу были присущи всегда. Узнав, что командир танкового корпуса самовольно перенес свой КП на берег Волги, оказавшись позади КП армии, Чуйков тут же приказал ему и комиссару немедленно явиться на Мамаев курган. Когда они прибыли, в блиндаже уже находились начальник штаба армии генерал-майор Н.И. Крылов, дивизионный комиссар К.А. Гуров, другие офицеры штаба. В их присутствии Чуйков в достаточно резкой форме спросил у генерала — командира танкового корпуса:

— Как вы, советский генерал, будучи начальником боевого участка, будете смотреть на то, если ваши подчиненные командиры и штабы отойдут без вашего разрешения в тыл? Как вы расцениваете свой поступок с точки зрения выполнения приказа № 227 народного комиссара обороны — самовольный перенос командного пункта соединения в тыл командного пункта армии? Вы что под расстрел захотели?

Командир корпуса попытался было оправдаться, что к этому его вынудили минометный огонь немцев, потери в людях, неустойчивость подчиненных ему частей и ряд других причин. Однако эти доводы на Чуйкова не действовали. Он заявил генералу и дивизионному комиссару о том, что расценивает их поступок как дезертирство с поля боя и приказал им к 4 часам 13 сентября быть с командным пунктом на высоте 107,5. Вне всякого сомнения, генерал и дивизионный комиссар сделали правильные выводы.

Тем не менее без крайних мер все-таки не обошлось. Обратимся к стенограмме беседы Чуйкова в январе 1943 года

с сотрудником Академии наук СССР А.А. Белкиным. Вот что он тогда сказал: «Мы сразу приняли самые жесткие меры в отношении трусов. 14 числа я расстрелял командира и комиссара одного полка, через некоторое время расстрелял двух командиров бригад с комиссарами. Сразу все стало на свои места. Довели это до сведения всех бойцов, а командиров в особенности. Если кто идет к Волге, говорят: штаб армии впереди. Они — назад, по своим местам. Уйти я сам за Волгу, меня бы расстреляли на той стороне и вправе были это сделать. Обстановка диктовала, что так нужно было поступать. 227-й приказ обязывал. Ни шагу назад!»

Понятно, что Чуйков образно сказал. Лично он не расстреливал трусов, дезертиров и предателей. Для этого был военный трибунал, он выносил приговоры, в соответствии с которыми провинившиеся несли то или иное наказание. Одних расстреливали, других — отправляли искупать вину в штрафные батальоны. Все зависело от степени тяжести совершенного ими преступления.

«Суров был генерал, очень суров, — писал о Чуйкове в своих воспоминаниях “Сталинградский рубеж”» уже знакомый читателю Н.И. Крылов. — Под горячую руку мог запросто выбить зубы начштаба дивизии за не понравившийся доклад. “В горящем городе мы не можем позволить себе гауптвахту”, — говорил Чуйков».

Что из себя представляла на тот момент 62-я армия, в командование которой вступил Чуйков? В его воспоминаниях приводятся следующие данные. Количество дивизий и бригад, входивших в состав 62-й армии, не дает правильного и полного представления о численном составе и силе ее войск. Например, одна танковая бригада утром 14 сентября имела только один танк, две другие танковые бригады оказались вовсе без танков и вскоре были переправлены на левый берег на формирование. Сводный отряд из разных бригад и дивизий вечером 14 сентября имел в своем составе около 200 штыков, то есть меньше одного штатного батальона; численность соседней с ним 244-й стрелковой дивизии полковника Г.А. Афанасьева не превышала 1500 человек, а штыков в дивизии было не больше одного штатного батальона; 42-я стрелковая бригада имела 666 человек, а штыков — не более двухсот; 35-я гвардейская дивизия полковника В.П. Дубянского на левом фланге — не более 250 штыков. Другие соединения и части были такого же состава. 23-й танковый корпус под командованием генера-

ла А. Ф. Попова в своих бригадах имел 40—50 танков, из которых процентов 30 были подбиты, использовались как огневые точки. Лишь одна 10-я стрелковая дивизия войск НКВД полковника А.А. Сараева да три отдельные стрелковые бригады были укомплектованы более или менее нормально.

62-я армия не имела локтевой связи с соседями справа и слева. Наши фланги упирались в Волгу. Если немцы могли совершать в сутки от 1000 до 3000 самолето-вылетов, то наша авиация не могла работать также интенсивно и ответить им даже одной десятой самолето-вылетов.

Как видим, наличие сил далеко не соответствовало громкому названию армия. Тогда как против ее войск наступали полнокровные части 6-й полевой и несколько дивизий 4-й танковой армии противника. Отдельные немецкие части вышли к Волге севернее поселка Рынок и южнее города, у Купоросного. 62-я армия была плотно прижата к Волге с фронта и флангов мощной подковой немецко-фашистских войск.

Вся эта немецкая группировка, наступавшая против 62-й армии, поддерживалась 4-м воздушным флотом, в котором было около тысячи действующих самолетов всех типов.

Чуйков, как опытный командир, хорошо понимал, что любая военная структура начинается с дисциплины и порядка, с умелой организации ее действий в обороне или наступлении. Поэтому Военным советом армии сразу же был принят ряд неотложных решений. Вот основные:

1. В первую очередь укрепить настроение среди личного состава в том, что отступать больше нельзя, некуда, что враг должен быть разбит. Бой за город, как за последний рубеж, должен быть беспощадным для противника, и мы, советские воины, по зову партии и по приказу народа должны отстоять его или умереть. Третьего пути у нас нет. Довести это решение до всего личного состава, опираясь на партийные и комсомольские организации.

2. На больших предприятиях города создать из рабочих и служащих вооруженные отряды, которые могли бы совместно с войсками армии и даже без них оборонять эти фабрики и заводы. Дать им оружие и другое снаряжение наравне с войсками.

3. Запретить какой-либо самовольный отход с занимаемых позиций без ведома командующего армией и начальника штаба.

4. Штабу армии оставаться на правом берегу, в Сталинграде, и на левый берег или на острова ни в коем случае не уходить.

Одновременно началось реформирование некоторых частей армии. Разрозненные и понесшие большие потери части и подразделения объединялись в новые соединения. Кроме того, с разрешения командования фронта КП армии был перенесен в балку реки Царица. Обусловлено это было тем, что в условиях непрерывных бомбежек, обстрелов и постоянного нарушения связи управлять войсками становилось все труднее. На Мамаевом кургане оставили армейский наблюдательный пункт.

С каждым часом обстановка становилась еще более критической. 62-я армия остро нуждалась в срочном усилении свежими силами. На 13 сентября максимальное расстояние, отделяющее противника от Волги, было не более 10 километров, а сам Сталинград, вытянувшись вдоль реки на 50 километров, имел максимальную ширину около пяти километров. Чтобы захватить Сталинград и, главное, его заводскую северную часть, противнику достаточно было с боем пройти всего лишь 10 километров и сбросить 62-ю армию в реку.

Г.К. Жуков, являвшийся в тот период представителем Ставки на Сталинградском фронте, впоследствии написал в своей книге «Воспоминания и размышления»: «13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше».

В свою очередь Чуйков точно охарактеризовал предстоящий этап боев за Сталинград: «13 сентября 1942 года было началом периода самого кровопролитного, самого упорного сражения, которое вошло в историю как “оборона Сталинграда”, длившаяся до 19 ноября, то есть до перехода советских войск в контрнаступление. Это сражение для войск, оборонявших Сталинград, особенно для войск 62-й армии, было непрерывной смертельной схваткой, без оперативных пауз и без ночных затиший как с той, так и с другой стороны. Оборона 62-й армии не была ни на минуту пассивной, это была атакующая оборона, которая не давала передышки наступающему противнику».

Действительно, с 13 сентября для Чуйкова и его подчиненных началось новое сражение за Сталинград. Только в условиях города. Каждый общевойсковой командир знает, что бой в городе — это один из самых сложных видов боя. Большая плотность искусственных сооружений, которые образуют улицы, кварталы, переулки, тупики, промышленные зоны, создают трудности для ведения боевых действий. Здесь другая тактика, иные приемы боя. Ни бойцы, ни командиры 62-й армии не имели опыта боев в городе. Да и у противника он отсутствовал. Опыт приобретался непосредственно в ходе боев.

На рассвете 14 сентября Чуйков, имевшимися в наличии силами, провел контратаку. Действовали по суворовскому принципу: «Удивить — значит победить». Контратака была нужна для того, чтобы расстроить планы врага, выиграть время, укрепить оборону центра и переправы, через которые с часу на час должна была переправиться долгожданная помощь — 13-я гвардейская стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Родимцева. Контратака имела определенный успех. Планы гитлеровцев на какое-то время были сорваны, они потеряли инициативу.

Однако в полдень противник оправился и нанес ответный удар, бросив в бой большие массы пехоты и танков и начал теснить советские войска. Удар был исключительной силы. В общей сложности штурм вели семь пехотных дивизий и сотни танков. Немцы, несмотря на потери, лезли буквально напролом. Колонны пехоты на машинах и танки прорвались в центр города, вышли к вокзалу Сталинград-1. Гитлеровцы захватили несколько крупных зданий, откуда они получили возможность обстреливать центральную переправу через Волгу. Захватчики чуть ли не праздновали победу. Они спрыгивали с машин, играли на губных гармошках, бешено орали и плясали на тротуарах.

Кроме того, противник вплотную подошел к Мамаеву кургану. Находившийся там армейский наблюдательный пункт был разрушен бомбами. Вскоре пришлось оставить и эту стратегически важную высоту. Удержать ее уже не было никаких сил, поскольку на каждого красноармейца наступало десять фашистов, на каждый советский танк шло десять вражеских, на каждый краснозвездный самолет приходилось десять «Мессеров» или «Юнкерсов»... Бой уже шел в 800 метрах от командного пункта штаба армии.

Некоторые историки утверждают, что в великих сражениях у выдающихся полководцев нередко не хватало только одного батальона, чтобы добиться решающей победы. Чуйков никогда не причислял себя к великим полководцам, даже став маршалом Советского Союза. В тот драматический день, 14 сентября, ему, командующему армией, еле стоявшему на ногах от усталости, охрипшему, пропитанному гарью, как раз не хватало того самого батальона. Но пока не для победы, а для того, чтобы выстоять любой ценой. И он этого «батальона» дождался. На помощь Чуйкову пришла 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Родимцева.

В ночь на 15 сентября первые полки дивизии начали переправу в центральную часть Сталинграда. Родимцев лично руководил погрузкой бойцов и вооружения на катера, баржи, плоты. Переправа проходила под непрерывным огнем гитлеровцев. Ветеран дивизии полковник в отставке И.А. Самчук вспоминал о переправе головного отряда:

В сумерки батальон подошел к переправе. Отсюда отчетливо виден горящий город, содрогающийся от разрывов бомб. На фоне огромного зарева четко вырисовываются силуэты разбитых зданий... Вот к причалу подходят два катера. Противник заметил их и открыл ураганный огонь. Посадка невозможна, и катера уходят чуть ниже по течению. Однако это не меняет положения, обстрел не прекращается.

Тогда командир батальона принимает решение произвести посадку личного состава под огнем. И вот уже первый катер идет к правому берегу. Вокруг рвутся снаряды и мины, поднимая огромные водяные столбы. Кажется, что в Волге кипит вода... При подходе к причалу центральной переправы к катеру потянулись длинные очереди трассирующих пуль. Открыли огонь вражеские автоматчики и пулеметчики... Катер замедляет ход и начинает разворачиваться.

Гвардейцы, не дожидаясь швартовки, прыгают в воду, быстро преодолевают мелководье и завязывают бой на берегу. В результате ожесточенного боя, часто переходившего в рукопашную схватку, бойцы передового отряда выбили противника с береговой полосы.

Переправа шла всю ночь. Штаб дивизии во главе с Родимцевым переправился, когда стало уже совсем светло — около 10 часов утра. К этому моменту передовой батальон уже вел бой за здание вокзала. В бой вступили и полки дивизии. Задача, поставленная Чуйковым дивизии Родимцева, гласила: 39-му гвардейскому стрелковому пол-

Заместитель
командующего
64-й армией
генерал-лейтенант
В. И. Чуйков. 1942 г.

Беженцы
из Сталинграда. 1942 г.

Командующий 64-й армией
генерал-лейтенант М. С. Шумилов

Командующий войсками
Сталинградского фронта генерал-
полковник А. И. Еременко

Сталинград отстоим!

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков. 1942 г.

Командный пункт 62-й армии (слева направо): начальник штаба Н. И. Крылов, командарм В. И. Чуйков, член Военного совета К. А. Гуров, командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии А. И. Родимцев. 1942 г.

Командующий 6-й
полевой армией генерал-
фельдмаршал Фридрих
Паулюс

Немецкие пехотинцы
в районе завода «Красный
Октябрь». 1942 г.

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков со своими бойцами. 1942 г.

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков беседует с легендарным снайпером Василием Зайцевым. 1942 г.

Вручение гвардейского знамени 39-й стрелковой дивизии.
 Слева направо: командующий 62-й армией В. И. Чуйков, член
 Военного совета армии К. А. Гуров, комиссар дивизии Ф. Ф. Чернышев,
 командир дивизии С. С. Гурьев. *Сталинград, 1942 г.*

Атакуют бойцы-сталинградцы

Герой Советского
Союза Я. Ф. Павлов.
Послевоенное фото

Знаменитый на весь мир
Дом Павлова

Враг разгромлен. Сталинград, 2 февраля 1943 г.

Сталинград стал для солдат, офицеров и генералов вермахта крахом.
Февраль 1943 г.

Командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков на рекогносцировке местности перед наступлением. 3-й Украинский фронт, 1943 г.

Командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков показывает на карте направление главного удара. 1944 г.

Советские воины штурмуют Берлин. *Апрель 1945 г.*

Участник парада Победы гвардии генерал-полковник В. И. Чуйков.
Город Москва, 24 июня 1945 г.

В. И. Чуйков с супругой Валентиной Петровной на Парижской мирной конференции. *Париж, 1946 г.*

В. И. Чуйков с первым президентом ГДР Вильгельмом Пиком.
Германия, 1950 г.

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и В. И. Чуйков на праздновании 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. 1967 г.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев вручает орден Ленина В. И. Чуйкову. *Февраль 1978 г.*

В. И. Чуйков в издательстве «Молодая гвардия». 1976 г.

Золотая свадьба Василия Ивановича и Валентины Петровны. Сидят: сын Александр, супруги Чуйковы. Во втором ряду стоят слева направо: внук Василий, дочери Ирина и Нинель с мужьями. 1976 г.

Внук прославленного маршала Николай Владимирович Чуйков — хранитель памяти о своем деде

Мемориальный дом-музей В. И. Чуйкова. *Поселок Серебряные Пруды, Московская область*

Могила маршала Советского Союза В. И. Чуйкова на Мамаевом кургане в г. Волгограде

ку овладеть высотой 102,0, а двум другим — 42-му и 34-му очистить город по реке Царица...

Гвардейцы решительно атаковали засевших в зданиях гитлеровцев. Их удар оказался совершенно неожиданным. Закипели ожесточенные схватки. В течение дня вокзал четыре раза переходил из рук в руки. В результате он остался за советскими воинами. Немцы также были выбиты из центра. В ответ противник бросил против гвардейцев до двух пехотных дивизий. Но они отважно отбивали атаки, сами осуществляли наступательные действия. Вот как охарактеризовал события тех трех осенних дней Чуйков:

В боях 15 сентября противник потерял только убитыми свыше 2 тысяч человек. Раненых всегда бывает в три-четыре раза больше. В общей сложности за 14—15 сентября немцы потеряли 8—10 тысяч человек и 54 сожженных танка. Наши части тоже понесли большие потери в живой силе и технике и отошли. Когда я говорю: “Части понесли большие потери и отошли”, — это не значит, что люди отходили организованно, с одного рубежа обороны на другой. Это значит, что наши бойцы (даже не подразделения) выползали из-под немецких танков, чаще всего раненые, на следующий рубеж, где их принимали, объединяли в подразделения, снабжали главным образом боеприпасами и снова бросали в бой.

Вскоре гитлеровцы поняли, что город нахрапом не возьмешь, что кусается он очень больно. В дальнейшем они стали действовать осмотрительнее: атаки подготавливали тщательно и в бой шли уже без гармошек, без песен и плясок...

Бои 13, 14 и 15 сентября в самом городе показали, что истребление захватчиков в развалинах города идет значительно успешнее, нежели в степях между Волгой и Доном.

Несмотря на большое превосходство в силах, враг несет неизмеримо большие потери при наступлении по узким улицам и развалинам домов, часто не видя, откуда по нему ведет огонь и где его поджидает смерть.

— Земля у Волги, на улицах города, в садах и парках стала скользкой от крови, и гитлеровцы скользят по ней, как по наклонной, к своей гибели, — говорили защитники города.

Наши бойцы и командиры знали, что отходить некуда и нельзя, и, главное, они поняли, что захватчиков можно бить, что они не бронированы, что наши пулеметы и автоматы очень хорошо прошивают их насквозь. Бронебойщики не боялись подпускать немецкие танки на 50—100 метров и наверняка поражали их.

Гвардейцы Родимцева очистили от врага Мамаев курган 16 сентября. Это сделали в ходе решительного штурма два батальона 39-го гвардейского стрелкового полка гвардии майора С.С. Долгова при участии сводного полка 112-й стрелковой дивизии. С этого дня вплоть до конца января 1943 года Мамаев курган стал символом неслыханного героизма советских солдат, его подступы превратились в место кровопролитных, ожесточенных боев. Достаточно сказать, что в первые же часы после взятия высоты, гвардейцы выдержали свыше 800 самолето-вылетов, отбили шесть атак, которые осуществляли гитлеровцы силами до двух пехотных полков и сорока танков.

Спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны Чуйков подарил свою только что вышедшую в «Военном издательстве» книгу «Сражение века» Александру Ивановичу Родимцеву, дважды Герою Советского Союза, генерал-полковнику. На титульном листе маршал написал: «...Если бы не твоя 13-я гвардейская дивизия, то трудно сказать, что было бы в середине сентября 1942 года». Василий Иванович нисколько не покривил душой. Именно перелом в те тяжелые и, как многим казалось, последние для защитников Сталинграда часы был создан гвардейцами генерала Родимцева.

Чуйков очень уважал и ценил Родимцева. Уже после их первой встречи Василий Иванович отметил, что Родимцев «смекалистый, волевой, уверенный в себе и в своих людях командир. Добрый к друзьям и непримиримый к врагам своего народа. Простодушный, сердечный, кремень, хоть огонь высекай». Звезда Героя Советского Союза на гимнастерке комдива, полученная им за Испанию, также о многом говорила.

В свою очередь Александр Иванович Родимцев оставил о своем командаре такие воспоминания:

Впервые я познакомился с Василием Ивановичем Чуйковым в Сталинграде. К моменту переброски нашей дивизии через Волгу 62-я армия оказалась обескровленной — все ее соединения и части в упорных боях понесли большие потери...

Во время знакомства, постановки боевой задачи я отметил про себя, что командарм не робкого десятка человек, обладает большой военной эрудицией, очень волевой и решительный. В конце нашего разговора он поднялся со стула, в упор глядя на меня, спросил:

— Как, товарищ Родимцев, выполните задачу? Не пропустят гвардейцы врага к Волге?

— Уходить из Сталинграда не собираюсь и не уйду. Так же думают все бойцы, командиры и политработники дивизии.

— Хорошо. Тогда за дело!

Сто сорок дней стояли насмерть наши гвардейцы у стен Сталинграда, перемалывая живую силу и боевую технику врага. Все это время я постоянно держал связь с командармом, видел Василия Ивановича и в минуты гнева, и в короткие мгновения радости.

Умел Василий Иванович в ходе короткой беседы точно определить деловые качества человека, увидеть в нем перспективного командира. И вообще наш командарм любил бывать среди воинов, выслушивать их нужды, старался немедленно обеспечивать войска всем необходимым. Но уж слишком не любил он трусов, терпеть не мог маловеров и паникеров.

За свою жизнь мне довелось много воевать. Видел я и по-настоящему отважных людей. Но Василий Иванович Чуйков — храбрейший среди храбрых и наивысшего мужества полководец. Но сгоряча мог «отмерить» на полную катушку.

Бойцы дивизии Родимцева бились насмерть, отстаивая каждую улицу, дом, квартиру. Сам Александр Иванович, вспоминая бои за Сталинград, назвал самым трудным бой, который был 22 сентября. Об этом он так написал в своей книге мемуаров «Гвардейцы стояли насмерть»:

Бой, развернувшийся ранним утром 22 сентября на участке дивизии, по напряжённости и потерям превзошёл все предыдущие бои, которые пришлось вести гвардейцам в городе... Под непрерывным обстрелом, под бомбовыми ударами гвардейцы бились насмерть, отстаивая каждую улицу, дом, квартиру. Повсюду то и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки.

Это поистине был ад. Я побывал не в одном сражении, но в такой схватке мне довелось участвовать впервые. В этом бою, который даже ветеранов поразил своей ожесточенностью, гвардейцы проявляли чудеса выдержки и героизма. Главный удар гитлеровцы нацелили в стык двух полков, чтобы разрезать нашу дивизию и уничтожить её по частям.

И вот пришёл момент, когда на одном из участков обороны погибли почти все бойцы и командиры. Пятнадцать вражеских танков и около двухсот автоматчиков прорвались в образовавшуюся брешь и вышли к Волге. Почти одновременно фашисты добились успеха на левом фланге в районе площади 9 Января. Момент был критический. Воз-

ника реальная угроза окружения 34-го полка и разобщения сил дивизии. На помощь бросили мои резервы — сводный батальон, собранный из подразделений тыла дивизии. Прорыв ликвидировали.

В тот день части и подразделения дивизии отразили 12 танковых атак. Небывалая стойкость защитников Сталинграда срывала все планы и расчеты Паулюса, штаб которого в отличие от штабов Чуйкова и Родимцева, находился в нескольких десятках километров от развернувшихся сражений.

— Когда же Сталинград будет взят? — допытывались у Паулюса дотошные немецкие репортеры, прилетевшие специально из Берлина для освещения этого незабываемого для Великой Германии события — падения Сталинграда.

— Теперь в любой момент, — все еще бодро отвечал Паулюс, хотя суровая задумчивость уже отпечаталась на его лице.

По свидетельству историков, в те сентябрьские дни в Германии были даже отпечатаны тиражи некоторых газет с кричащим заголовком на первой полосе «Сталинград пал!». Однако доставку тиража подписчикам и в киоски отложили, так как из штаба Паулюса не получили в Берлине ожидаемого радостного известия.

Сталинград стоял твердой глыбой, которую невозможно было разрушить ни тяжелыми и огнемётными танками, ни шестиствольными минометами, ни армадами пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами... Этой глыбой являлись русские солдаты. Для них героизм стал бытом, сделался будничной, каждодневной привычкой. На вопли немцев, грозивших им из развалин соседних зданий и кричавших «Эй, рус, скоро буль-буль у Вольга, сдавайся!», они не жалели матерных слов, которых, как известно, в избытке в русском языке. С этими непечатными словами защитники Сталинграда били врага.

Вот рассказ бывшего командира пулеметного взвода 92-й морской стрелковой бригады А. Хозяинова:

Наша бригада североморцев переправилась через реку в ночь на 17 сентября и уже на рассвете вступила в бой с фашистскими захватчиками... Помню, как в ночь на 18 сентября, после жаркого боя, меня вызвали на командный пункт батальона и дали приказ добраться с пулеметным взводом до элеватора и вместе с оборонявшимся там подразделе-

нием удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Той же ночью мы достигли указанного нам пункта и представились начальнику гарнизона. В это же время элеватор оборонялся батальоном гвардейцев численностью не более 30—35 человек вместе с тяжело и легко ранеными, которых не успели еще отправить в тыл...

18-го на рассвете с южной стороны элеватора появился фашистский танк с белым флагом. «Что случилось?» — подумали мы. Из танка показались двое: один — фашистский офицер, другой — переводчик. Офицер через переводчика начал уговаривать нас, чтобы мы сдались «доблестной» немецкой армии, так как оборона бесполезна и нам больше не следует тут сидеть «Освободите скорее элеватор, — уверещевал нас гитлеровец. — В случае отказа пощады не будет. Через час начнем бомбить и раздавим вас». Мы тут же дали короткий ответ фашистскому лейтенанту: «Передай по радио всем фашистам, чтобы катились на легком катере... к боговой матери... А парламентареры могут отправляться обратно, но только пешком».

Фашистский танк попытался было ретироваться, но тут же залпом двух наших противотанковых ружей был остановлен. Вскоре с южной и с западной сторон в атаку на элеватор пошли танки и пехота противника численностью примерно раз в десять сильнее нас. За первой отбитой атакой началась вторая, за ней — третья, а над элеватором висела «рама» — самолет-разведчик. Он корректировал огонь и сообщал обстановку в нашем районе. Всего 18 сентября было отбито девять атак.

В элеваторе горела пшеница, в пулеметах вода испарялась, раненые просили пить, но воды близко не было. Так мы отбивались трое суток — день и ночь. Жара, дым, жажда, у всех потрескались губы. Днем многие из нас забирались на верхние точки элеватора и оттуда вели огонь по фашистам, а на ночь спускались вниз и занимали круговую оборону. Наша радиостанция в первый же день боя вышла из строя. Мы лишились связи со своими частями.

Но вот наступило 20 сентября. В полдень с южной и западной сторон элеватора подошло 12 вражеских танков. Противотанковые ружья у нас были уже без боеприпасов, гранат также не осталось ни одной. Танки подошли к элеватору с двух сторон и начали почти в упор расстреливать наш гарнизон.

Однако никто не дрогнул. Из пулеметов и автоматов мы били по пехоте, не давая ей ворваться внутрь элеватора. Но вот снарядом разорвало «максим» вместе с пулеметчиком, а в другом отсеке осколком пробило кожух второго «максима» и погнуло ствол. Оставался один ручной пулемет. От взрыва в куски разлетелся бетон, пшеница горела. В пыли и

дыму мы не видели друг друга, но ободряли криками: «Ура! Полундра!»

Вскоре из-за танков появились фашистские автоматчики. Их было около 150—200. В атаку шли они очень осторожно, бросая впереди себя гранаты. Нам удавалось подхватывать гранаты на лету и швырять их обратно. При каждом приближении фашистов к стенам элеватора мы по уговору все кричали: «Ура! Вперед! За Родину! За Сталина!...».

Неприступной крепостью стал для немцев четырехэтажный дом на Советской улице, вошедший в историю как Дом Павлова. Здесь плечом к плечу воевали воины разных национальностей — русские, украинцы, белорусы, татары, грузины, евреи, казахи, узбеки... Все они являлись бойцами 7-й стрелковой роты 42-го гвардейского полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Командовал ими гвардии сержант Яков Павлов. Никто из них не считал, сколько атак они выдержали, защищая этот дом. Но взять его гитлеровцы не смогли до самого конца сталинградских боев. 58 дней сражался дом Павлова. Это больше, чем оборонялись войска некоторых стран Европы. Достаточно вспомнить, что всего за 28 дней немцами была завоевана Польша. 36 дней потребовалось гитлеровцам, чтобы разгромить бельгийские, голландские, основную часть французских и британские экспедиционные войска и без боя войти в Париж.

За проявленные мужество и героизм гвардии сержант Я.Ф. Павлов был удостоен звания Героя Советского Союза. Ордена и медали получили и его подчиненные.

Таких упорно оборонявшихся объектов, по воспоминаниям Чуйкова, в городе были десятки и сотни; внутри них с переменным успехом неделями шла борьба за каждую комнату, за каждый выступ, за каждый лестничный пролет. Бои не стихали ни одну минуту. Враг упорно, невзирая на огромные потери, во что бы то ни стало пытался взять город. Состояние гитлеровцев можно было понять: позади тысячи километров, а ныне они не могут продвинуться вперед даже на десяток метров...

Наравне с мужчинами Сталинград мужественно защищали женщины. Например, в Сталинградском корпусе противовоздушной обороны в боевых расчетах, будь то у зенитных орудий или у прожекторных установок, большинство составляли женщины. В один из осенних дней Чуйков встретился с орудийным расчетом, в котором было пять еще совсем юных, но уже закаленных боями отваж-

ных девушек. Василию Ивановичу особенно запомнилось грустное лицо белокурой наводчицы, которая, ведя огонь по девятке фашистских пикировщиков, сбила только один самолет, тогда как, по мнению ее подруг, можно было сбить два-три самолета. Чуйков вспоминал:

И подразделения связи 62-й армии в основном были укомплектованы девушками. Если их посылали на промежуточный пункт связи, то можно было быть уверенным, что связь будет обеспечена. Пусть по этому пункту бьют артиллерия и минометы, пусть на него сыплются бомбы с самолетов, пусть этот пункт окружают враги — женщины без приказа не уйдут, даже если им угрожает смерть.

Мне известен случай, когда на промежуточном пункте в районе разъезда Басаргино осталась только одна девушка-связистка Надя Клименко. Когда все ее подруги были убиты или ранены, Клименко не ушла с поста и до последней минуты докладывала обо всем, что происходит на поле боя.

Вот ее последний доклад на узел связи армии:

«Около пункта наших людей нет, я осталась одна, вокруг рвутся снаряды... Вижу, правее меня двигаются танки с крестами на броне, за ними идут пехотинцы... Мне уходить уже нельзя — все равно пристрелят, — буду информировать. Слушайте... К моему пункту подходит танк, из него вылезают двое... Эти двое осматриваются кругом — они, кажется, офицеры, — направляются ко мне. Мое сердце замирает от страха, что-то будет...»

На этом передача оборвалась.

Как-то бойцы одной из частей армии Чуйкова подобрали среди развалин дневник рядового солдата 94-й немецкой пехотной дивизии Гофмана. Из записей видно, как менялось настроение гитлеровского вояки, мечтавшего поплескаться в серебристых водах Волги:

29 июля. «Выйти на Волгу и взять Сталинград для наших армий не такое уж сложное дело. Фюрер знает, где у русских слабое место, победа близка».

2 августа. «Какие большие просторы занимают Советы, какие богатые поля можно иметь здесь после войны! Лишь бы скорее ее закончить. Верно, фюрер доведет дело до конца».

4 сентября. «Уже виден дымящийся город. Радостно на душе — приближается конец войны. Так говорят все».

11 сентября. «Куда ни посмотришь — огонь, пожары. Русские пушки и пулеметы стреляют из горящего города. Фаталисты-фанатики».

13 сентября. «Русские дерутся с отчаянием диких зверей, в плен не идут, а подпускают близко и потом забрасывают гранатами».

16 сентября. «Наш батальон с танками наступает на элеватор, из которого валит дым, — там горит хлеб, его, кажется, подожгли сами русские: варварство. Батальон несет большие потери. В ротах осталось не более 60 человек. В элеваторе засели не люди, а черти, которых не берут ни огонь, ни пули».

18 сентября. «Идет бой в элеваторе. Там русские смертники, командир батальона говорит: «Этим смертникам комиссары приказали умереть в элеваторе». Если все дома в Сталинграде будут так обороняться, то из наших солдат никто не вернется в Германию».

22 сентября. «Соппротивление русских в здании элеватора сломлено. Наши вышли к Волге. В здании элеватора найдено около 40 трупов русских. Среди них половина в морской форме — морские дьяволы. Захвачен один пленный, тяжело раненный, который не может говорить или притворяется. Весь наш батальон по численности меньше штабной роты».

26 сентября. «После взятия элеватора русские сопротивляются с таким же упорством. Их совсем не видно, они засели в домах и подвалах и бьют со всех сторон, в том числе и с тыла — варвары, пользуются бандитскими приемами. В кварталах, занятых два дня тому назад, откуда-то появились русские солдаты, и бой разгорелся с новой силой. Наши люди гибнут не только на передовой линии, но и в тыловых, уже занятых кварталах... Сталинград — это ад!»

А вот откровение офицера вермахта Гельмута Вельца. В своей книге «Солдаты, которых предали» он пишет:

На центральном участке целыми днями идут бои с целью прорыва в город с запада. Упорно, невероятно упорно сопротивление сталинградцев. Бой идет даже не за улицы, не за кварталы. Отстаивается каждый подвал, каждая ступенька. Целый день ведется сражение за одну-единственную лестничную клетку. Ручные гранаты летят из комнаты в комнату. Вот мы уже, кажется, захватили этот этаж, он твердо в наших руках, но нет, противник получил по горящим крышам подкрепление, и снова разыгрывается ближний бой.

Артиллерия и эскадры бомбардировщиков превращают город в груды камня, на жилые дома и заводы непрерывно обрушивается ураганный огонь. Пятьдесят немецких сол-

дат штурмуют ближайший дом. Через несколько часов он взят, но двадцать из них убиты. Еще два дома — и последний уцелевший солдат, хрипя, зовет на помощь. Да, Сталинград пожирает немецких солдат. Каждый метр стоит жизнью.

В бой бросают все новые и новые батальоны, а уже на следующий день от них остается какой-нибудь взвод. Медленно, очень медленно продвигаются вперед дивизии через развалины и груды щебня. В отдельных местах они уже достигли Волги. Но солдаты, из последних сил цепляющиеся за еще сохранившиеся стены домов, с огромным трудом удерживают столь тяжело доставшиеся им позиции. Проводятся замены, подбрасываются небольшие подкрепления, но для решающего штурма сил не хватает. Нужны пополнения, пополнения и еще раз пополнения! Командиры пишут запросы, пытаются добиться лично. Но подкреплений нет. Ждите. А в это время противник укрепляет свои позиции.

Смерть караулила немцев повсюду. Куда бы они не сошлись, везде получали достойный отпор. Как уже было сказано, бой в городе — один из самых сложных видов боя. Бойцы и командиры 62-й армии оказались к нему лучше готовы, чем немцы. И во многом благодаря тому, что Чуйков «внедрил» новые формы тактики.

В частности, уже в конце сентября по его приказанию во всех полках были созданы штурмовые группы. Воевать было тесно. Вести бой большими подразделениями зачастую было просто невозможно. А мелкими группами, как говорится, в самый раз. Малые по численности, сильные ударом, неотразимые в действии и изворотливые, как змеи — так называл эти подразделения Чуйков.

В состав штурмовых групп, помимо автоматчиков, включались истребители танков, разведчики, минометчики, саперы, химики, связисты. Численность колебалась — от 10 до 50 человек. Все зависело от задач, которые ставились перед подразделением. Одной из особенностей этих групп являлась их внезапность. Объект, занятый фашистами, неожиданно подвергался атаке. Фашисты редко выдерживали удар огня, гранат, подкрепленный штыком и ножом. Штурмовые группы, как показала практика, лишали немцев возможности воевать в привычном ритме, держали их в напряжении и днем и ночью, не давали им возможности угадать, откуда будет нанесен очередной удар, сеяли в их рядах неуверенность, панику и страх.

Тогда же Чуйков получил в войсках прозвище Генерал-штурм. Понятно, что так его называли за глаза. Но Василий Иванович знал об этом. В какой-то мере ему было даже лестно иметь такое прозвище. К слову сказать, Василий Иванович был едва ли не первым генералом, получивший признание в войсках. Позднее многие генералы и маршалы тоже носили различные прозвища. К примеру, маршала Г.К. Жукова называли «Генерал-победа», генерала армии Н.Ф. Ватутина — «Генерал наступления» и «Генерал-гроссмейстер», маршала И.С. Конева — «Маршал-солдат», маршала К.К. Рокоссовского — «Генерал-кинжал»...

Чуйков даже вывел свою формулу действий штурмовой группы. Есть в ней что-то от «Науки побеждать» Александра Суворова, которого он считал своим главным авторитетом. Его принципы он постоянно использовал в боях и сражениях. Формула Чуйкова выдержана в лаконичном суворовском стиле, она ясна и понятна каждому бойцу: «Штурмовая группа — детище ближнего боя. Ее незаменимое оружие — граната... Автомат — на шее, 10 гранат — под рукой, отвага — в сердце. Действуй!.. Врывайся в дом вдвоем — ты и граната. Оба будьте одеты легко: ты — без вещевого мешка, граната — без “рубашки”. Врывайся так: граната — впереди, а ты — за ней. Проходи весь дом опять же с гранатой — граната — впереди, а ты — следом...»

Особенно успешно действовали штурмовые группы 13-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора А.И. Родимцева и 37-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора В.Г. Жолудева, так как в их рядах было много десантников. Вот какую характеристику в своих воспоминаниях дал Чуйков бойцам генерала Жолудева: «Это была действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие из них были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах. Дрались они героически. При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой. Штурмовали группами. Ворвавшись в дома и подвалы, они пускали в ход кинжалы и финки. Отступления не знали, в окружении дрались до последних сил и умирали с возгласами: “За Родину! За Сталина! Не уйдём и не сдадимся!”».

Еще один тактический прием, ставший обязательным для всей 62-й армии, родился у Чуйкова в ходе сражений с врагом. Во время налетов вражеской авиации Василий Иванович обратил внимание на то, что немецкие летчи-

ки не отличаются точностью бомбометания. Они бомбили передний край в тех местах, где было достаточное расстояние между советскими и своими передовыми позициями. Это натолкнуло Чуйкова на мысль сократить нейтральные полосы до минимума — до броска гранаты. И держаться там всеми силами. Что и стали делать бойцы. В результате фашистские бомбы стали ложиться сзади, очень часто на уже пустые окопы и траншеи. Когда же вражеские бомбардировщики пытались бомбить передний край советских войск, то бомбы попадали свои же позиции. Такой тактический прием полностью оправдал себя. Благодаря ему удалось в значительной мере ослабить эффективность воздействия вражеской авиации, уменьшить потери и поднять боевой дух бойцов.

Военная целесообразность заставила Чуйкова изменить тактику использования артиллерии. Дело в том, что артиллерийские полки, прибывавшие в составе своих дивизий на усиление 62-й армии, сразу старались переправить вместе с войсками на правый берег. Василий Иванович считал, что тяжелая артиллерия, наоборот, должна оставаться на левом берегу. В условиях города лучше было применять легкие пушки, минометы, а не тяжелые гаубицы. К тому же в городе не было ни конной, ни механической тяги. Перетаскивать же тяжелые гаубицы на руках через груды кирпича, обломки стен и по воронкам от бомб и снарядов было крайне затруднительно.

Также имелись трудности с доставкой боеприпасов. Днем немцы держали под контролем все подъезды к воде на левом берегу и прицельно обстреливали каждую лодку. Ночная переправа тоже была делом рискованным, так как противник освещал прожекторами Волгу, знал места переправ и вел по ним артиллерийский огонь.

Доводы Чуйкова оказались убедительными, и Военный совет армии принял решение оставить всю дивизионную тяжелую артиллерию на левом берегу. Теперь она стала меньше подвергаться опасности быть быстро уничтоженной авиацией противника. В свою очередь каждый командир дивизии или бригады получил возможность вызвать огонь своей артиллерии в нужное время для нанесения удара по выявленным целям противника. И как только от них поступали сообщения о скоплении гитлеровцев на исходном рубеже для атаки, на них из-за Волги обрушивался смертельный ливень снарядов артиллерии. Части врага несли большие потери, и его атаки рассыпались, словно

песок. Легкие же пушки, минометы были по максимуму задействованы в ходе боевой работы штурмовых групп.

С первых дней боев в городе Чуйков поставил задачу командирам соединений и бригад контратаковать немцев ночью. Атаковать врага под покровом темноты, когда он этого не ждет, — такой тактический прием Василий Иванович применял еще в годы Гражданской войны. В Сталинграде он получил широкое распространение. Ночные атаки бойцов 62-й армии были регулярными, они вынуждали гитлеровцев находиться в постоянном напряжении.

Но правда и то, что немцы также брали на вооружение тактические приемы подчиненных Чуйкова. Так, в ночь на 1 октября до 300 гитлеровцев через водосточную трубу пробрались на берег Волги в тыл 13-й гвардейской дивизии и намеревались одновременно с наступлением с фронта опрокинуть одно из подразделений и развить атаку. Однако хитроумный план не удался — гитлеровцы, выползшие к Волге через водосточную трубу, были уничтожены гвардейцами.

Настоящим кошмаром для солдат вермахта в Сталинграде стали снайперы. Они уничтожали командный состав, наблюдателей, пулеметчиков, связистов, парашютистов, снайперов... По приказу Чуйкова в частях были отобраны лучшие стрелки как раз для выполнения таких задач. Но не просто меткие стрелки, а солдаты и сержанты, наделенные повышенной внимательностью, терпеливостью, аккуратностью, строгой самодисциплиной, хладнокровием и другими качествами. Василий Иванович на особом контроле держал подготовку этих специалистов, всячески поддерживал снайперское движение. Всего их в армии насчитывалось около 400 человек. Это была большая сила, которая не давала носа показать врагу.

В середине октября Чуйков вручил медаль «За отвагу» тогда еще никому не известному снайперу главному старшине Василию Зайцеву.

Чуйков спросил у своего тезки, как он стал снайпером.

— Случилось это так, товарищ генерал, — бойко начал отвечать главстаршина. — Сидим в яме. Затишье. Вдруг мой товарищ Миша Масаев, что вел наблюдение за немцами, крикнул: «Вася, фриц показался!» Я вскинул винтовку и, почти не целясь, дал выстрел. Фриц упал. Через несколько секунд там появился второй. Я и второго уложил. «Кто стрелял?» — спросил командир полка. Он наблюдал за происходящим в бинокль. Комбат доложил: «Главстаршина Зайцев». — «Дайте ему снайперскую винтовку», — прика-

зал командир полка. И, подозвав меня, приказал: «Товарищ Зайцев, считай всех фашистов, которых прикончишь. Два уже есть. С них и начинай свой счет».

Командарм, пожимая руку Зайцеву, сказал:

— Обороняя Сталинград, мы вяжем врага по рукам и ногам. От нашего умения стоять насмерть зависит решение многих крупных задач войны. Но это не значит, что нужно проявлять неразумную храбрость: она равносильна предательству. Велики просторы за Волгой, но какими глазами мы будем смотреть на наших родных...

— Не беспокойтесь, товарищ генерал, мы все понимаем. Велика Россия, но за Волгой для нас земли нет. Мы стояли и будем стоять насмерть! — твердо заверил командарма Зайцев.

Слова снайпера были восприняты защитниками Сталинграда как клятва. Будь это танкист или пехотинец, артиллерист или сапер, все знали, что отдавать даже метр сталинградской земли нельзя. После войны слова, произнесенные Зайцевым, увековечили на торце левой стены мемориала Мамаева кургана. Сам Зайцев стал непревзойденным снайпером Сталинградского фронта. За период боев за город он уничтожил 221 солдата и офицера противника, в том числе выиграл 11 поединков с немецкими снайперами. Им была разработана собственная тактика и приемы охоты на врага, создано несколько снайперских групп для уничтожения захватчиков.

Множество побед одержали и другие снайперы 62-й армии, уничтожив не одну тысячу гитлеровцев. Только снайперы 13-й гвардейской стрелковой дивизии отправили на тот свет 3037 солдат и офицеров противника. «Я лично встречался со многими знатными снайперами, — вспоминал Чуйков, — беседовал с ними, помогал им чем мог. Василий Зайцев, Анатолий Чехов, Виктор Медведев и другие снайперы были у меня на особом учете».

...Бои не стихали. Иногда казалось, что они уже доходили до пределов человеческих возможностей. Немецкое командование бросало и бросало, словно в печку, новые силы против защитников Сталинграда. Только в октябре в 6-ю армию Паулюса было отправлено 75 процентов всех пополнений, прибывших на советско-германский фронт. На этот раз гитлеровцы перенесли направление своего главного удара из центральной части города в районы заводов «Баррикады», «Красный Октябрь» и Сталинградского тракторного завода.

Особенно трудным и жарким для 62-й армии выдался октябрь. К этому времени в ее состав влились три свежие дивизии: 39-я гвардейская генерал-майора С. С. Гурьева, 308-я полковника Л. Н. Гуртьева и 37-я гвардейская генерал-майора В. Г. Жолудева. Эти соединения, получив задачу командарма, сразу вступили в бои с наседающими силами немцев.

Пятого октября из Ставки пришла Директива Верховного главнокомандующего командующему войсками Сталинградского фронта о задачах по удержанию Сталинграда. Документ не из приятных, он гласил:

Я думаю, что Вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен отобрать у Вас переправы, окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить южную группу ваших войск 64-й и др. армии и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре, и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у вас. Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, Вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о Вашей плохой работе. Сил у Вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, несмотря на это противник продолжает теснить вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

И. Сталин
Василевский.

В директиве не назывались конкретные фамилии, но в ней шла речь о 62-й армии, которую «противник хочет взять в плен». В разговоре с командующим фронтом генерал-полковником Еременко Чуйков прямо заявил:

— Сталинград немцы не получают. Так и можете передать товарищу Сталину.

Четырнадцатого октября Паулюс пошел на новый штурм города. Этот день, по воспоминаниям Чуйкова, был самым «небывалым по жестокости боев». Враг бро-

сил на бойцов 62-й армии пять дивизий, из них две танковые.

Наступление немцев, которое они именовали «генеральным», началось утром с мощной бомбардировки. А затем в дело вступила артиллерия. Ревели моторы самолетов, выли бомбы, рвались снаряды... Бомбежка и артобстрел не позволяли даже высунуться из укрытий. Дым, гарь, смрад заволочли все небо. День смешался с ночью.

Подойдя к своему блиндажу, Чуйков не успел открыть дверь, как получил такой удар взрывной волны в спину, что просто влетел в него. Привыкший ко всему, много раз смотревший смерти в лицо, командарм не терял ни выдержки, ни самообладания, твердо держал нити управления войсками. Василий Иванович приказал командующему артиллерией армии генерал-майору артиллерии Н.М. Пожарскому дать два дивизионных залпа «Катюш». Один — по Силикатному заводу, другой — перед стадионом, по скоплению войск противника. Затем дозвонился до командующего 8-й воздушной армией генерал-майора авиации Т.Т. Хрюкина и попросил его поддержать армию с воздуха. К сожалению, тот не смог ничем помочь: противник плотно блокировал аэродромы его армии, пробиться авиации к Сталинграду не было никакой возможности.

Между тем немцы продвигались вперед. Имея превосходство в живой силе и технике, они хотели разрезать 62-ю армию и уничтожить ее по частям. Главный удар противником наносился между заводами Сталинградским тракторным и «Баррикады». Ближайшая его цель — пробиться к Волге. Первые атаки приняли на себя 112-я, 95-я, 308-я стрелковые и 37-я гвардейская дивизии. Ослабленные в предыдущих боях, особенно 112-я и 95-я дивизии, они тем не менее продолжали мужественно сражаться. Но силы таяли.

Как дальше развивались события — проследим по воспоминаниям Чуйкова:

В 10 часов 109-й полк 37-й гвардейской дивизии был смят танками и пехотой противника. Бойцы этого полка, засевшие в подвалах и в комнатах зданий, дрались в окружении. Против них противник применил огнеметы. Нашим бойцам приходилось отстреливаться, переходить в рукопашную схватку и одновременно тушить пожары.

В 11 часов доносят — левый фланг 112-й стрелковой дивизии также смят. Около 50 танков утюжат ее боевые порядки. Эта многострадальная дивизия, принимавшая участие во многих боях западнее реки Дон, на Дону, между

Доном и Волгой, к 13 октября имела в своем составе не более тысячи активных бойцов во главе со своим командиром полковником Ермолкиным. Она сражалась героически в отдельных зданиях разрозненными подразделениями и гарнизонами в цехах Тракторного завода, в Нижнем поселке и на Волжской круче.

В 11 часов 50 минут противник захватил стадион Сталинградского тракторного завода и глубоко вклинился в нашу оборону. До Тракторного завода осталось менее километра. Южнее стадиона находился так называемый шести-гранный квартал с каменными постройками. Он превращен нашими войсками в опорный пункт. Гарнизон его — батальон с артиллерией 109-го гвардейского стрелкового полка. Этот квартал несколько раз переходил из рук в руки. Командир полка Омельченко лично сам возглавил контратакующие подразделения.

По радио открытым текстом неслись донесения, которые перехватывались узлом связи штаба армии. Привожу их дословно:

«Фрицы везде наступают с танками... Наши дерутся на участке Ананьева. Подбито четыре танка, а у Ткаченко — два, гвардейцами 2-го батальона 118-го полка уничтожены два танка. Третий батальон удерживает позиции по оврагу, но колонна танков прорвалась на Янтарную».

Артиллеристы 37-й гвардейской дивизии доносили:

«Танки расстреливаем в упор, уничтожено пять».

Начальник штаба дивизии товарищ Брушко докладывал в штаб армии:

«Гвардейцы Пуставгарова (114-й гвардейский полк), рассеянные танковыми клиньями противника, закрепившись группами в домах и развалинах, сражаются в окружении. Лавина танков атакует батальон Ананьева. Шестая рота этого батальона под командованием гвардии лейтенанта Иванова и политрука Ерухимовича полегла полностью. Остались в живых только посыльные».

В 12 часов передают по радио из 117-го гвардейского полка:

«Командир полка Андреев убит, нас окружают, умрем, но не сдадимся».

Полк не погиб; около командного пункта полка валялось больше сотни трупов немцев, а гвардейцы продолжали жить и крушить врага.

Из полков 308-й стрелковой дивизии Гуртьева доносят:

«Позиции атакуют танки с севера, идет жестокий бой. Артиллеристы бьют прямой наводкой по танкам, несем потери, особенно от авиации, просим отогнать стервятников».

В 12 часов 30 минут командный пункт 37-й гвардейской дивизии бомбят пикирующие бомбардировщики. Коман-

дир дивизии генерал Жолудев завален в блиндаже. Связи с ним нет. Управление частями 37-й гвардейской дивизии штаб армии берет на себя...

В 13 часов 10 минут докладывают: на командном пункте армии завалило два блиндажа, есть убитые и раненые.

Около 14 часов была нарушена телефонная связь со всеми войсками, работают только радиостанции, но и то с перебоями. Дублируем связь, посылая офицеров, но эта связь медленная. Их данные весьма запаздывают.

К 15 часам танки противника глубоко вклинились в наши боевые порядки. Они вышли на рубеж заводов Тракторного и «Баррикады». Пехоту противника отсекают от танков огнем наши гарнизоны. Они хотя и разрозненные, но сражаются в окружении и сковывают в действиях врага. Танки противника без пехоты вперед не идут. Они останавливаются и становятся прекрасными целями для наших артиллеристов и бронебойщиков.

Все же к 15 часам дня танкам противника удастся пробиться к командному пункту армии. Они очутились от нас в 300 метрах. Рота охраны штаба армии вступила с ними в бой...

В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный, и тут они напоролась на засаду 84-й бригады. Наши танкисты били немецкие танки без промаха. Этот опорный пункт немцы пытались взять, но не взяли ни 14, ни 15 и ни 16 октября. И только 17-го он был разбит авиацией противника...

К 16 часам дивизии Ермолкина, Жолудева и правый фланг дивизии Гуртьева, разрезанные танками, вели бои в окружении.

Сведения от войск поступали противоречивые, уточнять их становилось все труднее и труднее. Командные и наблюдательные пункты полков и дивизий разбивались снарядами и бомбами. Многие командиры погибли. На командном пункте армии погибло 30 человек. Охрана штаба армии не успевала откапывать людей из разбитых блиндажей. Управление войсками осуществлялось главным образом по радио: с утра были включены запасные рации, размещенные на левом берегу Волги. Туда мы посылали свои распоряжения по радио, а оттуда передавали обратно через Волгу на правый берег частям.

В 16 часов 35 минут командир полка подполковник Устинов просит открыть огонь по его командному пункту, к которому подошли вплотную фашисты и забрасывают его ручными гранатами. Открыть огонь по своему командиру было не так-то просто решиться. И все-таки пришлось генералу Пожарскому дать залп дивизиона «катюш». Накрыли огнем фашистов удачно. Их полегло немало.

В обороне заводов Тракторного и «Баррикады» отряды из рабочих с подразделениями войск армии сражались до последнего патрона. Части и подразделения 112-й и 37-й дивизий Ермолкина и Жолудева уничтожали противника на площади перед заводом и на улицах, ведущих к нему. Части 95-й и 308-й дивизий Горишного и Гуртьева, опираясь на цеха завода «Баррикады», совместно с вооруженными заводскими рабочими уничтожали противника на улицах, ведущих к заводу. Им помогали танкисты 84-й танковой бригады Д. Н. Белого. Тысячами трупов фашистов были покрыты площади и улицы, несколько десятков танков, горящих и разбитых, перегораживали улицы и проезды. Но все же отдельным подразделениям противника удавалось пробиваться к берегу Волги. Особенно между заводами. Закрепиться им там не давали...

И это далеко не вся хроника жарких боев того дня. Случалось так, что в некоторых ротах и батальонах в живых не оставалось ни одного человека. Все пали смертью храбрых. И по этой причине никто не мог доложить о складывающейся обстановке.

День 14 октября нашел отражение и в воспоминаниях бывшего начальника немецкого штаба связи при 4-й румынской королевской армии генерал-майора Ганса Дёрра. В своей книге «Поход на Сталинград» он писал:

14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных) на тракторный завод имени Дзержинского, на восточной окраине которого находился штаб 62-й армии русских. Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление подерживал в полном составе 8-й авиакорпус.

Наступавшие войска продвинулись на 2 километра, однако не смогли полностью преодолеть сопротивление трех русских дивизий, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла.

Правда, немецкий генерал оказался не совсем точен. На этом участке обороны сражалась только одна советская ди-

визия — 37-я гвардейская генерал-майора В.Г. Жолудева и около 600 человек из 112-й стрелковой дивизии полковника И.Е. Ермолкина.

Пятнадцатого октября, едва только рассеялся хмурый, пропахший гарью и кровью туман, бои на всех участках 62-й армии закипели опять. Сталинград не сдавался. Он держался на мужестве и героизме каждого, кто мог держать в руках оружие. Чем больше зверел враг, тем упорнее и бесстрашнее дрались советские воины. В боях за город на Волге, как кто-то точно написал, сказалась богатырская сила советского народа и его солдата. Уцелевший боец стремился защитить себя и свой участок фронта, он мстил за себя и за своих погибших товарищей.

Вот строки из уникального документа — протокола заседания комсомольской организации в 39-й гвардейской дивизии генерал-майора С.С. Гурьева:

Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть.

В архивах сохранилась и эта листовка с обращением к солдатам и командирам Сталинградского фронта:

Наша общая ближайшая задача: отстоять Сталинград! Это наш священный долг перед Родиной, и мы его выполним — отстоим славный город, уничтожим врага под Сталинградом!

К нашему упорству в борьбе с фашистами нужно добавит всю мощь пехотного оружия. Каждый боец должен гордиться и считать за честь — как можно больше истребить фашистов огнем из винтовки, пулемета и автомата...

Помните, товарищи, в ближнем бою огонь пехоты больше всего наносит потерь противнику. Поэтому всем бойцам, находящимся в бою, надо вести огонь частый, залповый, смотря по обстановке.

Частый огонь — при наступлении противника, при отражении его атак, при своем наступлении.

Редкий огонь — для беспокойства врага и по одиночным целям, для контроля местности, чтобы не давать продвигаться по ней врагу.

Залповый огонь вести по скоплению конницы, по скоплению пехоты, по колоннам и машинам, по самолетам и т. д.

Мощный огонь пехоты уложит всех фашистов в могилу. Туда им и дорога!

Обращаемся ко всем командирам и бойцам с требованием и призывом: больше организованности, больше упорства в бою, проявляйте широкую активную инициативу в бою. Больше нажим на врага. Залезай в каждую щель боевого порядка противника! Проникай в его глубину, уничтожай врага беспощадно всюду!

В бой, товарищи! Никакой пощады врагу!

Это обращение зачитывалось в короткие передышки между тяжелейшими боями. Слово звало и окрыляло защитников города. В дни «генерального штурма» (наиболее ожесточенные бои шли в период с 14 по 18 октября), враг, хотя и вторично разрезал 62-ю армию, не смог сломить сталинградцев. Чудеса мужества и отваги показали 95-я дивизия полковника В.А. Горишного, 37-я гвардейская дивизия гвардии генерал-майора В.Г. Жолудева, 112-я дивизия полковника И.Е. Ермолкина, группа полковника С.Ф. Горохова, 138-я дивизия полковника И.И. Людникова, 284-я стрелковая дивизия полковника Н.Ф. Батюка, 84-я танковая бригада полковника Д.Н. Белого. Войска Чуйкова понесли серьезные потери и вынуждены были оставить часть позиций. Как свидетельствуют документы, самой укомплектованной являлась на тот момент 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева. В ее составе было несколько тысяч человек, в других — намного меньше. Но враг так не мог взять Сталинград, при всем том, что в его руках оказалась большая часть города. «Мы были так обессилены, что сомневались, сумеем ли отразить новые атаки свежих резервов противника, — вспоминал Чуйков, — однако все по-прежнему были готовы драться до последнего человека и патрона. Как никогда, окреп наш боевой дух. Если бы нам приказали почему-либо оставить город, мы, солдаты, офицеры и генералы, поняли бы этот приказ как ложный, как измену Родине и за Волгу не ушли бы».

После 19 октября 62-й армии стало полегче. Вновь созданный Донской фронт под командованием генерал-полковника К.К. Рокоссовского из района севернее Сталинграда провел наступление, заставившее командование германской армии вывести из города значительную часть танков и артиллерии, а также оттянуть авиацию против

продвигавшихся вперед советских частей. Фланговый удар нанесла и 64-я армия генерал-майора М.С. Шумилова, что также улучшило положение защитников Сталинграда.

Однако противник, хотя и обескровленный в ходе своего «генерального штурма», не отказался от намерений уничтожить армию Чуйкова. Бойцам и командирам пришлось еще не раз хлебнуть лиха, поскольку немецкое командование с постоянной регулярностью проводило операции для ликвидации оборонительных позиций 62-й армии. В большинстве случаев они оборачивались для гитлеровцев неудачами и немалыми потерями. «Сталинград стал нам поперек горла, — с отчаянием писал домой один немецкий ефрейтор. — В роте осталось лишь 7 человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово “Сталинград” приводит нас в ужас». А другой солдат, касаясь своей нелегкой доли в Сталинграде, сообщал родителям в Германию: «Наиболее ужасными являются уличные бои. В нашем подразделении было 140 человек, сейчас осталось только шесть».

Последнюю попытку взять Сталинград штаб Паулюса предпринял 11 ноября. За три дня до этого, 8 октября, Гитлер обратился с очередным воззванием к «старой гвардии»: «Я хотел достичь Волги у одного определенного пункта... Случайно этот город носит имя самого Сталина. Но я стремился туда не по этой причине... Я шел туда потому, что это весьма важный пункт. Через него осуществлялись перевозки тридцати миллионов тонн грузов, из которых почти девять миллионов тонн нефти. Туда стекалась с Украины и Кубани пшеница для отправки на север. Туда доставлялась марганцевая руда... Именно я хотел его взять, и — вы знаете, нам много не надо, — мы его взяли! Остались незакрытыми только несколько точек. Некоторые спрашивают: а почему же вы не берете их побыстрее? Потому что я не хочу там второго Вердена. Я добьюсь этого с помощью небольших ударных групп».

В 6 часов 30 минут утра девять дивизий — 389-я, 79-я, 305-я, 100-я, 295-я пехотные и 24-я и 14-я танковые дивизии, усиленные саперными батальонами 294-й пехотной дивизии и 161-й пехотной дивизии, начали наступление на позиции армии Чуйкова. Фронт наступления составлял около пяти километров. Боевые порядки противника были очень плотными. Для выхода к Волге немецкое командование рассчитывало одним ударом смять стрелко-

вые дивизии Людникова, Горишного, Соколова¹, Гурьева и выйти к Волге.

Представитель Ставки Верховного главнокомандования — начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский так описывал обстановку тех дней: «В то время как наши войска на сталинградском направлении все свое внимание сосредоточили на подготовке контрнаступления, положение войск в самом Сталинграде продолжало ухудшаться. 11 ноября, после некоторой паузы, противник вновь возобновил ожесточенные атаки против войск 62-й армии В.И. Чуйкова в городе, введя туда части, ранее действовавшие против Донского фронта. К исходу дня ему удалось, несмотря на сопротивление наших войск, занять южную часть завода “Баррикады” и здесь также выйти к Волге. Положение 62-й армии усугубилось начавшимся на Волге ледоставом».

Бои длились до глубокой ночи и продолжились на следующий день. Действительно, враг сумел занять южную часть завода «Баррикады» и выйти к Волге еще на одном участке. Дальше его наступление захлебнулось. Потери гитлеровцев были большими, они исчислялись тысячами. Все защитники Сталинграда — от членов Военного совета 62-й армии до рядового солдата — поняли, что это последнее наступление противника. В ожесточенных боях на дальних и ближних подступах к Сталинграду и в самом городе гитлеровские войска потеряли около 700 тысяч убитыми и ранеными, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 1 тысячи танков и штурмовых орудий и свыше 1 тысячи 400 самолетов.

Есть и другие цифры. По подсчетам специалистов, за оборонительный период Сталинградской битвы только на направлении главного удара гитлеровцы израсходовали за 1,5 миллиона снарядов и мин, в среднем по 55 тысяч снарядов и мин на каждый километр фронта. Авиация противника совершила около 100 тысяч самолето-атак, сбросив до 1 миллиона бомб разных калибров (общим весом около 100 тысяч тонн), примерно 40 тысяч бомб на каждый километр. В общей сложности на каждый километр сталинградской земли приходилось около 100 тысяч снарядов, мин и бомб!

¹ *Василий Петрович Соколов* (1902—1958) — генерал-майор (1943), с марта 1942 по сентябрь 1943 г. командир 45-й (с марта 1943 г. 74-й гвардейской) стрелковой дивизии, соединение прибыло на фронт в конце октября.

Трудно даже представить, какой ад пришлось пережить защитникам Сталинграда в боях, длившихся более трех месяцев. Тысячи и тысячи из них навсегда полегли в сталинградской земле. Только в братских могилах на Мамаевом кургане покоится прах более чем 35 тысяч советских воинов.

В тот период Чуйков заслужил следующую боевую характеристику от командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А.И. Еременко:

Войска 62 Армии под командованием генерал-лейтенанта т. Чуйкова ведут упорные, непрерывные тяжелые бои, за Сталинград.

Боевые действия частей армии отличаются особым упорством и выдержкой, несмотря на численное превосходство противника в живой силе, танках и авиации.

Оперативно тактическое руководство войсками осуществляет умело и грамотно.

За период боев в районе города Сталинграда части 62 армии нанесли противнику большие потери в живой силе и технике. Только за сентябрь м-ц с.г. уничтожено до 20 тысяч немецких солдат и офицеров.

Во время боев за город Сталинград, свыше 4000 бойцов и командиров частей армии награждены орденами и медалями Союза ССР.

Штаб армии сколочен и работа его за последнее время значительно улучшилась.

Энергичный, решительный, смелый и требовательный генерал, пользуется авторитетом.

ВЫВОД: занимаемой должности соответствует.

Мощное контрнаступление советских войск под Сталинградом началось 19 ноября 1942 года. Ничто уже не могло спасти от разгрома отборную группировку вермахта. В действие вступил план, умело и тщательно разработанный советским командованием. В этот же день командующий группой армий «Б» генерал-полковник барон Максимилиан фон Вейхс приказал Паулюсу немедленно прекратить наступательные действия в Сталинграде.

Долгожданное наступление особенно ждали бойцы и командиры армии Чуйкова. Именно они очень многое сделали, часто ценой своих жизней, для того, чтобы оно состоялось. Благодаря успешным действиям Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов 6-я армия Паулюса оказалась в крепком кольце, откуда было лишь два выхода — смерть или плен. И хотя солдаты Чуйкова не участво-

вали в окружении вражеской группировки, они тоже являлись частью этого стального обруча. Своим беспримерным мужеством они это заслужили, отстояв Сталинград.

Газета «Красная звезда» в передовой статье за 1 декабря 1942 года писала: «Стойкость 62-й армии, поразившая весь мир, дала возможность нашему командованию собрать силы, перейти в наступление и нанести немецко-фашистским полчищам тяжелое поражение».

И далее в той же статье говорилось:

«Слава 62-й армии переживет века. Пройдут годы, зеленой травой зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые светлые здания вырастут в свободном Сталинграде, и ветеран-воин с гордостью скажет:

— Да, я сражался под знаменами доблестной шестьдесят второй!»

За весь период оборонительных сражений Василий Иванович ни разу не оставил свои войска, даже в недолгие часы передышек. Правда, как-то подготовили для него катер к отправке на левый берег, чтобы он в гражданских условиях помылся в бане. Но командарм отказался, приказав отправить на катере раненых.

Между тем бои продолжались. У подчиненных Чуйкова еще хватало работы. В декабрьские дни, а затем, уже в январские нового, 1943 года они выкуривали немцев из сталинградских домов и зданий, мстя им за горечь поражений, за своих погибших товарищей и друзей. 26 января в районе Мамаева кургана и южнее поселка Красный Октябрь передовые части 62-й армии соединились с войсками 21-й и 65-й армий. Занимавшие здесь позиции немецкие войска были разрублены на две группировки — южную и северную. Южная находилась в центральной части Сталинграда, а северная — в районе заводов «Баррикады» и тракторного. Дни гитлеровских вояк были сочтены. Большинство из них начали сдаваться в плен.

В январе армия Чуйкова была передана в состав Донского фронта, которым командовал генерал-полковник К.К. Рокоссовский. Правда, под его началом воевать Чуйкову довелось недолго. Тем не менее на Рокоссовского и армия, и ее командующий произвели хорошее впечатление. Впоследствии в своих мемуарах «Солдатский долг» он написал:

Лучшие качества советского солдата проявили воины этой славной армии. Только благодаря этому им удалось удержать узкую кромку земли на берегу Волги до решитель-

ного момента, который уже наступал. Настроение в войсках, несмотря на все трудности, было превосходное. Все ждали начала разгрома врага и готовились к этому.

С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился... и сразу проникся к нему глубоким уважением. Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту крошку земли. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город.

На меня этот человек произвел сильное впечатление...

Тридцать первого января бойцы 64-й армии взяли в плен командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса и весь его штаб. К вечеру того же дня отличились и воины 62-й армии. Они захватили штаб 295-й пехотной дивизии во главе с ее командиром генерал-майором Отто Корфесом, а также находившихся там командира IV армейского корпуса генерала артиллерии Макса Пфедффера, командира LI армейского корпуса генерала артиллерии Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха, начальника штаба 295-й дивизии полковника Герхарда Дисселя и несколько старших штабных офицеров. Причем пленили их три бойца во главе с комсоргом полка Михаилом Портером.

Пленных генералов доставили в землянку к Чуйкову. Эта встреча хорошо отложилась в его в памяти. Вот что он написал о ней в своих воспоминаниях:

Вечером 31 января я, Гуров и Крылов опрашивали в моей землянке, уже просторной и светлой, пленных немецких генералов. Видя, что они голодные и нервничают, беспокоясь за свою судьбу, я распорядился принести чай и пригласил их закусить. Все они были одеты в парадную форму и при орденах. Генерал Отто Корфес, беря в руки стакан чаю и бутерброд, спросил:

— Что это, пропаганда?

Я ответил:

— Если генерал считает, что этот чай и закуска содержат пропаганду, то мы особенно не будем настаивать на принятии этой пропагандистской пищи.

Такая реплика несколько оживила пленных, и разговор наш продолжался около часа. Больше других говорил гене-

рал Корфес. Генералы Пфеффер и Зейдлиц отмалчивались, заявив, что в политических вопросах они не разбираются.

Генерал Корфес в беседе развивал мысль о том, что положение Германии того времени имеет много общего с положением, в котором она была во времена Фридриха Великого и Бисмарка. Генералы Пфеффер и Зейдлиц сидели и, произнося время от времени «яволь» и «найн», плакали.

В конце концов генерал-лейтенант фон Зейдлиц-Курцбах сказал:

— Что с нами будет в дальнейшем?

Я сказал ему об условиях содержания в плену, добавив, что они могут носить, если пожелают, и знаки отличия, и регалии, кроме оружия.

— Какого оружия?.. — как бы не понимая, поинтересовался Пфеффер, глядя на Зейдлица.

— У пленных генералов, — повторил я, — не должно быть при себе никакого оружия.

Тогда Зейдлиц вынул из кармана перочинный нож и передал его мне. Я, конечно, вернул ему этот нож, сказав, что подобное «оружие» мы не считаем оружием.

Генерал Пфеффер спросил меня:

— Где находились вы и ваш штаб (62-й армии) во время боев за город до 19 ноября?

Я ответил, что мой командный пункт и штаб армии находились все время в городе, на правом берегу Волги. Последнее место командного пункта и штаба было здесь, где находимся.

Тогда генерал Пфеффер сказал:

— Жаль, что мы не верили своей разведке. Мы могли бы вас вместе со штабом стереть с лица земли.

Опросив пленных генералов, мы отправили их в штаб фронта, пожелав поскорее изучить и познать советскую действительность, чтобы избавиться от заблуждений, от гитлеровского угара.

Примечательно, что в 1949 году Чуйков, будучи председателем Советской контрольной комиссии на территории Германской Демократической Республики, вновь встретился с генералом Отто Корфесом в Берлине. Они приветствовали друг друга как старые знакомые. Корфес стал совершенно другим человеком, антифашистом, общественным деятелем. Он являлся в то время активным работником Общества германо-советской дружбы, и много сделал для укрепления отношений между немецким и советским народами. Отто Корфес был не одинок в своем прозрении. Многие бывшие немецкие генералы, офицеры и солдаты также стали бороться за мир, строить новую Германию.

Второго февраля Совинформбюро сообщило о полной капитуляции 6-й армии Паулюса. Так завершилась величайшая битва Второй мировой войны. В ходе советского контрнаступления помимо уничтоженных двух немецких армий были разгромлены две румынские и одна итальянская армии. Красная армия нанесла такой удар, который поверг в ужас как немецкий народ, народы Европы, так и их армии. Битва под Сталинградом ознаменовала приближение заката гитлеровского фашизма.

Над лежащим в страшных руинах городом, над широкой гладью Волги, на берегах которой в течение полугода не смолкал рев канонады, наступила долгожданная тишина. Фронт на Волге перестал существовать. По промерзлым сталинградским дорогам, изрытым бомбами, снарядами и минами, потянулись длинные и нескончаемые реки пленных.

Родина по достоинству отметила подвиг защитников Сталинграда. Почти всем дивизиям и полкам 62-й армии было присвоено звание гвардейских. Тысячи бойцов были удостоены самых различных государственных наград. Сам Василий Иванович «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» Указом Президиума Верховного совета СССР от 28 января 1943 года был награжден вновь учрежденным орденом Суворова 1-й степени. Фамилия Чуйкова стояла в одном ряду с фамилиями известных военачальников, таких как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.Н. Воронов, Н.Ф. Ватутин, К.А. Мерецков, А.И. Еременко, К.К. Рокоссовский.

В те дни газета «Красная звезда» писала: «Наши генералы, чьи подвиги ныне отмечены народом высокой наградой, являются выразителями суворовских принципов, они творчески используют наследие нашей военной истории, гремя по-суворовски врага в сложных условиях современной войны».

Василий Иванович гордился, что был удостоен этого полководческого ордена в числе первых. К слову сказать, позднее Чуйков еще дважды будет награжден орденом Суворова, и каждый раз 1-й степени. Но не менее дорога для него была еще одна награда — медаль «За оборону Сталинграда». Он заслужил ее по праву, как и тысячи защитников города на Волге.

Спустя десять лет, когда Чуйков уже жил другими заботами, у него состоялся разговор со Сталиным. Связан он был напрямую с событиями декабря 1942 года, то есть со

Сталинградом. Похоже, Сталину не давали покоя многие вопросы, на которые он хотел получить ответы от непосредственных участников битвы на Волге. Василий Иванович тоже нередко размышлял об «огнях-пожарищах». Защищая в 42-м Сталинград, у Чуйкова не было никакого сомнения в том, что великое сражение закончится полным разгромом немцев. Так оно и случилось. Однако в те жаркие дни он не раз себя спрашивал: а если войска генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна разорвут кольцо окружения и соединятся с войсками Паулюса? Что будет тогда с его истерзанной 62-й армией и вообще с положением на фронте? Теперь эти вопросы возникли у Сталина.

Чуйков тогда находился в отпуске и отдыхал в Сочи в военном санатории. После обеда раздался телефонный звонок.

— Это вы, товарищ Чуйков?

— Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

— Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

Как вспоминал Чуйков, от неожиданности он даже растерялся. В трубке услышал негромкий и спокойный голос с кавказским акцентом.

— Как отдыхаете, товарищ Чуйков, как себя чувствуете? — спросил Сталин.

— Отдыхаю хорошо, чувствую себя прекрасно, товарищ Сталин, — ответил Чуйков.

— Вы могли бы приехать ко мне?

— Как прикажете, товарищ Сталин! Готов приехать в любую минуту.

— Сейчас за вами придет машина. Приезжайте!

Вскоре Чуйков был на месте, подойдя к Сталину, по военному доложил:

— Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл!

— Зачем же так официально?! Давайте проще! — улыбаясь, ответил вождь.

Они прошли на веранду, где уже был накрыт стол. Сталин спросил у Чуйкова, что тот будет пить: водку, коньяк или вино. Чуйков ответил, что лучше налить водочки. Непринужденная обстановка за столом располагала к открытости. Чуйков отвечал на все вопросы, которые возникали у Сталина.

— Скажите, товарищ Чуйков, как вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?

— Мне приходилось думать, товарищ Сталин, о такой возможности в дни Сталинградского сражения, — спокойно отвечал Чуйков. — Мы не могли не принимать в расчет возможности прорыва войск Манштейна к Паулюсу, то есть возможности деблокировки окруженных частей. Не исключено, что, деблокировав армию Паулюса, противник не дал бы нам возможности захлопнуть за ними дверь. Одно мы тогда знали четко, что собственно окружение, полное окружение не так часто бывает и не так часто повторяется в военной истории. Мы отчетливо тогда понимали, что рисковать — выпустить из Сталинграда немецкую армию — мы не могли.

Сталин вздохнул и задумался. Потом проговорил:

— Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!..

Их разговор закончился уже за полночь. Сталин, похоже, был удовлетворен беседой. Они вышли в сад. Один из офицеров охраны подал Сталину секатор, и он сам срезал большой букет роз, который сразу завернули в бумагу и перевязали. Затем Сталин вручил его Чуйкову со словами: «Отвези его Валентине Петровне и скажи, товарищ Сталин просит прощения за то, что на целый вечер умыкнул у нее мужа». Можно представить, в каком настроении уезжал от вождя Василий Иванович, и как отнеслась к сталинскому подарку Валентина Петровна. Однако вновь вернемся в февраль 1943 года.

Четвертого февраля на площади Павших Борцов состоялся торжественный митинг по случаю разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Город все еще был пропитан запахами войны. На самой площади зияли свежие воронки от мин и снарядов. Здесь несколько дней назад шел бой с остатками немецких войск. Людей собралось много — бойцы и командиры, жители города и области.

Митинг открыл председатель Городского совета Д.Г. Пигалев, который от имени трудящихся города горячо поблагодарил героических участников Сталинградской битвы. Затем слово было предоставлено Чуйкову. Василий Иванович начал свою речь так:

— Мы поклялись стоять насмерть, но Сталинграда врагу не сдавать, и мы выстояли, сдержали слово, данное Родине...

С пламенными словами обратился к собравшимся командир легендарной 13-й гвардейской дивизии гвардии генерал-майор А.И. Родимцев:

— Тяжело смотреть на истерзанный город, в котором каждый вершок земли, каждая стена носят жестокие следы войны. И мы клянемся Родине бить врага и впредь по-гвардейски, по-сталинградски.

По свидетельству участников митинга, больше всего аплодисментов досталось Чуйкову и Родимцеву. И это было закономерно. Они их по праву заслужили.

Вся страна праздновала победу Красной армии в Сталинградской битве. Радость переполняла сердца людей. В те счастливые дни Василий Иванович получил письмо от своей любимой супруги. Весточки от Валечки он получал и раньше, но это согрело каким-то особенным теплом. Наверное, потому что с плеч была сброшена неимоверно тяжелая ноша, что наступила передышка, пусть и короткая...

«Дорогой Вася! — писала мужу Валентина Петровна. — Поздравляем вас с победой! Желаем еще больших успехов... От всего дома просим передать большое спасибо за победу, за общую радость, которую мы все переживаем. О нас не беспокойся. Мы все здоровы, настроение трудно передать на словах, какое-то буйное. Самые тяжелые, черные дни остались позади... Будь здоров, мой родной, до радостной встречи!»

Как в эти минуты ему захотелось увидеть своих любимых девчонок! Василий Иванович даже мысленно представил эту встречу: он держит на руках маленькую Иришку, а с двух сторон его обступили Нинель и Валентина. У жены и старшей дочери слезы на глазах. Только двухлетняя Ирина, хлопая глазенками, еще не понимает, что происходит вокруг...

Все вместе они соберутся только после окончательной Победы над врагом, до которой еще было очень далеко. Однако армия Чуйкова уже начала свой путь от стен Сталинграда. Ни командарм, ни его бойцы нисколько не сомневались в том, что они дойдут до Берлина и напишут на стенах Рейхстага заветные слова: «Мы пришли из Сталинграда».

Глава 9

ОТ СТАЛИНГРАДА — ДО БЕРЛИНА

...Главная крепость нашего государства — человек. Убедительное свидетельство тому — стойкость и неистребимая вера наших воинов в победу даже тогда, когда, казалось, нечем было дышать и смерть преследовала на каждом шагу. Для гитлеровских стратегов истоки такого явления остались неразгаданными. Моральные силы, как и возможности ума человека, который осознает ответственность перед временем, перед своим народом, не знают измерений, они оцениваются свершениями. И долгожданное свершилось — выстояв, мы пошли на запад. И дошли до Берлина!..

В.И. Чуйков

Месяцы тяжелых и изнурительных боев на сталинградских улицах, в домах, подвалах, цехах заводов, на крышах зданий наложили свой отпечаток на армию Чуйкова. Люди неимоверно устали от нечеловеческих условий в этом жарком пекле, им просто надо было хоть немного отдохнуть, восстановиться и привести себя в порядок. Кроме того, в большинстве дивизий из-за потерь остро ощущался некомплект личного состава. Оставшаяся боевая техника также нуждалась в ремонте. Поэтому правильным было отвести армию на переформирование в тыл. Что вскоре и было сделано, ее включили в состав Сталинградской группы войск, находившейся в резерве Ставки Верховного главнокомандования.

С середины февраля армия находилась на отдыхе в селах, расположенных вдоль реки Ахтубы. Поредевшие дивизии пополнились свежими силами, получили новую технику и оружие. А в конце марта Ставка передала 62-ю армию в состав Юго-Западного фронта с передислокацией из-под Сталинграда в район Купянска и Сватово.

Однако из соединений, входивших в армию во время сталинградских боев, после переформирования осталось только три: 39-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-

майора С.С. Гурьева, 74-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора В.П. Соколова и 79-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н.Ф. Батюка. Также в составе армии был сохранен ряд отдельных частей прямого подчинения. Остальные же дивизии в соответствии с решением Ставки ВГК были переброшены на другие фронты.

По словам Чуйкова, решение было разумным. Верховное главнокомандование рассредоточивало сталинградцев по различным объединениям, чтобы шире распространить в армии их боевой опыт. В тоже время Василию Ивановичу было тяжело расставаться с бойцами и командирами, с которыми он поровну делил горести и радости. Ведь Сталинград и для Чуйкова, и для его подчиненных стал что-то вроде второй родины, где они, уцелев в жестоких боях, словно родились заново.

Особенно грустно было прощаться с генералами и офицерами из ближнего окружения, то есть из штаба и политотдела армии. Все эти долгие месяцы они были с Чуйковым рядом. Вместе планировали боевые операции, грелись у одного костра, обедали за общим столом, переживали в укрытиях страшные бомбежки и артналеты. Даже спали бок о бок...

На повышение ушел начальник штаба армии генерал-майор Н.И. Крылов. Он был назначен командующим 3-й резервной армией Ставки ВГК. Василий Иванович с огромным уважением относился к своему начштаба, ценил его профессионализм и человеческие качества. Со стороны Крылова к командарму было такое же уважительное отношение. Впоследствии он вспоминал: «Если бы меня спросили, что отличает Василия Ивановича Чуйкова как командира и военачальника, я бы ответил: умение предвидеть опасность... От этого во многом зависит принятие правильного решения... Чуйков мог быть и резок, и вспыльчив, но друг ведь не тот, с кем всегда спокойно. С нашей первой встречи на Мамаевом кургане я считал, что мне посчастливилось быть в Сталинграде начальником штаба у такого командарма, чуждого шаблонам, до дерзости смелого в принятии решений, обладавшего истине железной волей. Василий Иванович принадлежит к людям, которые выражают доброе отношение к товарищу прежде всего своими поступками, а не словами. Но когда после Сталинграда... пришло время прощаться, он при всем нашем штабе сказал, что расстается с братом. Одно это слово вместило все».

Вслед за Крыловым были повышены по службе член Военного совета армии генерал-лейтенант К.А. Гуров и начальник политотдела армии генерал-майор И.В. Васильев. Первый был назначен членом Военного совета Южного фронта, второй — членом Военного совета 1-й гвардейской армии. Получили новые назначения и другие офицеры. Василий Иванович не мог не гордиться, что его подчиненные идут нарасхват. С другой — жалко было с ними расставаться. Но в армии, как известно, приказы не обсуждаются.

Вновь влившиеся в состав 62-й армии соединения — 27-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора В.С. Глебова, 88-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора В.Я. Владимирова, 82-я гвардейская дивизия генерал-майора И.А. Макаренко — уже прошли сквозь горнило боев Сталинградской наступательной операции в составе других армий. Новые дивизии были полностью укомплектованы, имели боевой опыт и хорошие традиции. Одновременно армии были приданы специальные части усиления: 99-й и 671-й пушечные полки, 536, 565 и 184-й истребительные противотанковые полки и 212-й танковый полк. Это не могло не радовать Чуйкова. Более того под Боевым знаменем армии были собраны дивизии, имеющие опыт боев в обороне и наступлении. Иными словами, одна часть армии как бы дополняла вторую. Для будущих сражений с войсками вермахта такой сплав был немаловажен.

Но пока армии Чуйкова не ставилось конкретных задач на проведение каких-либо боевых действий. Связано это было с тем, что весенняя распутица не позволяла их вести ни советским, ни немецким войскам. В действительности именно так и было. В жирном украинском черноземе, превратившемся в кисель, вязла матушка-пехота. А про технику, особенно автомобили, говорить не приходилось. Колеса буквально утопали по ступицы в густом черном тесте. Танки, тракторы двигались, но с трудом. Так что оставалось ждать, когда небесная канцелярия создаст надлежащие условия для воюющих сторон.

Шестнадцатого апреля в жизни армии Чуйкова произошло знаменательное событие. Решением Ставки ВГК она была преобразована в 8-ю гвардейскую. Поздравить командование армии приехал командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Р.Я. Малиновский. По сложившейся офицерской традиции это событие отметили. Малиновский собственноручно разлил водку по рюмкам,

затем провозгласил тост за гвардейцев 8-й армии, за бывшую теперь 62-ю.

В тот период Малиновский дал такую боевую характеристику Чуйкову:

Тов. Чуйков Василий Иванович включился в войну под Сталинградом с июля 1942 года и командовал в самый ответственный и тяжелый период 62-й армией, которая защищала непосредственно Сталинград, проявила высокое упорство и стойкость, выстояла и не отдала всю Волжскую твердыню врагу, а после, участвуя в наступлении, уничтожала окруженную группу Паулюса под Сталинградом. Военный совет Сталинградского фронта характеризует тов. Чуйкова как энергичного, решительного, смелого, требовательного и авторитетного генерала, что его работой по восстановлению и подготовке соединений 8 гв. армии (бывшей 62 А) полностью подтверждается. Руководство войсками осуществляет умело и грамотно. Оперативно-тактическая подготовка хорошая. Умеет спланировать вокруг себя своих подчиненных на твердое решение боевых задач.

Должности командующего гвардейской армией вполне соответствует.

18 апреля из Москвы пришел очередной документ — директива Ставки ВГК № 30095 об использовании гвардейских соединений в наступательных и оборонительных операциях. В ней говорилось:

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает гвардейские соединения (гв. стрелковые корпуса, гв. армии), состоящие из наиболее опытных и устойчивых войск, держать как правило, в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции для прорыва на направлении главного удара и в оборонительной операции или контрудара.

В соответствии с этим необходимо постепенно и без ущерба для боевой готовности войск и прочности обороны занимаемых рубежей произвести во фронтах и армиях перегруппировку с тем, чтобы вывести гвардейские соединения в резерв или во второй эшелон.

Во время нахождения в резерве гвардейские соединения готовить, главным образом для наступления, для прорыва оборонительной полосы противника. Особое внимание обратить на тщательность отработки вопросов взаимодействия родов войск ближнего боя ночных действий, борьбы с танками противника. Научить войска быстро и глубоко закапываться в землю с целью прочного закрепления захва-

ченных рубежей. Штабы всех степеней учить организовывать наступательный бой с целью прорыва оборонительной полосы противника и управлять войсками в динамике боя.

Обратить внимание на вопросы использования средств усиления, ввода в бой вторых эшелонов, организации тыла.

После прорыва оборонительной полосы противника, при наличии мощных вторых эшелонов, гвардейские соединения, участвовавшие в этом прорыве, выводить в резерв для отдыха и восстановления, не доводя их ни в коем случае до истощения...

Как далее следует из этого документа, бойцы гвардейских частей должны отличаться внешней выправкой, дисциплиной, быстротой и четкостью выполнения приказов. Сами же гвардейские части должны служить образцом и примером для всех остальных частей Красной армии.

В мае всем дивизиям, входящих в состав 8-й гвардейской армии, были вручены гвардейские знамена, а бойцам и командирам нагрудные знаки «Гвардия». На тот момент в Красной армии было немного гвардейских объединений. Это обязывало 8-ю гвардейскую оправдывать свое название. По сути, начиналась ее новая жизнь, жизнь гвардейской армии, подготовленной и предназначенной для наступления.

Начиная с середины апреля армия Чуйкова стала готовиться к будущим боям и сражениям. Они были не за горами. Главные военные события в ближайшие месяцы, и об этом информировал Чуйкова командующий фронтом, должны были развернуться в районе Курска, Орла и Белгорода. На тот момент в этих районах войска Воронежского, Центрального и Брянского фронтов заняли прочную оборону. Юго-Западный фронт, в состав которого входила армия Чуйкова, соседствовал с Воронежским фронтом.

Командующий фронтом генерал армии Р.Я. Малиновский также ориентировал Чуйкова на серьезные оборонительные бои. В соответствии с его указанием войска армии начали готовить оборонительные рубежи по реке Оскол на участке: Двуречная, Купянск, Сеньково, Горохаватка фронтом на запад и юго-запад. Одновременно Малиновский приказал Чуйкову быть готовым к тому, что, если противник перейдет в наступление, нанести сильный контрудар в направлениях Купянск — Волчанск, Купянск — Чугуев вдоль правого берега реки Оскол на город Изюм и по возможным переправам через реку Северский Донец.

Однако оборона, вспоминал Чуйков, не соответствовала настроянию солдат, младших и старших командиров. Им не терпелось помериться с противником силами в наступательных боях. Сам Василий Иванович тоже жил с подобными мыслями. По поводу методов наступательных операций он советовался и консультировался с военачальниками высоких рангов, старался перенять у них опыт вождения войск во время маневренного наступления. Очень были для него полезны встречи с командующим войсками Воронежского фронта генералом армии Николаем Федоровичем Ватутиным. Он подробно рассказал Василию Ивановичу о прорыве немецкого фронта на Дону в ноябре 1942 года, о продвижении наших войск от Дона до Северского Донца. Его наставления были крайне полезны. Опытный командир и штабист, Ватутин никогда не преуменьшал силы противника, не переоценивал и успехи советских войск.

8 мая командующие войсками Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтами получили из Москвы телеграмму:

По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на Орловско-Курском или на Белгородско-Обояньском направлении, либо на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает к утру 10 мая иметь все войска как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Получение подтвердить. О принятых мерах донести.

Директива была продублирована командармам. Как и положено в подобных случаях, Чуйков тут же отдал приказ по 8-гвардейской армии быть в готовности, а в случае наступления отразить атаки врага. Однако наступления противника ни в период 10—12 мая, ни в последующие дни ожидаемого наступления не произошло.

Спустя десять дней, 19 мая, последовало очередное предупреждение Ставки о намерении врага начать наступление в период 19—26 мая. Москва строго обязала не ослаблять бдительность и боевую готовность войск, продол-

жать вести разведку и захват пленных с целью получения новых данных о группировке противника и его замыслах.

В один из дней в районе Северского Донца разведка добыла «языка». Немецкий пленный во время допроса сообщил, что он является солдатом 6-й полевой армии. Эта информация очень удивила разведчиков, поскольку 6-я армия прекратила свое существование в Сталинграде. Оказалось, Гитлер своим распоряжением вновь создал армию с таким номером, назвав ее армией мстителей.

— 6-я армия будет мстить нам за Сталинград? — спросил немца начальник разведотдела полковник И.М. Рыжов.

При слове «Сталинград» пленный сразу изменился в лице. Потом сказал, что в германской армии нельзя произносить это слово, поскольку оно является синонимом поражения.

Действительно, Сталинград пугающе действовал на немцев. Даже после войны это название вызывало у них страх. Внук Чуйкова Николай Владимирович Чуйков рассказал автору книги такую историю. В 1970-х годах ветераны 62-й находились по приглашению немецкой стороны в Германии, где посещали места былых боев. В одном из городов остановили ехавшего на велосипеде пожилого немца. Спросили, как пройти к нужному месту. Немец объяснил, а потом поинтересовался, дескать, вы, наверное, ветераны. Наши ответили: да, ветераны 62-й армии. Немец в ту же минуту переменялся в лице, бросил велосипед и, схватившись за голову, побежал прочь от ветеранов со словами: «Сталинград! Сталинград!»

Так что в боях на Украине войскам Чуйкова вскоре опять пришлось напомнить 6-й «армии мстителей» об уроках Сталинграда. Пока же 8-я гвардейская армия старательно вгрызалась в землю, сооружая оборонительные рубежи, и одновременно готовилась к наступлению. Немцы тоже.

В своей книге «От Сталинграда до Берлина» Чуйков вспоминал:

Прошел май. Мы знали, что гитлеровских генералов соблазняла кажущаяся легкость концентрированными ударами с юга и с севера срезать образовавшийся к весне 1943 года выступ на линии фронта между Орлом и Белгородом, овладеть Курском и, стиснув с двух сторон наши войска, обороняющие Курск, уничтожить их, создать глубокий прорыв в наши тылы.

Гитлер, конечно, понимал, что это последняя попытка взять реванш за поражение под Сталинградом и опять за-

хватить стратегическую инициативу. Поэтому он и подбрасывал в готовое разгореться пламя все новые и новые войска, новую технику, знаменитые танки «Тигр», «Пантера», а также самоходные орудия «Фердинанд».

Обе стороны готовились к решительному сражению на Курской дуге.

Обе стороны, конечно, знали о сосредоточении сил и средств для этого сражения. Обе стороны усиленно закапывались в землю и готовили исходные позиции для наступления.

Стоял вопрос: кто начнет наступать? Время работало на нас, а оборона врага на нашей земле не могла быть длительной.

Ночью 2 июля Ставка отправила по каналам связи в войска третье предупреждение. Текст директивы гласил:

По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника.

В соответствии с этим документом армия Чуйкова была вновь приведена в полную боевую готовность. Командиры заняли передовые наблюдательные пункты. В окопах и траншеях ждали команды пехотинцы. В лесочках и балках, ошетилившись, стояли танки и пушки...

Курская битва началась 5 июля. План Ставки Верховного главнокомандования предусматривал, как только развернется сражение, переход в наступление нескольких соседствующих фронтов, чтобы гитлеровское командование не могло усилить войска на Курском направлении. Юго-Западный фронт должен был начать наступление на Барвенково; Южный фронт — из района Матвеев Курган на запад, на Сталино¹ и далее на Мелитополь; Брянский фронт — на Орел; Западный фронт — на Карачев.

Армия Чуйкова вступила в бои, когда на Курской дуге фактически наступал переломный момент. В составе Юго-Западного фронта ей предстояло форсировать Северский Донец, разгромить группировку противника и выйти к Днепру. Наступление армии началось ранним утром 17 июля.

¹ В настоящее время Донецк.

Советским войскам в полосе Юго-Западного и Южного фронтов противостояли 1-я танковая и 6-я армии из группы армий «Юг». После мощной артиллерийской и авиационной подготовки, длившейся полтора часа, стрелковые батальоны на лодках под прикрытием дымовых завес приступили к форсированию Северского Донца. К 8 часам они захватили первую и вторую траншеи немцев, закрепились там. Под их прикрытием саперы стали подводить понтонные парки и приступили к наведению переправы для переброски на противоположный берег танков и артиллерии.

Противник оказывал серьезное сопротивление войскам прорыва. Его оборонительные рубежи представляли собой крепкий орешек. Достаточно сказать, что средняя плотность фортификационного оборудования на километр местности составляла: дзотов — 4, открытых пулеметных площадок — 13, траншей и ходов сообщения — около 2000 погонных метров, противопехотных препятствий — около 1500 погонных метров, блиндажей и землянок — 9. В глубине, на командных высотах, в населенных пунктах и опушках лесов имелись опорные пункты и узлы сопротивления, приспособленные к круговой обороне и находящиеся между собой в огневой связи. Траншеи были связаны развитой сетью ходов сообщения и прикрывались с фронта противотанковыми и противопехотными минными полями.

Итоги первого дня наступления не могли удовлетворить Чуйкова, хотя его подчиненные и старались расширить занятый плацдарм. Так, части 29-го гвардейского стрелкового корпуса поднимались несколько раз в атаки, но их встречал массированный огонь противника. Повсеместно противник вводил в бой танки. Решительно и напористо действовал 33-й стрелковый корпус. Его части овладели несколькими населенными пунктами. 79-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора Н.Ф. Батюка удалось переправиться и сосредоточиться в районе Банное — Пришиб. В то же время 88-я гвардейская стрелковая дивизия гвардии генерал-майора Г.И. Вехина успела лишь сосредоточиться для переправы. Танковая группа гвардии полковника М.Г. Вайнруба переправилась, но слишком поздно. Поэтому Чуйков был вынужден задержать ее ввод в боевые действия. Активной бомбежкой противник помешал переправе 28-го гвардейского стрелкового корпуса.

Василий Иванович переживал нелегкие часы. После сталинградских боев это было первое наступление его армии. Поэтому до слез было обидно, что ни одну из постав-

ленных задач не удалось решить. Конечно, ставить задачи, расчерчивая карту стрелами с направлениями ударов, легче, нежели вести бой с сильным и опытным врагом. Чуйков никогда не считал своего противника слабым. Он действительно умел воевать, причем грамотно и умело. Взятые в плен в немецкие офицеры показали, что им было известно о готовящемся наступлении Юго-Западного фронта примерно с 12 июля, то есть за пять дней до его начала. Немцы также примерно знали о направлениях ударов прорыва. И оборона у них оказалась крепким орешком. В общем внезапности не получилось...

Между тем Ставка требовала наступления. На следующий и в последующие дни бои приобрели встречный характер. Противник непрерывно переходил в контратаки, поддерживаемые десятками танков. 19 июля он бросил в контратаку против правого фланга 82-й гвардейской стрелковой дивизии со стороны Каменки пехотный полк в сопровождении 48 танков, а со стороны Сухой Каменки — полк пехоты с 50 танками. Обратимся к воспоминаниям Чуйкова: «Сначала последовал хотя и короткий, но мощный артиллерийский удар по позициям нашей дивизии. Затем над нею зависли немецкие бомбардировщики и в боевые порядки устремились танковые клинья. Впереди шли мощные тяжелые танки “тигр”. За ними следовали легкие танки и самоходные орудия. Под прикрытием этих броневых щитов поднялась в рост немецкая пехота. Танки рвались вперед, к основному рубежу обороны, через мелкие траншеи. И им вслед из траншей в боковую броню летели гранаты, бутылки с горючей смесью, били противотанковые ружья. Строй сломался, клин притупился. Передовые танки достигли наших траншей. Их встретил орудийный огонь. Артиллеристы били прямой наводкой. Ближний бой, навязанный гвардейцами, лишил авиацию противника возможности сбрасывать бомбы и выходить на обстрел наших боевых порядков».

Такие же ожесточенные бои шли в полосе 79-й гвардейской стрелковой дивизии. 20 июля гвардейцы овладели поселком Голая Долина. Однако немецкое командование бросило против них части 17-й танковой дивизии, усиленные штурмовыми орудиями. Перед гвардейцами встала задача остановить бронированный клин врага, перемолоть его живую силу и технику. Под ударами танков рушились глинобитные стены. Домов в поселке практически не осталось. Из рук в руки переходили подвалы, печные остовы,

груды кирпича. Вокруг поселка Голая Долина было сожжено 30 танков противника, поле было устлано сотнями немецких трупов. После этих тяжелых боев Голую Долину окрестили в войсках — «мертвая Долина».

К сожалению, большие потери понесли и гвардейцы Чуйкова. Выдержав сталинградский ад, многие из них пали смертью храбрых на земле Донбасса. Здесь Чуйков потерял своего боевого товарища, командира дивизии гвардии, генерал-майора Николая Филипповича Батюка. Еще несколько месяцев назад Батюк вместе со своими солдатами героически защищал Мамаев курган. Отстоял! Очень гордился тем, что после Сталинграда его дивизии доверили освобождать от фашистской нечисти родную Украину. «В этом командире особенно хорошо сочетались три неопенимых качества: командирская настойчивость, храбрость и партийность, — сказал о нем Чуйков. — Он умел быть строгим и справедливым, его боялись и любили; он часто был на виду у своих воинов. У него были больные ноги, порой он еле передвигался, но он не отсиживался в землянке ... Он не стеснялся сказать любому начальнику и подчинённому правду в глаза, даже если она была и горька. Его доклады не требовали уточнений и проверки, они всегда были правдивы».

Похоронили Батюка в городе Банное¹ на берегу Северского Донца. Позднее его прах был перенесен на Мамаев курган, где он обрел покой рядом со своими бойцами и командирами — защитниками Сталинграда.

Бои по расширению плацдарма на западном берегу Северного Донца длились несколько недель. Армия вела трудные наступательные бои с небольшими передышками, вынуждая противника переходить в контратаки и нести тяжелые потери. В августе после демонстрации нескольких ложных ударов на левом фланге основные силы, сосредоточенные справа, в районе Изюма, вырвались на оперативный простор и освободили Барвенково. В основном задачи Ставки на Северском Донце в ходе Изюмско-Барвенковской наступательной операции были решены. В августовских боях, отмечал Чуйков, были созданы предпосылки не только для полного освобождения Донбасса, но и дальнейшего освобождения всего юга страны.

Первый опыт, в какой-то степени даже горький, проведения масштабных наступательных операций многому

¹ В настоящее время Святогорск.

научил Чуйкова. Уроки, которые он получил в июльских и августовских боях, были необходимы на будущее. В то же время Василий Иванович еще раз убедился в том, что и в этих условиях действуют законы и правила, которые он уже применял в ходе Сталинградской битвы. В частности, изучать особенности поведения противника, избегать шаблона как в обороне, так и в наступлении, использовать там, где это возможно, фактор внезапности. Чуйков так писал о завершившихся боях в районе Северского Донца: «Бои на Северском Донце многому нас научили. К Запорожскому плацдарму армия подступала, имея уже богатый опыт наступательных боев, прорыва оборонительных линий, форсирования мощных укреплений. Именно этот опыт и помог овладеть Запорожским плацдармом, превращенным противником в крепость. Именно возросшее мастерство солдат и офицеров позволило осуществить ночной штурм города и укреплений силами целого фронта. На том этапе это было для нас венцом достижений».

В сентябре за бои на Северском Донце Василий Иванович был представлен к ордену Кутузова 1-й степени. В наградном листе, подписанном командующим войсками Юго-Западного фронта и членом Военного совета Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом А.С. Желтым, сказано:

8-я гвардейская армия под руководством тов. Чуйкова прорвала сильно укрепленную полосу противника по господствующему крутому и обрывистому западному берегу Северский Донец. Эта трудная наступательная операция армии с форсированием широкого и глубокого на участке Северского Донца, армией была выполнена отлично и фронт противника на глубину 8—10 км был прорван. После чего завязались жестокие с подошедшими оперативными резервами противника (16-я мотодивизия, 17-я танковая, 23-я танковая, СС «Викинг» дивизия) и в этих боях армия неуклонно отбоявывала километр за километром и завершила свое наступление взятием города и района Барвенково, окончательно слолив сопротивление противника и вынудив его к отходу.

В этих боях тов. Чуйков показал себя бесстрашным и смелым командиром, проявил твердую волю и упорное стремление к победе над врагом, за что заслуживает награждения орденом КУТУЗОВА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ.

Однако эту награду Чуйков не получил. Почему наградной лист, хранящийся в личном деле маршала, остался, как

говорят кадровики, нереализованным, автору эти строк выяснить не удалось. Можно лишь предположить, что «наверху» были какие-то основания не награждения Чуйкова полководческим орденом.

Сентябрь стал месяцем мощного наступления Красной армии на большинстве участков советско-германского фронта. Особенно оно успешно развивалось при освобождении Украины. Красные стрелы, нанесенные штабными работниками на оперативные карты, указывали советским войскам их маршрут — Днепр. «Герои Волги и Дона, вас ждет Днепр!», «Днепр совсем близко. Вперед!», «Преследуйте врага, не давайте ему передышки!» Эти призывы постоянно звучали в частях и соединениях Воронежского, Степного, Центрального, Юго-Западного фронтов... Ставка Верховного главнокомандования требовала, чтобы войска как можно скорее вышли к Днепру.

В эти же сентябрьские дни в немецкие штабы один за другим летели злобешние приказы драться с русскими самым беспощадным образом, а отступая, оставлять за собой выжженную, безлюдную пустыню. «Необходимо добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, — инструктировал своих головорезов рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, — ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который не был бы отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну... сделайте всё, что в человеческих силах, для выполнения этого».

Немцы любой ценой стремились удержать Левобережную Украину. По указанию Гитлера ещё в середине августа на рубеже, проходившем по рекам Молочная, Днепр, Сож, восточнее Орши, Пскова и далее по реке Нарва, были возведены оборонительные рубежи, названные «Восточным валом». Ставка фюрера считала, что именно на Днепре вермахт сумеет остановить наступление русских, а затем вновь начнет победный поход на Восток.

Предстоящее сражение за Днепр существенно отличалось от уже завершившихся битв под Сталинградом и на Курской дуге. Если там они начинались с оборонительных операций, то на Днепре никаких оперативных пауз не планировалось. Группа фронтов должна была одновременно нанести удары по разным направлениям.

Отступая на правый берег Днепра, отводя свои войска за «Восточный вал», немецкое командование оставило на некоторых участках сильно укрепленные плацдармы на левом берегу Днепра как опорные пункты для возможного контрнаступления, а также как оборонительные рубежи, укрепрайоны, в которых, по их планам, могли быть перемолоты ударные войска советских армий. Плацдарм, оставленный на левом берегу, прижатый к берегу реки, был для немецкого командования и гарантией стойкости войск.

Одним из таких плацдармов на левом берегу был город Запорожье. Город занимал значительное место в системе обороны гитлеровского командования. Это определялось как промышленным значением Запорожья, так и его расположением с военной точки зрения. Ставка поставила перед Юго-Западным фронтом задачу не позднее 3 октября полностью очистить от противника занимаемый им запорожский плацдарм и выйти на этом участке к реке Днепр.

К сожалению, начавшееся 1—2 октября наступление силами трех армий Юго-Западного фронта окончилось неудачей. Сильная группировка врага, глубокие противотанковые рвы шириной до семи и глубиной до четырех метров, мощные огневые точки, дзоты, бронеколпаки не позволили быстро овладеть городом. К тому же войскам фронта не хватило боеприпасов, чтобы наносить по врагу мощные артиллерийские удары. Наступление было приостановлено. Слишком силен еще был противник. В ночь на 3 октября Малиновский приказал Чуйкову, ставшему к тому времени генерал-полковником, «продолжать вести разведку, пополнять дивизии и накапливать боеприпасы для продолжения наступательных операций по особому приказу, ориентировочно через 5—6 дней».

В последующие дни части 8-й гвардейской армии, как было приказано, осуществляли усиленную разведку огневых позиций немцев, отрабатывали приемы штурмового боя. По примеру сталинградских штурмовых групп были сформированы аналогичные группы для ведения боев на улицах Запорожья.

В период подготовки к наступательной операции Василий Иванович опять едва не погиб. Не привыкший сидеть на месте, он пошел вместе со своим адъютантом на НП одной из частей, чтобы на месте уточнить обстановку. На обратном пути они попали под сильный обстрел немецкой артиллерии. Снаряды рвались со всех сторон. И, как назло, вокруг никакого укрытия. Лишь на земле лежал одинокий,

чудом уцелевший, телеграфный столб. Они упали возле столба. Чуйков с одной стороны, адъютант — с другой. Двинуться и шевельнуться было невозможно. Огонь велся беспорядочно, и нельзя было угадать, в какое место прилетит очередной снаряд. Неожиданно лицо адъютанта исказилось от боли. Чуйков понял, что его ранило осколком. Он вскочил, подхватил адъютанта — благо тот оказался не тяжеловесом — бросился к своему НП. Ждать попадания снаряда, никак не сопротивляясь судьбе, было не в характере Чуйкова.

Эта сцена произошла на глазах у командующего фронтом генерала армии Р.Я. Малиновского, который находился в укрытии. Он встретил Чуйкова шуткой:

— Я говорил тебе, таскай всегда с собой окоп, тогда не попадешь в такую переделку.

В штабе фронта, штабах армий и дивизий искали варианты взятия плацдарма. Поиском верного решения были заняты, что называется, все — от командующего фронтом до рядового бойца. Высказывались различные предложения. Тогда же у Чуйкова возникла идея нанести удар по позициям врага ночью.

Еще со Сталинграда он знал плюсы и минусы ночного боя. Плюсы состояли в том, что наступление ночью способствует достижению внезапности действий, захвату инициативы и разгрому противника за более короткое время и с меньшими потерями, совершению скрытного маневра подразделениями и огневыми средствами. В то же время при наступлении ночью затрудняются ориентирование на местности и наблюдение за полем боя, опознание целей и выдерживание заданного направления наступления, усложняются управление подразделениями, поддержка их огнем артиллерии. Усложняется также вождение танков, осуществление маневра, обнаружение препятствий, заграждений и их преодоление. Ночью подразделения чаще, чем днем, могут оказаться в неясной ситуации...

Все эти и другие вопросы нужно было учесть. На картах можно начертить самые распрекрасные планы, а в реальной обстановке часто складывается все иначе. Командарм это хорошо понимал. Поэтому, перед тем как докладывать о своем замысле Малиновскому, Чуйков все многократно взвесил, обсудил его с членами Военного совета, офицерами штаба армии. Более того, в один из дней силами ряда частей армии был проведен ночной бой, в результате которого 28-й гвардейский стрелковый корпус продвинулся

вперед на 5—6 километров — огромный успех за весь период штурма Запорожья.

Командующий фронтом генерал армии Малиновский не всегда соглашался с идеями Чуйкова. Да и отношения у них на первых порах складывались не совсем гладко. Родион Яковлевич несколько раз упрекнул Василия Ивановича в «благодушии и пренебрежении к противнику». А во время наступательных действий в районе Северского Донца Малиновский даже сорвался на Чуйкова. А произошло следующее. Немцев выбили из населенного пункта Мазановка, что позволило открыть ворота для ввода 1-го гвардейского мехкорпуса генерал-лейтенанта И.Н. Руссиянова. Комкор уверил, что танки скоро двинутся в бой. Однако их по-прежнему не было. Малиновский пытался дозвониться до командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенанта танковых войск П.В. Волоха. Ему ответили, что он находится в лесу.

— Что смотришь? Что смотришь? — глядя на Чуйкова, закричал Малиновский. — Иди и сам вводи! Заснули они, что ли?

Чуйков не стал ждать новых упреков. Козырнув, тут же отправился на исходный рубеж ввода мехкорпуса. Оказалось, что генерал Волох был убит осколками от шально-го снаряда, из-за этого и произошла задержка ввода в бой мехкорпуса Русиянова. Конечно, война списывала многое, в том числе и грубость. Сам Василий Иванович тоже, случалось, не всегда гладил по головке подчиненных...

Идея Чуйкова о проведении ночной операции Малиновскому понравилась. Однако командующий развил идею дальше.

— Наступать будем всеми силами фронта! — сказал он. — Ослепить надо как следует немцев и хорошенько ударить!

Тут же, в землянке Малиновского, начали составлять план ночного штурма Запорожья. Чуйков впоследствии вспоминал в своих мемуарах:

«Что нас привлекало в плане ночного наступления, кроме обычных преимуществ, которые давал ночной бой? — вспоминал Чуйков. — Прежде всего, безусловная внезапность. Ночное наступление такими большими силами — явление необычное. Крупные ночные сражения велись довольно часто в ходе Великой Отечественной войны, но силами трех армий, танкового и механизированного корпусов сражения не велись. Стало быть, немецкое

командование не сразу, не в первый же момент удара догадается, что весь фронт перешел в наступление, поэтому не сможет должным образом сориентироваться, пропустит нужный момент для маневрирования резервами, и мы сможем осуществить решительный прорыв к городу».

13 октября в 21 час 50 минут стылое небо вздрогнуло от мощных орудийных выстрелов — артиллерия фронта открыла огонь. Воздух наполнился сплошным гулом и грохотом. Огненными стрелами пронеслись снаряды «Катюш». Через десять минут артподготовка закончилась. Послышался басовитый рокот танковых двигателей, скрежет гусениц. Танки на высокой скорости, с зажженными фарами, неся на себе десантные группы бойцов, устремились на ослапленного врага. Гвардейцы Чуйкова начали штурм...

К середине ночи уже было ясно, что наступление проходит успешно. Противник был выбит с позиций второго оборонительного обвода. В прорыв Чуйков ввел два корпуса — 23-й танковый Героя Советского Союза генерал-лейтенанта танковых войск Е.Г. Пушкина и механизированный генерал-лейтенанта И.Н. Руссиянова. Потянулись первые вереницы пленных. Некоторые из них тут же были допрошены. Пленные солдаты показали, что ночное наступление застало их врасплох. Многие офицеры на ночь уехали в город, а рядовой состав, не ожидая ничего, лег спать.

Рассвет гвардейцы Чуйкова встретили у черты города. В отдельных местах бои шли уже на улицах Запорожья. В дальнейшем, подтянув артиллерию, передвинув наблюдательные пункты, войска армии после короткой передышки в 8 часов утра одновременным ударом со всех сторон начали штурм города. Соседние 6-я и 12-я армии, развивая успех, выходили к Днепру. В своих мемуарах «В боях рожденная...» участник штурма Запорожья, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант И.Н. Руссиянов писал:

Мне хочется еще раз отметить, что успеху штурма во многом способствовало то, что он проводился ночью, — это был первый в истории Великой Отечественной войны ночной штурм крупного города, в котором принимали участие одновременно три армии с привлечением более 200 танков и САУ. Немаловажную роль сыграла и психологическая обработка противника. Сразу после мощной артподготовки по всему фронту перед вражеской полосой обороны вдруг сразу вспыхнули тысячи слепящих танковых фар и прожекторов. Вперед двинулась танковая лавина, изрыгая огонь из пушек и пулеметов. Это так подействовало на фа-

шистов, что многие из них с воплями, бросая оружие, в панике бросились бежать. Часть к себе в тыл, а часть, как ослепленный на дороге светом фар заяц, прямо под гусеницы наших танков. Впоследствии было установлено, что многие из них сошли с ума.

К 13 часам 14 октября город Запорожье был освобожден. Над городом вновь взвились красные флаги. В ходе ночных боев 13 и 14 октября только силами 8-й гвардейской армии было уничтожено более 3000 солдат и офицеров противника, 26 тяжелых орудий, 59 пулеметов, 22 миномета, 32 танка, 120 автомашин и бронетранспортеров...

В тот же день Верховный главнокомандующий Сталин издал приказ № 33, в котором были слова и об армии Чуйкова и его соединениях:

Войска Юго-Западного фронта, продолжая успешно наступательные действия, сломили ожесточенное сопротивление противника и сегодня, 14 октября, штурмом овладели крупным областным и промышленным центром Украины городом Запорожье — важнейшим транспортным узлом железнодорожных и водных путей и одним из решающих опорных пунктов немцев в нижнем течении Днепра.

В боях за освобождение города Запорожье отличились войска генерал-лейтенанта Чуйкова, генерал-майора Данилова, генерал-лейтенанта Лелюшенко, генерал-майора Куприянова, генерал-майора Семенова, генерал-майора Гурьева, танковые части генерал-лейтенанта танковых войск Пушкина, генерал-лейтенанта Руссиянова...

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение города Запорожье, присвоить наименование «Запорожских».

Поздним вечером в 23 часа 30 минут Москва от имени Родины отсалютовала доблестным войскам, освободившим Запорожье, двадцатью артиллерийскими залпами из 24 орудий.

После успешного завершения Запорожской наступательной операции перед армией Чуйкова были поставлены новые задачи. Правда, ряд операций прошел в отсутствие Василия Ивановича. По настоянию командующего фронтом Малиновского и представителя Ставки маршала Советского Союза А.М. Василевского он уехал в Москву на лечение в госпиталь. Поездка была вынужденная. Дали о себе знать старые раны, да и колоссальное перенапряже-

ние в период Сталинградской битвы, последующих боях тоже отразилось на его здоровье. Но уже после октябрьских праздников Чуйков, подлечившись, вновь вернулся к командованию армией, которая проводила частные наступательные операции. Тогда же фронт, в составе которого воевала 8-я гвардейская армия, был переименован в 3-й Украинский фронт.

Незаметно наступил Новый, 1944 год. Бокалы, стаканы, солдатские алюминиевые кружки бойцы и командиры 8-й гвардейской армии подняли на правом берегу Днепра. Как водится, все пили за Победу. Никто не сомневался в том, что наступивший год станет годом дальнейшего наступления войск Красной армии и изгнания с советской земли немецко-фашистских захватчиков.

В своих мемуарах «В боях за Украину», «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад» Василий Иванович подробно написал об операциях, которые были осуществлены его армией. Сказать, что все они были успешные, нельзя. Война диктовала свои задачи, решать которые приходилось не всегда по установленным, как в математике, правилам. В то же время в ходе проведения этих операций Чуйков проявил свои лучшие командирские и полководческие качества и в первую очередь способность предвидеть развитие событий, творческий подход к решению боевых задач, стремление глубоко и всесторонне готовить каждую операцию, умение грамотно сосредоточивать силы и средства на главном направлении.

Двадцать четвертого февраля Чуйков получил директиву командующего фронтом, которая нацеливала 8-ю гвардейскую армию отбросить противника за реку Ингулец и захватить плацдармы на правом берегу. Уже на следующий день развернулись упорные бои на ее левом берегу.

Как всегда, Чуйков находился там, где рвались снаряды и свистели пули. На небольшой украинский хутор, где он в это время находился, неожиданно налетели немецкие бомбардировщики. Бомбы посыпались, словно из рога изобилия.

— Я выскочил из хаты, а кругом поле, спрятаться нигде, — вспоминал спустя годы Василий Иванович. — Тогда просто прижался к стене, даже пригнуться не стал. Весь налет так и простоял. Отхожу от стены, а на ней ни одного целого места — вся изрешечена осколками. Только мое место целое. Напряжение страшное, рук не могу разомкнуть и тут-то чувствую, что меня Бог спас. Хочу перекрестить-

ся, а кулак не разжимается: руки от напряжения сведены судорогой. А может, от волнения. И тогда я кулаком перекрестился. Потом вошло в привычку — на Днестре, Висле, в Берлине.

Внук маршала — Николай Владимирович Чуйков поведал автору книги историю, связанную с этой бомбежкой. Когда Василия Ивановича не стало, его сын Александр Васильевич Чуйков, перебирая вещи отца, раскрыл его партийный билет, где лежал небольшой клочок бумаги с молитвой: «О, могущий! Ночь в день превратить, а землю в цветник. Мне все трудное легким содей. И помоги мне!» Эту охранную молитву как благословение на победу надиктовала Елизавета Федоровна, мать Василия Ивановича, перед его уходом на фронт. Выходит, эта молитва была оберегом деду, она его спасала от смерти.

...Войска Чуйкова упорно продвигались вперед, очищая левый берег от оккупантов. Сильно сковывало наступление весенняя распутица. Чуйкову даже пришлось с вездехода пересесть на танковый тягач — ведь надо же было хоть таким образом добираться до расположения частей и соединений.

В первых числах марта подчиненные Чуйкова совершили необычный в своем роде рейд по тылам противника, который способствовал созданию благоприятных условий для форсирования реки Ингулец. Героями этого рейда стали бойцы разведывательной роты гвардии старшего лейтенанта Ф.Л. Каткова из 88-й гвардейской стрелковой дивизии. В составе этого подразделения было 60 бойцов. Каткову было поручено разведать русло реки, подыскать места для форсирования, установить какие силы врага обороняют поселок Зеленое и Широкую Дачу. Старший лейтенант Катков решил, что лучше всего ему удастся разведать силы противника, если он со своей ротой переправится на противоположный берег. Но не с боем же роте пробиваться сквозь оборонительные позиции немцев! Проникнув во вражеский тыл, разведчики сумели обеспечить проход сквозь гитлеровские позиции двум стрелковым батальонам. Сами же разведчики окружили немецкий гарнизон, взяли в плен личный состав двух гаубичных батарей. В расположении противника возникла паника.

Однако командир 16-й моторизованной дивизии, в тылу которой происходили эти события, генерал-лейтенант граф Герхард фон Шверин решил, что из-за шума, поднятого русскими разведчиками, не стоит особо пере-

живать. Он считал, что наступление русских задержит на долгое время «генерал грязь», и не ждал активных действий со стороны советских войск. Но немецкий генерал плохо знал русского генерала Чуйкова, который тут же воспользовался его беспечностью. Уже утром 8-я гвардейская армия, используя успех разведгруппы, имела плацдармы на правом берегу для дальнейшего наступления.

О форсировании русскими реки Ингулец и их успешном наступлении на этом участке фронта было доложено Гитлеру. Фюрер пришел в ярость и потребовал от фон Шверина объяснений. Вот текст его телеграммы от 4 марта, которая позднее вместе с другими трофейными документами попала к разведчикам Чуйкова: «Из быстрого и глубокого прорыва неприятелем фронта 16 мд и неясного положения там до сих пор я заключаю, что некоторые командиры подразделений дивизии утратили боеспособность. Я требую тщательного расследования и наказания виновников — командиров и их заместителей со всей строгостью военным трибуналом согласно создавшемуся положению. О принятых мерах меня немедленно информировать. Верховный главнокомандующий».

Затем последовала жесткая телеграмма от командования:

Командиру 24 тд фон Эдельсгейму и командиру 16 мд фон Шверину представить мне такой материал до 6.3.44 г. В материалах указать:

1. Почему при Зеленом противнику удалось вклиниться и быстро совершить прорыв.

2. Чем вызвано беспорядочное отступление из «пункта 2».

3. Почему в ночь на 4 марта правый фланг 16 мд беспорядочно отступил вопреки приказу корпуса и тем самым поставил под серьезную угрозу левый фланг 3-й горнострелковой дивизии.

Всех виновных командиров и их заместителей снять с должностей и отдать под суд военного трибунала соответственно требованию Верховного главнокомандующего.

Меры были приняты. Вскоре фон Шверин предстал перед судом (но был оправдан). Остатки его разгромленной дивизии были отправлены во Францию на отдых и для пополнения.

К середине марта практически вся немецкая группировка, находившаяся в районе реки Ингулец, потеряла

полный крах. В результате боев 13-го и 14 марта войсками армии Чуйкова и 46-й армии генерал-лейтенанта В.В. Глаголева были разгромлены 29-й немецкий армейский корпус в составе 79, 302, 97, 17, 125, 258-й пехотных дивизий и остатки 24-й танковой. Нанесен был значительный урон 294, 304, 306 и 370-й пехотным дивизиям. За два дня боев было убито около 25 тысяч немецких солдат и офицеров, взято в плен около 10 тысяч...

В своих мемуарах «В боях за Украину», «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад» Василий Иванович подробно написал об операциях, которые были осуществлены его армией. Сказать, что все они были успешные, нельзя. Война диктовала свои задачи, решать которые приходилось не всегда по установленным, как в математике правилам. В то же время в ходе проведения этих операций Чуйков проявил свои лучшие командирские и полководческие качества, и в первую очередь способность предвидеть развитие событий, творческий подход к решению боевых задач, умение грамотно сосредоточивать силы и средства на главном направлении. Операция в районе реки Ингулец — тому яркое подтверждение.

Вполне закономерно, что 19 марта 1944 года Указом Президиума Верховного совета СССР Василий Иванович был удостоен звания Героя Советского Союза. По большому счету эту награду он должен был получить еще за Сталинград. Но в тот период Сталин редко жаловал генералов высшими знаками отличия, хотя многие из них, в том числе Чуйков этого были достойны.

Высшая награда Родины окрыляла Чуйкова. Но он считал, что Звезда Героя — это и награда его подчиненных, с которыми он вновь шел в бой. Впереди была Одесса.

В боях за этот город вновь отличилась его армия. Обороняли Одессу немецкие и румынские войска, LXXII армейский корпус в составе четырех дивизий и свыше 20 отдельных батальонов. Они занимали мощные оборонительные рубежи на северной и северо-западной окраине города. Лобовой удар по этим укреплениям ничего не сулил, кроме тяжелых потерь и длительной борьбы, разрушения улиц и жилых кварталов одного из самых красивых приморских городов.

В сложившейся ситуации нужно было опять найти единственно верное решение. И оно было найдено. Судьбу города решил обходный марш 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы генерал-лейтенанта

И.А. Плиева. Наступление непосредственно на город, на его улицы началось ночью без артиллерийской и авиационной подготовки. Еще перед началом операции командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Малиновский приказал:

— Артиллеристам по городу не стрелять, летчикам город не бомбить!

Это была очень трудная задача, но именно таким образом можно было спасти этот прекрасный город от больших разрушений. Стрелковые батальоны и танки штурмовали оборонительные позиции врага на различных направлениях внезапными для противника ударами и вскоре оказались на улицах Одессы. К утру 10 апреля части 4-го и 28-го гвардейских корпусов совместно с танкистами группы Плиева подошли к Дерибасовской улице, а дальше — на берег Черного моря...

Примечательно, что при освобождении Одессы отличился прославленный сталинградский снайпер Василий Зайцев. Однако здесь он действовал не как снайпер, а как командир зенитной роты 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Расчеты зенитных пулеметов из роты Зайцева защищали авангардные подразделения от фашистской авиации. На подступах к юго-восточной окраине города Зайцев повел свою зенитную роту в атаку как стрелковое подразделение. Во взаимодействии с соседней стрелковой ротой гвардейцам удалось захватить военный аэродром вместе с 18 истребителями «Мессершмитт», не дав им возможности подняться в небо.

К 10 часам утра Одесса была полностью освобождена от оккупантов. Над знаменитым оперным театром группа автоматчиков водрузила красный флаг.

«Над морем, над портом, закрытым пеленой тумана, всходило веселое, яркое весеннее солнце, — писала газета «Известия». — Одесситы вышли из домов. Все уцелевшие от немецкой пули, спасшиеся от угона в Германию бросились навстречу красноармейцам. Неожиданно появились старые дворники. При немцах и румынах они не работали, а теперь вышли с метлами, скребками, лопатами почистить, умыть, убрать Одессу. Группы молодых парней сбивают со столбов румынские надписи. На Дерибасовской зазвучала песня. Одесса пробуждалась после долгого, кошмарного, всеизнуряющего сна».

10 апреля Москва отметила освобождение Одессы двадцатью четырьмя залпами из 324 орудий. В приказе Верхов-

ного главнокомандующего Сталина вновь была названа 8-я гвардейская армия генерал-полковника Чуйкова.

Успешное завершение Одесской операции предопределило дальнейший ход боевых действий по освобождению Крыма, — написал впоследствии Чуйков. — Потеряв Одессу, гитлеровские войска фактически оказались в мешке. Оперативная и стратегическая обстановка, созданная усилиями Красной Армии на юге, лишила противника всех опорных пунктов на советском побережье Черного моря. Прошло еще немного времени, и войска 4-го Украинского фронта и Приморской армии, начав наступление, уничтожили главные силы фашистов в Крыму, вышвырнули жалкие остатки противника с Крымского полуострова и овладели главной военно-морской базой на Черном море — Севастополем.

Впереди опять были бои, бои... Наступление давалось трудно. Форсировав Днестр, войска армии Чуйкова вынуждены были удерживать захваченный плацдарм в районе Пугачены и Шерпены в течение месяца, так как противник постоянно контратаковал и не давал возможности двигаться вперед. 5 июня 1944 года 8-я гвардейская армия была выведена в резерв 3-го Украинского фронта, а потом по решению Ставки была передислоцирована в состав 1-го Белорусского фронта.

В конце июня армия Чуйкова вступила под начало командующего 1-м Белорусским фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского. 23 июня началась одна из важнейших стратегических операций Красной армии «Багратион», названная в честь талантливого русского полководца, героя Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона. 8-я гвардейская армия Чуйкова участвовала во второй фазе наступления. Она была включена в состав ударной группировки, состоящей из нескольких общевойсковых армий и крупных подвижных соединений. Перед группировкой была поставлена задача прорвать оборону немцев западнее Ковеля. Осуществив этот прорыв, общевойсковые армии должны были обеспечить ввод в сражение двух танковых соединений и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и на Люблин с последующим выходом на Вислу.

Накануне грядущих событий Василий Иванович писал жене: «Здравствуй, дорогая моя Валя! Шлю привет, лучшие пожелания, целую тебя дорогая, и обнимаю... Сейчас

готовимся к решительному бою. Мне много дают людей и техники, которые нужно крепко осваивать, а это было первой причиной, что я не смог побывать дома. Ты сейчас уже слышишь залпы победы, но это только цветочки, ягодки впереди, т. е. главные силы, главный удар еще не пущен. Вот к этому и готовимся. Сейчас мы находимся в такой обстановке, что даже наши письма не посылают по почте, чтобы не разглашать тайны сосредоточения. Это будет до того времени, пока не ударим. В общем, обстановка для нас хорошая; для Гитлера — смерть. Этим годом должно все в основном решиться».

Перед наступающими войсками немцы оборудовали три полосы обороны, общая глубина которой достигала 50—60 километров. Армии Чуйкова предстояло форсировать Западный Буг, реку с извилистым руслом шириной до 80 метров и глубиной 2—4 метра. Трудности были на каждом шагу. Даже такая неприметная речка, как Плыска, могла доставить уйму хлопот своими болотистыми берегами. Дорог было мало, да и те не ахти какие — грунтовые, с разбитыми мостами.

За сутки до начала наступления был проведен розыгрыш предстоящей операции. В ящиках с песком — на военном языке это называется «сыграть на ящике» — были воссозданы рельефы местности, по которой предстояло наступать. На макет нанесли всю оборону противника, места расположения его резервов, артиллерии, танков. В розыгрыше принимали участие командиры корпусов и дивизий, начальники родов войск и служб. На занятии присутствовали маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский, главный маршал авиации А.А. Новиков, маршал войск связи И.Т. Пересыпкин, командующий 2-й танковой армией генерал-полковник С.И. Богданов.

Все участники этого занятия хорошо поняли замысел и план операции. Сказалось единство взглядов, сложившееся в предыдущих боях. Правда, не обошлось без борьбы за намеченный план операции. В своей книге «От Сталинграда до Берлина» Чуйков подробно описал, как дальше шло рассмотрение плана:

Кое-кто из работников штаба фронта недоумевал, почему мы наметили более высокие темпы наступления, чем фронтовое командование. Возмутились и артиллеристы фронта: почему при разведке боем планировался большой расход снарядов, к тому же и крупных калибров? Не все

могли понять, что мы собираемся сочетать разведку боем с прорывом всей обороны противника. Мы пытались провести в жизнь новое, шли вопреки некоторым сложившимся традициям, привычным шаблонам. И ясно, что не все это сразу поняли и приняли.

Разговор постепенно принял форму спора. А военные знают, что спорить с начальством — дело не из приятных. Но мне помог командующий фронтом К. К. Рокоссовский. Он во всеуслышание заявил:

— Вы командарм, вы решаете, и вы будете отвечать и за хорошее, и за плохое...

Это меня вполне устраивало.

Летчики недоумевали, что я нацеливаю их не на передний край обороны противника, а на артиллерийские позиции, расположенные в глубине вражеской обороны.

Пришлось разъяснить, что вражеский передний край наши артиллеристы хорошо знают, что при нашей мощи огня там все будет разрушено и подавлено. В глубине же обороны противника артиллерия не может добиться той же эффективности, как авиация. Летчики поняли, что от них требуется.

В ночь на 14 июля 1944 года дивизии первого эшелона армии Чуйкова вышли на исходные позиции на участке прорыва. А 18 июля 8-я гвардейская начала наступление и через двое суток, пройдя с боями свыше 40 километров, с ходу форсировала Буг, вступив на польскую землю. В дальнейшем гвардейцы, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, освободили Люблин. За шесть дней армия Чуйкова прошла с боями около 180 километров.

В ходе боев за Люблин бойцы его армии освободили концентрационный лагерь Майданек. Для Чуйкова, много видавшего и пережившего на своем веку, это стало страшным потрясением. Он вспоминал:

Мне казалось, что уже ничто не сможет меня удивить, что касалось бы облика фашизма. Я видел все! И бои в Сталинграде, сожженные и разрушенные села и города Украины, я видел горы трупов немецких солдат, брошенных в бессмысленную бойню. Оказывается, это еще не самое страшное... Лагерь смерти... Не лагерь! Фабрика смерти! Организованная и построенная по последнему слову инженерной техники, с помощью которой фашисты изощрялись в уничтожении людей. Я опускаю все подробности, которые теперь широко описаны во многих документальных изданиях. Но скажу откровенно, когда мне рассказывали, когда я увидел фотографии, сделанные нашими офицера-

ми, я не пошел туда... Дрогнуло у меня сердце. Миллионы сожженных в печах людей. Миллионы! Мужчины, женщины, дети, старики... Никого не щадили! Подвешивали живых на крюки, убивали дубинками, травили газами...

Что теперь может остановить руку советского воина, когда он войдет на немецкую землю? Как объяснишь, если семьи многих наших бойцов были уничтожены, а некоторые, может быть, горели в этих печах! Мы опасались, что отныне никто не будет брать немецких солдат в плен...

Забегая вперед, скажем, что какая бы ни была ненависть у русского солдата к фашистам, он, вступив на немецкую землю, не позволял себе творить то, что творили они на советской земле. Да, были случаи, когда у кого-то сдавали нервы... Но их было крайне мало по сравнению с многими тысячами и тысячами злодеяний, совершенных гитлеровцами в городах и селах Советского Союза.

Между тем войска Чуйкова шли вперед. 26 июля 1944 года они вышли к Висле. Для захвата плацдарма Василий Иванович решил использовать проверенный прием — разведку боем, переходящую в наступление. Здесь, на Висле, эту тактику его подчиненные нарекли «разведывательным эшелоном». Получив разрешение от командующего фронтом Рокоссовского, 1 августа Чуйков начал форсирование Вислы.

В первый же день гвардейцы захватили на западном берегу в районе Магнушева плацдарм в 10 километров в ширину и 5 в глубину. Придя в себя, немцы нанесли ответный контрудар. Бои приняли затяжной характер. Враг двинул на гвардейцев свою ударную силу — танки. Применял он их массами. Так трудно подчиненным Чуйкова было, пожалуй, только в Сталинграде. Это отметил впоследствии в своих воспоминаниях «Солдатский долг» и К.К. Рокоссовский: «Особенно тяжело пришлось войскам, державшим Магнушевский плацдарм. Должен прямо сказать, что отстоять его нам удалось в значительной степени потому, что обороной руководил командующий 8-й гвардейской армией Василий Иванович Чуйков. Он находился всё время там, в самом пекле. Правда и командование фронта делало всё, чтобы своевременно оказать помощь сражавшимся войскам фронтовыми средствами и авиацией».

Потеряв сотни танков, самоходных орудий и десятки тысяч солдат, немецкое командование вынуждено было признать свое поражение и перейти к обороне. Мангушев-

ский плацдарм стал своего рода трамплином для дальнейшего наступления 1-го Белорусского фронта через Польшу в фашистское логово — Германию.

Очередной Новый, 1945 год Чуйков встретил со своей армией на Висле. За предыдущие месяцы на плацдарме был собран мощный кулак для наступления, состоящий из 23 дивизий и 5348 артиллерийских стволов. Боевая пружина как бы сжималась для удара. И она разжалась 15 января. Прорвав немецкую оборону, войска армии устремились на запад, постоянно опережая установленные сроки. Освобождение Лодзи, стремительный марш-маневр через всю Польшу на Одер, штурм Познаньской крепости и фортов Кюстринской цитадели — все это осталось позади вместе с четырьмя месяцами боев и сражений. И нигде не было легко. Гитлеровцы с озверелым упорством пытались удержать свои оборонительные рубежи. Белых флагов они не выбрасывали и парламентариев не присылали. Убеждать их приходилось силой оружия.

В первые апрельские дни из Москвы пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного совета СССР «за успешные действия армии на 1-м Белорусском фронте в Висло-Одерской операции и личное мужество» Василий Иванович был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Это было новое признание его заслуг перед Родиной как военачальника, показавшего умение организовывать устойчивую оборону, осуществлять быстрый и решительный маневр войсками, грамотно проводить наступательные действия.

В наградном листе, подписанном командующим войсками 1-го Белорусского фронта маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, который сменил на этой должности К.К. Рокоссовского, и членом Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом К.Ф. Телегиным, говорилось:

Войска, руководимые гв. генерал-полковником тов. Чуйковым, 14 января 1945 г. перешли в наступление с плацдарма на левом берегу р. Висла, юго-восточнее г. Варта. Прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную полосу противника и за 25 дней с боями прошли свыше 500 км, форсировали р. Пилица и дважды р. Варта, освободив при этом десятки городов и сотни населенных пунктов. Преследуя разгромленного противника, войска армии, при содействии частей 69-й Армии, овладели г. Лодзь, важным промышленным и опорным пунктом обороны немцев, а затем

частью своих сил, совместно с частями 69 Армии, окружили гарнизон противника в г. Познань. В результате тридцатидневных упорных боев, в трудных условиях большого города и сильно укрепленной, модернизированной крепости, войска Армии завершили разгром окруженного противника и овладели городом и крепостью Познань. Развивая наступление, войска Армии прорвали долговременную, глубоко эшелонированную и сильно укрепленную оборонительную полосу немцев на «Одерском четырехугольнике» главными силами вышли на р.Одер, форсировали ее юго-западнее Кюстрин и ведут бои по расширению плацдарма на западном берегу. За время наступления войска Армии захватили в плен и уничтожили 88295 солдат и офицеров противника. Захвачено: танков и самоходных орудий — 207, орудий разного калибра — 738, автомашин — 11482, и много другой техники и военного имущества.

За умело проведенную операцию по прорыву сильно укрепленной полосы противника, успешное форсирование р. Пилица, Варта и Одер, при сохранении сил и наступательного темпа своих частей, гв. генерал-полковник Чуйков достоин награждения второй медалью «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА».

После прорыва обороны противника на Зееловских высотах части и соединения Чуйкова вышли к юго-восточным окраинам столицы Германии. 25 апреля начался штурм столицы Третьего рейха. Как свидетельствуют документы, Берлинская группировка насчитывала около 200 тысяч солдат и офицеров, включая фольксштурм. Оборона была тщательно продумана и хорошо подготовлена. Ее основу составляли опорные пункты и узлы сопротивления. Всего в городе имелось до 400 железобетонных долговременных сооружений многоэтажных бункеров (до 6 этажей) и дотов, оснащенных орудиями (в том числе зенитными) и пулеметами. Улицы перекрывались мощными баррикадами толщиной до четырех метров.

При взятии Берлина Чуйков в очередной раз доказал, что прозвищем Генерал-штурм его не зря окрестили. В уличных боях он использовал многократно проверенный опыт применения штурмовых групп и отрядов. В Берлине они формировались следующим образом: стрелковому взводу или роте придавались 2—3 танка, самоходное орудие, саперное отделение, связисты и минометчики. Действия штурмовых отрядов, как правило, предварялись короткой, но мощной артиллерийской подготовкой.

Наступление шло бесперывно днем и ночью. Под прикрытием огня орудий и минометов штурмовые группы и

отряды продвигались вперед. Почти на всех направлениях схватки с немцами носили исключительно ожесточенный характер. Но гвардейцы шаг за шагом овладевали все новыми кварталами фашистской столицы. Бойцам приходилось продвигаться через проломы в стенах, груды развалин, нагромождения железобетонных плит... Границы осажденного берлинского гарнизона сжимались, но сопротивление противника возрастало.

Уже 27 апреля гвардейцы Чуйкова вышли к Тиргартену, за которым находились правительственные учреждения: Министерство иностранных дел, гестапо, Рейхстаг, Имперская канцелярия... Здесь оборону держали подразделения дивизии СС «Нордланд», французский батальон из дивизии СС «Шарлемань», латышский батальон 15-й гренадерской дивизии СС, а также роты личной охраны СС Адольфа Гитлера. Участие французов и латышей в защите логова фашистского зверя — лишнее свидетельство того, кто еще участвовал в войне против Советского Союза.

Центр Берлина являлся последним оборонительным рубежом врага. Василий Иванович впоследствии вспоминал: «Каждый шаг здесь стоил нам труда и жертв. Бои за этот последний район обороны третьего рейха отмечены массовым героизмом советских воинов. Камни и кирпичи развалин, асфальт площадей и улиц немецкой столицы были политы кровью советских людей. Да каких! Они шли на смертный бой в солнечные весенние дни. Они хотели жить. Ради жизни, ради счастья на земле они прокладывали дорогу к Берлину через огонь и смерть от самой Волги».

Действительно, тысячи советских солдат и офицеров погибли на улицах Берлина, не дожив до победы каких-то часов, а то и нескольких минут и секунд. Наверное, каждый из них думал о том, что скоро увидит мать, жену, детей...

Два дня — 29 и 30 апреля — войска фронта, преодолевая возрастающее упорство противника, особенно батальонов СС, все глубже вгрызались в правительственные кварталы Берлина. Вечером, 30 апреля, Чуйкову позвонил командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Он спросил:

— Есть ли надежда, что к празднику 1 Мая мы очистим полностью Берлин?

— Сопротивление противника ослабевает, но надежды на скорую капитуляцию нет, — ответил Чуйков.

Разговор на этом закончился. Но Чуйков, как и многие другие военачальники, знал, что развязка близится.

Силы гитлеровцев иссякли, сопротивление было бессмысленным. Рано или поздно им все равно придется сдаваться. Надеяться было не на кого. Любимая фраза Гитлера: «С нами Бог!» была лишь фразой, не более. Бог уже был не с немцами...

Вскоре после звонка Жукова Чуйкову позвонил командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант В.А. Глазунов.

— На передний край 102-го гвардейского стрелкового полка 35-й дивизии прибыл с белым флагом подполковник германской армии, — доложил Глазунов. — У него пакет на имя командования русских войск. Немец просит немедленно доставить его в вышестоящий штаб для передачи важного сообщения. Ему удалось перейти канал на участке Висячего моста. Фамилия этого подполковника Зейферд. Сейчас он находится в штабе дивизии. У него есть полномочия германского верховного командования. Он просит указать место и время для перехода линии фронта представителям верховного командования Германии.

— Ясно, — ответил Чуйков. — Передайте подполковнику, что мы готовы принять парламентариев. Пусть он ведет их по тому же участку, где перешел сам, через Висячий мост. Огонь на этом участке прекратить, парламентариев принять и направить на мой передовой командный пункт, я сейчас же выезжаю туда.

Вскоре командарм вместе с генералами Пожарским и Вайнрубом был на своем КП, расположенном в доме Шуленбургринг, 2 в районе Берлин-Темпельхоф.

Потекли минуты ожидания. Прошел час, другой... Начал брезжить рассвет. Близилось утро 1 мая. Наконец в 3 часа 55 минут дверь открылась, и в комнату вошел немецкий генерал с железным крестом на шее.

Это был начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал артиллерии Ганс Кребс. Впрочем, обратимся к воспоминаниям Чуйкова:

Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой делает жест приветствия по-своему, по-фашистски; левой подает мне свой документ — солдатскую книжку. Это начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник генерального штаба фон Дуввинг и переводчик.

Кребс не стал ожидать вопросов.

— Буду говорить особо секретно, — заявил он. — Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Произнеся эту фразу, Кребс сделал паузу, точно проверяя, какое воздействие произвело на нас это сообщение. Он, по-видимому, ожидал, что все мы набросимся на него с вопросами, проявим жгучий интерес к этой сенсации. А я, не торопясь, спокойно сказал:

— Мы это знаем!

Затем, помолчав, попросил Кребса уточнить, когда это произошло.

Кребс заметно смутился. Он никак не ожидал, что его сенсационное заявление окажется холостым выстрелом.

— Это произошло в пятнадцать часов сегодня, — ответил он. И, видя, что я смотрю на часы, поправился, уточнил: — Вчера, тридцатого апреля, около пятнадцати часов.

Затем Кребс зачитал письмо Геббельса к советскому Верховному Главнокомандованию, в котором говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем.

Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня, в 15 часов 50 минут, добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

После этого немецкий генерал вручил Чуйкову еще два документа: о его полномочии на ведение переговоров с русским верховным командованием (бланк начальника Партийной канцелярии с печатью подписан Борманом 30 апреля 1945 года) и завещание Гитлера со списком нового Имперского правительства и Верховного командования вооруженных сил Германии (этот документ подписан Гитлером и свидетелями; на нем пометка — 4 часа 00 минут 29 апреля 1945 года).

Получив документы, Чуйков доложил по телефону Жукову о смерти Гитлера и о том, что генерал пехоты Кребс передал ему предложения от нового правительства Германии заключить перемирие. Жуков тут же перезвонил Сталину, его ответ был категоричен: никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести.

Вскоре на КП прибыл 1й заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии В.Д. Соколовский. По поручению Жукова он сообщил Кребсу, что советская сторона не намерена вести никаких мирных переговоров с новым правительством, речь может идти только о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Условия ее таковы:

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохранятся жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь...

По просьбе Кребса связисты Чуйкова наладили прямую телефонную связь с Имперской канцелярией. Кребс позвонил Геббельсу, сообщив о требованиях русской стороны. Однако Геббельс категорически отверг капитуляцию. Переговоры, длившиеся 12 часов, стали бессмысленными. Кребс вернулся в бункер. В 18 часов новое правительство Германии окончательно отклонило требование советской стороны о безоговорочной капитуляции, и войска Красной армии опять возобновили штурм города. В бой вновь вступили штурмовые группы и отряды. Вскоре части 3-й ударной армии, наступавшие с севера, встретились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии, продвигавшимися с юга.

В 00 часов 40 минут 2 мая фашисты на русском языке обратились по радио с просьбой прекратить огонь и сообщили о направлении парламентариев. Прибывший вскоре на КП Чуйкова командующий обороны Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг от имени фашистского командования заявил о согласии на безоговорочную капитуляцию. К 15 часам 2 мая сопротивление Берлинского гарнизона повсеместно прекратилось. Остатки гарнизона сдались в плен.

Спустя неделю, 9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому времени генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в присутствии маршала Советского Союза Г.К. Жукова с советской стороны подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Так наступила окончательная Победа над фашизмом, которую ждали 1418 дней и ночей.

Василий Иванович вспоминал, что вечером 2 мая он вышел на площадь перед имперской канцелярией. Повсюду шумело солдатское море, гремело русское «ура!», на разные лады играли гармошки и баяны... Неожиданно ноги

Чуйкова оторвались от земли — это бойцы подхватили своего командарма на руки и стали дружно подбрасывать.

— Мы победили! Ура! — слышались громкие возгласы.

Как ему хотелось в эти минуты обнять всех своих гвардейцев и благодарить, благодарить по-отцовски, по-братски за все, что они сделали. За то, что сдержали клятву, данную в горящем Сталинграде, дойти до Берлина. И они дошли, расписавшись на стенах поверженного Рейхстага. Сколько автографов оставили его бойцы — никто, конечно, не считал. Но их было неимоверно много: «Сталинградцы в Берлине», «От Сталинграда — в Берлин. Гальченко И.В., Новосельцев», «Сталинград — Берлин», «Сталинградцы. Шмаков, Матяш, Золотаревский», «Гвардейцы Чуйкова», «Мы с Волги», «Защищали Сталинград. Пришли в Берлин»...

«Кончилась война. Пройден большой и трудный путь. Если бы все траншеи, окопы, ходы сообщения, по которым довелось ходить в годы войны, если бы все маршруты стремительных маршей и обходных маневров соединить в одну прямую линию, она опоясала бы весь земной шар по экватору. И я горжусь, что это расстояние я прошел вместе со своими гвардейцами...»

Эти строки Василий Иванович напишет спустя годы, вспоминая весну сорок пятого года. Да, война окончилась. Но впереди у Чуйкова еще будет много мирных лет — интересных, насыщенных, плодотворных. И первые месяцы мирной жизни уже начинали свой отсчет...

Глава 10

НА СТРАЖЕ МИРА И ТРУДА

Кто думает о прошлом, тот имеет в виду и будущее. Кто говорит о будущем, тот не имеет права забыть о прошлом. Пройдя сквозь огонь многих сражений, я узнал тяжесть войны и не хочу, чтобы эта участь снова выпала на долю народов. Но угрозу новой мировой войны нельзя считать полностью устраненной. Разум требует не забывать уроков истории.

В.И. Чуйков

В Берлине было тепло. Пахло распутившейся на деревьях листвой. Остывали от недавних боев стволы орудий и танковых пушек. Вместо них над городом лишь раскатиисто гремели первые майские громы.

«Здравствуй, дорогая моя Валечка! — писал в те дни Чуйков жене. — Целую тебя, родная, много-много раз. Целую дочек Нелечку и Ирину. Дорогая моя, долгожданный час победы наступил. Вся страна и весь мир радуются. Этому радуются даже немцы, освободившиеся от гитлеровского кошмара. Сейчас я чувствую, что я как безработный, проработавший много лет в этой войне на самых активных участках и направлениях. Никак не могу настроиться на мирную обстановку. Дико, что ложишься спать, и тебя не будят: не стреляют, не бомбят...»

Армия Чуйкова, выполнив свои боевые задачи, покидала город, где постепенно стала налаживаться мирная жизнь. Сначала поговаривали, что армия будет передислоцирована на Родину. Так, во всяком случае, хотелось бойцам, которым не терпелось скорее попасть домой. Действительно, многие части и соединения, принимавшие участие в разгроме фашистской Германии, возвращались в Советский Союз.

Однако армия Чуйкова осталась на месте. 29 мая 1945 года была принята директива Ставки Верховного главнокомандования, которая предписывала создать мощное объ-

единение войск в Германии для поддержания безопасности и порядка. Группировка создавалась на основе войск 1-го Белорусского фронта и получила название Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Согласно указанной директиве, в ГСОВГ была включена и 8-я гвардейская армия. Местом ее дислокации стала Тюрингия со штабом в небольшом городке Йене. В июле штаб был переведен в Веймар, а в 1946 году — в Нору, где находился вплоть до вывода советских войск в 90-х годах из Германии.

Армия — хозяйство большое и хлопотное. На тот момент в ее состав входили 4, 28 и 29-й гвардейские стрелковые корпуса, в каждом из которых имелось по три стрелковых дивизии. Разместить десятки тысяч людей с техникой, лошадьми, имуществом и прочим скарбом оказалось делом непростым. Многие города, в том числе Йен были сильно разрушены в результате бомбардировок: постарались союзники — американские и английские летчики.

Но русскому солдату, прошедшему огонь, воду и медные трубы, никакие трудности были не страшны. Тыловые службы армии оперативно решили вопросы расквартирования частей и соединений. Они были размещены на территориях военных городков, в лагерях, на полигонах, где раньше размещались войска вермахта. По приказу Чуйкова был установлен твердый порядок несения службы.

Все майские и последующие дни Чуйкова закрутил водоворот дел, которых хватало с избытком. Нужно было решать не только вопросы, касающиеся армии, но местного населения. Сказать, что немцы встретили русских солдат с распростертыми объятиями, было нельзя. Поэтому нужно было как можно скорее растопить холодный лед в отношениях между двумя народами. По приказу Чуйкова советские воины, несмотря на собственные трудности, помогали местному населению всем, чем только могли, чтобы наладить мирную жизнь. Надо было видеть лица немцев, вспоминал Василий Иванович, когда они получали из рук русского солдата или офицера хлеб, крупу, сахар.

Как свидетельствуют документы, по решению советского командования в среднем один человек получал 400—500 граммов хлеба, 50 граммов крупы, 50 граммов кофе (в месяц), 20 граммов чая, 15 граммов жиров. Кроме того, овощи, молочные продукты, соль в зависимости от местных ресурсов. По нормам для рабочих тяжелого труда (превышавшим в 1,5—2 раза средние) снабжались деятели науки,

техники, медицины, культуры, руководители администраций, остальной интеллигенции по нормам для рабочих.

Немцы не ожидали от русских «оккупантов» ничего подобного. Кроме того, советские воины помогали им восстанавливать дома, дороги, мосты, коммунальное хозяйство, производили разминирование местности, оказывали медицинскую помощь. Иными словами, были для немцев и строителями, и медиками, и миротворцами.

В июне Чуйков был приглашен в Москву для участия в параде Победы. Первым делом он приехал домой, где на Большой Калужской улице¹ жила его семья, возвратившаяся из эвакуации из Куйбышева². Сколько долгожданного счастья было при встрече! Любимые Валечка, дочери Нинель и уже подросшая Иришка тут же обхватили его со всех сторон руками. Поцелуи, слезы радости. Об этом свидании с семьей Василий Иванович мечтал еще в сталинградских окопах.

Парад Победы состоялся 24 июня на Красной площади. Накануне, 20 июня, в Москву из Берлина на самолете было доставлено Знамя Победы. Знамя встречал почетный караул, которым командовал подчиненный Чуйкова, заместитель командира 101-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитан Валентин Иванович Варенников. К слову сказать, будущий Герой Советского Союза, главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР.

В памяти Василия Ивановича парад Победы оставил неизгладимое впечатление. Для всех участников парада была специально пошита парадная форма. На Чуйкове — высоким, подтянутом — генеральский мундир с золотыми погонами, двумя Звездами Героя Советского Союза и рядами самых высших орденов смотрелся особенно красиво.

Увидев мужа в парадной форме, Валентина Петровна не могла на него налюбоваться.

— Такого красавца могут и украсть, — глядя на жену, пошутил Василий Иванович.

— На фронте не украли, а теперь, когда ты рядом, тем более не получится, — парировала счастливая Валентина Петровна.

Сводные полки, принимавшие участие в мероприятии, были сформированы из наиболее отличившихся солдат,

¹ В настоящее время Ленинский проспект.

² В настоящее время Самара.

офицеров и генералов. Как правило, ими являлись Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, других высоких наград Родины. На параде полки шли в порядке общей линии действующих фронтов, справа налево.

Первым — полк Карельского фронта, во главе с маршалом Советского Союза К.А. Мерецковым. Следом — колонна Ленинградского фронта, которую вел маршал Советского Союза Л.А. Говоров. Далее — полк 1-го Прибалтийского фронта, возглавляемый генералом армии И.Х. Баграмяном... Чуйков шагал в шеренге командиров сводного полка 1-го Белорусского фронта, который вел вместо маршала Советского Союза Г.К. Жукова генерал-лейтенант И.П. Рослый. Жуков принимал парад. Кульминацией парада стал вынос советскими воинами 200 вражеских знамен, захваченных в боях с немецко-фашистскими войсками. Под барабанный бой их бросили к подножию мавзолея В.И. Ленина.

На следующий день в Кремле состоялся торжественный прием в честь участников парада, на котором Сталин произнес свой знаменитый тост о русском народе:

Я, как представитель нашего Советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа (бурные, продолжительные аплодисменты, крики ура).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа, потому что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны...

Но первый тост был провозглашен за бойцов и командиров Красной армии и Военно-морского флота, за тех, кто погиб за Родину во имя Победы. Потом последовали тосты за Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза И.В. Сталина, за военачальников.

Командующие фронтами, командармы, когда объявляли их фамилии, подходили к правительственному столу и чокались с первыми лицами государства. Вскоре провозгласили тост за командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Он вместе с группой генералов, в составе которой был и Чуйков, подошли к Сталину. Вождь был в хорошем настроении, чокался со

всеми и говорил добрые слова. Когда очередь дошла до Василия Ивановича, Сталин отобрал у него рюмку, протянул ему другую — побольше.

— Дважды Герою — двойную норму, — с улыбкой сказал он.

Чуйков чокнулся с вождем и залпом выпил до дна. Приведенный факт — не очередная выдумка, которых много гуляет в народе о Чуйкове. Это действительно была, что засвидетельствовал в своих воспоминаниях Герой Советского Союза генерал армии А.С. Жадов, воевавший вместе с Василием Ивановичем под Сталинградом.

После праздничных мероприятий Чуйков вновь вернулся в Германию. Здесь его ждали новые ответственные задачи. В ночь на 30 мая он получил оперативную директиву от командующего ГСОВГ маршала Жукова о порядке отвода войск союзников из Советской зоны оккупации Германии и вводе туда советских войск. Как следовало из этого документа, английские и американские войска начинают отход на запад 1 июля и к исходу 3 июля английские войска должны полностью освободить советскую зону оккупации, американские — к утру 5 июля.

Казалось бы, все просто, как в Уставе караульной и гарнизонной службы: «Пост сдал! Пост принял!». В реальности — это была боевая операция, в ходе которой армии Чуйкова пришлось решать сложные задачи. В частности, были созданы разведывательные отряды пехоты на автомашинах, которые должны были установить, какие силы союзников и в каком порядке отходят на запад, какая отходит техника, что увозят и увозят союзники с собой, какие в этих пунктах промышленные предприятия и их состояние, не увозят ли союзники оборудование с этих предприятий. Кроме того, лагеря советских граждан и бывших военнопленных союзники должны были оставить на месте с их администрацией и сдать представителям репатриации Красной армии. Передаваемые лагеря должны были быть обеспечены продовольствием на три дня. Союзники также не должны были распускать по домам немецких военнопленных, а отвезти их на запад в свою зону....

Надо сказать, что армия Чуйкова успешно справилась с поставленной задачей. Хотя, безусловно, не обошлось без конфликтных ситуаций, но их удалось разрешить мирным путем. На новом месте у гвардейцев забот не поубавилось. Налаживался учебный процесс, продолжалось обустройство, шла демобилизация военнослужащих, некоторые ча-

сти армии были привлечены в охране границы советской зоны оккупации.

Одной из серьезных проблем для армии Чуйкова в тот период являлось ее обеспечение продовольствием. В разрушенной стране кормить войска за счет местных ресурсов было физически невозможно и неправильно с политической точки зрения. Поставки из Советского Союза шли, но страна после страшной войны тоже голодала. Выход нашли путем создания подсобных хозяйств. Они были созданы при каждом полку, отдельном батальоне, госпитале на базе государственных и бесхозных земель в районах дислокации частей или учреждений. В этих хозяйствах выращивали крупный рогатый скот, овец, свиней и т. д. Благодаря такому подходу проблема с обеспечением продовольствием личного состава армии была частично снята.

Несмотря на то что войска, дислоцированные в Германии, выполняли достаточно много задач, в строгом графике находилось время для проведения различных мероприятий. В частности, уже в июле 1945 года в ГСОВГ состоялась научно-практическая конференция по обобщению опыта наступательных и оборонительных операций Красной армии на последнем этапе Великой Отечественной войны. В числе докладчиков на ней был и Чуйков. Тем более ему было что сказать, чем поделиться. Василий Иванович подробно остановился на планировании операций, взаимодействии родов войск, действиях штурмовых групп и т. д. Затронул и разведку — своего «конька» еще с Гражданской войны, даже ввел новое понятие о тактике ее действий.

— У нас в разведке образовался новый термин — глубинная разведка, — сказал он. — Взять все уставы, все наставления по разведке — вы такого термина там не найдете. Что значит глубинная разведка? Мы иной раз через фронт противника отправляли 2—3 бойца, которые проходили через его передний край, уходили в глубину противника дня на 2—3 и оттуда возвращались с ценными сведениями...

Примечательно, что термин «глубинная разведка» ныне прочно вошел в обиход специальных подразделений силовых ведомств России. Не постеснялся Чуйков подвергнуть критике работу авиации, которая, случалось, наносила бомбовые удары по своим же войскам. Василий Иванович привел конкретные примеры ее ошибочных действий в ходе Висло-Одерской операции. Назвал даже случаи, когда он и маршал Жуков стали свидетелями такой бомбежки по позициям нашей пехоты. По итогам конференции были

подготовлены соответствующие методические материалы, их рекомендовали использовать на занятиях и семинарах в рамках командирской подготовки.

В июле 1945 года командующий ГСОВГ маршал Жуков так аттестовал Чуйкова: «Тов. Чуйков всесторонне развитый и культурный генерал... В прошедших боях армия показала высокую организованность, стремительность в преследовании, упорство в обороне и смелость при штурме укрепленных позиций. Тов. Чуйков в боях, независимо от сложности боевой обстановки, идет смело на рискованные решения... В тяжелые периоды боя всегда находился на самых ответственных участках боевых действий войск армии. Настойчив, дисциплинирован, инициативен, энергичен, требователен к себе и подчиненным, смелый и храбрый, по характеру твердый, вспыльчивый. Заботу о подчиненных проявляет. Среди личного состава пользуется заслуженным авторитетом и уважением».

В сентябре того же года в Берлине в районе Рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили решающие бои за столицу Третьего рейха, состоялся военный парад советских войск и союзников в честь Победы над фашистской Германией. В нем приняли участие и части 8-й гвардейской армии Чуйкова. Парад должны были принимать главнокомандующие войсками Советского Союза, США, Англии и Франции. Однако накануне стало известно, что главнокомандующие союзных войск по ряду причин не могут прибыть в Берлин и они уполномочили это сделать своим генералам. Главнокомандующий ГСОВГ маршал Жуков тут же доложил о сложившейся ситуации Сталину. Верховный, вспоминая впоследствии Жуков, отреагировал так: «Они хотят принизить значение парада Победы в Берлине. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайте внимание на отказ главкомов и принимайте парад сами, тем более что мы имеем на это прав больше, чем главкомы союзных войск». Сталин пророчески заглянул в XXI век. Оказывается, уже тогда бывшие союзники в лице США и Великобритании пытались принизить роль Советского Союза в разгроме гитлеровского фашизма.

Парад войск Антигитлеровской коалиции прошел на высоком уровне. Безукоризненным строем отмаршировали гвардейцы Чуйкова, воины других частей и соединений. Огромное впечатление на жителей Берлина, которых собралось не менее 20 тысяч, произвели танки и самоходная артиллерия.

В июле 1946 года Чуйков был повышен в должности. Он был назначен сначала заместителем, а затем 1-м заместителем главнокомандующего ГСОВГ. Главкомом являлся Герой Советского Союза маршал Советского Союза В.Д. Соколовский, опытный военачальник и прекрасный штабист. Он сменил на этом посту маршала Жукова.

В тот период Василию Ивановичу пришлось заниматься не столько делами военными, сколько политическими и хозяйственными. Обеспечение населения продуктами, восстановление разрушенного войной жилищного и коммунального комплекса, поддержание правопорядка, борьба с наследием фашистского режима — вот далеко не полный перечень его забот. Вся эта многоплановая работа строилась с новыми властями Германии. «Русские генералы, стоящие во главе военной администрации, — делился своими мыслями с журналистами английский депутат-лейборист Конни Зиллиакус, — произвели на меня такое впечатление. Это люди полностью компетентные в своей области, они всемерно помогают немецкому народу в восстановлении экономики и гордятся успехами, достигнутыми под их руководством».

В 1946 году Чуйков в составе советской делегации, которую возглавлял нарком иностранных дел В.М. Молотов, принял участие в Парижской мирной конференции. Всего в ней участвовали делегации из 21 страны. В рамках конференции работало 10 различных комиссий: генеральная, юридическая, военная, территориальная... Василий Иванович работал в военной комиссии, где рассматривались вопросы численности вооруженных сил, установления запрета на военное производство побежденных государств и т. д. Характерной особенностью конференции являлась ее открытость: на ней присутствовали более 2 тысяч журналистов.

Местные репортеры сразу обратили внимание на статного русского военного в белом мундире с красавицей женой. В одной из своих публикаций они называли ее «самой красивой и элегантной женщиной России». Причем имела в виду не только внешняя красота. Неслучайно, реагируя на такие публикации, Валентина Петровна сказала в интервью: «Пусть генералы гордятся своими победами, а я всегда гордилась званием русской женщины и ни перед кем его не роняла».

Конференция в Париже проходила в непростой политической обстановке. В этот период уже началось обо-

стрение отношений стран Запада и СССР. Сменивший на посту президента США Франклина Д. Рузвельта Гарри Трумэн занимал более радикальную позицию по отношению к Советскому Союзу. Эпицентром противостояния стал Берлин, который был разделен на четыре зоны оккупации. Военный парад союзников, о котором шла речь выше, неучастие в нем главнокомандующих США, Англии и Франции отчетливо показал, что согласия в вопросе будущем Германии не будет. Как и не будет коллективной безопасности в деле защиты мира. Вскоре так и случилось. Берлин был разделен на две части — Западный и Восточный. 4 апреля 1949 года был создан военно-политический блок НАТО. 23 мая 1949 года была провозглашена Федеративная Республика Германия (ФРГ), 9 октября того же года — Германская Демократическая Республика (ГДР). Так началась холодная война. Несколько позже, в 1955 году, в противовес НАТО был создан Варшавский договор.

Но на войне как на войне. Теперь она называлась холодной, а значит, порох нужно было держать сухим. В марте 1949 года по рекомендации маршала Соколовского, который занял должность 1-го заместителя министра Вооруженных сил СССР, Чуйков постановлением Совета министров СССР был назначен главнокомандующим оккупационными войсками в Германии — главноначальствующим Военной администрации в Германии. Такое двойное название должности свидетельствовало о том, что Василий Иванович в этом качестве отвечал как за дела армейские, так и за дела гражданские. А несколькими месяцами раньше, 12 декабря 1948 года, ему было присвоено воинское звание генерал армии.

Не изменяя своему характеру, он активно включился исполнять новые обязанности. Кипучая энергия Чуйкова, его организаторский талант и огромная работоспособность способствовали успешному решению задач. В частности, немало было сделано для повышения выучки войск. Совершать форсированные марши на большие расстояния, упреждать противника в нанесении огневых ударов, уметь быстро развертывать свои силы и средства в момент, когда этого требует обстановка, и с ходу вступать в бой, нанося внезапные удары по врагу, — этому и многому другому учились пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы... Большое внимание уделялось подготовке командного состава. Хорошей школой для этого являлись командно-штабные и войсковые учения. Не учиться было нельзя, поскольку

вероятный противник находился не за тридевять земель, а совсем рядом.

Что касается гражданских дел Чуйкова, то они были связаны с пребыванием советских войск на территории восточной Германии. Василий Иванович установил деловые контакты с властями на местах и в центре. Хорошие отношения у него сложились с Вальтером Ульбрихтом, Вильгельмом Пиком, Отто Гротеволем, Эрихом Хонеккером и другими руководителями партии и правительства новой Германии. Кроме того, при участии советской военной оккупационной администрации был проведен ряд социально-политических реформ, в частности, земельная и кадровая. На заводах и фабриках был установлен 8-часовой рабочий день, введена система отпусков для трудящихся. Произошли существенные изменения в общественной и культурной жизни немецких граждан.

Служебная деятельность, которой занимался Чуйков, не была лишена риска. И на то были причины. Далеко не все немцы приняли новую власть. Были и такие, кто тосковал по недавнему прошлому, мечтал о реванше. Не всем по нутру пришлись русские «оккупанты». Были случаи, когда убитыми находили советских солдат и офицеров... Также после раздела страны активизировали работу западные спецслужбы, в первую очередь американцы. Не исключались разного рода провокации. Иными словами, могло произойти все что угодно. Внук маршала Николай Владимирович Чуйков рассказал автору такую историю.

В 1950 году военная контрразведка узнала, что в отношении Чуйкова готовится операция западных спецслужб. Контрразведчики выяснили, что няня сына Чуйкова завербована иностранной разведкой. Она должна была похитить сына и переправиться с ним на катере из Потсдама в Западный Берлин. Василий Иванович сначала согласился на то, чтобы контрразведчики задержали похитителей с поличным у водоема, но, переживая за судьбу маленького сына, приказал их арестовать до начала операции.

В Германии Чуйков служил восемь лет. В мае 1953 года, через два месяца после смерти Сталина, он был назначен командующим войсками Киевского военного округа. С его отъездом ГСОВГ перестала называться «Чуйкоткой» — так с подачи какого-то остролова в офицерской среде называли группу советских войск в Германии. Хотя какое-то время это название все равно сохранялось. «Ты где служил» — спрашивали у офицера, приехавшего в Союз из

Германии. «На Чуйкотке», — отвечал тот. И сразу было понятно, что речь идет о ГСОВГ.

О Германии у Чуйкова осталась добрая память. Немцы запомнились ему трудолюбием, дисциплинированностью, честностью, уважительным отношением друг к другу. За эти восемь лет отступили ужасы войны. У Василия Ивановича помягчело сердце к своим бывшим врагам. Но боль все равно осталась, причем на всю жизнь. В первую очередь за Сталинград.

Киевский военный округ (КВО) во все времена считался одним из важнейших округов Вооруженных сил страны. Здесь дислоцировалось большое количество войск, чуть ли не в каждом областном центре имелись военные училища. При Чуйкове КВО тоже высоко держал свою марку, в чем, безусловно, была большая заслуга командующего. Неслучайно поэтому Указом Президиума Верховного совета СССР 11 марта 1955 года Чуйкову было присвоено воинское звание маршала Советского Союза.

Округ Василий Иванович возглавил в тот период, когда Вооруженные силы находились в начале нового этапа своего развития — этапа коренных преобразований во всех областях военного дела. В первую очередь это касалось ядерного оружия. На тот момент на вооружении Советской армии и Военно-морского флота имелось ядерное оружие, в том числе водородная бомба. Но и вероятный противник располагал оружием века. Поэтому уже в первой половине 1954 года офицерский состав округа приступил к изучению атомного оружия. Именно им, организаторам боевой подготовки, нужны были знания теоретических основ и правил применения новых средств борьбы. В соответствии с приказом Чуйкова в командирской подготовке всех категорий офицеров был выделен один день в неделю для изучения ядерного оружия. Офицеры и генералы также изучили итоги крупного войскового учения, проведенного в сентябре, на котором была испытана атомная бомба.

Важное место в боевой учебе занимали командно-штабные, опытные и показательные тактические учения и маневры. Особое внимание уделялось проведению занятий в ночных условиях. Например, в мае 1955 года под руководством Чуйкова состоялся учебно-методический сбор руководящего состава, на котором были определены единые взгляды по вопросам организации и методики обучения войск действиям ночью. В ходе сбора были проведены учения, на которых отрабатывались вопросы прорыва

подготовленной обороны противника на всю глубину главной полосы обороны в ночных условиях с применением искусственного освещения и приборов ночного видения при угрозе атомного и химического нападения.

В июле 1956 года в округе успешно прошло показное двустороннее тактическое учение — форсирование с ходу крупной водной преграды при развитии наступления в глубине, в условиях применения атомного оружия. Действовать пришлось в условиях лесисто-болотистой местности. Совершив ночной марш, подразделения дивизии умело преодолели реку. Присутствовавший на учении главнокомандующий Сухопутными войсками маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский дал высокую оценку действиям солдат и командиров, объявил благодарность всему личному составу соединения.

В следующем году впервые в Вооруженных силах под руководством Чуйкова было проведено показательное тактическое учение — наступление с форсированием реки танками по дну. На нем присутствовали руководители партии и правительства, министр обороны, ответственные работники Генерального штаба и центрального аппарата Министерства обороны, командующие, генералы и офицеры военных округов. Действия войск получили высокую оценку со стороны руководителей страны. Личный состав заслужил благодарность министра обороны Союза ССР. В дальнейшем по решению главнокомандующего Сухопутными войсками на основе опыта частей и соединений Киевского военного округа был издан ряд учебных пособий по наступлению с форсированием крупных водных преград и методике обучения личного состава подводному вождению.

Как свидетельствуют документы, накал боевой учебы в войсках округа не только не снижался, а наоборот из месяца в месяц возрастал. Всеармейское совещание отличников, состоявшееся в мае 1957 года, положило начало широкому развитию в частях округа социалистического соревнования. Упорным трудом солдат, сержантов и офицеров эти рубежи были взяты. Так, к концу октября 1957 года количество отличников по сравнению с началом учебного года увеличилось в 1,6 раза, передовых отделений, экипажей, расчетов, взводов, рот, батарей — более чем в 2 раза, передовых батальонов, дивизионов — почти в 3 раза. В 4,5 раза увеличилось число военнослужащих, овладевших смежными специальностями. Количество отделений, эки-

пажей и расчетов, в которых достигнута полная взаимозаменяемость, выросло в 7 раз.

Действительно, занятия, учения, штабные игры шли непрерывной чередой. На многих из них Чуйков старался присутствовать лично. Это была его, если можно так выразиться, стихия.

Однако нельзя обойти вниманием одну из нелицеприятных страниц того периода в биографии Чуйкова. Василий Иванович являлся кандидатом в члены ЦК КПСС. В этом качестве он принял участие 28 октября 1957 года в Октябрьском пленуме ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Военно-морском флоте.

В историю этот пленум вошел как партийное судилище над маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. За два дня до этого военачальник был освобожден от должности министра обороны СССР, а пленум поставил окончательную точку в его дальнейшей военной и партийной судьбе. Жуков был выведен из состава членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС. В обнародованном постановлении пленума говорилось: Жуков «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-морским флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства».

У Чуйкова были непростые отношения с Жуковым еще с войны. К примеру, в феврале 1945 года, когда шло успешное наступление войск 1-го Белорусского фронта, Чуйков предложил Жукову провести операцию по захвату Берлина. Он убеждал, что дорога на Берлин открыта и можно взять логово Гитлера с налета, малой кровью и не разрушая его. Промедление может повлечь и обязательно повлечет большие человеческие жертвы. Но Жуков отклонил идею своего командарма.

Возможно, по этой причине Василий Иванович присоединился к гонителям своего недавнего начальника, поддержав версию тогдашнего руководителя партии и страны Н.С. Хрущева о бонапартизме бывшего министра обороны, жажде им политической власти. В то же время на фоне других речей, а с трибуны слово держали многие военачальники, в том числе маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский, И.С. Конев, С.К. Тимошенко, В.Д. Соколовский, А.И. Еременко, генерал армии П.И. Батов, выступление

Чуйкова было менее огульным и голословным. Говорил Василий Иванович в свойственной ему манере — прямо и открыто. Иными словами, рубил правду матку. Вот лишь две выдержки из его выступления:

Вам, тов. Жуков, Военные Советы были не нужны, вы их не хотели... Сколько вы отменили приказов командующих округами, которые, якобы, были недостаточно тверды и требовательны. Приведу пример. Вы, Никита Сергеевич, знаете Лосева¹ — командира дивизии, который дрался в армии Шумилова, который прошел всю войну, получил звание Героя Советского Союза. Несмотря на его заслуги, тов. Жуков распорядился уволить его без пенсии. Я писал тов. Жукову — нельзя так расправляться с генералом, который прошел всю войну, имеет звание Героя Советского Союза. Что же теперь этот генерал, кого он будет благодарить, он пойдет с Золотой Звездой наниматься дворником...

Об организации противовоздушной обороны. Это у нас очень и очень слабое место. Много писали, в том числе через тов. Бирюзова². Нельзя так терпеть, когда у нас слоистая оборона, не связанная единым управлением, единым оповещением. К примеру, что составляло бы разрешить киевской армии ПВО иметь свои наблюдательные радиотехнические посты на берегу моря. По крайней мере до Турции включительно мы бы просматривали воздушную зону. Нет. Спрашиваю тов. Бирюзова, почему он не добивается. Он ответил: я пошел с этим предложением, такого дали жару, я закрылся и больше не вылезаю. Так ведь, тов. Бирюзов, было дело?..

Безусловно, Жуков обиделся на Чуйкова. Но в меньшей степени чем, скажем, на маршала Конева. Мало того, что Конев на пленуме резко выступил против Жукова, кстати, не раз его спасавшего, он еще разразился в газете «Правда» большой статьей «Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партией и неразрывной связи с народом». Конев не поскупился на ярлыки, написав, что Жуков был виноват в недостаточной подготовке к войне, его заслуги преувеличивались и т. д. Статья не нашла понимания в

¹ Анатолий Иванович Лосев (1906—1970), — генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1943), в 1942—1945 гг. командир 29-й (с марта 1943 г. 72-й гвардейской) стрелковой дивизии.

² Сергей Семенович Бирюзов (1905—1964) — маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958), в 1955—1962 гг. главнокомандующий Войсками ПВО страны и заместитель министра обороны СССР.

офицерской среде и серьезно подорвала репутацию обоих военачальников.

Говорят, обиды, как старые окопы, зарастают травой. С годами горечи у Жукова на Чуйкова не осталось. Сохранилась фотография, на которой запечатлены два маршала. Их лица светятся теплом и добром.

В апреле 1960 года Чуйков был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками — заместителем министра обороны СССР, а 13 июля 1961 года одновременно утвержден и начальником Гражданской обороны СССР. Несмотря на свой шестидесятилетний возраст, Василий Иванович с присущей ему энергией взялся за новое дело. Вид Вооруженных сил, который ему поручили, являлся ключевым в Вооруженных силах на сухопутном театре военных действий.

В тот период организационная структура Сухопутных войск развивалась в направлении резкого увеличения огневой и ударной мощи. Войска получали на вооружение высокоманевренные ракеты оперативно-тактического и тактического назначения. Увеличились боевые возможности качественно иной артиллерии всех видов и предназначений. В дальнейшем ракетные войска оперативно-тактического и тактического назначения органически слились с артиллерией в единый род войск, ставший главной огневой силой Сухопутных войск. Это был важный рубеж в строительстве Сухопутных войск и Вооруженных сил в целом.

Одновременно шла моторизация частей и соединений, они насыщались бронированными средствами. В результате стрелковые войска теперь именовались мотострелковыми. К примеру, мотострелковая дивизия стала иметь танков больше, чем механизированный корпус периода Великой Отечественной войны. На вооружении личного состава преобладало автоматическое стрелковое оружие. Включение в мотострелковые дивизии подразделений, оснащенных комплексами противотанковых управляемых реактивных снарядов, мощными артиллерийскими системами и инженерными средствами, увеличило их боевые возможности, в том числе и по борьбе с танковыми группировками противника

Повысились боевые возможности танковых войск — главной ударной силы Сухопутных войск. Обладая мощной ударной силой, мобильностью и высокой противоядерной устойчивостью, танковые войска благодаря своей новой организации обрели способность в наибольшей степени

использовать результаты применения ракетно-ядерного оружия, наносить сокрушительные удары по врагу, развивать наступление в высоких темпах и на большую глубину.

Василия Ивановича было трудно застать в кабинете. Он постоянно находился в разъездах. Маршруты его поездок пролегали в ближние и дальние военные округа. Цель была одна — своими глазами увидеть атаки мотострелков, вождение танкистов, пуски ракетчиков... Причем сегодня главком мог быть на учениях в заснеженной Даурии, а через несколько дней его можно было встретить на боевых стрельбах в астраханских степях. Что самое интересное: возраст никак не повлиял на его характер. Как и раньше он уважал и любил солдата. И по-прежнему оставался требователен к себе и подчиненным.

Об одной из таких поездок на учения летом 1961 года рассказал в своих воспоминаниях уже знакомый читателю генерал-майор в отставке Л.И. Корзун:

Произошло это на Яворовском полигоне Прикарпатского военного округа. На учении отрабатывались вопросы обороны. Чуйков с большой группой сопровождающих его генералов и офицеров шел вдоль фронта обороны. В каждом подразделении он останавливался и заслушивал доклады командиров. Как обычно, был критичен, делал много замечаний, иногда, довольно резких.

Пришли на огневые позиции артиллерийской самоходной батареи. Комбат, молоденький старший лейтенант, начал докладывать схему организации огня. Докладывал он неплохо, но Чуйков его пару раз довольно резко перебил. И вдруг комбат тонким дискантом на самых верхних нотах, казалось, что струна голоса вот-вот оборвется, говорит: «Товарищ маршал Советского Союза, год назад я вам докладывал, и вы меня отругали. В этом году я сделал так, как вы тогда говорили, а вы опять меня ругаете. Так, наконец, скажите, как надо, так и буду делать».

Воцарилась мертвая тишина. Все ждали молний и грома. А Чуйков вдруг хлопает правой ладонью по левому плечу офицера и говорит: «Орёл!». Затем обходит вокруг него, хлопает по правому плечу и добавляет: «Настоящий орёл!». Затем обращается к стоящему рядом командующему войсками округа генералу А.Л. Гетману: «Товарищ Гетман, а сколько этот орёл ходит в таком звании? Не пора ли присваивать следующее?».

Откуда знать командующему одним из крупнейших военных округов, какая выслуга в звании у артиллерийского

комбата. Но находчивый Гетман ответил: «Да вот после учения собираемся рассмотреть этот вопрос». Чуйков рассмеялся. «Теперь я это и без вас сделаю», — сказал он. А затем обратился к стоявшему неподалеку генералу К.Ф. Майорову: «Товарищ Майоров, сегодня доложите мне приказ о присвоении этому орлу звания капитан».

Чуйков часто говорил, что кадры надо изучать не по бумагам, а по практическим делам. Почти на все проверки и учения он брал с собой начальника управления кадров или его заместителя. «Собеседование» с комбатом завершилось тем, что маршал поздравил его с очередным званием, пожал руку, а затем развернулся и пошел дальше по линии обороны.

Одна из командировок едва не закончилась гибелью Чуйкова. Из Закавказского военного округа он с группой генералов и офицеров прилетел на вертолете в Северо-Кавказский, в Орджоникидзе¹. Там провел в горах батальонное учение. Поздно вечером позвонили из Москвы и сообщили, что на следующий день состоится внеплановая коллегия министерства, на которой Чуйков должен присутствовать. В это время разразилась сильнейшая гроза. В горах она особенно опасна. С большим трудом его помощникам удалось уговорить перенести вылет на следующее утро. И это в очередной раз спасло Чуйкову жизнь. Вертолет, на котором он должен был лететь, разбился. К сожалению, в этом полете погибла группа генералов и офицеров во главе с Героем Советского Союза генералом армии В.Я. Колпакчи.

В 1962 году Василий Иванович стал одним из организаторов операции под кодовым названием «Анадырь» по скрытной доставке и размещению на острове Куба частей и подразделений, имевших на вооружении атомное оружие, включая атомные авиационные бомбы, баллистические ракеты средней дальности, тактические ракеты «Луна», «Сопка». Операция явилась ответом на попытку военной интервенции на Кубу со стороны США. Однако Советский Союз предотвратил этот шаг. Противостояние СССР и США могло привести к атомной мировой войне и вошло в историю как Карибский кризис. Руководил операцией генерал армии И. А. Плиев, с которым Чуйков воевал на Сталинградском и 3-м Украинском фронтах.

¹ Ныне Владикавказ.

В период разработки операции Чуйков отвечал за подготовку своих «сухопутчиков». Один из тех, кто участвовал в этой уникальной операции, был будущий министр обороны СССР, маршал Советского Союза Д.Т. Язов. В то время он был подполковником, занимал должность старшего офицера управления боевой подготовки Ленинградского военного округа. По личному указанию Чуйкова Язов был назначен командиром мотострелкового полка.

— Не растеряетесь? — спросил Язова главком. — Вам придется действовать самостоятельно, а возможно, и воевать. А на войне — как на войне. Сам принимаешь решение, сам организуешь его выполнение. Ну что, не напугал я вас?

Как вспоминал впоследствии Язов, полк, который ему поручил сформировать Чуйков, по официальной версии должен был «участвовать в войсковых учениях где-то на севере с возможным применением ядерного или даже термоядерного оружия». Однако все оказалось иначе. Боевую технику под видом сельскохозяйственной погрузили на гражданские суда, личный состав переодели в гражданскую одежду. Язов был назначен начальником морского эшелона на теплоходе «Победа». К слову сказать, таких судов в операции было задействовано более 80. И совершили они 180 рейсов! Режим секретности был полный.

С военной точки зрения операция была проведена блестяще. Скрытно перебросить за десять тысяч километров десятки тысяч людей и огромное количество техники и вооружения — это, как говорится, надо уметь. В Карибском кризисе именно советские воины стали миротворцами. Благодаря им была остановлена американская агрессия против свободолюбивой Кубы.

В 1964 году в судьбе Чуйкова произошел очередной крутой поворот. Совет обороны СССР в целях необходимости устранения параллелизма в работе, исключения дублирующих органов, повышения оперативности в управлении, усиления централизации управления Вооруженными силами принял решение о расформировании Главного командования Сухопутных войск. Соответствующий приказ министра обороны СССР был подписан 7 марта 1964 года. Функции прежнего главка были переданы в Генеральный штаб, начальники родов войск и специальных войск перешли в подчинение непосредственно министру обороны СССР. С расформированием главкомата упразднилась и должность главнокомандующего Сухопутными войсками. Все это было сделано за спиной Чуйкова. Инициатором та-

кого решения, как полагают некоторые историки, был тогдашний начальник Генерального штаба маршал С.С. Бирюзов. Якобы таким способом он решил избавиться от слишком строптивого маршала.

За бортом Чуйков не остался, поскольку, как уже сказано, он с июля 1961 года являлся начальником Гражданской обороны страны. В этой должности Василий Иванович и продолжил свою дальнейшую службу. О том, какой он оставил след в деле развития и совершенствования гражданской обороны, имеется много красноречивых фактов. Вот лишь некоторые.

При непосредственном участии Чуйкова был разработан ряд основополагающих директивных и нормативно-правовых документов, в том числе «Положение о Гражданской обороне СССР», «О мероприятиях по защите водоемисточников и водопроводных сооружений от средств массового поражения» и другие.

Одной из первостепенных задач Василий Иванович считал всеобщее обучение населения в области гражданской обороны. В тот период в Советском Союзе действовало 1175 курсов гражданской обороны, в том числе Высшие центральные офицерские курсы ГО СССР, 15 республиканских, 149 региональных, 412 городских и 593 районных курсов, на которых ежегодно проходили обучение более 2 миллионов человек. Необходимый минимум знаний в области гражданской обороны был включен в программу уроков по начальной военной подготовке для учащихся общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений и учебных заведений системы профессионально-технического образования.

На постоянной основе издавался журнал «Гражданская оборона СССР». Были учреждены ведомственные знаки отличия: «Почетный знак Гражданской обороны СССР» и знак «Отличник Гражданской обороны СССР». Учащаяся молодежь, сдавшая положенные нормы, награждалась знаками «Готов к гражданской обороне СССР» и «Будь готов к гражданской обороне СССР».

В поле зрения Чуйков держал профильную подготовку офицерских кадров для частей и учреждений гражданской обороны. Именно по его инициативе в 1967 году в городе Балашихе Московской области на базе 147-го отдельного механизированного полка ГО и Центральных офицерских курсов частей ГО было сформировано Московское военное училище Гражданской обороны СССР. Это было пер-

вое учебное заведение подобного рода, аналогов которому не было ни в Советском Союзе, ни за рубежом.

Без всякого преувеличения можно сказать, что за время работы Чуйкова в качестве начальника Гражданской обороны страны удалось не только надежно укрепить фундамент системы гражданской обороны, но и наметить основные ориентиры ее дальнейшего развития. Многие направления деятельности, разработанные в тот период под его руководством и личном участии, актуальны и по сей день. Преемником этих традиций сегодня является Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). В 2012 году в честь 80-летия образования Гражданской обороны России была учреждена памятная медаль МЧС России «Маршал Василий Чуйков», автором эскиза ведомственной награды являлся сын маршала — скульптор Александр Васильевич Чуйков.

С июля 1972 года вплоть до своей смерти Василий Иванович состоял в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. На этом поприще он продолжал активно трудиться, передавая уникальный фронтовой опыт новому поколению руководителей Вооруженных Сил.

Василий Иванович был частым гостем в молодежной среде. Вместе с маршалами Советского Союза И.Х. Баграмяном, К.К. Рокоссовским, генерал-полковником А.И. Родимцевым, легендарным летчиком А.П. Маресьевым он принимал участие в ежегодных слетах комсомольцев и молодежи, проходивших под девизом: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Чуйков очень много сделал для увековечивания памяти защитников Сталинграда. При его активном участии на Мамаевом кургане был возведен величественный памятник-ансамбль, открытие которого состоялось в октябре 1967 года. Руководителем творческого коллектива, работавшего над мемориалом был скульптор Е.В. Вучетич, а Василий Иванович являлся военным консультантом. Их — Вучетича и Чуйкова — связывала давняя дружба, совместная работа еще в Германии, где Вучетич, сразу после Победы, создавал в Трептов-парке фигуру «Воина-освободителя», как символ непреходящей мощи Русского оружия.

К слову сказать, у Чуйкова были дружеские отношения с писателями, поэтами, композиторами, другими деятелями культуры. Эта дружба началась еще в годы войны.

Так, во время штурма Берлина у него на командном пункте побывали писатели Константин Симонов, Евгений Долматовский, Всеволод Вишневский, композиторы Тихон Хренников, Матвей Блантер...

Очень болезненно воспринимал Василий Иванович публикации, искажающие историческую правду о Великой Отечественной войне. И всегда старался дать ответ тем, кто пытался очернить, замарать героический подвиг советского солдата. Глубокое возмущение у Чуйкова вызвали рассуждения писателя Александра Солженицына о том, что советских солдат, которые в нарушение приказа № 227 стоять насмерть во время отступления к Волге, якобы массово гнали штрафные батальоны. «Именно они, по словам писателя, стали так называемым цементом в фундаменте победоносной битвы за Сталинград. К сожалению, общесоюзную славу они не обрели, но остались лишь в канализации истории».

Чуйков не мог оставить такую ложь без ответа.

Своими гнусными словами вы нанесли тяжелое оскорбление защитникам Сталинграда, — написал прославленный маршал. — Может быть, меня тоже как штрафника, назначили командующим 62-й армией, которая отражала главные удары на Сталинградском направлении. Может быть, штрафниками были другие офицеры — генерал-майоры Родимцев и Гурьев, полковники Гуртьев и Сараев, а, может быть, наши артиллеристы и летчики? Неужели сцементированы штрафниками были легендарный снайпер Василий Зайцев, Яков Павлов, державший вместе с товарищами 58 дней оборону дома. Сын испанского народа, героически погибший в боях за Сталинград, Рубен Ибаррури тоже оказался штрафником? От имени всех героев-сталинградцев, их матерей, отцов, братьев и сестер я называю вас, Солженицын, предателем и лжецом.

В качестве дополнительных аргументов Василий Иванович привел воспоминания немецких офицеров и солдат, которые говорили про простых сталинградских рабочих, которые, «истекая кровью и, погибая, продолжали крепко сжимать в окоченевших руках винтовки, надеясь напоследок уничтожить хотя бы еще одного немецкого злодея». А завершил он письмо приглашением Солженицына побывать в городе на Волге: «Если хотите в этом убедиться, то поезжайте в Сталинград, поднимитесь на Мамаев курган и посмотрите на непрерывный поток людей, паломников из

многих стран, людей многих национальностей, идущих по лестницам, чтобы почтить память героев. И упаси вас Бог объявить, что вы — А. Солженицын!»

Пером Василия Ивановича написано немало книг, в том числе «Начало пути», «Закалялась молодость в боях», «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад», «В боях за Украину», «Конец третьего рейха», «Сражение века», «Миссия в Китае», «От Сталинграда до Берлина». В них он рассказал о своей огненной молодости, о боях и походах, о боевых товарищах и друзьях. По свидетельству Александра Васильевича, сына Чуйкова, незадолго до смерти работал над книгой «Восточный фронт», но завершить ее не успел. До последних дней жизни являлся председателем Совета ветеранов 8-й гвардейской армии.

В домашней обстановке Василий Иванович был обыкновенным человеком — приветливым, заботливым, веселым. Его сын Александр Васильевич Чуйков вспоминал: «Отец не мог сидеть без дела. Например, увлекался пчеловодством. Папа и садоводом хорошим был — на даче росли яблони, вишни, крыжовник, смородина, клубника... Еще отец много читал. Спать ложился всегда с книгой. Любил классику: Романа Роллана, Стендаля, Льва Толстого, Достоевского...»

С годами Василия Ивановича все чаще стали беспокоить раны, полученные еще в Гражданскую войну. Да и другие болезни давали о себе знать. Он понимал, что скоро покинет этот свет навсегда. 21 июля 1981 года Василий Иванович отправил письмо в ЦК партии. Вот этот текст: «Чувствуя приближение конца жизни, я в полном сознании обращаюсь с просьбой: после моей смерти прах похороните на Мамаевом кургане в Сталинграде, где был организован мной 12 сентября 1942 года мой командный пункт... С того места слышится рев волжских вод, залпы орудий и боль сталинградских руин, там захоронены тысячи бойцов, которыми я командовал... 21 июля 1981 года. В. Чуйков».

Сердце Героя Сталинграда перестало биться 18 марта 1982 года. Вновь обратимся к воспоминаниям Александра Васильевича Чуйкова, сына маршала:

Когда папы не стало и по телевизору объявили о том, что похоронят его на Мамаевом кургане, многие нам начали звонить и говорить: мол, как так, это неуважение, Чуйков ведь маршал, дважды Герой Советского Союза...

Я устал повторять, что так просил отец. Пришлось даже обратиться к председателю государственной комиссии маршалу Куликову, чтобы в теленовостях добавляли к сказанному слова: «согласно воле покойного». И снова последовал шквал звонков. Говорили: мол, вот это поступок, не каждый на такое решится!

День похорон Чуйкова был очень хмурым и холодным. С Волги дул пронизывающий ветер. Когда маршала везли на лафете по улицам города, тысячи людей — от мала до велика стояли на всем пути его следования... Это была дань памяти великому сыну Отечества.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ЧУЙКОВА

- 1900, 12 февраля — в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии в крестьянской семье Ивана Ионовича и Елизаветы Федоровны Чуйковых родился сын Василий.
- 1911 — окончил Серебряно-Прудскую сельскую школу.
- 1912 — окончил 1-й класс Серебряно-Прудского высшего начального училища.
- 1912, июнь — 1914, август — работал мальчиком в Целибеевских банях, г. Петроград.
- 1914, август — 1916, декабрь — слесарь в Шпорной мастерской П.С. Савельева, г. Петроград.
- 1916, декабрь — 1917, декабрь — лечился и занимался хлебопашеством у отца в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии.
- 1917, декабрь — 1918, апрель — служил добровольцем в учебном минном отряде, г. Кронштадт.
- 1918, апрель — 1918, август — курсант Московских военно-инструкторских курсов РККА, г. Москва.
- 1918, июль — участвовал в подавлении левоэсеровского восстания в Москве.
- 1918, август — окончил военно-инструкторские курсы РККА, г. Москва.
- 1918, август — 1918, ноябрь — помощник командира роты в бригаде Р.Ф. Сиверса, Южный фронт.
- 1918, ноябрь — 1919, май — помощник командира 40-го стрелкового полка 28 стрелковой дивизии, Восточный фронт.
- 1919, май — 1921, июнь — командир 43-го стрелкового полка, 5-й стрелковой дивизии, Восточный и Западный фронты.
- 1919, октябрь — награжден орденом Красного Знамени.
- 1921 — награжден орденом Красного Знамени.
- 1921, июнь — 1921, декабрь — начальник боевого участка № 4, начальник гарнизона г. Велиж и председатель комиссии по борьбе с бандитизмом Витебского района.
- 1921, декабрь — 1925, август — учеба в Военной академии РККА.
- 1925, август — 1927, июль — учеба в Военной академии им. В.М. Фрунзе (Восточный факультет).
- 1927, июль — 1927, ноябрь — прикомандирован к 4-му Управлению штаба РККА.
- 1927, ноябрь — 1928, январь — помощник начальника 1 отдела штаба Московского военного округа.
- 1928, январь — 1929, сентябрь — находился в распоряжении 4-го Управления штаба РККА.
- 1929, сентябрь — 1932, август — начальник 4 отдела штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, г. Хабаровск.

- 1932, август — 1935, октябрь — начальник курсов усовершенствования начсостава по разведке при 4-м Управлении штаба РККА.
- 1935, октябрь — 1936, февраль — находился в распоряжении Управления по начальствующему составу Красной армии, г. Москва.
- 1936, февраль — 1936, декабрь — учился на курсах Академии моторизации и механизации РККА им. И.В. Сталина.
- 1936, декабрь — 1938, апрель — командир 4-й механизированной бригады, БВО.
- 1938, 17 февраля — присвоено воинское звание комбриг.
- 1938, 22 февраля — награжден медалью «20 лет РККА».
- 1938, апрель — 1938, июнь — командир 5-го стрелкового корпуса, Белорусский военный округ.
- 1938, июнь — 1939, декабрь — командующий Бобруйской армейской группой войск, Белорусский Особый военный округ.
- 1938, 23 июля — присвоено воинское звание комдив.
- 1939, 4 ноября — присвоено воинское звание комкор.
- 1939, декабрь — 1940, март — командующий 9-й армией, Финский фронт.
- 1940, март — 1940, декабрь — командующий 4-й армией, Западный Особый военный округ.
- 1940, 21 мая — награжден орденом Красной Звезды.
- 1940, 4 июня — присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
- 1940, декабрь — 1942, март — военный атташе при полномочном представительстве СССР в Китае.
- 1942, март — 1942, май — находился в распоряжении Разведывательного управления Красной армии и наркома обороны.
- 1941 — награжден двумя китайскими генеральскими орденами.
- 1942, май — сентябрь — заместитель командующего 1-й Резервной (в дальнейшем 64-й) армией.
- 1942, сентябрь — 1943, январь — командующий 62-й армией, Сталинградский фронт.
- 1942, 22 декабря — награжден медалью «За оборону Сталинграда».
- 1943, 28 января — награжден орденом Суворова I степени.
- 1943, январь — апрель — командующий 62-й армией, Донской фронт.
- 1943, апрель — октябрь — командующий 8-й гвардейской армией (бывшая 62-я), Юго-Западный фронт.
- 1943, 23 июня — награжден американским орденом «Крест за боевые заслуги».
- 1943, 26 октября — награжден орденом Ленина.
- 1943, 27 октября — присвоено воинское звание генерал-полковник.
- 1943, октябрь — назначен командующим 8-й гвардейской армией, 3-й Украинский фронт.
- 1943, октябрь — ноябрь — находился на излечении по болезни в госпитале, г. Москва.

- 1943, *ноябрь* — 1945, *июнь* — командующий 8-й гвардейской армией 3-й Украинский, а затем 1-й Белорусский фронты.
- 1944, *19 марта* — награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».
- 1944, *23 августа* — награжден орденом Суворова 1-й степени.
- 1944, *3 ноября* — награжден орденом Красного Знамени.
- 1945, *21 февраля* — награжден орденом Ленина.
- 1945, *6 апреля* — награжден второй медалью «Золотая Звезда».
- 1945, *9 мая* — награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»
- 1945, *29 мая* — награжден орденом Суворова 1-й степени.
- 1945, *июнь* — 1946, *июль* — командующий 8-й гвардейской армией, Группа Советских оккупационных войск в Германии.
- 1946, *июль* — 1947, *январь* — заместитель главнокомандующего Группой Советских оккупационных войск в Германии.
- 1947, *январь* — *апрель* — помощник главнокомандующего по строевой части Группы Советских оккупационных войск в Германии.
- 1947, *апрель* — 1948, *ноябрь* — заместитель главнокомандующего Группой Советских оккупационных войск в Германии.
- 1948, *24 июня* — награжден орденом Красного Знамени.
- 1948, *ноябрь* — 1949, *март* — первый заместитель главнокомандующего Группой Советских оккупационных войск в Германии.
- 1948, *12 ноября* — присвоено воинское звание генерал армии.
- 1949, *март* — 1949, *ноябрь* — главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии — главноначальствующий Советской военной администрацией в Германии.
- 1949, *ноябрь* — 1953, *май* — главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии, председатель Советской контрольной комиссии в Германии.
- 1950, *11 февраля* — награжден орденом Ленина.
- 1953, *май* — 1960, *7 апреля* — командующий Киевским военным округом.
- 1955, *11 марта* — присвоено воинское звание маршала Советского Союза.
- 1960, *7 апреля* — 1961, *13 июля* — главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны, член коллегии Министерства обороны.
- 1961, *13 июля* — 1972, *17 июля* — начальник Гражданской обороны СССР.
- 1968, *22 февраля* — награжден орденом Октябрьской Революции.
- 1972, *17 июля* — 1982, *март* — генеральный инспектор в группе Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.
- 1982, *18 марта* — В.И. Чуйков скончался. Согласно завещанию, похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане у подножия монумента «Родина-мать», рядом с воинами 62-й армии, погибшими в Сталинградской битве.

ЛИТЕРАТУРА

- Чуйков В.И.* Начало пути. М., 1962.
- Чуйков В.И.* Закалялась молодость в боях. М., 1970.
- Чуйков В.И.* Гвардейцы Сталинграда идут на Запад. М., 1972.
- Чуйков В.И.* В боях за Украину. Киев., 1972.
- Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. М., 1973.
- Чуйков В.И.* Сражение века. М., 1975.
- Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М., 1983.
- Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985.
- Стенограмма беседы ученого секретаря Академии наук СССР А.А. Белкина с командующим 62-й армией генерал-лейтенантом тов. Чуйковым Василием Ивановичем. 5 января 1943 г.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1984.
- Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история. М., 1984.
- Герои Сталинградской битвы. М., 2018.
- Еременко А.И.* Сталинград: записки командующего фронтом. М., 1961.
- Жадов А.С.* Четыре года войны. М., 2004.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Вече, 1990.
- Зайцев В.Г.* За Волгой земли для нас не было: записки снайпера. М., 1971.
- Киевский Краснознаменный. М., 1974.
- Корзун Л.И.* Неизвестный В.И. Чуйков. Воспоминания о маршале Советского Союза. М., 2020.
- Крылов Н.И.* Сталинградский рубеж. М., 1983.
- Ласкин И.А.* У Волги и на Кубани. М., 1986.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999.
- Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1983.
- Полководцы Сталинградской битвы. Волгоград, 2005.
- Родимцев А.И.* Гвардейцы стояли насмерть. М., 1969.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1988.
- Руссиянов И.Н.* В боях рожденная... М., 1982.
- Сандалов Л.М.* Пережитое. М., 1966.
- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999.
- Шолохов М.А.* Они сражались за Родину. М., 1973.
- Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1985.
- Шумилов М.С.* Стойкость 64-й // Битва за Сталинград. 4-е изд. Волгоград, 1973.
- Центральный архив Министерства обороны РФ.
- Музей-заповедник «Сталинградская битва».
- Личные фонды В.И. Чуйкова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Крестьянский сын</i>	5
<i>Глава 2. Выбор пути</i>	20
<i>Глава 3. В горниле Гражданской войны</i>	35
<i>Глава 4. Под оперативным псевдонимом Карпов</i>	71
<i>Глава 5. Командирское восхождение</i>	116
<i>Глава 6. Тяжелая война</i>	144
<i>Глава 7. Миссия в Китае</i>	170
<i>Глава 8. «За Волгой для нас земли нет!»</i>	192
<i>Глава 9. От Сталинграда — до Берлина</i>	255
<i>Глава 10. На страже мира и труда</i>	289
 Основные даты жизни и деятельности В.И. Чуйкова	 312
Литература	315

Карташов Н. А.

Ч87 Василий Чуйков / Николай Карташов. — М.: Молодая гвардия, 2023. — 316[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1955).

ISBN 978-5-235-05033-4

Дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков принадлежит к славной когорте блестящих военачальников и полководцев Великой Отечественной войны. В дни Сталинградской битвы, особенно при защите Сталинграда, имя Чуйкова и бойцов его 62-й армии стало символом несокрушимого русского духа, свидетельством стойкости, мужества, героизма и силы нашего народа. Для гитлеровских стратегов истоки такого явления так и остались неразгаданными. А Чуйков со своей армией, выстояв, пошел дальше, освобождая Донбасс, Украину, Польшу от фашистской нечисти, и дошел до Берлина. В послевоенные и последующие годы Василий Иванович отдал всего себя без остатка служению Отечеству, патриотом которого он оставался до конца своей жизни.

УДК 355/359

ББК 63.3(2)622.78Чуйков3

знак информационной
продукции

16+

Карташов Николай Александрович
ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ

Редактор **К. А. Залесский**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Е. Ю. Толкачева**

Сдано в набор 28.11.2022. Подписано в печать 06.12.2022. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 4200 экз. Заказ 9687.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-05033-4

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Д. Медведев
«УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ»

Г. Зобин
«ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ»

А. Бондаренко
«АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ»

С. Михеенков
«ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА»

К. Ковалев-Случевский
«ПАНТЕЛЕИМОН ЦЕЛИТЕЛЬ»

Д. Володихин
«ПОЛКОВОДЦЫ СВЯТОЙ РУСИ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Ф. Константинов
«СТЕФАН ЦВЕЙГ»

А. Георгиевский
«КОРИН»

Е. Романенко
«НИЛ СОРСКИЙ»

М. Бондаренко
«ГОРАЦИЙ»

А. Ранчин
«НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ»

Л. Сараскина
«АПОЛЛИНАРИЯ СУСЛОВА»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Николай Карташов

Николай Карташов — известный прозаик, публицист, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова в области литературы и искусства. В серии «ЖЗЛ» ранее вышли его книги «Станкевич», «Крамской», «Ватутин», «Маресьев».

ISBN 978-5-235-05033-4

Дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков принадлежит к славной когорте блестящих военачальников и полководцев Великой Отечественной войны. В дни Сталинградской битвы, особенно при защите Сталинграда, имя Чуйкова и бойцов его 62-й армии стало символом несокрушимого русского духа, свидетельством стойкости, мужества, героизма и силы нашего народа. Для гитлеровских стратегов истоки такого явления так и остались неразгаданными. А Чуйков со своей армией, выстояв, пошел дальше, освобождая Донбасс, Украину, Польшу от фашистской нечисти, и дошел до Берлина. В послевоенные и последующие годы Василий Иванович отдал всего себя без остатка служению Отечеству, патриотом которого он оставался до конца своей жизни.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ